

Вестник Российского университета дружбы народов.

Серия: ПОЛИТОЛОГИЯ

2026 Том 28 № 2

Политика памяти

Приглашенный редактор *Д.А. Аникин*

DOI: 10.22363/2313-1438-2026-28-2

<http://journals.rudn.ru/political-science>

Научный журнал

Издается с 1999 г.

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-61179 от 30.03.2015 г.

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы»

Главный редактор

Почта Юрий Михайлович, доктор философских наук, профессор кафедры сравнительной политологии Российского университета дружбы народов, Москва, Российская Федерация
E-mail: pochta-yum@rudn.ru

Ответственный секретарь

Казаринова Дарья Борисовна, кандидат политических наук, доцент кафедры сравнительной политологии факультета гуманитарных и социальных наук Российского университета дружбы народов, Москва, Российская Федерация
E-mail: kazarinova-db@rudn.ru

Заместитель главного редактора

Попова Ольга Валентиновна — доктор политических наук, профессор кафедры политических институтов и прикладных политических исследований Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург, Российская Федерация

Редакционная коллегия

Алчурина Виктория — доктор политических наук, преподаватель Университета Париж Дофин и ассоциативный исследователь при Французской высшей школе ENS/Paris/Центр геополитических исследований, Париж, Франция; старший преподаватель Академии ОБСЕ, Бишкек, Кыргызстан

Белл Дэниел — доктор политических наук, профессор, декан факультета политологии и публичного администрирования Университета Шаньдун, Цзинань, Китай

Витковска Марта — доктор политических наук, профессор, научный сотрудник факультета политических наук и международных исследований Варшавского университета, Варшава, Польша

Дюфи Каролин — доктор политических наук, научный сотрудник Центра Эмиля Дюркгейма Института политических исследований Сьянс По Университета Бордо, Бордо, Франция

Дуткевич Пиотр — доктор политических наук, профессор, директор Института европейских, российских и евразийских исследований при Карлтонском университете, Оттава, Канада

Када Николя — доктор политических наук, профессор Университета Гренобль Альпы, Гренобль, Франция

Капустин Борис Гурьевич — доктор философских наук, профессор Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Москва, Российская Федерация

Морозова Елена Васильевна — доктор философских наук, профессор кафедры государственной политики и государственного управления Кубанского государственного университета, Краснодар, Российская Федерация

Мчедлова Мария Мирановна — доктор политических наук, профессор, заведующая кафедрой сравнительной политологии Российского университета дружбы народов, ученый секретарь Центра «Религия в современном обществе» Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, Москва, Российская Федерация

Панкратов Сергей Анатольевич — доктор политических наук, профессор кафедры социологии и политологии Волгоградского государственного университета, Волгоград, Российская Федерация

Парашар Свати — доктор политических наук, профессор факультета глобальных исследований Университета Гетеборга, Гетеборг, Швеция

Фадеева Любовь Александровна — доктор исторических наук, профессор кафедры политических наук Пермского государственного научно-исследовательского университета, Пермь, Российская Федерация

Вестник Российского университета дружбы народов.

Серия: ПОЛИТОЛОГИЯ

ISSN 2313-1438 (Print); ISSN 2313-1446 (Online)

Периодичность: 4 выпуска в год (ежеквартально).

<http://journals.rudn.ru/political-science>

Входит в перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ.

Языки: русский, английский.

Индексация: Белый список РЦНИ, ПИНЦ, RSCI, Google Scholar, Ulrich's Periodicals Directory, DOAJ, Dimensions.

Цели и тематика

Журнал «Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология» — периодическое рецензируемое научное издание в области политических исследований.

Издается с 1999 г. С момента своего создания журнал ориентировался на высокие научные и этические стандарты и сегодня является одним из ведущих и старейших политологических журналов России.

Журнал предназначен для публикации результатов фундаментальных и прикладных научных исследований по актуальным вопросам политической науки и ставит своей задачей сопряжение западной и незападной политической теории, что лежит в основе исследовательских направлений научной школы РУДН. Помимо исследований, выполненных с использованием методологии традиционного для политической науки институционального анализа, редакция приветствует использование методологии цивилизационного и ценностного подходов к изучению политической реальности, а также кросс-региональных сравнительных исследований.

Традиционной проблематикой журнала являются политические процессы в России, социокультурные факторы политики, диалог цивилизаций в координатах сравнения ценностных систем и политических культур, институциональных особенностей и мировоззренческих ориентиров. Редакция приветствует исследования социально-политических процессов и явлений в соотношении традиционного и современного на основе инновационного характера теории и методологического разнообразия.

Цель журнала — способствовать международному научному обмену и сотрудничеству между российскими и зарубежными политологами. Формат публикаций: научные статьи, обзорные научные материалы, научные сообщения, посвященные исследовательским проблемам в сфере политологии. Целевой аудиторией журнала являются специалисты-политологи, а также аспиранты и докторанты, обучающиеся по направлению 5.5. Политические науки (специальности: 5.5.1. История и теория политики, 5.5.2. Политические институты, процессы, технологии, 5.5.3. Государственное управление и отраслевые политики, 5.5.4. Международные отношения, глобальные и региональные исследования).

В своей деятельности редакционная коллегия руководствуется требованиями к научным журналам, предъявляемыми международным научным сообществом, в том числе EASE, АНРИ, и поддерживаемыми ВАК России: наличие института рецензирования для экспертной оценки научных статей; информационная открытость издания; наличие и соблюдение правил и этических стандартов представления рукописей авторами.

Журнал придерживается международных стандартов публикационной этики, обозначенных в документе COPE (Committee on Publication Ethics): <http://publicationethics.org>

Полные сведения о журнале и его редакционной политике, требования к подготовке и публикации статей, архив (полнотекстовые выпуски с 2008 года) и дополнительная информация размещены на сайте: <http://journals.rudn.ru/political-science>

Электронный адрес: polityj@rudn.ru

Литературный редактор *И.Л. Панкратова*
Редактор англоязычных текстов *Д.Б. Казаринова*
Компьютерная верстка *И.А. Черновой*

Адрес редакции:

Российская Федерация, 115419, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3
Тел.: +7 (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Адрес редакционной коллегии журнала:

Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 10, корп. 2
Тел.: +7 (495) 936-85-28; e-mail: polityj@rudn.ru

Подписано в печать 23.06.2026. Выход в свет 30.06.2026. Формат 70×108/16.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Times New Roman».

Усл. печ. л. 21,88. Тираж 500 экз. Заказ № 549. Цена свободная.

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования

«Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы» (РУДН)

Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

Отпечатано в типографии ИПК РУДН

Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3

Тел.: +7 (495) 955-08-61; e-mail: publishing@rudn.ru

RUDN JOURNAL OF POLITICAL SCIENCE

2026 VOLUME 28 NO. 2

Memory Policy

Guest editor *D.A. Anikin*

DOI: 10.22363/2313-1438-2026-28-2
<http://journals.rudn.ru/political-science>

Founded in 1999

Founder: Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba

CHIEF EDITOR

Yuriy M. Pochta, Doctor of Philosophy, Full Professor of the Department of Comparative Politics, RUDN University, Moscow, Russian Federation
E-mail: pochta-yum@rudn.ru

EXECUTIVE SECRETARY

Daria B. Kazarinova, PhD in Political Science, Associate Professor of the Department of Comparative Politics, RUDN University, Moscow, Russian Federation
E-mail: kazarinova-db@rudn.ru

DEPUTY EDITOR

Olga V. Popova — Doctor of Political Science, Professor of Political Institutions and Applied Political Science, St Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation

EDITORIAL BOARD

Viktoria Akchurina — PhD in Political Science, Adjunct Lecturer in International Relations Department of International Politics and Peace Studies, Dauphine University, Associate Researcher of the Chair of the Geopolitics of Risk, Ecole Normale Supérieure, Paris, France; Senior Lecturer at the OSCE Academy, Bishkek, Kyrgyzstan

Daniel A. Bell — PhD in Political Theory University of Oxford, Professor and Dean, School of Political Science and Public Administration, Shandong University, Qingdao, China

Marta Witkowska — Doctor of Political Science, Professor at the Faculty of Political Science and International Studies of the University of Warsaw, Warsaw, Poland

Caroline Dufy — PhD in Political Science, Research Fellow of the Centre Emile Durkheim, Science Po Bordeaux, Bordeaux, France

Piotr Dutkiewicz — Doctor of Political Science, Full Professor, Director of the Institute of European, Russian and Eurasian Studies, Carleton University, Ottawa, Canada

Nicolas Kada — Doctor of Political Science, Full Professor, University Grenoble Alpes, Grenoble, France

Boris G. Kapustin — Doctor of Philosophy, Professor of HSE University, Moscow, Russian Federation

Elena V. Morozova — Doctor of Philosophy, Professor Chair of Public Policy and Public Administration, Kuban State University, Krasnodar, Russian Federation

Maria M. Mchedlova — Doctor of Political Science, Full Professor and Head of the Department of Comparative Politics, RUDN University, Scientific Secretary of the Center "Religion in Modern Society" of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Science, Moscow, Russian Federation

Sergey A. Pankratov — Doctor of Political Science, Professor of the Department of Sociology and Political Science, Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Swati Parashar — PhD in Politics and International Relations Lancaster University, Professor at the School of Global Studies, University of Gothenburg, Gothenburg, Sweden

Liubov A. Fadeeva — Doctor of Historical Science, Professor of the Department of Political Science, Perm State University, Perm, Russian Federation

RUDN JOURNAL OF POLITICAL SCIENCE
Published by the Peoples' Friendship University of Russia
named after Patrice Lumumba
(RUDN University)

ISSN 2313-1438 (Print); ISSN 2313-1446 (Online)

Publication frequency: quarterly.

<http://journals.rudn.ru/political-science>

Languages: Russian, English.

Indexation: White List of RCSI, RSCI, Russian Index of Science Citation (elibrary.ru), Google Scholar, Ulrich's Periodicals Directory, DOAJ, Dimensions.

Aims and Scope

RUDN Journal of Political Science is a peer-reviewed academic journal that publishes research in political science. The journal is international with regard to its editorial board members, contributing authors and publication topics. The journal has been published since 1999. Ever since its first issue, the journal has been complying with the highest scientific and ethical standards and is one of the leading and oldest contemporary political science journals in Russia.

The aim of the journal is to promote broad academic exchange and cooperation between Russian and international political scientists. The journal publishes original results of fundamental and applied research on the topical issues of political science. The RUDN Journal of Political Science makes a focus on the conjunction of the European, American and non-Western political theory which the RUDN research school is based on. The RUDN Journal is fully committed to publishing a high quality research papers, based on plurality of methodological and theoretical approaches. The journal is interdisciplinary with a focus on the social sciences, policy studies, law, and international affairs. The goals of the journal are to provide an accessible forum for research and to promote high standards of scholarship.

The journal covers such sub-areas as Russian and international politics, sociocultural factors of politics, the dialogue of civilizations in terms of values and political cultures' comparison, institutional features and cultural outlooks. The journal welcomes research articles and reviews devoted to various problems of political science. The target audience of the journal are Russian and foreign specialists, political scientists and for postgraduates in Political Sciences (majors History and Theory of Politics, Political institutions, processes, technologies, Public administration and sectoral policies, International relations, global and regional studies).

The editorial board is guided by the requirements for scientific journals set by the international scientific community, including EASE, RASSEP, Higher Attestation Commission of Russian Federation.

The journal is published in accordance with the policies of COPE (Committee on Publication Ethics): <http://publicationethics.org>

Further information regarding the journal, its editorial board, requirements to articles for contributors, and the journal's archive (full-text issues from 2008) and additional information are available at <http://journals.rudn.ru/political-science>

E-mail: politj@rudn.ru

Literary Editor *Irina L. Pankratova*
English Text Editor *Daria B. Kazarinova*
Computer Design *Irina A. Chernova*

Address of the Editorial Board:
3 Ordzhonikidze St, Moscow, 115419, Russian Federation
Ph. +7 (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Postal Address of the Editorial Board
RUDN Journal of Political Science:
10, bldg 2, Miklukho-Maklaya St, Moscow, 117198, Russian Federation
Ph. +7 (495) 936-85-28; e-mail: politj@rudn.ru

Printing run 500 copies. Open price

Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba (RUDN University)
6 Miklukho-Maklaya St, Moscow, 117198, Russian Federation

Printed at RUDN Publishing House:
3 Ordzhonikidze St, Moscow, 115419, Russian Federation
Ph. +7 (495) 955-08-61; e-mail: publishing@rudn.ru

СОДЕРЖАНИЕ

СОВРЕМЕННЫЕ КОНТУРЫ ИССЛЕДОВАНИЙ ПОЛИТИКИ ПАМЯТИ

Сыров В.Н., Аникин Д.А., Туркин И.А. «Культура отмены» в условиях цивилизационных трансферов: поиски «чужого» прошлого	249
Ширинянц А.А., Шмелева О.Ю. Репрезентация исторического прошлого в современном российском сетевом дискурсе: контуры семантических трансформаций	264
Атаманенко А.А., Матюк Ю.С., Уханов А.Д., Яровенко Я.Р. Образ защитника Отечества: ценностно-нормативное содержание и политико-правовые модели обеспечения коммеморативных практик	279
Шашкова Я.Ю., Бутина А.В. Возможности использования новых медиа в реализации политики памяти в молодежной среде	295

ПОЛИТИКА ПАМЯТИ В РОССИИ: МНОГООБРАЗИЕ ДИСКУРСИВНЫХ ПРАКТИК

Селезнева А.В., Тулегенова Д.Д., Ячменева О.А. Связь времен: ценностно-мировоззренческие ориентации российской молодежи сквозь призму исторической памяти	310
Бубнов А.Ю., Берлиц А.Ю. Мемориальные конфликты вокруг военного мифа основания российского государства: анализ отражения в цифровой среде	332
Линченко А.А. Символическое использование образов прошлого в посланиях Президента Российской Федерации Федеральному Собранию в 2012–2024 гг.	349
Мчедлова М.М., Олимзода С.Ш. Идентичность и память о Великой Отечественной войне: роль российского ислама в общественной консолидации	362
Мартынов М.Ю., Габеркорн А.И., Фадеева Л.А. Политика памяти на уровне местных сообществ в современной России: опыт Урала и Сибири	378

ОТ УКРАИНЫ К НОВОРОССИИ: СПЕЦИФИКА МЕМОРИАЛЬНЫХ КОНФЛИКТОВ

Беклямишев В.О., Сперанский П.А. Топонимический ландшафт Донбасса в период украинского политического кризиса и специальной военной операции в 2014–2024 гг.	396
---	-----

Ефременко Д.В. Обретение мнемонической субъектности: Донбасс в конфликтах исторической памяти 412

Панин К.С., Миллер А.И. Символическая политика на востоке Украины после Майдана: изменения в топонимике Мариуполя в 2014–2016 гг. 431

ПОЛИТИКА ПАМЯТИ В ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ

Аватков В.А., Камнев А.С. Неоосманизм и трансформация политики памяти в современной Турции на примере памяти о Первой мировой войне 447

Горюшина Е.М. Историческая память в Азербайджане: от общества травмы к обществу победы 457

Stepanov N. The Serbian State and Church: Competing Narratives of Memory on the NATO Aggression against Yugoslavia (Сербское государство и церковь: конкурирующие нарративы памяти об агрессии НАТО против Югославии) 472

РЕЦЕНЗИИ

Медушевский Н.А. Историческая память народов Африки: в диалоге с книгой The Politics of Historical Memory and Commemoration in Africa / С. Mark-Thiesen, М. Mihatsch, М. Sikes (eds.). Berlin, Boston: De Gruyter Oldenbourg, 2023. 230 p. 484

CONTENTS

CONTEMPORARY FRAMEWORKS IN MEMORY POLICY RESEARCH

Syrov V.N., Anikin D.A., Turkin I.A. The “Cancel Culture” in the Context of Civilizational Transfers: Searching for the “Alien” Past 249

Shirinyants A.A., Shmeleva O.Yu. Representation of the Historical Past in Contemporary Russian Media Discourse: The Outlines of Semantic Transformations 264

Atamanenko A.A., Matyuk Yu.S., Ukhanov A.D., Yarovenko V.R. The Image of the Defender of the Fatherland: Value-Normative Content and Political and Legal Models for Ensuring Commemorative Practices 279

Shashkova Ya.Yu., Butina A.V. The Potential of Using New Media in Implementing Memory Policy Among Youth 295

THE MEMORY POLICIES IN RUSSIA: THE DIVERSITY OF DISCURSIVE PRACTICES

Selezneva A.V., Tulegenova D.D., Yachmeneva O.A. Bridging Times: Russian Youth’s Values and Worldview Through the Prism of Historical Memory 310

Bubnov A.Yu., Berlitz A.Yu. Memorial Conflicts over Russia’s Foundational Military Myth: A Digital Representation Analysis 332

Linchenko A.A. Symbolic Representations of the Past in the Addresses of the President of the Russian Federation to the Federal Assembly in 2012–2024..... 349

Mchedlova M.M., Olimzoda S. Sh. Identity and Memory of the Great Patriotic War: The Role of Russian Islam in Public Consolidation 362

Martynov M.Yu., Gaberkorn A.I., Fadeeva L.A. Local Memory Politics in Contemporary Russia: Evidence from the Urals and Siberia 378

FROM UKRAINE TO NOVOROSSIYA: THE SPECIFICS OF MEMORIAL CONFLICTS

Beklyamishev V.O., Speransky P.A. Toponymic Landscape in the Donbass Region Amid Ukrainian Political Crisis and Special Military Operation in 2014–2024 396

Efremenko D.V. Gaining Mnemonic Agency: Donbass in Conflicts of Historical Memory 412

Panin K.S., Miller A.I. Symbolic Politics in Eastern Ukraine after Maidan: Changes in the Toponymy of Mariupol in 2014–2016	431
--	-----

MEMORY POLICY IN FOREIGN COUNTRIES

Avatkov V.A., Kamnev A.S. Neo-Ottomanism and the Transformation of the Memory Policy in Modern Turkey on the Example of the Memory of the First World War	447
--	-----

Goryushina E.M. Historical Memory in Azerbaijan: From a Trauma Society to a Victory Society.....	457
---	-----

Stepanov N. The Serbian State and Church: Competing Narratives of Memory on the NATO Aggression Against Yugoslavia	472
---	-----

BOOK REVIEW

Medushevsky N.A. Historical Memory of African Nations: In Dialogue with book by Mark-Thiesen, C., Mihatsch, M., & Sikes, M. (Eds.). (2023). The Politics of Historical Memory and Commemoration in Africa. Berlin, Boston: De Gruyter Oldenbourg, 230 p.	484
--	-----

СОВРЕМЕННЫЕ КОНТУРЫ ИССЛЕДОВАНИЙ ПОЛИТИКИ ПАМЯТИ

CONTEMPORARY FRAMEWORKS IN MEMORY POLICY RESEARCH

DOI: 10.22363/2313-1438-2026-28-2-249-263
EDN: VBUPSW

Научная статья / Research article

«Культура отмены» в условиях цивилизационных трансферов: поиски «чужого» прошлого

В.Н. Сыров¹ , Д.А. Аникин^{1, 2} , И.А. Туркин^{1, 2}

¹ Томский государственный университет, *Томск, Российская Федерация*

² Российский университет дружбы народов им. П. Лумумбы, *Москва, Российская Федерация*

✉ dandee@list.ru

Аннотация. «Культура отмены» все чаще выступает в качестве механизма формирования цивилизационной идентичности. В рамках конструктивистского подхода цивилизационные сообщества рассматриваются как способы реакции на формирование национальных нарративов, пытающиеся совместить культурное разнообразие и относительное политическое единство в условиях конкуренции модернистских проектов. В исследовании были выделены ключевые оси конфликтов: постколониализм против реализма, глобальное против партикулярного, секулярное против религиозного. Отмечается переход к умеренно-изоляционистским позициям проектов модерности ввиду отсутствия ресурсов для навязывания своих цивилизационных проекций в качестве всеобщих. Описывается процесс использования механизмов «культуры отмены» не только для секьюритизации своей цивилизационной идентичности, но и для конструирования альтернативного проекта модерности. Фиксируется механизм «двойного конструирования» цивилизационной идентичности с помощью «культуры отмены»: создание не только образа «Другого», но и его исторической проекции, которая выступает в качестве антипода цивилизационного прошлого. Но, создавая «Другого», сам субъект инициации «отмены» также трансформирует свою идентичность под влиянием им же созданного образа. Из-за дефицита коммуникации между конкурирующими проектами происходит усиление внутреннего напряжения, а конфликт становится символически значимым, поскольку начинает затрагивать вопрос об исторических основаниях конкретного цивилизационного сообщества.

© Сыров В.Н., Аникин Д.А., Туркин И.А., 2026

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Ключевые слова: цивилизация, трансфер, память, забвение, историческая политика, множественные модерности, культура отмены

Благодарности. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00465 <https://rscf.ru/project/23-18-00465/>.

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Сыров В.Н., Аникин Д.А., Туркин И.А. «Культура отмены» в условиях цивилизационных трансферов: поиски «чужого» прошлого // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2026. Т. 28. № 2. С. 249–263. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2026-28-2-249-263> EDN: VBUPSW

The “Cancel Culture” in the Context of Civilizational Transfers: Searching for the “Alien” Past

Vasily N. Syrov¹ , Daniil A. Anikin^{1, 2} , Ilya A. Turkin^{1, 2}

¹ Tomsk State University, *Tomsk, Russian Federation*

² RUDN University, *Moscow, Russian Federation*

✉ dandee@list.ru

Abstract. The “cancel culture” becomes a mechanism for forming civilizational identity. Within the framework of the constructivist approach, civilizational communities are viewed as ways of responding to the formation of national narratives that attempt to combine cultural diversity and relative political unity in the context of competition between modernist projects. Key axes of conflict have been identified: postcolonialism versus realism, global versus particular, secular versus religious. A shift towards moderately isolationist positions in modernity projects is noted, given the lack of resources to impose their civilizational projections as universal. The process of using the mechanisms of “cancel culture” is described, not only to securitize one’s civilizational identity, but also to construct an alternative project of modernity. The mechanism of “double construction” of civilizational identity through “cancel culture” is observed: the creation not only of the image of the “Other”, but also of its historical projection, which acts as the antithesis of the civilizational past. However, by creating the “Other”, the subject initiating the “cancellation” also transforms its own identity under the influence of the image it has created. Due to the lack of communication between competing projects, internal tensions intensify, and the conflict becomes symbolically significant as it begins to touch upon the historical foundations of a particular civilizational community.

Keywords: civilization, transfer, memory, oblivion, politics of memory, multiple modernities, cancel culture

Acknowledgements. The research was carried out with the support of the Russian Science Foundation grant No. 23-18-00465, <https://rscf.ru/en/project/23-18-00465/>.

Conflicts of interest. The authors declare no conflicts of interest.

For citation: Syrov, V.N., Anikin, D.A., & Turkin, I.A. (2026). The “cancel culture” in the context of civilizational transfers: Searching for the “alien” past. *RUDN Journal of Political Science*, 28(2), 249–263. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2026-28-2-249-263> EDN: VBUPSW

Введение

Несмотря на очевидный отказ от идеи «конца истории», даже Фрэнсис Фукуяма пересмотрел свой знаменитый тезис, — идею о линейной модернизации как единственном пути развития остается крайне устойчивым. Конкурирующие способы осмысления и описания мира продолжают занимать скорее периферийное положение, так как они слабо представлены как в академическом поле, так и в массовом сознании, где до сих пор доминирует западноцентричная телеология. Такая модель представляет любое оспаривание гегемонистского представления о мире в качестве перверсивного действия, которое необходимо уничтожить как на физическом, так и символическом уровне.

Одной из альтернатив выступает цивилизационная парадигма, которая позволяет анализировать сложную плюральность современного мира без ухода к апологии одного метанарратива. Сегодня цивилизационная теория постепенно преодолевает рамки научного сообщества и становится категорией практической политики. Достаточно сказать, что в Концепции внешней политики от 31 марта 2023 г. Россия репрезентируется в качестве самобытного «государства-цивилизации». Также к понятию «цивилизация» апеллируют самые влиятельные политические лидеры мира. Например, в 2001 г. президент Ирана С.М. Хатами организовал движение за диалог между цивилизациями [Наумов, Афанасьева 2024], Генеральная Ассамблея ООН объявила 2001 г. «Годом диалога между цивилизациями под эгидой ООН»¹, в 2025 г. Си Цзиньпин призывает к диалогу и сотрудничеству между цивилизациями².

Поэтому в противовес единому представлению о нормативности сегодня всё чаще становится популярной именно теория локальных цивилизаций. Если до этого доминировало универсалистское представление о цивилизации или цивилизованности, то сегодня наблюдается альтернативная тенденция, когда страны Глобального Юга апеллируют к своему «уникальному» пути развития. Более того, сейчас мы наблюдаем процесс деконструкции категории «коллективный Запад», что приводит к общественным расколам и общей фрагментации политико-идеологического ландшафта.

¹ Выступление Генерального секретаря на пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН по пункту повестки дня «Год диалога между цивилизациями под эгидой ООН» // Генеральный секретарь. URL: https://www.un.org/ru/sg/annan_messages/2001/a56pv42.shtml. (дата обращения: 25.07.2025).

² Си Цзиньпин поздравил участников министерской встречи Глобального диалога между цивилизациями // RGRU. URL: <https://rg.ru/2025/07/10/si-czinpın-pozdravil-uchastnikov-ministerskoj-vstrechi-globalnogo-dialoga-mezhdu-civilizaciami.html>. (дата обращения: 25.07.2025).

Отмеченные тенденции актуализируют задачи анализа того, как функционирует дискурс о цивилизации как о идее. Мы исходим из тезиса, что цивилизация выступает в качестве широкой наднациональной идентичности. Данное утверждение не оспаривает наличие онтологических или метафизических черт отдельных цивилизаций, это не является предметом нашего исследования. В данной работе мы проанализируем, как конструируется и «отменяется» память сообщества, которое претендует на статус цивилизации. Обращение к проблематике памяти обусловлено тем, что именно историческая проекция выступает в качестве базового элемента легитимизации так называемых «воображаемых сообществ».

Методология исследования

Несмотря на очевидную популярность цивилизационной парадигмы как для ученых, так и для политиков, необходимо выделить ряд критических моментов. Как замечает М.М. Мchedлова, понятие «цивилизация» вследствие своей популярности и универсальной применимости стало «жертвой своего успеха» [Мchedлова 2017: 149]. Это во многом вызвано тем, что из-за слишком частой апелляции к «цивилизации» произошло семантическое насыщение, когда под «цивилизацией» начинают понимать всё что угодно, следствием чего возникает определенная путаница. Например, популярность одного из самых цитируемых концептов «столкновения цивилизаций», сформулированного С. Хантингтоном, определяется следующими чертами: во-первых, это крайне простая теория, что позволяет ее множить как в академических, так и в массовых дискурсах; во-вторых, его концепт позволяет обосновать преимущества именно западной цивилизации; в-третьих, она позволяет аргументировать положения об «особом пути» развития, который легитимирует партикулярную политику в ущерб плюральной [Велижев 2019: 147]. Фактически распространение таких упрощенных схем привело к политизации понятия во вред научной строгости.

Важной проблемой уже при имплементации цивилизационной парадигмы в политику является то, что до сих пор не выработан конвенциональный язык для описания международных отношений с позиции цивилизационного подхода. Если государства имеют четкие границы, международные институты представительства, как, например, Организация Объединенных Наций, в большинстве случаев признаются другими государствами и т.д., то цивилизации не имеют формальных критериев. Как отмечает К. Телин, это приводит к тому, что альтернативные языки «„национальных государств“ (nation-state) и „государств-наций“ (state-nation) характеризуются как раз таки большей проработанностью, распространенностью и детализацией» [Телин 2023: 73].

Также необходимо отметить критику цивилизационной парадигмы с позиции конструктивизма. Например, Д.Э. Летняков, критикуя теорию, выделяет следующие актуальные моменты: во-первых, цивилизационный подход не преодолел «метафорическую нестрогость»; во-вторых, данная парадигма не учитывает антиэссенциалистский поворот в науке. Согласно обозначенной критике,

цивилизация предстает в первую очередь в качестве идеологической конструкции [Летняков 2024], а единственно адекватная исследовательская позиция заключается в изучении дискурсивной природы данного понятия [Летняков 2021].

Учитывая эти замечания, нельзя согласиться с итоговыми выводами. Во-первых, сами понятия в гуманитарных науках не являются нейтральными, так как включают определенный элемент политической практики. Например, можно выделить такие понятия, как «класс» или «нация», которые явно являются ценностно нагруженными [Браславский 2021: 13]. Во-вторых, такая постановка проблемы, отмечая историчность современного состояния Запада, всё равно представляет один путь в качестве единственно нормального. Это фактически позволяет монополизировать «современность» в рамках одного политического проекта. В-третьих, принятие конструктивистской методологии не должно приводить к рассмотрению «конструктов» как исключительно дискурсов, которые мало на что влияют. На практике конструктивизм вынужден учитывать целый ряд факторов, определяющих границы допустимого конструирования, и, в свою очередь, его влияние на поведение отдельных субъектов и социальных общностей позволяет говорить о «реалистичности» и «материальности» сконструированных объектов [Latour 2010].

На наш взгляд, эффективным методом, снимающим во многом противоречия классической цивилизационной парадигмы, выступает теория множественной модерности, сформулированная Ш. Эйзенштадтом. Несмотря на критику в чрезмерной акцентуации именно на культурных факторах, именно его концепция внесла наибольший вклад в формирование реляционного подхода к изучению цивилизаций [Масловский 2015]. Ш. Эйзенштадт критиковал классическую теорию модернизации, которая представляла западный путь развития в качестве оптимального. Он утверждал, что модернизация не выступает в качестве линейного процесса формирования универсального образца. Она трансформируется в разных культурных контекстах в соответствии с потребностями конкретных обществ [Eisenstadt 2000]. Фактически он обосновал тезис о несводимости современности к одному основанию. Такие модерности формируются вокруг воссоздания множества культурных программ, каждая из которых в той или иной степени стремится представить себя в качестве всеобщей. При этом каждая из программ в отдельности придерживается разных взглядов на то, что делает общество современным. В этом ключе западная модерность предстает в качестве одной из многих, хотя альтернативные модели могут рассматривать именно западный опыт в качестве базисного.

Необходимо отметить, что сами модерности не являются закрытыми и непроницаемыми структурами. Если классический подход С. Эйзенштадта декларирует существование множества модерностей, которые уникальны для тех или иных регионов, то современный подход предполагает, что множественные модерности не являются единым и упорядоченным целым [Дэвид-Фокс 2016]. Как отмечает Й. Терборн, несмотря на то, что сама модерность включает в себя конкурирующие и противоборствующие нарративы, они не просто сосуществуют и бросают вызов друг другу, но они также переплетены между собой

[Therborn 2003]. Такой подход гораздо в большей степени соотносится с конструктивистской методологией, так как предполагает, что такие проекты современности сплетаются между собой, смешиваются, создают гибриды и альтернативные сети.

Каждая из альтернативных моделей современности борется за позицию гегемонии в контексте культурных трансферов или кризиса одного универсалистского понимания модерна [Ионов 2021, 51–54]. Проекты современности формируют определенный политический проект, то есть нормативный набор действий, которые направлены на реализацию ангажированного видения социальной реальности через навязывание своей интерпретации и подавление альтернативных способов понимания мира. Такие большие проекты конкурируют между собой, создавая поле для политических, идеологических и идентитарных конфликтов, а внутри одного государства могут сосуществовать группы, ориентированные на разные цивилизационные модели.

Согласно обозначенной позиции, цивилизация в дискурсе предстает в качестве пустого или плавающего означающего, то есть специфического знака, который изначально не наделен четкой семантикой, но способен объединять разрозненные требования [Laclau 1996, Laclau 2005]. За значение этого знака происходит постоянная борьба как внутри массового, так и научного дискурса [Laclau, Mouffe 2001]. Например, изначально цивилизационный дискурс выстраивался вокруг дихотомии «цивилизованность — варварство», где «цивилизованность» воплощалась в лице европейских империй, а варварство распространялось на все остальные государства, нации, этносы и расы. Сегодня ситуация является отличной, так как такая дихотомия стигматизируется в качестве проявления расизма и западнцентричной телеологии. Теперь борьба проходит за наполнение смыслом отдельных проектов локальных цивилизаций, определение и переопределение их границ на карте, границ цивилизаций как отдельных воображаемых сообществ.

Необходимо прояснить предмет нашего исследования. В данной работе мы исходим из тезиса, что в контексте усиления акторности альтернативных политических проектов современности актуализируется трансформация мемориальных практик [Аникин 2021]. Следствием информационно-коммуникационной революции стало не только усиление тенденции трансформации идентичностей [Аникин 2024], но и само прошлое сегодня оказалось множественным благодаря усилению социальной мобильности [Аникин 2020]. В контексте конкуренции проектов современностей история выступает ареной борьбы за гегемонию различных проектов современности. Поскольку общее прошлое закладывает основу для формирования воображаемых сообществ, то именно история выступает в качестве главного легитимирующего или делегитимирующего инструмента претензии альтернативных современностей на существование.

Резюмируя, необходимо сказать, что ключевой проблемой цивилизационной парадигмы является излишняя эссенциализация, которая позволяет представлять сами цивилизации в качестве замкнутых, статичных и вневременных структур. Однако данную проблему можно преодолеть благодаря

конструктивистской методологии. Тогда цивилизации начинают рассматриваться как широкие наднациональные идентичности («воображаемые сообщества»), которые обладают гораздо большей гибкой дискурсивной природой. Такой ход позволяет сделать два шага: во-первых, избежать эссенциализма в рассмотрении цивилизации, а во-вторых, удовлетворить потребность обращения к нелинейным подходам, готовым реагировать на комплексные и сложные вызовы.

Цивилизация и культура отмены

С точки зрения конструктивистского подхода цивилизационная идентичность представляет собой результат определенных социально-политических и культурно-символических процессов, представляющих собой реакцию на проект национальной идентичности. Цивилизационная идентичность возникает как наднациональная рамка совмещения культурного многообразия и политической самостоятельности в условиях формирования национальных нарративов, разрывающих предшествующие формы коллективной идентичности.

Конструирование цивилизационной идентичности происходит путем селекции разрозненных культурных символов, в ходе которой одни и те же символы могут быть востребованы в качестве элементов различных цивилизаций. В этом случае цивилизационный конфликт оказывается обусловлен не изначальной «инаковостью» цивилизаций, а их потребностью в задействовании одинаковых символов, призванных обозначить самобытность и преемственность траектории развития, а также служащих ресурсом в процессе символической конкуренции цивилизационных образований.

Система международных отношений после окончания Второй мировой войны вошла в постколониальную эпоху, когда постепенно начало меняться представление как о государстве и нации, так и нормативной интерпретации политики [Бондаренко 2022]. На практике это привело к расшатыванию европоцентричной модели, когда голоса обрели бывшие колонии и страны периферии. Если в XX в. это была восходящая тенденция, то в XXI в. необходимость переосмысления колониального прошлого стала важным фактором международных отношений. Но, несмотря на рост значимости голосов стран Глобального Юга, после краха коммунизма единственной силой, способной эффективно навязывать свое понимание современности, остался Запад. Однако после неудачи четвертой волны демократизации, когда было принято решение о свержении режимов, несущих угрозу США [Немчинова 2012], проявились очевидные пределы экспансии западного проекта модерности. Столкнувшись с кризисом легитимности, он утратил возможность навязывать ценности через прямое насилие, что сместило конфликт в символическое поле. Таким образом, современная конфигурация конфликтов модерностей значительно отличается от соотношения сил прошлого века. Это поднимает проблематику альтернативных проектов современности, появившихся в связи с возрождением незападных форм идентичности, которые неизбежно начали актуализировать альтернативные способы осмысления

и понимания мира. Теперь ключевым становится вопрос взаимодействия этих конкурирующих проекций между собой, что заставляет выделить оси наиболее острых конфликтов.

Во-первых, во время Холодной войны в западном обществе большинство ярких противоречий, как, например, социальное неравенство или проведение колониальных войн, могли игнорироваться благодаря принятию внутреннего напряжения из-за противостояния с экзистенциальным врагом в лице СССР. Но после распада биполярной системы легитимность перманентного чрезвычайного положения стала постепенно рассыпаться. Это закономерным образом привело к тому, что граждане в западных странах заново реактуализировали забытые противоречия. Одной из таких точек напряжения оказалось колониальное прошлое, которое касалось интерпретации как внутренней, так и внешней политики. Внутри Запада и на его границах постепенно начало оформляться противостояние двух проектов: «реалистического», который признает сложившиеся противоречия и считает их частью актуального порядка, и «прогрессивистского», который отрицает сложившиеся разногласия и призывает к радикальной социальной перестройке [Аникин, Туркин 2025].

Во-вторых, сегодня мы наблюдаем очевидный кризис неолиберальной модели глобализации, которая началась в 1980-е гг. Это приводит к тому, что государства перестают видеть абсолютную ценность в глобальной торговле и возвращают власть с наднационального на национальный уровень. Так начинают реактуализироваться альтернативные модернистские проекты, которые во главу угла ставят нацию и национальные интересы. В качестве примеров мы можем выделить как появление нелиберальных демократий, так и рост популярности популистских движений правого и левого толка во всем мире. Реванш национального над глобальным возрождает противоречия между идеей традиции и идеей линейно понимаемого прогресса. В таких условиях государства начинают процесс пересборки идентичности, когда предыдущий неолиберальный этап поддается забвению в пользу национально-ориентированного исторического нарратива.

В-третьих, необходимо отметить рост влияния религиозного мышления. Этому поспособствовали три фактора: иранская революция 1979 г., расцвет движения «новых христианских правых» в США и распад СССР как примера атеистического правления [Узланер 2019, 12–13]. Поэтому сегодня мы являемся свидетелями возрождения потребности в религиозном сознании, которое может противостоять секулярному мировоззрению, лежащему в основе западного модерна. Это уже порождает конфликты еще двух проектов современности: религиозного и светского. Важным примером является растущая популярность ислама, который претендует на альтернативу западной модели развития. В качестве определенного ответа в Европе, на фоне опасения перед религиозным экстремизмом и терроризмом, началась попытка создания «евроислама», то есть адаптированной версии ислама, которая соответствовала бы западному проекту модерна.

Таким образом, мы можем выделить сегодня следующие примеры противостояния различных проектов современности: прогрессивизм против реализма, глобальное против партикулярного, секулярное против религиозного. Естественно, данный перечень не является исчерпывающим, но он затрагивает основные точки разногласий.

Противоречия различных проектов модерности не реализовываются по схеме «войны всех против всех». Они являются гораздо более сложными, комплексными и нелинейными. Основная модель их взаимодействия — это культурные трансферы, то есть процессы пересечения и взаимной проницаемости различных культур [Следзевский 2021]. Но если культурные трансферы представляют собой механизм взаимодействия локальных культур, то в условиях формирования цивилизационной идентичности потребность в подобном трансфере становится определяющим условием выбора той или иной модели соотношения самого цивилизационного проекта с его исторической проекцией. Цивилизационный трансфер представляет собой механизм обмена отдельными культурными элементами между различными цивилизациями, предполагающий операцию «встраивания» чужеродных элементов путем маркирования их как автохтонных или самобытных.

Выделим два типа цивилизационных трансферов, которые определяют динамику конкуренции модернистских проектов: синхронического и диахронического.

Первый тип трансфера включает влияние одного проекта модерности на другие, тем самым переплетаясь с ними и трансформируясь. На актуальном историческом этапе такой трансфер ассоциируется с западным проектом современности. Это связано с тем, что именно западная цивилизация в первую очередь оказалась способной формулировать универсалистские дискурсы, выходящие за рамки национальных государств [Чакрабартти 2021]. Благодаря глобализации такой проект достиг максимального распространения, унифицируя культурные ландшафты. Однако сегодня, в условиях сворачивания глобализации и выявления пределов влияния западной цивилизации, этот механизм переживает кризис, сталкиваясь с сопротивлением локальных традиций и альтернативных моделей модерности. Такой трансфер, игнорируя культурные особенности, стремится абсорбировать иные проекции современности, подчиняя их доминирующей логике и представляя себя в качестве тотальности, что лишь усиливает конфликты и провоцирует поиск новых, незападных форм культурного обмена. В контексте исторической политики это означает адаптацию под синхронический нарратив всех альтернативных трактовок прошлого, которые артикулируются конкурирующими проектами современности.

Второй тип трансфера предполагает разрыв с формационным представлением о цивилизации, когда конкретный этап развития общества предстает в качестве нормативного, а как следствие, и универсального для отдельного сообщества. В контексте исторической политики данный процесс сопряжен с удревнением истории, когда с помощью селективного отбора фактов нарратив сглаживает противоречивые черты прошлого. Происходит ретроспективное

распространение нынешнего состояния проекта модерности на весь прошлый исторический период сообщества. Но, в отличие от условий синхронического трансфера, такой нарратив не стремится представить себя в качестве всеобщего для альтернативных проектов современности. Он замыкается на своем сообществе, следствием чего становится сужение пространства публичного для данного проекта современности. Можно сказать, что модернистский проект (проект современности) обзаводится исторической проекцией, в рамках которой выстраиваются связи между актуальными контурами цивилизационного сообщества и траекторией его развития.

Можно выделить следующие виды исторических проекций цивилизаций:

1) преемственную проекцию, когда цивилизация в контексте символической конкуренции с другими модернистскими проектами выстраивает свою идентичность посредством обращения к предшествующим субъектам, также наделены цивилизационной идентичностью («Москва — Третий Рим»).

2) самобытную проекцию, в рамках которой подчеркивается автохтонный характер цивилизации, а также формулируется идея максимальной пролонгации ее существования в прошлое (широкий диапазон примеров от критики норманизма до «Велесовой книги»).

3) синтетическую проекцию, позволяющую цивилизационному сообществу рассматривать себя как символический перешеек между другими цивилизациями, что, с одной стороны, существенно расширяет символический диапазон образов прошлого, а с другой — существенно затрудняет выстраивание целостного нарратива (Россия как мост между Западом и Востоком).

Именно в рамках реализации синтетической проекции происходит конфигурирование цивилизационного исторического пространства из культурных элементов, принадлежащих к различным традициям, что не только запускает поливариантный процесс селекции данных традиций, но и делает актуальной задачу дискредитации претензий других проектов (цивилизационных или национальных) на те образы прошлого, которые легитимируют данную цивилизационную идентичность. В первых двух проекциях остракизм образов прошлого является излишним инструментом формирования цивилизационной идентичности, поскольку либо эти образы встраиваются в актуальную идентичность, либо рассматриваются как изначально чужеродные. В случае же синтетической проекции инструментализация «культуры отмены» определяется потребностью в подчеркивании символических границ, учитывая, что эти образы прошлого могут служить базовыми элементами иных модернистских проектов.

Отдельно оговорим, что трансферы не являются взаимоисключающими, но выражают ту или иную доминирующую тенденцию. Любое понимание модерна в силу своих возможностей стремится представить себя в качестве универсального. Поэтому даже позиция полной непроницаемости модерностей предполагает представление себя в качестве всеобщего, где само понимание цивилизаций в качестве изолированных и закрытых предстает в качестве универсального принципа. Ключевой особенностью становится стратегия взаимодействия с другой культурой: по горизонтали (синхронически) или по вертикали

(диахронически). Именно в результате трансферов конструируются цивилизационные идентичности в качестве понимания того наднационального сообщества, к которому принадлежит индивид.

В условиях кризиса универсалистских нарративов [Миллер 2024, David 2020] и обострения противоречий в области международной безопасности государства сталкиваются с объективной потребностью пересборки актуальной идентичности. Если до этого единый нарратив, основанный на идее формирования единого человечества на основе либеральных норм и ценностей, был доминирующим, то сегодня он уступает место жесткой бинарной логике «свой — чужой». Это сопровождается отказом от делиберации в пользу конфликта как способа разрешения противоречий [Туркин 2024: 108]. В таком политическом контексте одним из наиболее эффективных инструментов пересборки своей идентичности становится использование образа «Другого», который позволяет очертить границы коллективного «Мы», наделенного онтологически приоритетными качествами, от «Их», наделенных негативными чертами [Нойманн 2004].

Одним из самых наглядных примеров данного процесса становится популярность современной формы социального остракизма — «культуры отмены», цель которого запретить доступ к публичному дискурсу объекту отмены. Это в глобальном масштабе приводит к тому, что взаимодействие между разными версиями современности замещается проекциями, которые основываются на бинарных оппозициях, а не на основе опыта диалога. В данном случае «Другой» выступает в качестве заранее сконструированного и демонизированного образа, который выступает в первую очередь в качестве проекций собственных страхов и травм того актора, который его конструирует. В результате полученные идентичности становятся «подвешенными», «прорешенными», основанными на симулякрах, то есть на копиях, не имеющих оригинала в реальности [Бодрийяр 2015]. Такие цивилизационные идентичности постепенно приобретают черты гиперреальности. «Отмена» в данном случае означает не полное устранение тех или иных образов прошлого из публичного пространства, а их дискредитацию как выдуманных, неподлинных, что не позволяет рассматривать их в качестве оснований полноценной цивилизационной траектории.

Здесь возникает формула двойного конструирования цивилизационной идентичности с помощью культуры отмены: запрещая доступ к публичному дискурсу объекту отмены, происходит создание образа «другого», который выражает не столько какую-то позицию, но те страхи и травмы, которые пугают субъекта инициации процедуры «отмены». Что здесь становится действительно важным, так это теорема самосбывающихся пророчеств, которая утверждает, что «если люди определяют ситуации как реальные, они реальны по своим последствиям». Следовательно, идентичность субъекта «отмены» также трансформируется под влиянием им же созданного объекта «отмены».

Легитимация запрета на доступ к публичному дискурсу достигает своего предельного выражения, когда отменяется прошлое, а как следствие и будущее

конкурирующего проекта современности. Закономерным последствием данного процесса становятся попытки забвения целых цивилизаций и уничтожения их на символическом уровне. При этом само «забвение» никогда не может быть полным, так как сама сформированная идентичность начинает основываться на жесткой бинарной оппозиции. Поэтому фактическое уничтожение альтернативной идентичности неизбежно приведет к разрушению идентичности субъекта отмены. Следовательно, нет ничего страшнее для субъекта инициации процедуры отмены, чем фактическая «отмена» того актора, на которого она направлена.

Это проявляется как в рамках универсалистского западного проекта, так и в не-западных формах модерности. Ключевой фазой описываемого процесса становится активное взаимодействие с гиперреальными образами. Например, в публичном дискурсе Россия конструирует категорию «воображаемого Запада», который в официальном дискурсе предстает в качестве единого и консолидированного актора, наделенного качествами бездуховности, нечестности и агрессивности. Такая история «воображаемого Запада» репрезентируется через призму обмана, когда все достижения данного проекта современности основываются не на труде, науке и просвещении, но на банальном разворовывании ресурсов своих колоний. С противоположной стороны точно так же формируется «воображаемая Россия», экзистенциальная цель которой уже уничтожить Запад. Сама история России репрезентируется через призму противостояния авторитарного государства и отдельных диссидентов-западников. Несмотря на разные узловые точки в нарративах, закономерным следствием в обоих случаях является «отмена» целых цивилизаций из-за несоответствия этическим стандартам того сообщества, которым и артикулируется дискурс.

Заключение

В контексте кризиса универсализма «культура отмены» становится ключевым инструментом борьбы между конкурирующими цивилизационными проектами. Поскольку ни один проект сегодня не обладает достаточными ресурсами для утверждения себя в качестве всеобщего, цивилизации вынуждены прибегать в первую очередь к дискурсивным практикам исключения альтернативных способов интерпретации не только современности, но и истории. Очевидным следствием данных трансформаций становится международная тенденция изоляционизма и секьюритизации своей идентичности.

В рамках анализа выделены ключевые точки конфликтов проектов модерности: прогрессивизм против реализма; глобальное против партикулярного; секулярное против религиозного. Первая точка напряжения касается способности западного проекта к перестройке своего дискурса под объективную потребность пересборки глобальной гегемонии, когда обретение бывшими колониями голоса поставило под сомнение ситуацию доминирования стран Запада. Вторая точка напряжения относится к кризису глобализации, когда снижение темпов экономического роста актуализировало национально-ориентированную

политику, направленную на отстаивание не всеобщих, но партикулярных требований. Третья точка напряжения касается возрождения более архаичных форм сознания, которые формируют альтернативную эпистему, то есть доминирующий способ познания мира. Каждый из указанных конфликтов влияет на модели исторической политики, которые выстраиваются современными акторами: сохранение европоцентристской модели прошлого против ее пересборки в виктимизации колониального прошлого; попытка построения глобальной истории против торжества локальных нарративов; агоническая модель памяти против распространения сакрализированных исторических мифов.

В ходе работы была определена особенность «культуры отмены» как способа конструирования цивилизационной идентичности. Отмечается, что в этом случае «Другой» выступает в качестве инструмента формирования идентичности. Выделяется формула двойного конструирования: запрещая доступ к публичному дискурсу объекту отмены, происходит создание образа «другого», который выражает не столько какую-то позицию, но те страхи и травмы, которые пугают субъекта инициации процедуры «отмены». Но создавая «Другого», сам субъект инициации «отмены» также трансформирует свою идентичность под влиянием им же созданного образа, прежде всего, формируя свой образ прошлого, призванный подчеркнуть отличие от иных образов, преемственность по отношению к предшествующим цивилизациям либо использование элементов различных культурных традиций.

Поступила в редакцию / Received: 17.11.2025

Доработана после рецензирования / Revised: 22.12.2025

Принята к публикации / Accepted: 15.02.2026

Библиографический список

- Аникин Д.А. От политики покаяния к культуре отмены: трансформация исторического забвения в условиях медиатизации прошлого // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2024. № 80. С. 74–85. <https://doi.org/10.17223/1998863X/80/7>
- Аникин Д.А., Туркин И.А. Постколониализм: между научной теорией и инструментом «культуры отмены» // Дискурс-Пи. 2025. Т. 22. № 1. С. 29–42. https://doi.org/10.17506/18179568_2025_22_1_29.
- Аникин Д.А. Культурный трансфер в глобальном обществе: от социальной динамики к миграции мемориальных образов // Цивилизации / Институт всеобщей истории РАН. Москва : Наука, 1992–2018 Вып. 12 : Трансферы в истории и теории цивилизаций / отв. ред. и сост. О.В. Воробьева. Москва : Наука, 2021. С. 69–90.
- Аникин Д.А. Трансфер прошлого: культурная память в условиях миграционных потоков // Вестн. Том. гос. ун-та. 2020. № 452. С. 66–72.
- Браславский Р. Г., Галиндабаева В. В. [и др.] Российское общество: архитектура цивилизационного развития: [монография] / отв. ред. В. В. Козловский; ФНИСЦ РАН. Москва ; СПб. : ФНИСЦ РАН, 2021. 340 с.
- Бодрийяр Ж.Б. Симулякры и симуляции / Ж. Бодрийяр ; [пер. с фр. А. Качалова]. Москва : Издательский дом «ПОСТУМ», 2015.

- Бондаренко Д.М. Постколониальные нации в историко-культурном контексте. Москва : Издательский Дом ЯСК, 2022.
- Велижев М.В. Цивилизация, или Война миров. СПб. : Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2019.
- Дэвид-Фокс М. Модерность в России и СССР: отсутствующая, общая, альтернативная или переплетенная? // Новое литературное обозрение. 2016. № 4. С. 19–44.
- Ионов И.Н. Цивилизационные представления в культурном трансфере // Цивилизации / Институт всеобщей истории РАН. Москва : Наука, 1992–2018. Вып. 12 : Трансферы в истории и теории цивилизаций / отв. ред. и сост. О.В. Воробьева. Москва : Наука, 2021. С. 35–68.
- Летняков Д.Э. Российская цивилизация как идеологический конструкт и предмет академического исследования // Контуры цивилизационного будущего России : коллективная монография / отв. ред. А.П. Сегал. Москва : Fortis Press, 2024. С. 180–210.
- Летняков Д.Э. Цивилизации как «воображаемые сообщества». К конструктивистской критике цивилизационной теории // Личность. Культура. Общество. 2021. Т. 23, № 3 (111). С. 57–69. https://doi.org/10.30936/1606_951X_2021_23_3_57_69. EDN OWBANM.
- Масловский М.В. Изобретение имперской традиции и множественные модерны : очерк концепций // Новое литературное обозрение. 2015. № 6. URL: https://www.nlobooks.ru/magazines/neprikosnovennyi_zapas/104_nz_6_2015/article/11751/#_ftn2. (дата обращения: 17.07.2025).
- Миллер А.И. Устой «глобальной» мемориальной культуры под вопросом // Россия в глобальной политике. 2024. Т. 22. № 3. С. 68–81.
- Мчедлова М.М. Идентичность: новые повороты цивилизационной теории / Идентичность: личность, общество, политика : энциклопедическое издание / отв. ред. И.С. Семененко / ИМЭМО РАН. Москва : Изд-во «Весь мир», 2017. С. 148–156.
- Наумов А.О., Афанасьева М.А. «Диалог цивилизаций» как ресурс «мягкой силы» Исламской Республики Иран // Клио. 2024. № 7 (211). С. 75–81.
- Немчинова Т.С. Проблема концептуального развития демократии в контексте четвертой волны демократизации // Вестник РХГА. 2012. № 4. С. 206–213.
- Нойманн И. Использование «Другого». Образы Востока в формировании европейских идентичностей. Москва : Новое издательство, 2004.
- Следзевский И.В. Культурно-цивилизационные трансферы в контексте транскультурной модели глобальной истории и современных глобальных процессов // Цивилизации / Институт всеобщей истории РАН. Москва : Наука, 1992–2018. Вып. 12: Трансферы в истории и теории цивилизаций / отв. ред. и сост. О.В. Воробьева. Москва : Наука, 2021. С. 5–34.
- Телин К.О. Не ближний прицел // Россия в глобальной политике. 2023. Т. 21. № 3. С. 68–76.
- Туркин И.А. «Культура отмены» как инструмент борьбы режимов мнемонической безопасности // Антиномии. 2024. Т. 24. Вып. 3. С. 101–114. https://doi.org/10.17506/26867206_2024_24_3_101.
- Узланер Д. Религия и политика: неразрывный симбиоз? : обзор современных тенденций // Россия в глобальной политике. 2019. № 1. Т. 17. С. 10–23.
- Чакрабартти Д. Провинциализируя Европу / пер. с англ. Петр Бавин ; под науч. ред. Вячеслава Морозова. Москва : Музей современного искусства «Гараж», 2021.
- David L. The Past Can't Heal Us: The Dangers of Mandating Memory in the Name of Human Rights. Cambridge, MA : Cambridge University Press, 2020.
- Eisenstadt S.N. Multiple Modernities // Daedalus. 2000. Vol. 129. No. 1. P. 1–29.
- Laclau E. On populist Reason. N.Y. : Verso, 2005.
- Laclau E. Why do Empty Signifiers Matter to Politics? London, New York : E // Emancipation(s), London, New York : Verso, 1996. P. 36–46.

- Laclau E., Mouffe C.* Hegemony and socialist strategy. Towards a radical democratic politics. New York : Verso, 2001.
- Latour B.* An Attempt at a “Compositionist Manifesto” // *New Literary History*. 2010. Vol. 41, no. 3. P. 471–490.
- Therborn G.* Entangled Modernities // *European Journal of Social Theory*. 2003. Vol. 6, no. 3. P. 293–305.

Сведения об авторах:

Сыров Василий Николаевич — доктор философских наук, профессор, философский факультет, Томский государственный университет (e-mail: narrat@inbox.ru) (ORCID: 0000-0002-5498-4610)

Аникин Даниил Александрович — кандидат философских наук, доцент кафедры сравнительной политологии, Российский университет дружбы народов; научный сотрудник, философский факультет, Томский государственный университет (e-mail: dandee@list.ru) (ORCID: 0000-0001-6232-6557)

Туркин Илья Андреевич — аспирант кафедры сравнительной политологии, Российский университет дружбы народов; лаборант философского факультета, Томский государственный университет (e-mail: ilya.turkin2001@gmail.com) (ORCID: 0009-0006-9485-1659)

DOI: 10.22363/2313-1438-2026-28-2-264-278

EDN: VBISRD

Научная статья / Research article

Репрезентация исторического прошлого в современном российском сетевом дискурсе: контурь семантических трансформаций

А.А. Ширинянц^{1,2} , О.Ю. Шмелева³

¹Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, *Москва, Российская Федерация*

²Российский университет дружбы народов, *Москва, Российская Федерация*

³Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, *Нижний Новгород, Российская Федерация*

✉ jants@yandex.ru

Аннотация. В условиях информационного противостояния в мире, интенсификации в медийном пространстве манипулятивной деятельности многообразных субъектов, спекуляций на тему прошлого актуализируется проблема выработки на государственном уровне системной и последовательной стратегии реализации политики памяти, управления прошлым, создания новых форматов, инфраструктуры коммуникаций с целью противостояния попыткам фальсификации истории и формирования негативных оценок исторических событий. Особое значение данная проблема приобретает в контексте тотальной цифровизации и сетевизации политико-коммуникативного пространства, продуцирующих риски фрагментации исторической памяти, появления новых инструментов непрямого информационного воздействия, невозможности полного контроля над информационно-идеологическим пространством социальных медиа и продвижения единых исторических нарративов, формирования непротиворечивого ценностного фундамента. В исследовании на основе данных прикладных исследований, реализованных посредством аналитического ресурса TGStat, анализа материалов информационных ресурсов социальных медиа, связанных с исторической тематикой, предпринята попытка систематизации исторических нарративов, изучения механизма репрезентации прошлого (способов, лингвистических средств, приемов, технологий, форм репрезентации прошлого, формируемых в медиадискурсе коннотаций), идейно-смыслового содержания дискурсивных практик о прошлом России, направлений идейно-семантических изменений в репрезентации прошлого в условиях меняющейся международно-политической

© Ширинянц А.А., Шмелева О.Ю., 2026

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

конъюнктуры. Цель исследования — изучение форм, способов, механизмов репрезентации и актуализации исторического прошлого в современном медиадискурсе как инструментов конструирования смыслов, представлений о прошлом, реализации политики памяти; анализ содержания транслируемых смыслов, их когнитивной нагрузки. Результаты контент- и дискурсивно-лингвистического анализа текстов сообщений позволили выделить константные и ситуативные темы, фигурирующие в информационном поле, актуализируемые субъектами цифровой коммуникации, галерею образов исторических деятелей, событий прошлого; сделать вывод о разнонаправленности информационных потоков, способствующих формированию фрагментированности сетевого образа прошлого; скудности набора исторических опорных символов и избирательном подходе власти к выбору исторических тем, сюжетов в качестве коммеморативных практик; активной цифровой стигматизации российского государства и общества, деструктивном потенциале деятельности «псевдороссийских» информационных ресурсов.

Ключевые слова: историческая политика, политика памяти, исторический нарратив, историческое прошлое, коммеморация, сетевой дискурс, репрезентация прошлого, семантические трансформации, актуализация прошлого, Телеграм-дискурс

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Ширинянц А.А., Шмелева О.Ю. Репрезентация исторического прошлого в современном российском сетевом дискурсе: контуры семантических трансформаций // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2026. Т. 28. № 2. С. 264–278. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2026-28-2-264-278> EDN: VBISRD

Representation of the Historical Past in Contemporary Russian Media Discourse: The Outlines of Semantic Transformations

Aleksander A. Shirinyants^{1,2} , Olga Yu. Shmeleva³

¹Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

²RUDN University, Moscow, Russian Federation

³Lobachevsky State University, Nizhny Novgorod, Russian Federation

✉ jants@yandex.ru

Abstract. In the current context of global information confrontation, increasing manipulative activities by various actors in the media space, and speculative reinterpretations of the past, the development of a coherent state-level strategy for memory policy has become critically important. Such a strategy must address the management of historical narratives, the creation of new representational formats, and the construction of communication infrastructure to counter attempts to falsify history and prevent the formation of negative evaluations of historical events. These challenges are exacerbated by total digitalization and the networking of political and communication spaces, which lead to fragmentation of historical memory, the emergence of indirect information

influence tools, the impossibility of fully controlling ideological narratives on social media, and the erosion of unified historical narratives and consistent value foundations. Drawing on empirical data from the analytical platform TGStat and a content analysis of historical materials from social media, this article systematizes historical narratives and examines the mechanisms of past representation. It analyzes methods, linguistic means, techniques, forms, and connotations within media discourse, focusing on the ideological and semantic content of discursive practices concerning Russia's past, as well as shifts in these representations under changing international political circumstances. The aim is to investigate the forms, methods, and mechanisms of representing and actualizing the historical past in contemporary media discourse as tools for constructing meanings and implementing memory policy, and to assess the cognitive load of transmitted meanings. The results of content and discourse analysis of textual messages reveal both constant and situational themes activated by digital communicators, along with a gallery of images of historical figures and events. The findings lead to several conclusions: the multidirectional nature of information flows contributes to a fragmented media image of the past; there is a scarcity of historical reference symbols, combined with authorities' selective approach to historical themes and narratives as commemorative practices; and there is active digital stigmatization of the Russian state and society, including the destructive potential of activities by "pseudo-Russian" information resources.

Keywords: historical politics, politics of memory, historical narrative, historical past, commemorative practices, online discourse, representation of the past, semantic transformations, actualization of the past, Telegram discourse

Conflicts of interest. The authors declare no conflicts of interest.

For citation: Shirinyants, A.A., & Shmeleva, O.Yu. (2026). Representation of the historical past in contemporary Russian media discourse: The outlines of semantic transformations. *RUDN Journal of Political Science*, 28(2), 264–278. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2026-28-2-264-278> EDN: VBISRD

Введение

Медиатизация и сетевизация современного общества создают новые форматы и инфраструктуру политической коммуникации, способствуют трансформации механизма репрезентации исторического прошлого, изменению парадигмы коллективной памяти и воспоминаний [Erl1 2017], способа восприятия настоящего и прошлого [Silence, Screen, and Spectacle 2014]. Сетевой принцип генерирования контента социальных медиа приводит к росту числа создателей смысловых конструкций, «персонализации событий, нарративов и свидетельств» [Save As... Digital Memories 2009], в репрезентации которых «личная история и личный опыт заменяют объективные факты» [Artamonov, Medvedeva, Tikhonova, Volovikova 2021: 20], а также к фрагментации информационного поля, смысловых потоков в результате появления большого числа репрезентаций истории, «многообразия коммемораций», образующих «многоголосье» прошлого, которое сложно подчинить единым правилам господствующего нарратива» [Аникин 2024: 77]. Логика репрезентации прошлого в формате сетевой коммуникации подчинена принципу «нового

историзма», главным свойством которой является «неиерархичность, то есть равное доверие... как к разным историческим источникам, так и к разным точкам зрения» [Соловьёва 2018: 30]. Вместе с тем отдельные внутренние и внешние акторы используют исторические нарративы в качестве инструмента политического манипулирования, продвижения деструктивной повестки, направленной на подрыв внутреннего единства российского общества, переоценку ряда исторических событий, их политизацию, формирование негативного образа власти и государства, чувства вины, страхов среди населения.

Вышеуказанные обстоятельства актуализируют проблему управления историческим прошлым, архитектурой коллективной памяти в медиaproстранстве: сетевой принцип генерирования контента затрудняет продвижение единого исторического нарратива, выработку системной, последовательной стратегии реализации политики памяти на государственном уровне. Факторами политического риска становятся сохраняющаяся хаотичная смысловая матрица сетевого дискурса об историческом прошлом, с одной стороны, и рассогласование темпов институционализации и инструментализации исторической политики (политики памяти), формирования официальных исторических нарративов и управления семантической архитектурой медиадискурса о прошлом, упорядочения смысловых потоков. Особую остроту данная проблема приобретает на фоне информационных, когнитивных войн, в которых медийные репрезентации отдельных исторических тем, сюжетов, символов становятся средствами внешнего влияния, инструментами управления исторической памятью, формирования поля смысловых конфликтов.

Цель исследования — изучение форм, способов, механизмов репрезентации и актуализации исторического прошлого в современном российском сетевом дискурсе как инструментов конструирования смыслов, представлений о прошлом, реализации политики памяти; анализ содержания транслируемых смыслов, их когнитивной нагрузки.

Теоретико-методологическая основа исследования

Теоретическую основу исследования составили положения теории памяти, сформулированные М. Хальбваксом, А. Ассманом, П. Нора, Т.В. Адорно и др., раскрывающие механизм реализации человеческой памяти, ее виды (нейронная, социальная и культурная/«внутренняя» (личная) и «внешняя» (социальная)), свойства (упрощение, динамичность, эпизодический опыт, селективный характер) [Ассман 2014: 29–30, 34, 38; Хальбвакс 2005], социальные и политические стратегии формирования (замалчивание, забвение, скорбь). В рамках изучаемой проблемы также были использованы теоретические наработки ученых, посвященные осмыслению феноменов забвения, «проработки прошлого» как защитных механизмов памяти [Адорно 2005, 64; Нора 1999: 20–21], анализу стратегий «вытеснения памяти» (отрицание

собственной вины и приписывание ее другому, замалчивание и фальсификация и др.) [Ассман 2014, 184].

Методологическим инструментом изучения репрезентаций исторического прошлого в Телеграм стала концепция медиатизированной памяти Х. ван Дейк [van Dijk 2007], основанная на исследовании изменений индивидуальной и коллективной памяти под воздействием процессов цифровизации, а также теоретические наработки ученых, связанные с рассмотрением различных аспектов цифровой коммеморации, взаимосвязи цифровых медиа и памяти, влияния цифровизации на историческую политику [Hein 2009, Sebald 2018]. Авторы статьи опирались в раскрытии проблемы на концептуальную схему понятий («коллективная память», «социальная память» [Хальбвакс 2005], «проработка прошлого» [Адорно 2005], «горизонт памяти», «комплекс вины», «репрезентация прошлого» [Нора 1999] и др.), созданную в рамках теории памяти.

Идейно-смысловые трансформации лексических единиц в Телеграм-дискурсе о прошлом рассматривались в статье с опорой на базовые положения теории семантических изменений, представленной трудами М.М. Покровского, Г. Шпербера, С. Ульмана, Д.С. Лихачева и др.

Для достижения поставленной цели был реализован контент- и лингводискурсивный анализ медиатекстов в Телеграм, который производился посредством аналитических ресурсов Voyant Tools и Text-Tool.ru. Данные инструменты позволили выявить частотность употребления семантически связанных со словом «прошлое» лексем, дистрибуций, коннотаций к слову «прошлое»; выделить ключевые слова, раскрывающие идейно-смысловое содержание дискурса об историческом прошлом в Телеграм и составившие семантическое ядро к слову «прошлое»; определить плотность ключевых слов, показывающую частоту повторения последних в тексте; рассмотреть используемые в процессе репрезентации прошлого политические средства, приемы и технологии. Динамика семантических трансформаций выявлялась посредством применения в исследовании дискурсивно-лингвистического анализа по трехмерной модели Варнке — Шпитцмюллера, учитывающего конъюнктурный контекст идейно-смысловых изменений, коммуникативные действия участников дискурса, структурные и прагматические характеристики текстов.

Результаты

Эмпирическую основу исследования составили материалы, полученные в результате мониторинга публикаций в Телеграм по теме «Политика памяти и историческое прошлое России», произведенного посредством ресурса TGStat за период с 22 ноября 2025 г. по 20 января 2026 г. Выбор Телеграм был обусловлен популярностью данной площадки у россиян и устойчивым ростом среднемесячных показателей охвата аудитории

пользователей (в октябре 2025 г. она составила 91 млн чел.¹, в ноябре 2025 г. — 105 млн чел.)².

Ключевыми маркерами изучения нарративов о прошлом стали лексемы «историческое прошлое» и «политика памяти». В общей сложности было выявлено и исследовано 194 единицы текста (постов) и 2573 словоформы. В созданном информационном массиве была определена частотность употребления в медиатекстах лексических единиц, употребляемых со словом «прошлое»; выделено семантическое ядро в полученном массиве данных, произведен анализ дистрибутивного окружения концепта «прошлое». Полученные результаты в систематизированном виде представлены в табл. 1.

Высокую частотность в изучаемый период времени демонстрируют такие дистрибутивные семантические элементы, как: память (123), геноцид (61), историческое (51), сохранение (35), деколонизация (28), героическое (23), забытое (19), демонтаж (17), герой/героизация (14), войны (13), уважение (11), правда (11), повторение (8), борьба (6), свидетельствующие о концептуальной значимости и способности последних конструировать текст и сетевой дискурс.

В целом проведенные исследования медиатекстов позволяют констатировать превалирование позитивных коннотаций в структуре семантического ядра к слову «прошлое». Положительное значение коэффициента Яниса ($C = 0,042$), рассчитанного с помощью формулы

$$C = \frac{f^2 - fn}{rt},$$

где f — число положительных оценок (93); n — негативных оценок (78); r — количество единиц текста, имеющих непосредственное отношение к теме — 171; t — общий объем единиц текста (194), подтверждает данный тезис. Вместе с тем необходимо отметить неоднородность семантического ядра, в структуре которого наряду с мелиоративной лексикой достаточно широко оказались представлены словоформы с негативным смысловым содержанием (они составили 40,2 % от общего количества рассмотренных единиц текста). Семантика последних связана с *разрушением* и обозначается лексемами — «уничтожение», демонтаж, снос, утрата; *забвением* — переписывание, фальсификация, искажение, искоренение; *историческими травмами прошлого* — депортации, Холокост, геноцид, голод, голодомор; тревожными психологическими состояниями — страх, травма, ненависть. Кроме того, в семантическом поле оказались представлены неологизмы, отражающие конъюнктурный контекст дискурса о прошлом.

¹ Основные показатели Телеграм по данным Медиаскопа. URL: <https://t.me/mediascopedata/450> (дата обращения: 03.01.2026).

² Данные ресурса «Код Дурова». URL: <https://kod.ru/telegram-mau-record-rus> (дата обращения: 03.01.2026).

Таблица 1. Частота употребления в тексте ключевых слов к лексеме «прошлое»

Лексема	Частота употребления в тексте	Плотность ключевых слов, %	Лексема	Частота употребления каждой лексемы в тексте	Плотность ключевых слов, %
Память	123	4,7	Этноцид, экспансия, насилие, распад, пропаганда, Холокост	9	0,3
Исторический	96	3,7			
Прошлое	65	2,5			
Геноцид	61	2,4	Депортации, приговор, неоколониализм, искоренение, империализм, Победа, независимость, зависимость, Африка	8	0,3
Сохранение	28	1,1			
История	36				
Декolonизация	28	1,1			
Черкесы/ черкесский	28	1,1			
Правда	10	0,4	Искажение, освобождение	7	0,3
Войны	26	1			
Советское(ий)	24	0,9			
Народ	23	0,9	Снос, корни, забытые, перекройка, фашизм, символы	6	0,2
Уничтожение	17	0,7			
Империя/ имперский	30	1,1	Фальсификация, миф, 80-летие, преступление	5	0,2
Памятники	21	0,8			
Колониальный	21	0,8	Голод, чтить, раскол, Сталин, нацизм	4	0,15
Герой	19	0,7			
Великая	17	0,7			
Трагедии	17	0,7	Пересмотр, скорбь, репрессии, ненависть, враждебность, увековечивание, страх, устанавливать, Соловецкий, голодомор, Дзержинский, манипулируют	3	0,11
Демонтаж/ демонтировать	17	0,7			
Мемориальные	16	0,6			
Героическое/ героизация/ Героизм	8	0,3			
СССР	13	0,5			
Декоммунизация, уважение	13	0,5			
Конфликт	12	0,5			
Россия, жертвы, наследие, переписывают	11	0,4	Отрицание, ненавидеть, реванш, ресентимент, травма, демонтировать, уроки	2	0,07
Эпоха, защита, ассимиляция	10	0,4			

Источник: составлено А.А. Ширинянцем и О.Ю. Шмелевой по результатам исследования.

Table 1. Frequency of use of keywords in the text for the lexeme «past»

Lexeme	Frequency of use in the text	Keyword density, %	Lexeme	Frequency of use in the text	Keyword density, %
Memory	123	4.7	Ethnocide, expansion, violence, disintegration, propaganda, Holocaust	9	0.3
Historical	96	3.7			
Past	65	2.5			
Genocide	61	2.4	Deportations, sentence, Victory, neocolonialism, eradication, Africa, imperialism, independence, dependence	8	0.3
Preservation	28	1.1			
History	36				
Decolonization	28	1.1			
Circassians/ Circassian	28	1.1			
Truth	10	0.4	Distortion, Liberation	7	0.3
Wars	26	1			
Soviet	24	0.9			
People	23	0.9	Demolition, roots, forgotten, remake, fascism, symbols	6	0.2
Destruction	17	0.7			
Empire	30	1.1	Falsification, myth, crime, 80th anniversary	5	0.2
Monuments	21	0.8			
Colonial	21	0.8	Victims, famine, honor, schism, Stalin, nazism	4	0.15
Hero	19	0.7			
Great	17	0.7			
Tragedies	17	0.7	Revision, grief, repression, hatred, hostility, commemoration, fear, establishment, Solovetsky, Holodomor, Dzerzhinsky, manipulation	3	0.11
Dismantling/ dismantling	17	0.7			
Memorial	16	0.6			
Heroic/heroization/ heroism	8	0.3			
USSR	13	0.5			
Decommunization, respect	13	0.5			
Conflict	12	0.5			
Russia, heritage, rewriting, victims	11	0.4	Denial, hate, revenge, resentment, trauma, respect, dismantling, lessons	2	0.07
Era, protection, assimilation	10	0.4			

Source: compiled by A.A. Shirinyants, O.Yu. Shmeleva.

Представленные в семантическом поле сетевого дискурса о прошлом лексемы выстраиваются вокруг основных тем, обозначенных в табл. 2.

Таблица 2. Основные темы медиадискурса об историческом прошлом России

Тема дискурса (основная идея)	Коннотации		Всего постов
	Позитивные	Негативные	
История Российской империи	2	3	5
История советского прошлого			
Великая Отечественная война	7	3	10
Террор, репрессии	–	3	3
Образование СССР, советское прошлое в целом	3	5	8
Национальное строительство	1	3	4
Гражданская война	–	2	2
Голод 1932–1933 гг.	–	3	3
Всемирная история	–	2	2
Герои/героизация прошлого	6	1	7
История в лицах	5	–	5
Переписывание, забвение, фальсификация, демонтаж		34	34
Другие, в том числе сохранение исторической памяти	25	12	37

Источник: составлено А.А. Ширинянцем и О.Ю. Шмелевой по результатам исследования.

Table 2. Main themes of media discourse about Russia's historical past

Topic of the Discourse (Main Idea)	Connotations		Total posts
	Positive	Negative	
History of the Russian Empire	2	3	5
History of the Soviet Past			
Great Patriotic War	7	3	10
Political Regime of the USSR, terror, repressions	–	3	3
Formation of the USSR, the Soviet Past	3	5	8
Nation Building	1	3	4
Civil War	–	2	2
Famine of 1932–1933 Голод 1932–1933 годов	–	3	3
World History	–	2	2
Heroes/Glorification of the Past	6	1	7
History in Persons	5	–	5
Rewriting, Forgetting, Falsification, Dismantling		34	34
Others, Including Preserving Historical Memory	25	12	37

Source: compiled by A.A. Shirinyants, O.Yu. Shmeleva.

Одной из ключевых тем постов в Телеграм, касающихся исторической политики, стала деколонизация, получившая отражение в рамках дискурса об имперском прошлом России, лейтмотивом которой являются идеи ущемления прав, притеснения, геноцида народов России. Данная проблематика активно политизируется отдельными субъектами сетевого дискурса и служит инструментом дезинтеграции российского общества, дискредитации власти. Основная часть репрезентируемых в медиадискурсе событий, однако, связана с советским прошлым. Сюжеты советской истории доминируют в информационном поле как по числу постов, так и по идейно-смысловой нагрузке, касаются событий гражданской войны, голода на Украине 1932–1933 гг., образования СССР и дочерней с ней проблематики советского политического режима, политических репрессий, событий Великой Отечественной войны, включая тему подвигов советских граждан.

Обсуждение

Проведенный анализ медиатекстов позволил выделить ряд тенденций в репрезентации исторического прошлого. Первая из них связана с *усилением фрагментированности и неоднородности* идейно-смыслового пространства сетевого дискурса о прошлом, в котором отчетливо просматриваются контуры двух противоположных стратегий репрезентации прошлого — созидательной (охранительной) и разрушительной (деструктивной), основанные на различных целевых, ценностных установках, идеологических интерпретациях событий прошлого, подходах к трактовке истории, свидетельствующих о «неоднозначном восприятии исторического прошлого» [Василевская, Фадеева 2024: 557] и позволяющих противоборствующим сторонам «включать свое противоположное видение событий в общий контекст более высокого уровня» [Адорно 2005: 69, 72]. Первая ориентирована на продвижение консолидирующих нарративов и исторических практик, созидательных видов и форм деятельности, их популяризацию (установка памятников, меры по сохранению исторической памяти и пр.), вторая — на актуализацию травм, преступлений прошлого, основана на разоблачениях, забвении, страхах, культивировании ненависти, вражды. Деструктивные смыслы поддерживаются и актуализируются на пространстве Телеграм преимущественно оппозиционными структурами и субъектами («Лига свободных наций» (в 2023 г. признана нежелательной по решению Генпрокуратуры России, в 2024 г. — признана Верховным Судом РФ террористической организацией), «Правительство независимого Татарстана в изгнании» (внесена Министерством юстиции РФ в список экстремистских организаций) и др.), продвигающими посредством исторического ресурса идеи сепаратизма, внутреннего раскола страны. Коммуникативная стратегия данных акторов ориентирована на пересмотр и альтернативную трактовку отдельных событий прошлого, их политизацию (например, взятие Казани в 1551 г., депортация народов Северного Кавказа в годы Великой Отечественной войны, присоединение кавказских территорий в XIX в.), ревизию базовых традиционных российских

ценностей (единства, *признания значимости государства* всеми ведущими сегментами общества). Реализация данной стратегии находит свое отражение в таких смысловых конструкциях, как «утрата татарской независимости» и прочих, противоречащих официальной позиции. Примером аналогичной деструктивной деятельности стали посты в Телеграм в указанный период времени о «геноциде черкесов», «ущемлении тюркских народов» (башкир и татар)³. Альтернативная трактовка событий российской истории нашла отражение в посте про «смоленскую республику» и «европейские корни» Смоленска⁴.

Вторая тенденция отражает изменение механизма репрезентации прошлого, связанного с упрощением (примитивизацией) трактовок истории, снижением когнитивной нагрузки на адресата. Примитивизация достигается за счет «оперирования стереотипами обыденного сознания», исторической памяти, идеологиями исторической политики, принимаемыми за аксиому [Воскресенская 2022: 300, 301, 303] (например, фашистские зверства); смещения фокуса исторического дискурса на чувственно-эмоциональную составляющую в репрезентации событий прошлого, активации механизма дихотомичного мышления (плохо — хорошо, свой — чужой, добрый — злой).

Усиление эмоционально-аффективного компонента механизма репрезентации прошлого связано с третьей тенденцией — *негативацией* сетевого дискурса о прошлом, характеризующейся ростом негативной семантики как одного из проявлений семантической трансформации, отличающейся контекстуальным характером. Наглядным проявлением данной тенденции стало активное использование субъектами Телеграм-дискурса дисфемизмов, пейоративной лексики, стигм, а также широкого спектра манипулятивных технологий (ресентимента, стигматизации, сторителлинга), имеющих целью усиление эмоционального воздействия на адресата.

Негативация Телеграм-дискурса стала одним из направлений общей, глобальной тенденции в сетевой коммуникации, связанной с *семантической трансформацией репрезентации прошлого*, проявляющейся по нескольким направлениям. В информационном массиве сообщений отчетливо прослеживается пейорация — придание слову отрицательной коннотации, осуждение, критика, распространяющаяся, например, на оценку вербальных и физических действий руководства ЕС и реализуемой ими политики («фейковый министр», «русофобские режимы», «ЕСовка»); многократное использование метафорических переносов для усиления экспрессивных оценок («стирание прошлого/воспоминаний» (10)⁵, «демонтаж истории/памяти» (4), «откат от целей» (4), «звериный почерк», «перестройка исторической карты», «западные хищники», «демонические мятежники», «приговор российскому империализму»,

³ Черкесский Ренессанс (владелец данного информационного ресурса признан лицом, нарушающим законодательство РФ) А. Тумов. Лига свободных наций (признана нежелательной, террористической и запрещенной на территории РФ организацией).

⁴ Московитская дипломатия и стирание памяти. Канал «Смоленская республика» (владелец данного информационного ресурса признан лицом, нарушающим законодательство РФ).

⁵ Количество упоминаний метафор в анализируемом информационном массиве.

«вычищать все русское», «замылить темные страницы истории», «мусорная корзина истории», «символические войны», «конфликтное поле» и др.), дисфемизмов («предатель», «фальсификатор», «враг народа» и пр.). Еще один вектор семантических трансформаций связан с появлением в сетевом дискурсе неологизмов («ЕСовка», «россиефобия»), а также новых образов, интерпретаций событий, личностей. Примером данного вектора семантической трансформации служит изменение в медийном поле под влиянием современной конъюнктуры семантики и коннотаций восстания декабристов и их собирательного образа («не герои-освободители, но и не «демонические мятежники», «они элита, которая ошиблась в средствах, но не в любви к России») (пост в официальном канале В. Мединского от 11.12.2025 г.) .

Наконец, еще одна тенденция репрезентации прошлого в современном российском сетевом дискурсе связана с попытками *конструирования актуального прошлого*, понимаемого в научном сообществе как «своеобразный репертуар исторических событий, фигур и символов, которые наделяются смыслами... значимыми для современных политических практик, ядро которого составляют устоявшиеся мифы о событиях прошлого» [Малинова 2017: 18]. В Телеграм-каналах актуализируются преимущественно события советского периода (гогод 1932–1933 гг., репрессии, гражданская война, Карибский кризис), а также отдельные исторические сюжеты имперской России по большей части имеющие неоднозначную или негативную трактовку событий с целью проведения «выгодных» исторических параллелей, наделения негативными смыслами нарративов, интерпретация которых строится на мифах о намеренном голодоморе, колонизации народов России и др. и сопровождающиеся соответствующей лексикой («геноцид», «приговор империализму», «деколонизация», «деколонизационные рейды» и пр.)⁶.

Заключение

Репрезентация прошлого является одним из основополагающих структурных элементов политики памяти, инструментом конструирования смыслов, мировоззренческих установок и ценностей, идейного обеспечения политического процесса.

Позиционирование исторических событий в современном Телеграм-дискурсе подчинено сетевой логике генерирования смыслов, характеризуется политизацией, противоположными интенциями исторического сознания пользователей платформы, тенденциями и стратегиями интерпретации истории, хаотичностью семантической матрицы сетевого дискурса о прошлом, неоднородностью и эклектичностью смысловых доминант. Содержательным аспектом

⁶ Старый Следопыт (владелец данного информационного ресурса признан Роскомнадзором лицом, нарушающим законодательство РФ); Yuri Latysh (признан Роскомнадзором лицом, нарушающим законодательство РФ) «The politics of memory has become an important part of the Russo-Ukrainian war» // Историческая экспертиза. 29.11.2025. URL: https://t.me/s/istorex_ru/9715.

репрезентации прошлого является ограниченность спектра базовых исторических символов, избирательный подход власти к выбору тем, эпизодов, сюжетов в качестве коммеморативных практик.

Процесс репрезентации исторического прошлого отличается конъюнктурностью, ситуативностью, динамичностью. Современные вызовы (цифровизация, клиповизация сознания, когнитивные и информационные войны) определяют контуры семантических изменений сетевого дискурса о прошлом, связанные с упрощением трактовок исторических событий, их субъективацией, смещением фокуса восприятия событий с когнитивной на чувственно-эмоциональную составляющую, негативизацией дискурса и др.

Ситуация с репрезентацией исторического прошлого России, которая складывается на настоящий момент в сетевом дискурсе, не способствует формированию целостного исторического и политического мировоззрения россиян, объективных представлений об исторических событиях, характеризуется фрагментированностью дискурса о прошлом и требует выработки системного подхода к реализации политики памяти на разных уровнях государственного управления, преодоления асинхронности темпов реализации политики памяти на смысловом и институциональном уровнях, которая становится фактором риска дезинтеграции общества на фоне попыток дестабилизации внутривнутриполитической ситуации в РФ.

Поступила в редакцию / Received: 12.12.2025

Доработана после рецензирования / Revised: 23.12.2025

Принята к публикации / Accepted: 15.02.2026

Библиографический список

- Адорно Т.В. Что означает «проработка прошлого» // Память о войне 60 лет спустя: Россия, Германия, Европа. Москва : Новое литературное обозрение, 2005. С. 64–80. EDN: WJQGEN.
- Аникин Д.А. От политики покаяния к культуре отмены: трансформация исторического забвения в условиях медиатизации прошлого // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2024. № 80. С. 74–85. <http://doi.org/rm10.17223/1998863X/80/7> EDN: PDZBZS.
- Ассман А. Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика / пер. с немец. Б. Хлебникова. Москва : Новое литературное обозрение, 2014.
- Василевская А.А., Фадеева М.Ю. Трансмедийный сторителлинг как технология актуализации мнемического опыта в русско-немецком диалоговом континууме // Мир науки, культуры, образования. 2024. № 4 (107). С. 557–560. <http://doi.org/10.24412/1991-5497-2024-4107-556-560> EDN: YROUUK.
- Воскресенская М.А. Историческая информация в современной российской прессе: языки медийной репрезентации // Медиалингвистика. 2022. Т. 9. № 4. С. 288–308. <http://doi.org/10.21638/spbu22.2022.401> EDN: PXTYWO.
- Малинова О.Ю. Неудобный юбилей: итоги переосмысления «мифа основания» СССР в официальном нарративе РФ // Политическая наука. 2017. № 3. С. 13–40. EDN: ZRCUDH.

- Нора П. Франция-память / П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пюимеж, М. Винок; пер. с фр. Д. Хапаевой. СПб : Изд-во Санкт-Петербургского университета, 1999. 328 с.
- Соловьёва Д.Ю. Новый историзм в репрезентации истории в цифровой среде // Вестник Московского университета. Сер. 10. Журналистика. 2018. № 4. С. 26–54. <http://doi.org/10.30547/vestnik.journ.4.2018.2654> EDN: XVLQVN.
- Хальбвакс М. Коллективная и историческая память // Память о войне 60 лет спустя: Россия, Германия, Европа. Москва : Новое литературное обозрение, 2005. С. 16–50. EDN: WJQGEH.
- Artamonov D.S., Medvedeva E.N., Tikhonova S.V., Volovikova M.L. Holy Selfie as the Channel of Media Memory in the Digital World // *Galactica Media: Journal of Media Studies*. 2021. Vol. 3. No. 2. P. 14–27. <http://doi.org/10.46539/gmd.v3i2.150> EDN: GPJPVQ.
- Erll A. Kollektives Gedächtnis und Erinnerungskulturen. Berlin-Heidelberg: Goethe-Universität Frankfurt, 2017. http://doi.org/10.1007/978-3-476-05495-1_4.
- Hein D. Erinnerungskulturen online. Angebote, Kommunikatoren und Nutzer von Websites zu Nationalsozialismus und Holocaust. Konstanz: UVK, 2009. S. 275–276. <http://doi.org/10.5771/1615-634x-2010--275>.
- Sebald G. Digitale Medien und Gedächtnis — aus der Perspektive einer Gedächtnissoziologie // *Digitale Medien und soziale Gedächtnisse* / G. Sebald & M.-K. Döbler (eds.). Wiesbaden: Springer Fachmedien Wiesbaden GmbH. 2018. S. 29–51. http://doi.org/10.1007/978-3-658-19513-7_2.
- Save As... Digital Memories / ed. by J. Garde-Hansen, A. Hoskins, A. Reading. Basingstoke; NY : Palgrave Macmillan, 2009. <https://doi.org/10.1057/9780230239418>
- Silence, Screen, and Spectacle: Rethinking Social Memory in the Age of Information / ed. by L.A. Freeman, B. Nienass, R. Daniell. New York, Oxford : Berghahn Books, 2014. <https://doi.org/10.3167/9781782382805>
- Van Dijck J. Mediated memories in the digital age. Stanford-California : Stanford University* Press, 2007. (*Стэнфордский университет включен в перечень иностранных организаций, деятельность которых признана нежелательной на территории РФ).

References

- Adorno, T.V. (2005). What does «working through the past» mean? *Memory of the war 60 years later: Russia, Germany, Europe*. (p. 64–80). Moscow: New Literary Review. (In Russian). EDN: WJQGEH.
- Anikin, D.A. (2024). From the politics of regret to cancel culture: The transformation of historical oblivion in the context of the mediatization of the past. *Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*, 74–85. (In Russian). <http://doi.org/10.17223/1998863X/80/7> EDN: PDZBZS.
- Artamonov, D.S., Medvedeva, E.N., Tikhonova, S.V., & Volovikova, M.L. (2021). Holy selfie as the channel of media memory in the digital world. *Galactica Media: Journal of Media Studies*, 3(2), 14–27. <http://doi.org/10.46539/gmd.v3i2.150> EDN: GPJPVQ.
- Assman, A. (2014). *The long shadow of the past: Memorial culture and historical politics*. Moscow: New Literary Review. (In Russian).
- Erll, A. (2017). *Kollektives Gedächtnis und Erinnerungskulturen*. Berlin-Heidelberg: Goethe-Universität Frankfurt. https://doi.org/10.1007/978-3-476-05495-1_4
- Freeman, L.A., Nienass, B., & Daniell, R. (2014). *Silence, screen, and spectacle: Rethinking social memory in the age of information*. New York — Oxford: Berghahn Books. <https://doi.org/10.3167/9781782382805>
- Garde-Hansen, J., Hoskins, A., Reading, & Basingstoke A. (Eds.). (2009). *Save as... Digital memories*. NY: Palgrave Macmillan. <https://doi.org/10.1057/9780230239418>

- Halbwachs, M. (2005). Collective and historical memory. *Memory of the War 60 Years Later: Russia, Germany, Europe* (p. 16–50). Moscow: New Literary Review. (In Russian). EDN: WJQGEH.
- Hein, D. (2009). *Erinnerungskulturen online. Angebote, Kommunikatoren und Nutzer von Websites zu Nationalsozialismus und Holocaust*. Konstanz: UVK. <http://doi.org/10.5771/1615-634x-2010-275>.
- Malinova, O.Yu. (2017). An inconvenient anniversary: The results of rethinking the «founding myth» of the USSR in the official narrative of the Russian Federation. *Political Science (RU)*, 3, 13–40. (In Russian). EDN: ZRCDUH.
- Nora, P. (1999). *France-Memory* /P. Nora, M. Ozouf, J. de Puimege, M. Vinok. St. Petersburg: Publishing house of St. Petersburg University. (In Russian).
- Sebald, G. (2018). Digitale Medien und Gedächtnis — aus der Perspektive einer Gedächtnissoziologie. *Digitale Medien und soziale Gedächtnisse*. In G. Sebald & M.-K. Döbler (Eds.), Wiesbaden: Springer Fachmedien Wiesbaden GmbH. 29–51. https://doi.org/10.1007/978-3-658-19513-7_2
- Solovyova, D.Yu. (2018). New historicism in the representation of history in the digital environment. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10. Zhurnalistsika*, 4(10), 26–54. (In Russian). <https://doi.org/10.30547/vestnik.journ.4.2018.2654> EDN: XVLQVN.
- Van Dijck, J. (2007). *Mediated memories in the digital age*. Stanford-California: Stanford University* Press. (*The activities of Stanford University have been deemed undesirable in the Russian Federation).
- Vasilevskaya, A.A., & Fadeeva, M.Yu. (2024). Transmedia storytelling as a technology for actualizing mnemonic experience in the Russian-German dialogue continuum. *World of Science, Culture, Education*, 4(107), 557–560. (In Russian). <http://doi.org/10.24412/1991-5497-2024-4107-556-560> EDN: YROUUK.
- Voskresenskaya, M.A. (2022). Historical information in the modern Russian press: Languages of representation. *Media Linguistics*, 9(4), 288–308. (In Russian). <https://doi.org/10.21638/spbu22.2022.401>. EDN: PXTYWO.

Сведения об авторах:

Ширинянц Александр Андреевич — доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой истории социально-политических учений факультета политологии, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова; профессор кафедры сравнительной политологии факультета гуманитарных и социальных наук Российский университет дружбы народов (e-mail: jants@yandex.ru) (ORCID: 0000-0002-6949-2256)

Шмелева Ольга Юрьевна — доктор политических наук, доцент кафедры политологии Института международных отношений и мировой истории, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского (e-mail: o_shmeleva1977@mail.ru) (ORCID: 0000-0002-7082-5433)

About the authors:

Aleksander A. Shirinyants — Doctor of Political Sciences, Professor, Head of the Department of Socio-Political Studies, Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University; Professor of the Department of Comparative Political Science, Faculty of Humanities and Social Sciences, RUDN University (e-mail: jants@yandex.ru) (ORCID: 0000-0002-6949-2256)

Olga Yu. Shmeleva — Doctor of Political Science, Associate Professor of the Department of Political Science, Institute of International Relations and World's History, Lobachevsky University (e-mail: o_shmeleva1977@mail.ru) (ORCID: 0000-0002-7082-5433).

DOI: 10.22363/2313-1438-2026-28-2-279-294

EDN: VCKEBZ

Научная статья / Research article

Образ защитника Отечества: ценностно-нормативное содержание и политико-правовые модели обеспечения коммеморативных практик

А.А. Атаманенко^{1,2} , Ю.С. Матюк¹ , А.Д. Уханов ^{1,3}, Я.Р. Яровенко¹

¹Владивостокский государственный университет, Владивосток, Российская Федерация

²Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте
Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

³Национальный исследовательский университет «Московский энергетический институт»,
Москва, Российская Федерация

vin-chun.95@list.ru

Аннотация. Образ защитника Отечества представляет собой ключевой символический медиатор, который связывает абстрактные категории ценностей и идентичности с конкретными поведенческими практиками. Он является культурной моделью, фигурой воплощения традиционных ценностей. В статье реконструируется и анализируется ценностно-нормативное содержание образа защитника Отечества, доминирующего в общественных представлениях и официальном политическом дискурсе. Методической основой, на которой базируется данное различие, является подход А. Ассман, в рамках которого выделяется культура памяти, носителем которой является общество, и исторической политики, осуществляемой государством. Тем самым образ защитника Отечества осмысливается в контексте исторической политики российского государства. Ключевое внимание при этом уделяется рассмотрению образа в контексте политико-правовых механизмов и моделей обеспечения коммеморативных практик, направленных не только на его фиксацию и сохранение для будущих поколений, но и защиту от осквернения и умаления подвигов защитников, составляющих основу образа. Напряжение между общественными представлениями и официальным дискурсом составляет ключевую проблематику исследования, относительно которой сделаны выводы о потенциальных рисках в виде инструментализации образа, упрощения исторической памяти и формирования неустойчивых представлений.

Ключевые слова: образ защитника Отечества, традиционные ценности, коммеморативные практики, репрезентация, ценностно-нормативная модель, политико-правовые механизмы, героизм

© Атаманенко А.А., Матюк Ю.С., Уханов А.Д., Яровенко Я.Р., 2026

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Благодарности. Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта Министерства науки и высшего образования России и ЭИСИ № FZUG-2025-0004.

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Атаманенко А.А., Матюк Ю.С., Уханов А.Д., Яровенко Я.Р. Образ защитника Отечества: ценностно-нормативное содержание и политико-правовые модели обеспечения коммеморативных практик // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2026. Т. 28. № 2. С. 279–294. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2026-28-2-279-294> EDN: VCKEBZ

The Image of the Defender of the Fatherland: Value-Normative Content and Political and Legal Models for Ensuring Commemorative Practices

Artemiy A. Atamanenko^{1,2} , Yulia S. Matyuk¹ , Anton D. Ukhanov ^{1,3},
Varvara R. Yarovenko¹

¹Vladivostok State University, Vladivostok, Russian Federation

²Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow,
Russian Federation

³National Research University “Moscow Power Engineering Institute”, Moscow, , Russian
Federation

 vin-chun.95@list.ru

Abstract. The image of the defender of the Fatherland is a key symbolic mediator that connects abstract categories of values and identity with specific behavioral practices. He is a cultural model, a figure embodying traditional values. The article reconstructs and analyzes the value-normative content of the defender of the Fatherland image, which dominates public perceptions and official political discourse. The methodological basis on which this distinction is based is the approach of A. Assman, which highlights the culture of memory, the bearer of which is society, and the historical policy implemented by the state. Thus, the image of the defender of the Fatherland is interpreted in the context of the historical policy of the Russian state. The key attention is paid to considering the image in the context of political and legal mechanisms and models for ensuring commemorative practices aimed not only at fixing and preserving it for future generations, but also protecting it from desecration and belittling the exploits of defenders who form the basis of the image. The “tension” between public perceptions and official discourse is a key issue of the study, which draws conclusions about potential risks in the form of image instrumentalization, simplification of historical memory and the formation of unstable ideas.

Keywords: image of the defender of the Fatherland, traditional values, commemorative practices, representation, value-normative model, political and legal mechanisms, heroism

Acknowledgements. The article was prepared with the financial support of a grant from the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation and EISI No. FZUG-2025-0004.

Conflicts of interest. The authors declare no conflicts of interest.

For citation: Atamanenko, A.A., Matyuk, Yu.S., Ukhanov, A.D., & Yarovenko, V.R. (2026). The image of the Defender of the Fatherland: Value-normative content and political and legal models for ensuring commemorative practices. *RUDN Journal of Political Science*, 28(2), 279–294. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2026-28-2-279-294> EDN: VCKEBZ

Введение

Указом Президента России 2025 г. был провозглашен Годом защитника Отечества. Согласно его преамбуле обоснованием выступили необходимость сохранения исторической памяти, 80-летняя годовщина Победы в Великой Отечественной войне, почтение к ветеранам, а также внимание к подвигу участников специальной военной операции¹. Данное решение имеет не только социально-политическое значение, ориентируя органы государственной власти и институты гражданского общества на проведение соответствующих мероприятий, но и актуализирует научное осмысление содержания образа защитника Отечества, а также тех политико-правовых механизмов, которые направлены на обеспечение коммеморативных практик, связанных с ним.

Проблематика образа защитника Отечества ранее становилась предметом многочисленных исследований, число которых значительно выросло с начала текущего года. Однако мы полагаем эту дату не столько причиной, сколько поводом обращения к образу защитника Отечества, поскольку решение Президента РФ вписывается в начатую ранее историческую политику. Тем самым реконструкция образа защитника Отечества становится невозможной без обращения к проблематике исторической политики.

Вместе с тем следует отметить, что в прикладных целях, например в контексте воспитания патриотизма у школьников, к роли образа защитника Отечества весьма часто обращаются представители педагогического сообщества [Волкова 2025; Егiazаров 2025; Щеглеватых 2022]. Важной и весьма традиционной тематикой в гуманитарной науке выступает репрезентация образа защитника Отечества в произведениях литературы [Мелихов 2019; Титова 2022] и иных формах культуры [Серебрякова 2022; Судаков 2016]. Кроме того, следует выделить целый пласт исследований, в которых реконструируются образы, которые связаны с определенной личностью [Григорьев 2025; Резванов 2022] или родом деятельности [Гарбузова 2010]. Все эти исследования представляют не только научную, но и практическую ценность. Однако вместе с тем в литературе практически отсутствуют работы, в которых ценностно-нормативное содержание образа защитника Отечества рассматривалось бы в связи с теми политико-правовыми мерами, которые направлены на обеспечение практик коммеморации.

Таким образом, нами предпринимается попытка проанализировать значение политико-правовых механизмов и институтов, которые не только обеспечивают

¹ Указ Президента РФ от 16.01.2025 № 28 «О проведении в Российской Федерации Года защитника Отечества» // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_496189/ (дата обращения: 30.09.2025).

историческую память о защитниках Отечества. Значение этих политико-правовых механизмов фактически выходит за рамки сохранения и передачи позитивного образа защитника Отечества следующим поколениям, поскольку в своей совокупности они способствуют воспроизводству общности, сохранению идентичности и интеграции индивидов и отдельных сообществ в единое общество через общую систему символов и образов. Именно схожесть смыслов и ценностей, вкладываемых в образ защитника Отечества, среди прочего позволяет членам общества сознавать свою общность. Пристальное внимание к политико-правовым механизмам обеспечения коммеморативных практик, связанных с образом защитника Отечества, обусловлено тем обстоятельством, что зачастую в исследованиях различных ценностных образов, распространенных в российском обществе, дается лишь общее описание образа либо тех средств и форм, с помощью которых этот образ моделируется или репрезентируется в социокультурном пространстве.

Прежде чем перейти к содержательной части, следует сделать важный понятийный комментарий, уточняющий наше понимание образа защитника Отечества. Так, нами предлагается рассматривать его как архетипического персонажа, а также ключевой символический медиатор, который связывает абстрактные категории ценностей и идентичности с конкретными поведенческими практиками. Этот образ является культурной моделью, фигурой воплощения традиционных ценностей, что делает их зримыми, осязаемыми и эмоционально близкими для субъекта. Образ защитника Отечества имеет множественную проявленность в социально-психологических, политических и цивилизационных феноменах и процессах.

Структура работы предполагает, *во-первых*, обращение к исторической политике современной России как пространства функционирования образа защитника Отечества. *Во-вторых*, реконструкцию ценностно-нормативного содержания образа защитника Отечества. И, наконец, *в-третьих*, рассмотрение политико-правовых механизмов обеспечения коммеморативных практик, связанных с образом защитника Отечества.

Образ защитника Отечества в исторической политике современной России

Образ защитника Отечества органически встроен в проводимую Российской Федерацией историческую политику, специфика которой обусловлена следующими обстоятельствами. *Во-первых*, официальные стратегические документы и риторика представителей государства оперирует идеей России как государства-цивилизации. Этот образ предполагает видение страны как «обширной евразийской и евро-тихоокеанской державы, сплотившей русский народ и другие народы, составляющие культурно-цивилизационную общность Русского мира»². *Во-вторых*, в общественном дискурсе присутствует понимание России как

² Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 31 марта 2023 г.) // Официальный сайт Министерства иностранных дел Российской Федерации. URL: <https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586/> (дата обращения: 17.09.2025).

«ковчег традиционных ценностей», которое также артикулируется в дополнение к образу государства-цивилизации³. В-третьих, Россия находится в геополитической конфронтации со странами западного мира (преимущественно страны НАТО), а общий контекст проведения специальной военной операции на территории Украины создает более актуализированный запрос на операционализацию и использование образа защитника Отечества как одного из ценностных инструментов государственной политики.

Этот контекст вкупе с описанными далее правовыми особенностями формирования и использования образа защитника Отечества определяет его современное состояние. Мы можем отметить, что на государственном уровне концепция защитника Отечества связывается с традиционными ценностями. Соответствующий указ Президента РФ, изданный в 2022 г., выделяет среди таковых «патриотизм», «служение Отечеству и ответственность за его судьбу», «историческую память и преемственность поколений»⁴.

В этом плане показательно сравнение российского дискурса с американским, в рамках которого конструируется не образ защитника Отечества, а просто образ защитника, что осуществляется через языковые «единицы, обозначающие основные американские ценности (free, freedom, democracy, values, responsibility, democracy, liberate, dignity)» [Поплавская 2020]. Иными словами, цивилизационная специфика проявляется как в наименовании образа, так и в том наборе ценностей, через который осуществляется его формирование.

Таким образом, образ защитника Отечества в современной России органически встраивается в проводимую государством историческую политику и представляет собой важный смысловой конструкт, опирающийся на цивилизационную идентичность российского общества и характерный для него набор традиционных ценностей.

Ценностно-нормативное содержание образа защитника Отечества

Ценностно-нормативное содержание образа защитника Отечества может быть проанализировано как минимум в двух измерениях: *общественные представления* и *официальный дискурс*. Методологически данное различие основано на подходе А. Ассман, различавшей культуру памяти, носителем которой является общество, и политику памяти, осуществляемую государством. [Ассман 2014: 17–62].

Общественные представления раскрывают содержание образа защитника Отечества, укорененного в массовом сознании. Они обуславливаются историческим опытом и концентрировано выражают ключевые смыслы и ценности,

³ Россия как Ноев ковчег для людей созидательных ценностей // Международная жизнь. 18.04.2025. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/51206> (дата обращения: 17.09.2025).

⁴ Указ Президента РФ от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_430906/ (дата обращения: 30.09.2025).

укорененные в культуре. Официальный дискурс, в свою очередь, раскрывается, во-первых, через высказывания политических деятелей о защитниках Отечества, и, во-вторых, через доктринальные акты, закрепляющие основные направления государственной политики в сфере сохранения исторической памяти о защитниках Отечества.

Итак, последовательно проанализируем особенности репрезентации образа в обозначенных сферах, выделим их общие и особенные элементы и представим интегративную модель образа защитника Отечества, доминирующую в современной России.

Общественные представления россиян о защитниках Отечества были выявлены в ходе проведенного в начале февраля 2025 г. опроса, проведенного Всероссийским центром изучения общественного мнения (ВЦИОМ)⁵. Анализ представленных данных показывает, что в сознании россиян образ защитника Отечества сочетает военные и гражданские черты, формируя сложный социально-идеальный тип. На первом месте традиционно стоят военнослужащие (70 %), что в целом отражает милитаризацию понятия защиты. При этом обнаруживается тренд на расширение образа и включение в него представителей иных профессий, чья деятельность связана со служением обществу. Так, к защитникам Отечества относят, например, правоохранителей (23 %), медиков (18 %). Ключевыми качествами защитника считаются духовно-нравственные качества, среди которых особое место занимают мужество и сила воли (53 %), патриотизм (20 %), гуманизм и благородство, вера, сильный дух (по 19 %), верность воинскому долгу (17 %). Примечательно, что такие параметры, как здоровье и профессионализм (3 %), практически не значимы, что указывает на операционализацию образа через духовные ценности.

Историческим идеалом защитника Отечества выступают участники Великой Отечественной войны. Однако лишь представители старших поколений (84 %) практически без сомнения разделяют тезис о том, что участники специальной военной операции такие же герои, как участники Великой Отечественной войны. Среди молодежи лишь треть готова разделить данное утверждение. В определенном смысле это указывают на то, что исторические параллели о защитниках Отечества не всегда в равной мере разделяются представителями различных поколений.

Еще одним источником познания общественных представлений о защитниках Отечества является медиапространство. Его анализ показывает, что этот образ включает как классические символы воинской доблести, фигуры солдат и офицеров, стоящих на страже Отечества, так и более расширенные, культурно насыщенные элементы. Например, широко используется конструкция «вежливые люди», которая в современном контексте приобрела дополнительные смысловые оттенки, ассоциирующиеся с секретными, ответственно выполняемыми задачами, а также религиозные метафоры, такие как «Архангел»,

⁵ Герои нашего времени // ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/geroi-nashego-vremeni> (дата обращения: 10.10.2025).

подчеркивающие героический и священный статус защитника [Чудина, Сегал 2023].

Метафорика, основанная на культурных прецедентах и цитатах (например, часто встречаемая фраза «Есть такая профессия. Родину защищать» из к/ф «Офицеры»), способствует укреплению узнаваемости и эмоциональной насыщенности образа защитника Отечества [Там же]. Важной тенденцией является расширение представлений о защитнике, в случаях, когда субъектом становится не только военнослужащий, но и каждый гражданин страны, готовый сохранять традиционные ценности и цивилизационные ориентиры в условиях вызовов, стоящих перед страной. Такой широкомасштабный образ отражает социальную и культурную необходимость формирования коллективной идентичности и обеспечивает его частотное использование в медиатексте, что делает его одним из ключевых смыслов современности. Таким образом, можно заключить, что образ защитника, представленный в медиапространстве, хотя и эволюционирует, однако его смысловое ядро неизменно и предполагает наличие таких ценностных характеристик, как патриотизм, стойкость и готовность защищать Отечество в условиях современных вызовов.

Таким образом, следует заключить, что *в общественном представлении* сложился сугубо положительный образ защитника Отечества как носителя духовно-нравственных ценностей и идеалов, однако оценка конкретного воплощения этого образа сильно разнится в зависимости от возрастной группы.

В *официальном дискурсе* последних лет тематика защитников Отечества и памяти о них прочно связана (практически отождествлена) с темой участников (героев, бойцов и т.д.) специальной военной операции. В речах представителей российской власти участники СВО характеризуются как истинные патриоты и защитники Отечества. Их подвиг рассматривается в контексте многовековых традиций служения Отечеству, что подчеркивает преемственность ценностей российского общества⁶. Так, наиболее часто подчеркивается, что участники СВО совершают подвиг, сравнимый с подвигами прошлого (наиболее часто в качестве примеров приводятся Отечественная война 1812 г. и Великая Отечественная война). Кроме того, последовательно проводится мысль о высоком моральном облике военнослужащих, участвующих в СВО. В выступлениях акцент делается на их мужестве, преданности Родине и готовности к самопожертвованию. Такая риторика призвана формировать уважительное отношение общества к защитникам страны⁷.

Иными словами, сравнения с героями Великой Отечественной войны используются не для прямых исторических параллелей, а для подчеркивания традиционных ценностей российского воинства, таких как честь, долг и верность

⁶ Путин назвал бойцов СВО прямыми наследниками героев Великой Отечественной // ТАСС. URL: <https://tass.ru/politika/24328895> (дата обращения: 10.10.2025).

⁷ Вячеслав Володин: мы должны сделать все возможное, чтобы память о наших героях — участниках СВО жила вечно // Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации : официальный сайт. URL: <http://duma.gov.ru/news/60222/> (дата обращения: 10.10.2025).

присяге. Это позволяет сохранить связь между поколениями и укрепить чувство цивилизационного единства. Таким образом, в выступлениях представителей власти образ участников СВО формируется как пример верного служения Родине, что соответствует традиционным представлениям о героизме в российском обществе. Подобная риторика способствует общественной консолидации, защите национальных интересов и исторической правды.

Еще одним аспектом функционирования образа защитника Отечества в официальном дискурсе является характеристика участников СВО как новой элиты [Михеев, Александрова 2024]. В таком понимании защитник перестает быть просто военнотружущим и превращается в ключевую фигуру для социального и управленческого воспроизводства. Данный пример показывает, что политика памяти направлена также на будущее, поскольку позитивная коннотация, достигаемая через сопоставление с героическими образами прошлого, позволяет вкладывать в образ защитника Отечества идею лидерства в будущем.

Подытожим, что образ защитника Отечества в российском обществе формируется на основе традиционных духовно-нравственных ценностей, актуализирующихся в условиях современных социально-политических реалий. В официальном дискурсе делается акцент на преемственности с героями прошлых поколений. Такая риторика не только укрепляет патриотические настроения, но и консолидирует общество вокруг защиты национальных интересов. В медиапространстве этот образ дополняется конкретными примерами героизма, что делает образ защитника Отечества более живым и человечным. Среди граждан восприятие защитника Отечества прочно связано с высокими нравственными качествами и идеалами. Доминирующим является уважение к воинскому долгу и идее служения. Таким образом, ценностно-нормативное содержание этого образа объединяет традиции, современные реалии и государственную политику, играя ключевую важную роль в формировании цивилизационной идентичности современного российского общества.

На этом следует перейти к анализу конкретных политико-правовых механизмов обеспечения коммеморативных практик, связанных с образом защитника Отечества.

Политические аспекты обеспечения коммеморативных практик

Обращаясь к политическим механизмам обеспечения коммеморативных практик, следует отметить, что преамбула президентского указа о Года защитника Отечества объединяет в качестве защитников Отечества ветеранов и участников специальной военной операции⁸. Можно сказать, что в текущей конфигурации мемориальной политики именно эти две категории защитников Отечества являются ключевыми с точки зрения символического потенциала и значения

⁸ Указ Президента РФ от 16.01.2025 № 28 «О проведении в Российской Федерации Года защитника Отечества» // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_496189/ (дата обращения: 30.09.2025).

государства. Отдельно можем выделить открытую на базе Президентской Академии в феврале 2024 г. образовательную программу «Время героев», целью которой является подготовка управленческих кадров из числа участников командного состава армии РФ, принимающих участие в специальной военной операции. Официальным символом программы стала Георгиевская лента в форме латинской буквы Z. Данное изображение соединяет как традиционный символический код, ассоциируемый с памятью о Великой Отечественной войне, так и более современные моменты символического обрамления, возникшие вокруг специальной военной операции. Можем сказать, что и риторика вокруг программы, и ее смысловое наполнение формируют представление о выпускниках как наследниках героев-защитников времен Великой Отечественной войны.

За пределами государственной политики мы также можем обнаружить функционирование образа защитника Отечества как мемориального конструкта. На сайте Русского музея представлена виртуальная выставка «И вся Россия за спиной»: защитники Отечества в русском изобразительном искусстве⁹, охватывающая периоды от Древней Руси до Великой Отечественной войны. В 2025 г. в Зарядье в Москве прошла выставка «Грековцы: под знаменем Победы», посвященная творчеству Студии военных художников имени М.Б. Грекова¹⁰. Картины посвящены различным этапам военной истории России, в первую очередь Великой Отечественной войне и специальной военной операции. Использование столь крупных центральных культурных площадок для транслирования соответствующих образов говорит о значимости этого направления в культурной политике.

Также следует отметить литературную среду. Программы крупнейших книжных выставок и ярмарок (noNFiction, «Красная площадь», ММКЯ) регулярно включают мероприятия и презентации книг и иных изданий, посвященных защитникам Отечества. В этом смысле и книжный мир является одной из проекций функционирования образа защитника Отечества.

Наконец, отметим общественное участие в области политики памяти. Наиболее яркой является деятельность движений «Бессмертный полк» и «Бессмертный полк России», основанных на общей идее. Движения организуют приуроченные к Дню победы шествия, в ходе которых участники проносят портреты своих родственников, принимавших участие в Великой Отечественной войне. И вновь мы говорим о центральном месте именно участников Великой Отечественной войны в формировании общего образа. Ключевые профильные общественные организации, Российское историческое общество и Российское военно-историческое общества также в своей работе заметную роль уделяют именно защитникам Отечества, хронологически

⁹ «И вся Россия за спиной» Защитники Отечества в русском изобразительном искусстве // Виртуальный Русский музей. URL: https://rusmuseumvrm.ru/online_resources/art_gallery/i_vsyaya_rossiya_zh_spinoi/index.php (дата обращения: 27.09.2025).

¹⁰ Выставка «Грековцы. Под знаменем Победы» в Паркинг Галере // Зарядье. URL: <https://www.zaryadyepark.ru/news/vystavka-grekovtsy-pod-znamenem-pobedy-v-parking-galeree/> (дата обращения: 27.09.2025).

локализованным в периоде Великой Отечественной войны. Например, в статье, посвященной Дню защитника Отечества, на сайте РИО подчеркивается именно советский контекст возникновения праздника, пусть и подчеркивается его современная универсальность¹¹. В рамках деятельности РВИО можно выделить проект «Место памяти», посвященный картированию памятников защитникам Отечества на территории России. Официальная статистика говорит о том, что за время работы проекта собрана информация о 18 631 памятнике, посвященном Великой Отечественной войне или специальной военной операции.

Обратившись к общему политическому контексту, мы можем отметить несколько особенностей политического использования образа защитника Отечества в политике памяти России. В первую очередь образ защитника Отечества становится выражением традиционных ценностей, являющихся ценностным фундаментом концепции России как государства-цивилизации. Также мы видим, что на практике под защитниками Отечества чаще всего подразумеваются участники и ветераны Великой Отечественной войны, затем участники специальной военной операции. Представители иных исторических эпох также удостоиваются этого эпитета, однако в меньших объемах. Наконец, формирование образа защитника Отечества связано не только с государственной политикой, но также инициативами в области культуры и деятельностью организаций гражданского общества. Все эти проекции являются составными элементами комплексного образа защитника Отечества, используемого в политической, общественной и культурной жизни с целью памятования и наделения этих образов ценностным наполнением.

Правовые аспекты обеспечения коммеморативных практик

Формирование правовых инструментов обеспечения коммеморативных практик обусловлены ранее обозначенными вызовами, среди которых попытки пересмотра исторического прошлого, умаление колоссального вклада советского народа в победу во Второй мировой войне. Иными словами, в XXI в. «войны памяти» о Второй мировой войне достигли такого масштаба, что на конституционном уровне стали определяться понятия «сохранение памяти предков» и «защита исторической правды» [Дорская, Дорский 2025].

Однако еще в 2020 г. в Конституцию Российской Федерации были внесены изменения, направленные на отражение «исторических истоков, духовных традиций и собственных устоев российского общества» [Хабриева 2020]. Так, в ч. 3 ст. 67.1 Конституции РФ закреплено, что Российская Федерация чтит память защитников Отечества, обеспечивает защиту исторической правды, не допускается умаление значения подвига народа при защите Отечества¹², это положение

¹¹ 23 февраля — День защитника Отечества. Чем важен этот праздник для нас? // Российское историческое общество. 23.02.2025. URL: <https://historyrussia.org/sobytiya/23-fevralya-den-zashchitnika-otechestva-chem-vazhen-etot-prazdnik-dlya-nas.html> (дата обращения: 27.09.2025).

¹² Конституция Российской Федерации, принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 // КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 15.10.2025).

стало логическим продолжением преамбулы Конституции, провозглашающей одну из главных традиций российского народа — чтить память предков, передавших нам любовь и уважение к Отечеству. Закрепление данной правовой нормы служит целям противодействия посягательствам на историческую правду и является ответной реакцией на злонамеренное искажение исторических фактов [Хабриева, Клишас 2020], что в отдельных случаях выливается в разрушение и осквернение мемориалов и захоронений воинов.

Следует отметить, что правовое регулирование сохранения исторической памяти российского народа началось задолго до внесения вышеуказанных поправок в основной закон страны. Федеральный закон «Об увековечении Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов»¹³ обеспечивает правовые основы сохранения памяти о защитниках Родины и провозглашает решительную борьбу с проявлениями фашизма в качестве важнейшего направления государственной политики Российской Федерации по увековечению Победы советского народа в Великой Отечественной войне.

В целях обеспечения защиты исторического наследия глава Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ) «Преступления против мира и безопасности человечества» была дополнена новой статьей 354.1 «Реабилитация нацизма». Так, частью 3 данной статьи предусмотрена ответственность за осквернение символов воинской славы России, оскорбление памяти защитников Отечества либо унижение чести и достоинства ветерана Великой Отечественной войны, совершенные публично. Часть 4 предусматривает ответственность за те же деяния, совершенные с использованием средств массовой информации либо информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети «Интернет»¹⁴.

При этом важно отметить, что динамика изменений данной статьи наглядно демонстрирует расширение политики памяти, включение в ее «орбиту» памяти о защитниках Отечества. Так, в первоначальной редакции в ч. 3 было сказано о днях воинской славы и памятных датах России, связанных с защитой Отечества, а также о символах воинской славы. Упоминание защитников Отечества появилось в 2021 г. в связи с внесением поправок в УК РФ [Аникин, Головашина 2023].

Согласно статистическим данным, за 5 лет в период с 2018 по 2023 г. количество зарегистрированных преступлений в исследуемой сфере (ст. 354.1 УК РФ) возросло более чем в шесть с половиной раз (за 2018 зафиксировано 16 преступлений, за 2023 — 104 преступления)¹⁵. Рост преступности указывает на ак-

¹³ Федеральный закон от 19 мая 1995 г. № 80-ФЗ «Об увековечении Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов» (с изменениями и дополнениями) // Гарант. URL: <https://base.garant.ru/1518946/> (дата обращения: 15.10.2025).

¹⁴ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // Консультант Плюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 11.10.2025).

¹⁵ Данные из формы федерального статистического наблюдения № 1-ЕГС «Единый отчет о преступности» (за 2013, 2018 и 2023 гг.) // Российская криминологическая ассоциация имени Азалии Ивановны Долговой. URL: <https://crimas.ru/wp-content/uploads/2024/05/Tablicy-kriminologam-2013-2018-2023.pdf?ysclid=mfdn6061ua782910401> (дата обращения: 11.10.2025).

тивное распространение посягательств в отношении защитников Отечества. Это подтверждает и рост количества лиц, привлекаемых к ответственности по ст. 354.1 УК РФ. По данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ, в 2023 г. осуждено 52 человека против 38 человек в 2021 г.¹⁶ Анализируя качественную составляющую, можно заметить, что большинство привлечены к ответственности за совершение преступления с квалифицирующим признаком, т.е. с использованием сети «Интернет».

Проведенный анализ правовых аспектов обеспечения коммеморативных практик показывает некоторый разрыв между политическими и правовыми механизмами. Он может быть зафиксирован на том основании, что в текущий момент фактически существует лишь практика уголовно-правовой защиты образа участника Великой Отечественной войны, тогда как осквернение мемориала участникам СВО может квалифицироваться по иным статьям УК РФ¹⁷. На этом примере можно прийти к выводу о некоторой «неравнозначности» образов.

Заключение

Образ защитника Отечества в современной России представляет собой сложный смысловой конструкт, в котором переплетаются историческая память, цивилизационный вектор развития российского государства и общественные ценности. Ценностно-нормативное содержание образа защитника базируется на традиционных представлениях о воинском долге, жертвенности и патриотизме, которые транслируются через официальный дискурс, медиа и коммеморативные практики. Политико-правовые механизмы обеспечения памяти о защитниках Отечества весьма разнообразны и включают в себя не только меры официального характера, но также предполагают поддержку общественных инициатив в сфере сохранения исторической памяти. Однако ключевым институтом обеспечения следует всё-таки полагать правовые институты, направленные на пресечение действий, оскверняющих память о защитниках Отечества, они включают в себя систему уголовно-правовых норм, предусматривающих ответственность за действия, умаляющие подвиг предков.

Отметим, что политика памяти, осуществляемая государством, играет значимую роль в формировании образа защитника Отечества посредством трансляции в официальном дискурсе смыслов, связывающих образ с событиями военной истории. Основную смысловую рамку задают три эпизода: Отечественная война 1812 г., Великая Отечественная война и специальная военная операция. Однако образ защитника включает в себя не только укорененность в прошлом, но и ориентированность на будущее, под которой понимается вкладывание

¹⁶ Сводные статистические сведения о состоянии судимости в Российской Федерации // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=8690> (дата обращения: 11.10.2025).

¹⁷ Приговор по делу об осквернении мемориала участникам СВО в Москве обжаловали // Lenta.ru. URL: <https://lenta.ru/news/2025/03/05/prigovor-po-delu-ob-oskvernenii-memoriala-uchastnikam-svo-v-moskve-obzhalovali/> (дата обращения: 11.10.2025).

в него черт «новой элиты» России. Подобная ориентированность достигается благодаря соположения с образом защитника Отечества таких качеств, как патриотизм, героизм, доблесть и проч. В целом же защитник Отечества в официальном дискурсе предстает носителем традиционных ценностей. Официальный дискурс пересекается с общественными представлениями образа защитника Отечества, для которых, впрочем, характерна большая эмоциональность. В целом образ защитника Отечества остается весьма важным элементом общественного самосознания, а его правовое и политическое обеспечение отражает стремление государства и институтов гражданского общества укрепить патриотизм через память о подвиге тех, кто отстаивал интересы страны.

Вместе с тем конструирование образа защитника Отечества несет в себе некоторые риски. *Во-первых*, существует угроза политической инструментализации образа, при которой фигура защитника Отечества может стать заложницей политической конъюнктуры, что чревато «ресинхронизацией» между политикой памяти и общественными представлениями. *Во-вторых*, в силу акцентирования преемственности образа с событиями Великой Отечественной войны возможно упрощение исторической памяти, которое одновременно нивелирует уникальность текущего опыта, а также создает опасность забывания других значимых страниц военной истории. И, наконец, *в-третьих*, преобладание позитивно-эмоциональной коннотации в восприятии образа защитника Отечества создаёт риски формирования неустойчивых представлений, которые могут быть «разрушены» практикой столкновения с участниками боевых действий, чьё поведение не всегда может соответствовать декларируемому образу.

Поступила в редакцию / Received: 06.02.2026

Доработана после рецензирования / Revised: 13.03.2026

Принята к публикации / Accepted: 15.03.2026

Библиографический список

- Аникин Д.А., Головашина О.В. Память в законе: нормативное регулирование политики памяти в сетевом пространстве // Память в сети: цифровой поворот в memory studies: сборник статей / под ред. А.Ф. Павловского, А.И. Миллера. СПб.: Издательство Европейского университета, 2023. С. 166–179. EDN: CWRRL0.
- Ассман А. Длинна тень прошлого : мемориальная культура и историческая политика. Москва : Новое литературное обозрение, 2014.
- Волкова Е.С. Воспитание патриотизма через образ защитника Отечества // Источник. 2025. № 2. С. 40–42. EDN: WIMLIM.
- Гарбузова Е.Н. Образ казака-защитника Отечества и его роль в патриотическом воспитании // История и обществознание. 2010. № VIII. С. 149–150. EDN: WFPUTD.
- Григорьев Р.В. Всеволод Владимиров как воплощение архетипа защитника Отечества // Актуальные проблемы современной науки: исторические, философские, методологические аспекты : сборник статей 5-й Международной научной конференции молодых ученых, посвященной Году защитника Отечества, 80-летию Победы в Великой Отечественной войне и освобождению Мира от фашизма, Курск, 20 мая 2025 г. Курск : ЗАО «Университетская книга», 2025. С. 20–24. EDN: XZEFJT.

- Дорская А.А., Дорский А.Ю. Сохранение памяти о Второй мировой войне: проблема соотношения международного и национального правового регулирования // Журнал российского права. 2025. № 4. С. 48–62. <http://doi.org/10.61205/S160565900033931-8>.
- Егизаров И.А. Военно-патриотическое воспитание студентов на образах защитников Отечества в прошлом и настоящем // Антитеррористическая защищенность объектов в инженерно-экологической сфере : сборник научных статей 1-й Национальной научно-технической конференции с международным участием, Москва, 27 февраля 2025 г. Москва : Московский государственный строительный университет (национальный исследовательский университет), 2025. С. 261–266. EDN: UKVENY.
- Мелихов М.В. Образ защитника веры и Отечества в повестях Азовского цикла // Научный диалог. 2019. № 12. С. 161–172. EDN: MPWJXX.
- Михеев Д.С., Александрова Е.В. Защитники Отечества — новая элита России // Вестник Марийского государственного университета. Серия «Исторические науки. Юридические науки». 2024. № 10. С. 340–345. <http://doi.org/10.30914/2411-3522-2024-10-4-340-345>.
- Поплавская О.Я. Языковые средства представлений образа Защитника в американском политическом дискурсе // Современное педагогическое образование. 2020. № 6. С. 188–191. EDN: UALBTW.
- Резванов А.А. Формирование кинематографического образа Александра Невского в контексте государственной идеологии // Будущее России: историко-культурные и духовно-нравственные основы идеологии российской государственности : сб. материалов II Всероссийской научно-практической конференции, Краснодар, 22 октября 2021 г. Краснодар : Краснодарский государственный институт культуры, 2022. С. 218–224. EDN: VFNFRU.
- Серебрякова И.В. Образ защитника Отечества в театральном искусстве в XIX–XX вв. // Военный академический журнал. 2022. № 3. С. 131–138. EDN: ZFQSDO.
- Судаков Г.В. Образ народа — защитника Отечества в частушке // Великая Отечественная война: проблемы междисциплинарного осмысления : материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 70-летию Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов, Вологда, 23–25 апреля 2015 г. Вологда : Вологодский государственный университет, 2016. С. 17–24. EDN: VUNJON.
- Титова Н.С. Собирательный образ защитника Отечества эпохи Александра Невского в драматической поэме В.А. Шуфа «Рыцарь-инок» // Ученые записки Новгородского государственного университета. 2022. № 3. С. 327–331. [http://doi.org/10.34680/2411-7951.2022.3\(42\).327-331](http://doi.org/10.34680/2411-7951.2022.3(42).327-331).
- Хабриева Т.Я. Конституционная реформа в России: в поисках национальной идентичности // Вестник Российской академии наук. 2020. № 5. С. 403–414. <http://doi.org/10.31857/S0869587320050035>.
- Хабриева Т.Я., Клишас А.А. Тематический комментарий к Закону Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти». Москва : НОРМА, ИНФРА-М, 2020.
- Чудинов А.П., Сегал Н.А. Метафорическое моделирование образа защитника в российском медиапространстве 2022–2023 гг. // Политическая лингвистика. 2023. № 5. С. 57–66. EDN: FWWKRR.
- Щеглеватых Д.Б. Формирование образов защитников Отечества в искусстве у младших школьников // Ребенок-дошкольник в современном образовательном пространстве : материалы межвузовской студенческой научно-практической конференции, Липецк, 27 мая 2022 г. Липецк : Липецкий государственный педагогический университет имени П.П. Семенова-Тян-Шанского, 2022. С. 75–78. EDN: WJDAEK.

References

- Anikin, D.A., & Golovashina, O.V. (2023). Memory in Law: Regulatory Regulation of Memory Policy in the Online Space. In A.F. Pavlovsky, A.I. Miller (Ed.), *Memor. In the network: A digital turn in memory studies* (pp. 166–179). St. Petersburg: European University Press. (In Russian). EDN: CWRRL0.
- Assman, A. (2014). *The shadow of the past is long: Memorial Culture and Historical Politics*. Moscow: New Literary Review. (In Russian).
- Chudinov, A.P., & Segal, N.A. (2023). Metaphorical modeling of the defender's image in the Russian media space in 2022–2023. *Political Linguistics*, (5), 57–66. (In Russian).
- Dorskaya, A.A., & Dorsky, A.Yu. (2025). Preservation of the memory of the Second World War: The problem of the correlation of international and national legal regulation. *Journal of Russian Law*, 4, 48–62. (In Russian). <http://doi.org/10.61205/S160565900033931-8>.
- Egiazarov, I.A. (2025). Military-patriotic education of students based on the images of defenders of the Fatherland in the past and present. In *Anti-terrorist security of facilities in the engineering and environmental sphere, Moscow, February 27, 2025* (pp. 261–266). Moscow: Moscow State University of Civil Engineering. (In Russian). EDN: UKVEHY.
- Garbuzova, E.N. (2010). The image of a Cossack defender of the Fatherland and his role in patriotic education. *History and Social Studies*, 8, 149–150. (In Russian). EDN: WFPUTD.
- Grigoriev, R.V. (2025). Vsevolod Vladimirov as the embodiment of the Defender of the Fatherland archetype. In *Actual problems of modern science: historical, philosophical, methodological aspects, Kursk, May 20, 2025* (pp. 20–24). Kursk: CJSC “University Book”. (In Russian). EDN: XZEFJT.
- Khabrieva, T.Ya. (2020). Constitutional reform in Russia. In search of national identity. *Bulletin of the Russian Academy of Sciences*, (5), 403–414. (In Russian).
- Khabrieva, T.Ya., & Klishas, A.A. (2020). *Thematic commentary to the Law of the Russian Federation on the Amendment to the Constitution of the Russian Federation dated March 14, 2020 No. 1-FKZ “On improving the regulation of certain issues of the organization and functioning of public power”*. Moscow: NORM, INFRA-M. (In Russian).
- Melikhov, M.V. (2019). The image of the defender of faith and the Fatherland in the stories of the Azov cycle. *Scientific dialogue*, (12), 161–172. (In Russian). EDN: MPWJXX.
- Mikheev, D.S., & Alexandrova, E.V. (2024). Defenders of the Fatherland — the new elite of Russia. *Bulletin of the Mari State University*, (10), 340–345. (In Russian). <http://doi.org/10.30914/2411-3522-2024-10-4-340-345>.
- Poplavskaya, O.Ya. (2020). Linguistic means of representing the Defender's image in American political discourse. *Modern pedagogical education*, (6), 188–191. (In Russian). EDN: UALBTW.
- Rezvanov, A.A. (2022). The formation of the cinematic image of Alexander Nevsky in the context of state ideology. In *The Future of Russia: historical, cultural, spiritual and moral foundations of the ideology of Russian statehood, Krasnodar, October 22, 2021* (pp. 218–224). Krasnodar: Krasnodar State Institute of Culture. (In Russian). EDN: VFNFRU.
- Serebryakova, I.V. (2022). The image of the defender of the Fatherland in theatrical art in the 19th—20th centuries. *Military Academic Journal*, (3), 131–138. (In Russian). EDN: ZFQSD0.
- Shcheglevatykh, D.B. (2022). The formation of images of defenders of the Fatherland in art among younger schoolchildren. In *Preschool children in the modern educational space Lipetsk, May 27, 2022* (pp. 75–78). Lipetsk: Lipetsk State Pedagogical University named after P.P. Semenov-Tyan-Shansky. (In Russian). EDN: WJDAEK.
- Sudakov, G.V. (2016). The image of the people — defender of the Fatherland in a ditto. In *The Great Patriotic War: problems of interdisciplinary understanding, Vologda, April 23–25, 2015* (pp. 17–24). Vologda: Vologda State University. (In Russian). EDN: VUHJON.

- Titova, N.S. (2022). The collective image of the Defender of the Fatherland of the Alexander Nevsky era in V.A. Shuff's dramatic poem "The Monk Knight." *Scientific Notes of the Novgorod State University*, (3), 327–331. (In Russian). [http://doi.org/10.34680/2411-7951.2022.3\(42\).327-331](http://doi.org/10.34680/2411-7951.2022.3(42).327-331).
- Volkova, E.S. (2025). Fostering patriotism through the image of a defender of the Fatherland. *Source*, 2, 40–42. EDN: WIMLIM.

Сведения об авторах:

Атаманенко Артемий Андреевич — младший научный сотрудник лаборатории социально-политических и политико-правовых исследований, Владивостокский государственный университет; преподаватель кафедры теоретической социологии и эпистемологии Института общественных наук, РАНХиГС при Президенте Российской Федерации (e-mail: aaatamanenko@mail.ru) (ORCID: 0000-0003-4433-7847)

Матюк Юлия Сергеевна — младший научный сотрудник лаборатории социально-политических и политико-правовых исследований, Владивостокский государственный университет (e-mail: 5080mm@mail.ru) (ORCID: 0009-0009-7678-2663)

Уханов Антон Дмитриевич — кандидат политических наук, младший научный сотрудник лаборатории социально-политических и политико-правовых исследований, Владивостокский государственный университет; доцент кафедры философии, политологии, социологии им. Г.С. Арефьевой, НИУ «Московский энергетический институт» (e-mail: vin-chun.95@list.ru) (ORCID: 0000-0003-0113-5057)

Яровенко Варвара Романовна — кандидат психологических наук, научный сотрудник центра научных исследований, проектов и программ, Владивостокский государственный университет (e-mail: vareffka@mail.ru) (ORCID: 0000-0002-1663-6340)

About the authors:

Artemiy A. Atamanenko — Junior Researcher at the Laboratory of Socio-Political and Political-Legal Studies, Vladivostok State University; Lecturer at the Department of Theoretical Sociology and Epistemology at the Institute of Social Sciences, RANEPa under the President of the Russian Federation (e-mail: aaatamanenko@mail.ru) (ORCID: 0000-0003-4433-7847)

Yulia S. Matyuk — Junior Researcher at the Laboratory of Socio-Political and Political-Legal Studies, Vladivostok State University (e-mail: 5080mm@mail.ru) (ORCID: 0009-0009-7678-2663)

Anton D. Ukhanov — Candidate of Political Sciences, Junior Researcher at the Laboratory of Socio-Political and Political-Legal Studies, Vladivostok State University; Associate Professor at the G.S. Arefieva Department of Philosophy, Political Science, and Sociology, Moscow Power Engineering Institute (e-mail: vin-chun.95@list.ru) (ORCID: 0000-0003-0113-5057)

Varvara R. Yarovenko — Candidate of Psychology Sciences, Researcher at the Center for Scientific Research, Projects and Programs, Vladivostok State University (e-mail: vareffka@mail.ru) (ORCID: 0000-0002-1663-6340)

DOI: 10.22363/2313-1438-2026-28-2-295-309

EDN: VDAGIE

Научная статья / Research article

Возможности использования новых медиа в реализации политики памяти в молодежной среде

Я.Ю. Шашкова , А.В. Бутина

Алтайский государственный университет, Барнаул, Российская Федерация

 yashashkova@mail.ru

Аннотация. Цель исследования заключается в выявлении изменений механизмов формирования образов исторического прошлого и политической социализации молодежи под влиянием новых медиа и цифрового досугового контента. Особое внимание уделено изучению эффектов нерелексивного потребления развлекательного контента на процессы усвоения политической культуры. Теоретической основой исследования выступил комплекс подходов медиацентричной парадигмы: акторно-сетевая теория, концепция геймификации медиапространства и социально-когнитивная концепция цифровой социализации. Эмпирическую базу составили данные массового опроса 1257 представителей молодежи СФО и экспертного опроса 40 специалистов в области медиа, образования и молодежной политики. Выводы исследования демонстрируют, что медиатизация исторической памяти и цифровая социализация являются объективными и необратимыми процессами. При этом новые медиа выступают не столько агентами социализации, сколько информационной средой взаимодействия публичных институтов и молодежи. Процесс политической социализации становится диверсифицированным, концентрируясь в узких сообществах. Контент новых медиа характеризуется возрастающей алгоритмизацией и адаптивностью к запросам молодежной аудитории. Полученные результаты свидетельствуют о необходимости переосмысления традиционных подходов к политической социализации молодежи в условиях цифровизации общества, разработки новых технологий реализации политики памяти через современные медиаплатформы.

Ключевые слова: молодежь, политика памяти, политическая социализация, новые медиа, развлекательный контент

Благодарности. Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ в рамках научного проекта № 24-28-01584 «Политическая социализация российской молодежи в контексте трансформации ее коммуникативных стратегий».

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

© Шашкова Я.Ю., Бутина А.В., 2026

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Для цитирования: Шашкова Я.Ю., Бутина А.В. Возможности использования новых медиа в реализации политики памяти в молодежной среде // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2026. Т. 28. № 2. С. 295–309. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2026-28-2-295-309> EDN: VDAGIE

The Potential of Using New Media in Implementing Memory Policy Among Youth

Yaroslava Yu. Shashkova , Anastasiya V. Butina

Altai State University, Barnaul, Russian Federation

 yashashkova@mail.ru

Abstract. The aim of the research is to identify changes in the mechanisms of forming images of historical past and the political socialization of youth under the influence of new media and digital leisure content. Special attention is given to studying the effects of unreflective consumption of entertainment content on the processes of assimilating political culture. The theoretical foundation of the research is based on a set of approaches from the media-centric paradigm: actor-network theory, concepts of gamification in media spaces, and the social-cognitive concept of digital socialization. The empirical basis consists of data from a mass survey of 1,257 representatives of youth in the Siberian Federal District and an expert survey of 40 specialists in media, education, and youth policy. The study's findings demonstrate that the medialization of historical memory and digital socialization are objective and irreversible processes. In this context, new media serve not just as agents of socialization but as an informational environment for interaction between public institutions and youth. The process of political socialization becomes diversified, concentrating within narrow communities. The content of new media is characterized by increasing algorithmization and adaptability to the demands of the youth audience. The results obtained indicate the need to rethink traditional approaches to the political socialization of youth in the context of societal digitalization and to develop new technologies for implementing memory policies through modern media platforms.

Keywords: youth, memory politics, political socialization, new media, entertainment content

Acknowledgements. The research was conducted with financial support from the Russian Science Foundation as part of scientific project No. 24-28-01584 “Political Socialization of Russian Youth in the Context of the Transformation of Their Communication Strategies.”

Conflicts of interest. The authors declare no conflicts of interest.

For citation: Shashkova, Ya.Yu., & Butina, A.V. (2026). The potential of using new media in implementing memory policy among youth. *RUDN Journal of Political Science*, 28(2), 295–309. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2026-28-2-295-309> EDN: VDAGIE

Введение

Процессы усвоения личностью норм, ценностей, установок и поведенческих моделей протекают сегодня не только в социальной реальности, но и интенсивно разворачиваются в виртуальной среде. Это создает ситуацию, при

которой новые медиа становятся серьезными конкурентами семьи, школы и ближайшего окружения за право считаться агентами социализации. В этой связи внимание ученых сосредоточено на анализе эффектов, возникающих в результате деятельности современных цифровых медиа, к числу которых относятся социальные сети, чаты и мессенджеры, а также развлекательные и игровые онлайн-платформы, способствующие формированию мнений, эмоциональных реакций, когнитивных и поведенческих установок их пользователей [Асеева, Киреева 2022; Свистунов 2025].

Формирование исторического сознания также является важным элементом процесса социализации. Посредством политики памяти как инструмента передачи молодым поколениям определенных взглядов на историю своей страны складываются общая система ценностей и идентичностей, представления о правах и обязанностях гражданина.

Ускорение процессов восприятия времени в современном цифровом медиапространстве актуализирует темы, связанные с развитием мемориальной культуры. Откликаясь на растущую виртуализацию социокультурной среды, исследователи проявляют все больший интерес к изучению форматов фиксации памяти не только на специализированных цифровых мемориальных ресурсах, но и в социальных сетях [Зубанова, Зыховская, Шуб 2021: 143]. Историк культуры Г.И. Зверева отмечает, что широкое распространение в России получила практика создания «народных» историй о прошлом рядовыми пользователями YouTube [Зверева 2019: 333]. Подобный контент отличается тем, что память рассказчика, фиксирующая события недавнего прошлого, переплетается в видеосюжете с семантической памятью, хранящей исторические смыслы и значения. В свою очередь, в комментариях к сюжетам коммуникативная память, отражающая опыт разных поколений, преобразуется в историческую память, мифологизированную и наполненную множеством символических образов.

Политические исследования также отличаются устойчивым вниманием к проблемам трансформации компонентов и механизмов политической культуры под воздействием цифровизации [Vissers, Stolle 2013; Беляева 2020]. Ученые стремятся выяснить, как принадлежность к виртуальным сообществам и досуговая активность молодежи, в том числе нерефлексивное потребление развлекательного контента, влияют на уровень политической осведомленности, степень политического участия и отношение к прошлым и актуальным политическим событиям [Попова 2019; Малькевич 2019; Анищенко 2024].

Тем самым в цифровом обществе новые медиа выступают не столько агентами, сколько полисубъектной средой, обеспечивающей сетевые взаимодействия. В современной исследовательской парадигме данную ситуацию объясняют синтетические модели, одной из которых является концепция гибридной медиасистемы, предложенная Э. Чедвиком [Chadwick 2013].

Неоднородность цифровой среды высвечивает и существующий конфликт между «аналоговым» и «цифровым» медиапоколениями, которые, как отмечает А.С. Сумская, отличаются друг от друга практиками потребления информации, а также горизонтами культурной памяти [Сумская 2025]. И если традиционные

агенты политической социализации (семья, школа, государственные институты) используют стратегию коммуникации «сверху вниз», часто превращая нарративы прошлого в идеологические конструкции, то характерной чертой онлайн-диалога выступает его неиерархичность и ориентация на интуитивное восприятие запросов аудитории.

Современный медиаландшафт давно вышел за пределы простых текстов, формирующих мнения, убеждения и поведение людей. Его ключевые особенности — сетевое устройство и развитая коммуникационная инфраструктура, позволяющая пользователям свободно обмениваться информацией, вступать в диалоги, создавать сообщества и даже выстраивать реальные взаимоотношения через виртуальные каналы, чаты, комментарии и прочие инструменты межличностного взаимодействия [Вартанова, 2019]. В ситуации ослабления эксклюзивного права государства на формирование исторической повестки сетевые сообщества приобретают такую же значимость и признание, как и традиционные источники коллективной памяти, служат площадкой ее передачи для различных социальных групп. Таким образом, новые медиа выступают мощным инструментом не только трансляции информации, но и организации активности индивидов, влияющей на общество в целом.

Цель исследования — выявление изменений в механизмах формирования образов исторического прошлого, а также политической социализации, происходящих под влиянием новых медиа и широкого распространения цифрового досугового контента. Изучение эффектов нерелексивного потребления различных видов развлекательного контента позволит предложить новые подходы к анализу процессов усвоения молодежью ключевых компонентов политической культуры, формирования исторического сознания, мировоззрения и гражданской идентичности.

Теоретическая основа и методы

Ввиду сложности и многомерности поставленной проблемы теоретической базой исследования выступил комплекс подходов, разрабатываемых в рамках медиацентричной парадигмы социальных исследований: акторно-сетевая теория (Б. Латур), которая осуществляет концептуализацию агентности материального объекта; концепции геймификации медиапространства (Д. Макгонигал, А. Маржевский, Ю-Кай Чоу); социально-когнитивная концепция цифровой социализации (Г.У. Солдатова, А.Е. Войскунский), определяющая цифровое расширение (достройку) индивида и пересборку общества.

Эмпирическую базу статьи составили, во-первых, данные проведенного авторами в 2024 г. массового опроса учащихся старших классов, студентов ссузов и вузов регионов СФО ($n = 1257$ чел., выборка — квотная, гнездовая, с контролем параметров пола, уровня образования, региона проживания респондента). Во-вторых, собранные в период май–июль 2025 г. материалы экспертного опроса ($n = 40$ чел.), целью которого стало выявление государственных и общественных практик, направленных на формирование коллективной исторической памяти,

а также специфики механизмов трансляции политических идей и ценностей через потребление молодежью игрового и иного развлекательного контента. Квалифицированная группа экспертов состояла из ученых, журналистов специализированных изданий, владельцев центров киберспорта, популярных инфлюенсеров, психологов, руководителей молодежных общественно-политических организаций, сотрудников государственных органов, отвечающих за реализацию молодежной политики и развитие институтов гражданского общества. Обращение к экспертному мнению обусловлено сложностью и спецификой постановки ключевой исследовательской задачи — выявления латентных механизмов формирования образов исторического прошлого, а также усвоения молодежью элементов политической культуры в процессе потребления развлекательного контента.

Результаты

Проведенный массовый опрос подтвердил преобладание развлекательного контента в структуре медиапотребления молодежной аудитории. Досуговое времяпрепровождение является ведущим мотивом выбора респондентами как видеоконтента на YouTube (75,6 %), так и посещения игровых онлайн-платформ (72,6 %).

Однако, несмотря на то, что для большинства опрошенных новые медиа являются способом времяпрепровождения, средством отдыха и снятия стресса, четверть из них (25,9 %) также считает, что блоги и каналы на YouTube повышают информированность пользователей о политике, а 22,9 % отмечают, что контент этой популярной платформы напрямую стимулирует интерес к прошлому и историческим событиям.

Молодежь проявляет лояльное отношение к присутствию на YouTube политического контента: более половины опрошенных (63,2 %) относятся к нему нейтрально, почти четверть (23,6 %) оценивает положительно или скорее положительно, хотя регулярно просматривают подобные материалы лишь единичные группы пользователей (16,9 % делают это еженедельно, 11,6 % — ежемесячно).

Значительная часть респондентов (31,8 %) уверена, что фильмы и сериалы обязаны отражать политическую действительность, еще 30,5 % считают невозможным полное исключение политических сюжетов из развлекательных форматов. Однако 30 % молодежной аудитории не будут смотреть видеоконтент на YouTube, заранее зная, что в нем присутствуют политические оценки.

Как показало проведенное исследование, важнейшим инструментом социализации и формирования исторического сознания молодежи выступают видеоигры. Уровни их восприятия (визуальный, акустический, нарративный, контекстуальный, идеологический и опытно-игровой) способны прямо или косвенно передавать политические идеи, формировать мировоззренческие установки и закреплять образцы поведения. С точки зрения реализации политики памяти особенно показательны военные симуляторы и стратегические игры, посвященные крупным историческим конфликтам, таким

как Вторая мировая война. Подобные сюжеты часто используются для интерпретации прошлого и влияния на коллективную память через активное взаимодействие с искусственно смоделированной средой (геймплей), включающее прохождение испытаний, разрешение конфликтов интересов, совершение нравственного выбора [Белов, Кретьова 2020: 59]. При этом усвоение ценностей происходит не только в момент потребления контента, но и в рамках его последующего обсуждения. Реакция на увиденное или услышанное порождает вторичные смыслы и передает политические коннотации внутри игрового сообщества.

Опрос показал, что большая часть молодых людей осознает социальную значимость онлайн-игр: около двух третей опрошенных считают, что игры развивают способность принимать взвешенные решения (61,3 %) и критического мышления (60,4 %), почти половина видит их пользу в формировании навыков кооперации (45,1 %), каждый четвертый указывает на положительное влияние игр на развитие управленческого потенциала и лидерских качеств (24,7 %), а 20,8 % отмечают, что игры учат толерантности. Кроме того, респонденты убеждены, что полученный игровой опыт оказывает влияние на решение реальных социально значимых проблем (31,9 %), повышает интерес к политическим событиям и историческим фактам (11,5 %), обогащает знания о современной политике (8,5 %), меняет взгляды на определенные вопросы (5,4 %) либо укрепляет ранее сформированную позицию (5,6 %).

Политические предпочтения играют второстепенную роль при выборе молодежи игрового контента: лишь небольшая доля респондентов (5,8 %) отказалась от игры из-за ее политизированности или расхождения с собственными взглядами, еще четверть опрошенных отметила отсутствие интереса к играм с очевидной политической направленностью.

Специфика новых медиа и медиапотребления современной молодежи

Важной особенностью виртуальной публичной сферы, производимой новыми медиа, является ее коммодификация, а растущая потребность в коммерциализации цифровых продуктов обуславливает подачу любого контента в облегченном, часто шоуизированном формате [Белоусова 2020]. Все это приводит к использованию развлекательных приемов не только в медиабизнесе, но и для распространения социально значимой информации в виртуальной среде [Грушевская 2022], активному проникновению инфотейнмента в политический сегмент медиасферы, а также к применению традиционными агентами политической социализации развлекательных и игровых форматов для привлечения внимания аудитории. В исследовательской литературе отмечается, что в результате интенсивного внедрения цифровых технологий грань между сферой развлечения и пространством политического просвещения становится менее отчетливой [Schneider, Knop-Huelss, Kim, Buhin, Gröning 2023].

Анализ результатов экспертного опроса подтвердил, что за последние 5 лет существенно изменились форма развлекательного контента, а также способ его

потребления в молодежной среде, что обусловлено как развитием цифровых технологий, так и динамикой предпочтений аудитории новых медиа.

Ключевым трендом последних лет стал стремительный рост популярности коротких вертикальных видео на платформах TikTok, VK Клипы, Reels в Instagram¹, Shorts на YouTube и др. Эксперты подчеркивают, что *«такой контент не требует полного погружения и особого внимания, и они (молодые люди) переключаются с одного видео на другое буквально за секунды. То есть мне кажется, что молодежь стала меньше думать, их внимание рассеяно, а привлечь и удержать его все сложнее»* (жен., фаундер, блогер).

Однако, несмотря на уменьшение средней продолжительности фрагментов развлекательного контента и его переход к клиповому формату, заметно возросли интенсивность и плотность потребляемого информационного потока. При этом, создавая иллюзию разнообразия и новизны, быстрая смена коротких развлекательных блоков поддерживает повышенную активность пользователя в цифровом пространстве (так называемая гиперподключенность), что способствует возникновению психологической привязанности и даже зависимости от цифровых устройств и сетевых сервисов.

Рост потребления развлекательного контента неразрывно связан с укорачиванием когнитивных циклов восприятия, повышением требований к эмоциональной отдаче контента: *«Рост короткого формата и фрагментированного восприятия — форматы тина short video (Reels, Shorts, TikTok) стали доминирующими. Они отвечают потребностям поколения с ограниченным вниманием, стремлением к быстрому потреблению, эмоциональной реактивности и многозадачности [...] Контент стал алгоритмизированным, адаптивным и эмоционально рассчитанным, что усиливает эффект „цифровой зависимости“. Суть в том, что внимание короткое, а реакции нужны быстрые. Сам контент перестал быть пассивным. Развлекательное потребление все чаще приобретает черты со-участия. Стриминг (Twitch, YouTube, Discord) становится пространством не только для наблюдения, но и для коллективного присутствия и влияния»* (муж., кинопродюсер).

Современный развлекательный контент становится частью цифровой идентичности молодежи: *«Ты не просто смотришь мем, ты себя в нем узнаешь. Или от него отстраняешься. Контент формирует круг „своих“, собственный язык, референсы и ролевые модели. Знать правильные шутки, звуки, форматы — это как носить свой стиль одежды. Важно не только быть в курсе, но и правильно интерпретировать»* (жен., политолог).

В отличие от респондентов массового опроса эксперты выражают согласованное мнение в представлении о том, что политически и ценностно окрашенный контент активно проникает в развлекательную сферу, оказывая влияние на формирование политических убеждений молодежи. Однако вопрос

¹ Instagram — продукт компании Meta, компания является экстремистской организацией, деятельность которой запрещена на территории РФ.

о трансформации агентов политической социализации вызвал значительную дискуссию.

С одной стороны, эксперты отметили, что агентами политической социализации все реже выступают профессионалы. Так, подростки предпочитают следить за популярными инфлюенсерами типа тиктокеров и стримеров, чьи познания в политике крайне ограничены. Эти лидеры мнений часто становятся первыми ориентирами в восприятии подростками политической реальности, хотя их компетенция в соответствующей области оставляет желать лучшего: *«блогеры становятся точкой входа в мир политики, хотя сами далеко не всегда компетентны в этой области»* (жен., журналист).

Но с другой стороны, алгоритмизация развлекательного контента обуславливает адаптацию рекомендаций под предпочтения потребителя. Если пользователь не проявляет активный интерес к историческим и политическим темам и не ищет соответствующие ролики самостоятельно, то рекомендованные видео и не будут содержать политическую информацию. Важно, что авторы контента чаще всего сознательно выбирают формат нейтрального освещения событий: *«... Поэтому ты не встретишь там людей, которые явно выражают какую-то свою позицию. Они могут обозревать просто, что происходит в принципе, но свою точку зрения, исходя из безопасности, они говорить не будут»* (муж., геймер).

По вопросу о трансформации роли традиционных агентов политической социализации мнения экспертов сходятся в следующем: для младшей молодежной группы (до 16 лет) семья и школа сохраняют позиции значимых Других. И если семья подростка становится все более лояльной к потреблению развлекательного контента или видеоигр, то школа сохраняет консервативные позиции, несмотря на внедрение в образовательный процесс приемов геймификации и онлайн-обучения: *«Школа как формальный институт социализации использует развлекательный медиа-контент прежде всего для реализации воспитательной функции, но чаще в логике служения государственным или административным интересам. Контент здесь — средство передачи идеологически безопасных и нормативно одобренных моделей поведения»* (муж., журналист).

Для старших подростков и совершеннолетних молодых людей родственники и государственные учреждения перестают быть референтной группой, они постепенно уступают свои позиции другим агентам, в первую очередь, друзьям и близкому окружению. Горизонтальная коммуникация в среде сверстников и закрытых неофициальных каналах усиливает чувство групповой принадлежности, дает ощущение поддержки, которого часто недостает традиционным институтам социализации — школе и семье.

Новые агенты социализации, сетевые сообщества и популярные блогеры, безусловно, способны оказывать влияние на политические взгляды и образ прошлого, но лишь в границах собственной целевой аудитории, состоящей главным образом из единомышленников и сторонников. Тем самым традиционный процесс политической социализации и исторического воспитания, ранее осуществлявшийся в формате больших аудиторий (СМИ, образовательные учреждения

и т.п.), утрачивает свою универсальность. Теперь он приобретает фрагментированный характер, распадаясь на многочисленные локальные сценарии, замыкающиеся в пределах узких сообществ — так называемых «эхо-камер».

Новые медиа как инструмент политики памяти

Для выявления содержательных параметров развлекательного контента, востребованного в качестве действенного механизма реализации политики памяти в молодежной среде, инструментарий экспертного интервью включал блок вопросов, уточняющих оценку критериев и характеристик, определяющих медиаэффективность такого рода информации.

Политика памяти тесно связана с деятельностью государства, групп, институтов, которые ориентированы на формирование образов коллективного прошлого. Важную роль играют инфраструктура памяти (архивы, памятники), коммеморативные практики (памятные даты, церемонии), а также отсутствие противоречий в исторических интерпретациях. В этих условиях новые медиа становятся не просто каналом трансляции, а средой конкуренции нарративов: через соцсети, блоги, стримы и видеоигры, наряду с официальными версиями истории, активно распространяются альтернативные позиции.

В то же время следует согласиться с позицией экспертов, подчеркивающих заметное увеличение активности российского государства в реализации мер по формированию исторических образов, представлений о национальном наследии и значимости традиционных ценностей, а также активный поиск публичными институтами инновационных форматов взаимодействия с молодежной аудиторией. Специалисты из кино- и видеоиндустрии отмечают, что государство, как в России, так и за рубежом, сохраняет позиции крупнейшего игрока в сфере управления медиапространством. Для него развлекательный контент выступает инструментом «мягкой силы», каналом влияния на общественное мнение и формирования патриотизма, позволяющим транслировать желательные нарративы, не прибегая к открытому идеологическому нажиму: *«...шоу Соловьева не хотят смотреть, потому что это политическое шоу: „Я не люблю политику“. А вот обзор на какой-нибудь „Союз спасения“ — совершенно другое. То, как будет рассматриваться политика царской власти, не так важно — ну это же фильм, художественный образ. Напротив, позиция блогера и обзорщика и будет транслироваться»* (муж., контент-мейкер). В качестве другого примера эксперты приводили «волну сказочных комедий» для семейного просмотра, созданную при поддержке государства.

В цифровую эпоху политика памяти выходит за рамки традиционных институтов (музеев, памятников, учебников), формируются новые коммуникационные площадки для дискуссий о прошлом. Такие форматы досугового контента, как сторителлинг и онлайн-стриминг, успешно комбинируют коммеморативные практики с интерпретацией исторических фактов, делая их доступными для широкой аудитории. Приоритетное значение

приобретают игровые онлайн-платформы, обеспечивающие высокую вовлеченность пользователей-игроков.

Экспертные интервью подтверждают, что видеоигры активно формируют представления о прошлом и настоящем: *«Проводили исследования по игре Atomic Heart. Там у геймеров сформировалось положительное отношение к Советскому Союзу на основе игры, и многие геймеры сообщали о том, что они хотели бы жить в Советском Союзе, как в игровом, так и в настоящем»* (муж., исследователь).

Эксперты указывают на то, что *«изначально российская игровая индустрия строилась на культурно близких россиянам образах и исторических сюжетах (сказки, народный фольклор, народные герои, вроде Чапаева)»* (жен., исследователь). И этот подход до сих остается востребованным, поскольку современная молодежь ищет опору в знакомом культурном коде. При этом наблюдается отказ от ироничного отношения в пользу мотива поддержки отечественного игрового продукта.

Также видеоигры, особенно их стратегические и цивилизационные жанры, оказывают сильное влияние на установки игроков относительно исторических ролей отдельных стран и народов: *«Если все время нам про историю, если все время человек смотрит, что, условно говоря, самый большой вклад в годы Второй мировой войны внесли американцы, — люди начинают именно так думать. Собственно говоря, это давно используется Соединенными Штатами, это не скрывается, это четкая технология. Уже необходимо заниматься просвещением, объясняя роль Советской армии»* (жен., политолог).

Через техники коммеморации компьютерные игры формируют единую историческую интерпретацию и способствуют консолидации разных поколений вокруг общей макрополитической идентичности. Игры как бы создают упрощенный образ конфликтов, заранее определяя участников противостояния и присваивая каждой стороне определенный статус (хороший / плохой): *«Достаточно сложная политическая история в видеоиграх усваивается легко, ты для этого в принципе особо ничего не делаешь. Ты смотришь и сам обрабатываешь. Механизм такой, я бы сказал, скорее психофизиологический. Просто включается фантазия»* (муж., геймер).

Кроме того, при использовании развлекательного контента в реализации политики памяти необходимо учитывать алгоритмы работы самих развлекательных платформ по принципу «рекомендаций» и «умной ленты», которая подстраивает весь остальной контент под конкретный интерес пользователя: *«Как ни странно „случайный“ выбор контента зачастую уже является результатом работы алгоритмов персонализированной рекомендации. Это означает, что платформа „угадывает“ интерес или создает возможность встречи с тем, что может вызвать когнитивный отклик. Молодой человек может не искать сознательно политический смысл, но сталкивается с ним в форме, соответствующей его текущим интересам, языку, визуальному стилю или игровым предпочтениям. Это повышает шанс принятия и усвоения»*

содержания» (муж., кинопродюсер). Тем самым грань между стихийной и целенаправленной социализацией оказывается весьма условной.

На этом фоне эффективность действий государственных агентов в сфере формирования образов коллективного прошлого нельзя признать в полной мере удовлетворительной: *«То, что выпускается общественными организациями, государственными институтами, не очень интересно молодёжи. Потому что они, эти агенты, выпускают материалы не о том, что интересно молодежи, а то, что интересно самим этим агентам»* (муж., журналист).

Передача информации через государственные каналы зачастую наталкивается на неприятие со стороны молодежи. Многие эксперты обращают внимание на тот факт, что государственный контент чаще всего подается в рамках обязательного образовательного или воспитательного процесса, нацеленного скорее на получение заданной реакции, нежели на стимуляцию самостоятельного размышления. Подобный подход провоцирует отторжение и снижает эффективность пропаганды. Гораздо большую популярность и положительный отклик получает контент, базирующийся на принципах эмпатии и направленный на вовлечение аудитории в активную рефлексию и взаимодействие.

Выводы

Анализ механизмов политической социализации и формирования исторического сознания молодежи в условиях распространения новых медиа позволяет отметить значимые тенденции их трансформации.

Во-первых, цифровая социализация, в том числе в ее политическом измерении, представляет собой объективный и необратимый процесс, развивающийся параллельно с эволюцией информационных технологий. Цифровое общество усиливает спонтанность и непредсказуемость процессов социализации, однако это не отменяет активного участия традиционных агентов. В настоящее время политический аспект социализации проявляет себя в гибридном режиме, сочетающем элементы стихийности и осознанного вмешательства традиционных институциональных акторов.

Во-вторых, результаты эмпирических исследований демонстрируют, что объем исторического и политически окрашенного контента в общей массе развлекательных материалов весьма ограничен. Цифровой контент активно подвергается коммодификации и стремится соответствовать гедонистическим потребительским запросам. Принимая во внимание колоссальные масштабы и высокую динамику производства развлекательного контента, а также его фрагментированность и разнородность, период эффективного воздействия отдельных единиц информации на формирование политических ценностей и мобилизационных настроений чрезвычайно короток. Кроме того, целевая аудитория, представленная молодежью, использует развлекательный контент преимущественно для отдыха и отвлечения внимания, что зачастую приводит к игнорированию закладываемых в него смысловых компонентов и символов. Следует отметить, что полученные нами эмпирические данные коррелируют

с результатами исследования ВЦИОМ, согласно которым молодые россияне заинтересованы в информации о значимых общественных событиях, но предпочитают получать ее через развлекательные форматы².

В-третьих, процесс восприятия развлекательного контента носит нерелективный и опосредованный характер. Для молодой аудитории этот опыт воспринимается не как целенаправленная политическая социализация, а как естественный компонент повседневной жизни. Развлекательный медиапродукт (видео, игры, стримы, сериалы, подкасты и др.) действует сразу на нескольких уровнях: визуальном (образ, символ, цветовая гамма, композиция кадра), акустическом (интонации голоса, звуковое сопровождение), нарративном (сюжет, структура повествования, герои и антагонисты), контекстуальном (событие-повод, маркетинговая стратегия), идеологическом (система ценностей, моральный выбор), опытно-игровом (интерактивность, участие).

В-четвертых, процесс политической социализации и формирования исторического сознания, ранее осуществлявший в масштабах больших аудиторий, универсальных нарративов и фреймов, становится диверсифицированным, сосредоточивается в так называемых «эхо-камерах», что особенно характерно для потребителей игрового контента.

В-пятых, серия проведенных эмпирических исследований ставит под сомнение «стихийность» процессов социализации в цифровой среде. Контент новых медиа характеризуется возрастающей алгоритмизацией, адаптивностью не только к запросам молодежной аудитории потребителей, но и задачам традиционных агентов политической социализации. Это означает, что основания выбора того или иного типа информации более не определяются внешними факторами, а формируются непосредственно внутри цифровой медиасреды.

Таким образом, цифровые медиа не только расширяют доступ к информации, но и меняют форматы и саму логику взаимодействия с прошлым: от пассивного восприятия — к активному участию, от монологического нарратива — к диалогу и соавторству. Выступая средой социализации, игровые онлайн-платформы и алгоритмизированные развлекательные сервисы могут стать эффективным механизмом реализации политики памяти, посредником между традиционными публичными институтами и молодежью в этом процессе.

Поступила в редакцию / Received: 27.10.2025

Доработана после рецензирования / Revised: 20.12.2025

Принята к публикации / Accepted: 15.02.2026

² Живущие в сети, или Медиапотребление современной молодежи // ВЦИОМ. 2025. 24 июня. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/zhivushchie-v-seti-ili-mediapotreblenie-sovremennoi-molodezhi> (дата обращения: 25.09.2025).

Библиографический список

- Анищенко А.В. Особенности политического участия российской молодежи в условиях цифровизации // Наука. Культура. Общество. 2024. Т. 30. № 3. С. 130–141. <http://doi.org/10.19181/nko.2024.30.3.8>. EDN: NIXMKV.
- Артамонова Я.С. Технологии социальных медиа в политической социализации студенческой молодежи // Logos et Praxis. 2023. Т. 22. № 2. С. 81–93. <http://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2023.2.9>. EDN: GABVHG.
- Асеева Т.А., Киреева О.С. Новые vs традиционные агенты политической социализации в условиях digital-коммуникации молодежи регионов РФ // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2022. № 2 (71). С. 57–64. http://doi.org/10.54398/1818510X_2022_2_57. EDN: GVAELM.
- Белов С.И., Кретова А.А. Компьютерные игры как ресурс реализации политики памяти: практический опыт и скрытые возможности (на материалах позиционирования событий Великой Отечественной войны) // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки. 2020. № 1. С. 54–63. <http://doi.org/10.18384/2310-676X-2020-1-54-63>. EDN: TZYAGE.
- Белоусова В.В. Политический инфотейнмент: взаимодействие массмедиа и политического дискурсов // Политика и культура: пространство игры : сб. науч. статей. Будапешт-Киров : Общество с ограниченной ответственностью «Радуга-ПРЕСС», 2020. С. 156–162. EDN: YEJMAA.
- Беляева Л.А. Поколение Y в России: социальная стратификация, положение на рынке труда и проблемы политической социализации // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2020. Т. 13. № 4. С. 220–237. <http://doi.org/10.15838/esc.2020.4.70.13>. EDN: FPBVAO.
- Вартанова Е.Л. Теория медиа : отечественный дискурс. Москва, 2019. 224 с. EDN: KLSJOD.
- Грушевская В.Ю. Основные направления критического анализа коммодификации цифровых медиа // Гуманитарное знание и духовная безопасность : сб. материалов IX Международной научно-практической конференции, Грозный, 09–10 декабря 2022 г. Махачкала : Изд-во АЛЕФ, 2022. С. 120–128. EDN: XILWVE.
- Зверева Г.И. Рядовой пользователь социальных медиа как историк: способы создания исторического нарратива на YouTube // Преподаватель XXI век. 2019. № 4. С. 323–337. <http://doi.org/10.31862/2073-9613-2019-4-323-337>. EDN: NWTAGR.
- Зубанова Л.Б., Зыховская Н.Л., Шуб М.Л. Актуальные тренды памяти: проблемное поле журнала Memory Studies // Социологические исследования. 2021. № 2. С. 140–145. <http://doi.org/10.31857/S013216250010091-3>. EDN: QKSSMI.
- Малькевич А.А. Социальные сети как фактор политической социализации молодежи: от иерархии к сетевой модели // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. 2019. № 6. С. 88–97. EDN: BXWCDD.
- Малькевич А.А. Новые медиа в политическом процессе России. Пятигорск, 2023. 368 с. EDN: RRPSXS.
- Медиапотребление «цифровой молодежи» в России / С.А. Вартанов, Д.М. Вьюгина, А.Н. Гуреева [и др.]. Москва, 2021. 406 с. EDN: NVSIMM.
- Попова О.В. Приоритетные источники политической информации и политические практики российской молодежи // Политическое пространство и социальное время: Правда и ложь в политике и искусстве : сб. науч. трудов XXXVI Международного Харакского форума, Ялта, 15–17 мая 2019 г. Ялта, 2019. С. 191–200. EDN: IJNNC.
- Свистунов А.А. Политическая социализация молодежи в условиях цифровизации: к постановке исследовательской задачи // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2025. Т. 25. № 2. С. 496–511. <http://doi.org/10.22363/2313-2272-2025-25-2-496-511>. EDN: XVWZOZ.

- Солдатова Г.У., Войскунский А.Е. Социально-когнитивная концепция цифровой социализации: новая экосистема и социальная эволюция психики // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2021. Т. 18. № 3. С. 431–450. <http://doi.org/10.17323/1813-8918-2021-3-431-450>. EDN: RSSHPN.
- Сумская А.С. Любительская журналистика в провинциальной России: потенциал межпоколенческого трансфера коммуникативно-культурной памяти // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2025. № 24 (6). С. 142–152. <https://doi.org/10.25205/1818-7919-2025-24-6-142-152>
- Bartoletti R. Memory and Social Media: New Forms of Remembering and Forgetting // *Learning from Memory: Body, Memory and Technology in a Globalizing World*. Cambridge Scholars Publishing, Newcastle UK, 2011. P. 82–111.
- Chadwick A. *The Hybrid Media System: Politics and Power*. Oxford University Press, 2013. <http://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780199759477.001.0001>.
- Schneider F., Knop-Huelss K., Kim J., Buhin L., Gröning M. Media Use and Political Engagement: Cross-Cultural Approaches. What Role Does Media Entertainment Play in Emerging Adults' Political Identity and Engagement Across Cultures? // *International Journal of Communication*. 2023. No. 17. P. 1445–1465.
- Vissers S., Stolle D. The Internet and new modes of political participation: online versus offline participation // *Information, Communication & Society*. 2013. Vol. 17. No. 8. P. 937–955.

References

- Anishchenko, A.V. (2024). Features of political participation of Russian youth in the context of digitalization. *Science. Culture. Society*, 30(3), 130–141. (In Russian). <https://doi.org/10.19181/nko.2024.30.3.8>
- Artamonova, Ya.S. (2023). Social Media Technologies in the Political Socialization of Students. *Logos et Praxis*, 22(2), 81–93. (In Russian). <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2023.2.9>
- Aseeva, T.A., & Kireeva, O.S. (2022). New vs traditional agents of political socialization in the context of digital communication of youth in Russian regions. *The Caspian Region: Politics, Economics, Culture*, (2), 57–64. (In Russian). https://doi.org/10.54398/1818510X_2022_2_57
- Bartoletti, R. (2011). Memory and social media: New forms of remembering and forgetting. In *Learning from Memory: Body, Memory and Technology in a Globalizing World* (pp. 82–111). Cambridge Scholars Publishing, Newcastle UK.
- Belousova, V.V. (2020). Political infotainment: Interaction of mass media and political discourses. In *Politics and culture: The space of the game: Collection of scientific articles* (pp. 156–162). Raduga-PRESS. (In Russian).
- Belov, S., & Kretova, A. (2020). Computer games as a resource of the politics of memory: Practical experience and hidden opportunities (based on games representing World War II events). *Bulletin of the Moscow Regional State University. Series: History and Political Sciences*, (1), 54–63. (In Russian). <https://doi.org/10.18384/2310-676X-2020-1-54-63>
- Belyaeva, L.A. (2020). Generation Y in Russia: social stratification, position in the labor market and problems of political socialization. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 13(4), 220–237. (In Russian). <https://doi.org/10.15838/esc.2020.4.70.13>.
- Chadwick, A. (2013). *The hybrid media system: Politics and power*. Oxford University Press. <https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780199759477.001.0001>
- Grushevskaya, V.Yu. (2022). Main directions of critical analysis of commodification of digital media. In *Humanitarian knowledge and spiritual security: Proceedings of the IX International Scientific and Practical Conference, Grozny, December 9–10, 2022*, (pp. 120–128). Alef Publishing. (In Russian).

- Malkevich, A.A. (2019). Social networks as a factor of political socialization of youth: From hierarchy to network model. *Moscow University Bulletin. Series 12. Political Sciences*, (6), 88–97. (In Russian).
- Malkevich, A.A. (2023). *New media in the political process of Russia*. Pyatigorsk (In Russian).
- Popova, O.V. (2019). Priority sources of political information and political practices of Russian youth. In *Political space and social time: Truth and falsehood in politics and art: Proceedings of the XXVI International Kharak Forum, Yalta, May 15–17, 2019* (pp. 191–200). Yalta. (In Russian).
- Schneider, F., Knop-Huelss, K., Kim, J., Buhin, L., & Gröning, M. (2023). Media use and political engagement: Cross-cultural approaches. What role does media entertainment play in emerging adults' political identity and engagement across cultures? *International Journal of Communication*, 17, 1445–1465.
- Soldatova, G., & Voiskounsky, A. (2021). Socio-cognitive concept of digital socialization: A new ecosystem and social evolution of the mind. *Psychology. Journal of Higher School of Economics*, 18(3), 431–450. (In Russian). <https://doi.org/10.17323/1813-8918-2021-3-431-450>
- Sumskaya, A.S. (2025). Amateur journalism in provincial Russia: The potential of intergenerational transfer of communicative-cultural memory. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 24(6), 142–152. (In Russian). <https://doi.org/10.25205/1818-7919-2025-24-6-142-152>
- Svistunov, A.A. (2025). Political socialization of the youth under digitalization: A research question. *RUDN Journal of Sociology*, 25(2), 496–511. <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2025-25-2-496-511>
- Vartanova, E.L. (2019). *Media theory: Domestic discourse*. Moscow. (In Russian).
- Vartanov, S.A., Vyugina, D.M., Gureeva, A.N. et al. (2021). *Media consumption of “digital youth” in Russia*. Moscow (In Russian).
- Vissers, S., & Stolle, D. (2013). The Internet and new modes of political participation: Online versus offline participation. *Information, Communication & Society*, 17(8), 937–955.
- Zvereva, G.I. (2019). An ordinary social media user as a historian: Methods of creating a historical narrative on YouTube. *Prepodavatel XXI vek*, 4, 323–337. (In Russian). <https://doi.org/10.31862/2073-9613-2019-4-323-337>
- Zubanova, L., Zyhovskaya, N., & Shub, M. (2021). Actual trends of memory: The problem field of «Memory Studies». *Sotsiologicheskie issledovaniya*, (2), 140–145. (In Russian). <https://doi.org/10.31857/S013216250010091-3>

Сведения об авторах:

Шапкина Ярослава Юрьевна — доктор политических наук, профессор кафедры философии и политологии, Алтайский государственный университет (e-mail: yashashkova@mail.ru) (ORCID: 0000-0002-6126-7097)

Бутина Анастасия Васильевна — кандидат философских наук, доцент кафедры регионоведения России, национальных и государственно-конфессиональных отношений, Алтайский государственный университет (e-mail: anabutina@yandex.ru) (ORCID: 0000-0002-8471-7353)

About the authors:

Yaroslava Yu. Shashkova -Dr. Sci. (Polit.) — Full Professor, Department of Philosophy and Political Science, Altai State University (e-mail: yashashkova@mail.ru) (ORCID: 0000-0002-6126-7097)

Anastasiya V. Butina — PhD in Philosophy, Associate Professor, Department of Russian Regional Studies, National and State-Confessional Relations, Altai State University (e-mail: anabutina@yandex.ru) (ORCID: 0000-0002-8471-7353)

ПОЛИТИКА ПАМЯТИ В РОССИИ: МНОГООБРАЗИЕ ДИСКУРСИВНЫХ ПРАКТИК

THE MEMORY POLICIES IN RUSSIA: THE DIVERSITY OF DISCURSIVE PRACTICES

DOI: 10.22363/2313-1438-2026-28-2-310-331
EDN: VVGODN

Научная статья / Research article

Связь времен: ценностно-мировоззренческие ориентации российской молодежи сквозь призму исторической памяти

А.В. Селезнева ^{1,2}, Д.Д. Тулегенова^{2,3} , О.А. Ячменева^{1,2}

¹ Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Российская Федерация

² Челябинский государственный университет, Челябинск, Российская Федерация

³ Институт научной информации по общественным наукам РАН, Москва, Российская Федерация

 ntonina@mail.ru

Аннотация. В современных политических исследованиях возрастает интерес к осмыслению ценностно-мировоззренческих ориентаций молодежи в контексте исторической памяти как механизма формирования национального самосознания. Для российской политико-культурной традиции характерно наличие устойчивых ценностно-мировоззренческих оснований, связанных с представлениями о вере и духовности, правде и справедливости, воле как позитивной свободе, патриотизме и коллективизме, их отражении в исторических событиях и современных социально-политических практиках. В связи с этим исследование направлено на выявление того, какие исторические события и образы воспринимаются молодежью как иллюстрации данных ценностных императивов. Исследование основано на материалах всероссийского опроса молодых людей в возрасте 14–35 лет, проведенного осенью 2025 г. Автором использована многоступенчатая пропорциональная районированная (стратифицированная) выборка общим объемом 2700 человек. Результаты исследования показывают, что традиционные для российского народа ценностно-мировоззренческие ориентации в представлениях молодых людей репрезентируются, прежде всего, в героических эпизодах истории нашей страны, среди которых наиболее значимым является Великая Отечественная война.

© Селезнева А.В., Тулегенова Д.Д., Ячменева О.А., 2026

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Ключевые слова: молодежь, традиционные ценности, духовность, правда, справедливость, воля, патриотизм, коллективизм, историческая память

Благодарности. Исследование выполнено в рамках проекта по государственному заданию № 075-00186-25-05 «Российские цивилизационные императивы: концептуальное наполнение и восприятие в российском обществе» (шифр FEGG-2025-0008), реализуемому в ФГБОУ ВО «Челябинский государственный университет» по итогам отбора научных проектов, проведенного Министерством науки и высшего образования РФ и АНО ЭИСИ.

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Селезнева А.В., Тулегенова Д.Д., Ячmeneва О.А. Связь времен: ценностно-мировоззренческие ориентации российской молодежи сквозь призму исторической памяти // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2026. Т. 28. № 2. С. 310–331. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2026-28-2-310-331> EDN: VVGODN

Bridging Times: Russian Youth's Values and Worldview Through the Prism of Historical Memory

Antonina V. Selezneva ^{1,2}, Dinara D. Tulegenova^{2,3} , Olesya A. Yachmeneva^{1,2}

¹ Lomonosov Moscow State University, *Moscow, Russian Federation*

² Chelyabinsk State University, *Chelyabinsk, Russian Federation*

³ Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, *Moscow, Russian Federation*

 ntonina@mail.ru

Abstract. In contemporary political studies, there is growing interest in understanding the values and worldviews of young people in the context of historical memory as a mechanism for the formation of national identity. The Russian political and cultural tradition is characterised by the existence of stable value-based and worldview foundations linked to notions of faith and spirituality, truth and justice, the will as positive freedom, patriotism and collectivism, and their reflection in historical events and contemporary socio-political practices. In this regard, the study aims to identify which historical events and images are perceived by young people as illustrations of these value imperatives. The work is based on data from a nationwide survey of young people aged 14–35, conducted in the autumn of 2025. The study employs a multi-stage proportional stratified sample with a total volume of 2,700 respondent. The results of the study show that the value and worldview orientations traditional to the Russian people are represented in the perceptions of young people, first and foremost, in the heroic episodes of our country's history, among which the Great Patriotic War is the most significant.

Keywords: youth, traditional values, spirituality, truth, justice, will, patriotism, collectivism, historical memory

Acknowledgements. The research was carried out within the framework of the project on state assignment No. 075-00186-25-05 “Russian Civilizational imperatives: conceptual content and perception in Russian society” (code FEGG-2025-0008), implemented at the Chelyabinsk State University based on the results of the selection of scientific projects conducted by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation and АНО EISR.

Conflicts of interest. The authors declare no conflicts of interest.

For citation: Selezneva, A.V., Tulegenova, D.D., & Yachmeneva, O.A. (2026). Bridging times: Russian youth's values and worldview through the prism of historical memory. *RUDN Journal of Political Science*, 28(2), 310–331. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2026-28-2-310-331> EDN: VXGODN

Введение

Исследования молодежи сегодня являются одним из ключевых направлений научного поиска в широком пространстве социогуманитарного знания. Ученые рассматривают как саму молодежь — ее поколенческую специфику и социально-психологические характеристики, ориентации и предпочтения в разных сферах жизни, формы поведенческой активности и вовлеченности в разные социальные практики [Бродовская, Пырма, Домбровская 2020; Емельянова, Белых 2020; Шамионов, Бочарова, Невский 2022; Самаркина, Колозов 2023; Токарев 2024; Селиверстова, Зубок 2025], так и разные аспекты государственной политики в отношении молодежи — образовательной, воспитательной и собственно молодежной [Камалова, Соловьев 2020; Глухова 2021; Омельченко, Лисовская 2022; Палитай, Девочкина 2024; Селезнева, Рогач, Брайнес 2025]. Причина такой ситуации вполне очевидна — молодежь сегодня находится в фокусе особого государственного и общественного внимания, что актуализирует потребность в научном обеспечении принятия государственных решений и закономерно влечет за собой повышение интереса к ней со стороны научного и экспертного сообщества.

Особенно актуальным в современном политическом контексте является изучение ценностно-мировоззренческих представлений и ориентаций молодежи. Исследования фиксируют наличие традиционных ценностей в ее сознании и их довольно противоречивый характер [Касамара, Максименкова, Сорокина 2020; Титов 2023; Селезнева, Тулегенова 2024; Евгеньева, Палитай, Тулегенова 2024; Газиева 2025]. При этом основной ракурс анализа связан с определением степени актуализации тех или иных ценностей, их иерархии и смыслового наполнения, практик их реализации в повседневной жизни и общественной сфере, форм и способов их артикуляции и трансляции в молодежной среде. То есть они рассматриваются в настоящем и применительно к настоящему, тогда как взгляд на них сквозь призму исторической памяти является достаточно редким. В исследовании предпринята попытка частично восполнить этот пробел за счет обращения к традиционно свойственным российскому народу ценностно-мировоззренческим ориентациям и представлениям современной российской молодежи о том, как они проявляются в исторических событиях и современных практиках.

Теоретические основания исследования

В данном исследовании предметом изучения стали политические ориентации и представления молодежи в контексте исторической памяти, которые с точки зрения политической психологии ценностно обусловлены и отражают смысловое наполнение значимых для молодых людей аксиологических категорий [Селезнева 2021]. Среди всех традиционных ценностей, которые, как было указано выше, актуальны и значимы для современной молодежи, для анализа были выбраны вера и духовность, правда и справедливость, свобода и воля, коллективизм и патриотизм, поскольку они определяют цивилизационную самобытность России и имеют особое значение для российской истории и культуры [Русские ценности 2024], а также находятся сегодня в фокусе особого официального внимания и являются предметом политико-идеологического осмысления¹.

Концептуальной основой исследования стал политико-психологический подход, который позволяет рассматривать политические ценности и представления, установки и ориентации молодежи как элементы индивидуального и массового политического сознания и мировоззрения. Данный подход дает возможность проводить структурно-содержательный анализ глубинных аксиологических конструкций, на основе которых молодые люди воспринимают и осмысливают прошлое, настоящее и будущее своей страны, идентифицируют себя с ней и осознают сопричастность к ее судьбе [Евгеньева, Евгенийев 2023; Селезнева 2024b; Палитай 2025].

Еще одним фундаментальным основанием исследования выступили отечественные политико-философские труды, разработки в области истории социально-политической мысли и исторической памяти, из которых в контексте решения исследовательских задач для нас важны следующие идеи и положения.

В научной литературе уникальные социокультурные характеристики нашей страны определяются в процессе изучения и осмысления цивилизационных особенностей России, нашего культурного кода, традиционных ценностей, национального характера, менталитета и мировоззрения [Бердяев 2010; Касьянова 1994; Старостин 2017; Перевезенцев, Пучнина, Страхов, Шакирова 2021; Харичев, Шутов, Полосин, Соколова 2022; Артюхин, Иванова, Батов 2023; Прокудин, Прокудин 2025]. При этом их ключевой особенностью в историческом контексте является возможность и способность сохраняться и воспроизводиться: «Главное, что сохранила Россия, в том числе XX века, — это генетические коды собственной цивилизации — духовность, „коммунильность“, державность и имперство, этнический стержень при этно-толерантности, самосознание „самости“, самобытности и мессианскую составляющую как стержень идеологии, дух цивилизационной соревновательности и самоуважение» [Сенявский 2002: 65]. Среди основополагающих (базисных) ценностей русской цивилизации как «важнейших для общенационального сознания понятий» историками мысли выделяются

¹ Харичев А.Д. Ключевые мировоззренческие линии государственной политики. Цивилизация «Россия» // Блокнот гражданского просвещения. 2025. № 9. С. 4–10.

в том числе вера (духовность), Отечество, правда, свобода, семья, справедливость [Русские ценности 2024: 30].

Важную роль в сохранении и трансляции культурного кода и традиционных ценностей играют историческая память как существующий в настоящем образ прошлого и создающая этот образ политика памяти [Репина 2005; Линченко, Аникин 2018]. Первая включает в себя комплекс репрезентаций исторического — эпох, процессов, событий, деятелей — в современности, которые благодаря второй становятся востребованными, актуализируют значимые для людей идеи и образцы поведения. Призма исторической памяти в рамках представленного исследования определяет, с одной стороны, фокус на исторических событиях прошлого, в представлениях о которых отражаются ценностно-мировоззренческие ориентации современной молодежи, а с другой — рамку осмысления результатов исследования в актуальном контексте в связи с государственной политикой ее защиты и сохранения.

Характеристика эмпирического исследования

В статье представлены результаты проведенного осенью 2025 г. опроса российской молодежи в возрасте от 14 до 35 лет. В исследовании используется многоступенчатая, пропорциональная, районированная (стратифицированная) выборка общим объемом 2 700 человек, представляющих все федеральные округа Российской Федерации, в том числе территории Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской и Херсонской области, вошедшие в состав Российской Федерации в качестве новых регионов.

Основными параметрами для построения выборки были определены пол, возраст и регион проживания респондентов. При составлении анкеты использовались преимущественно закрытые и полужакрытые вопросы с единичным и множественным выбором. В рамках опроса также был использован прием оценочного шкалирования для определения значимости для молодых людей разных ценностных понятий. Психологический компонент исследования был реализован с помощью метода неоконченных предложений.

Ответы на открытые и полужакрытые вопросы проходили через процедуры кодирования, шкалирования и дальнейшей статистической обработки с использованием специализированного программного обеспечения (SPSS Statistics, MS Excel).

Результаты и их обсуждение

Результаты исследования показывают, что российская молодежь связывает духовную силу народа, прежде всего, с героическими страницами отечественной истории. Почти половина опрошенных респондентов — 45 % считают, что ее иллюстрируют военные победы и ратные подвиги. Молодые люди утверждают, что духовная сила российского народа проявляется

в «единстве в самые трудные времена», отмечая при этом такие исторические события, как Великая Отечественная война, Отечественная война 1812 г., Революция 1917 г. Для трети опрошенных духовная сила народа заключена в произведениях российских писателей и поэтов — 38,1 %, помощи другим народам в трудные времена — 36,5 %, открытиях и изобретениях российских ученых — 33,1 % (табл. 1).

Следует отметить различия в представлениях о проявлении духовной силы народа молодыми мужчинами и женщинами. Так, для женщин особенно актуальны такие варианты ответа, как «помощь другим народам в трудные времена» — 42,2 %, «волонтерские проекты и добровольческие инициативы» — 32,5 %, тогда как у молодых мужчин эти показатели заметно ниже — 31,3 и 19,2 % соответственно. В то же время утверждения «открытия и изобретения российских ученых» — 36,1 % и «освоение новых земель» — 13,1 % для мужчин актуальнее, чем для женщин, — 29,9 % и 7,7 % соответственно. По остальным позициям была зафиксирована минимальная разница в ответах.

Если рассматривать результаты опроса, опираясь на возрастные подгруппы опрошенных, то, как видно из табл. 1, для молодых людей в возрасте 14–26 лет утверждение «волонтерские проекты и добровольческие инициативы» в качестве иллюстрации духовной силы русского народа более актуально, чем для старших респондентов в возрасте 27–35 лет. Такое распределение ответов видится закономерным, поскольку для представителей младшей подгруппы волонтерство органично вплетено в контекст личного и социального развития, подкреплено различного рода социальными практиками и добровольческими мероприятиями в рамках государственной молодежной политики, которые ориентированы преимущественно на студенческую молодежь. У респондентов старшей возрастной подгруппы 27–35 лет на первый план выходят другие жизненные задачи, и в представлениях о духовной силе народа фигурируют другие формы проявления и исторические события. Для старших респондентов более актуальны утверждения «жизнь и деятельность русских святых и подвижников» и «мобилизация общества в непростые для страны времена».

Другой традиционно свойственной российскому народу ценностно-мировоззренческой ориентацией являются правда и справедливость. Респонденты отмечают, что примером борьбы за правду и справедливость вновь выступают военные сюжеты прошлого — Великая Отечественная война, Февральская и Октябрьская революции 1917 г., Гражданская война. По результатам опроса для большинства респондентов ключевым примером борьбы за правду и справедливость в российской истории является Великая Отечественная война — 46,8 %. Помимо этого, в качестве примеров борьбы за правду и справедливость молодые люди рассматривают такие исторические события, как воссоединение Крыма с Россией — 25,3 %, отмена крепостного права — 24,5 %, специальная военная операция — 23,3 %, помощь другим народам в трудные времена — 22,2 % (табл. 2).

Таблица 1. Какие примеры из российской истории, культуры или современности лучше всего иллюстрируют духовную силу русского народа?, %

Выбранные утверждения	Все опрошенные	Мужчины	Женщины	14–17	18–22	23–26	27–30	31–35
Военные победы и ратные подвиги	45,0	40,6	49,8	43,0	49,8	40,4	42,0	46,8
Жизнь и деятельность русских святых и подвижников	15,1	16,9	13,2	13,6	14,8	13,9	12,6	18,4
Произведения российских писателей и поэтов	38,1	37,2	39,0	34,9	40,4	45,8	38,1	34,2
Открытия и изобретения российских ученых	33,1	36,1	29,9	33,6	32,1	34,1	31,5	34,0
Освоение новых земель	10,5	13,1	7,7	11,5	9,9	10,0	13,1	9,3
Помощь другим народам в трудные времена	36,5	31,3	42,2	39,4	43,2	36,9	37,6	28,8
Волонтерские проекты и добровольческие инициативы	25,5	19,2	32,5	30,0	28,2	28,4	22,6	20,7
Эффективное экономическое развитие в условиях санкций	14,9	14,5	15,3	15,3	14,5	15,0	11,9	16,4
Мобилизация общества в непростые для страны времена	18,6	18,4	18,8	16,5	18,6	17,8	15,0	22,5
Другое	1,6	2,5	0,6	0,3	1,1	1,5	0,6	3,5
Затрудняюсь ответить	7,4	9,3	5,4	7,6	4,1	5,7	14,2	6,9

Источник: составлено А.В. Селезневой, Д.Д. Тулегеновой, О.А. Ячменевой.

Table 1. Which examples from Russian history, culture or modern times best illustrate the spiritual power of the Russian people?, %

Selected statements	All respondents	Males	Females	14–17	18–22	23–26	27–30	31–35
Military victories and feats of arms	45.0	40.6	49.8	43.0	49.8	40.4	42.0	46.8
Russian saints' and ascetics' life paths and activities	15.1	16.9	13.2	13.6	14.8	13.9	12.6	18.4
Russian writers' and poets' works	38.1	37.2	39.0	34.9	40.4	45.8	38.1	34.2
Russian scientists' discoveries and inventions	33.1	36.1	29.9	33.6	32.1	34.1	31.5	34.0
Development of new lands	10.5	13.1	7.7	11.5	9.9	10.0	13.1	9.3
Helping other peoples in difficult times	36.5	31.3	42.2	39.4	43.2	36.9	37.6	28.8
Volunteering projects and initiatives	25.5	19.2	32.5	30.0	28.2	28.4	22.6	20.7
Effective economic development under sanctions	14.9	14.5	15.3	15.3	14.5	15.0	11.9	16.4
Social mobilization in difficult times for the country	18.6	18.4	18.8	16.5	18.6	17.8	15.0	22.5
Other	1.6	2.5	0.6	0.3	1.1	1.5	0.6	3.5
It is difficult to answer	7.4	9.3	5.4	7.6	4.1	5.7	14.2	6.9

Source: compiled by A.V. Selezneva, D.D. Tulegenova, O.A. Yachmeneva.

По данному вопросу следует отметить различия в представлениях о проявлении справедливости народа в возрастном разрезе. Для всех возрастных групп Великая Отечественная война является наиболее ярким примером борьбы российского народа за правду, при этом для возрастной группы респондентов от 14 до 26 лет утверждение «движение декабристов» в качестве примера проявления борьбы за правду и справедливость более актуально, чем для возрастной группы 27–35 лет.

Таблица 2. Какие примеры из российской истории или современности лучше всего иллюстрируют борьбу за правду и справедливость российского народа?, %

Выбранные утверждения	Все опрошенные	14–17	18–22	23–26	27–30	31–35
Освобождение Москвы от польских интервентов Вторым народным ополчением	14,7	13,9	18,0	15,6	14,2	12,6
Борьба за права российских спортсменов	26,2	28,0	29,5	24,5	25,5	23,8
Воссоединение Крыма с Россией	25,3	24,1	25,0	20,7	19,8	31,8
Движение декабристов	12,8	15,4	17,5	15,9	8,8	8,3
Отмена крепостного права	24,5	27,0	30,0	25,4	21,8	19,9
Великая Отечественная война	46,8	46,8	47,0	46,9	49,0	45,3
Помощь другим народам в трудные времена	22,2	26,6	23,6	19,3	20,3	20,8
Протестные акции	11,6	10,0	12,9	16,8	11,9	8,9
Специальная военная операция	23,3	20,4	21,1	22,0	21,5	28,3
Другое	1,5	0,0	1,4	2,5	1,6	2,1
Затрудняюсь ответить	10,8	11,4	7,6	11,7	15,2	10,1

Источник: составлено А.В. Селезневой, Д.Д. Тулегеновой, О.А. Ячменевой.

Table 2. Which examples from Russian history or modern times best illustrate the Russian people's struggle for truth and justice?, %

Selected statements	All respondents	14–17	18–22	23–26	27–30	31–35
Moscow's liberation from Polish invaders by the Second People's Militia	14.7	13.9	18.0	15.6	14.2	12.6
Fight for Russian athletes' rights	26.2	28.0	29.5	24.5	25.5	23.8
Crimea's reunification with Russia	25.3	24.1	25.0	20.7	19.8	31.8
The Decembrist movement	12.8	15.4	17.5	15.9	8.8	8.3
The abolition of serfdom	24.5	27.0	30.0	25.4	21.8	19.9
The Great Patriotic War	46.8	46.8	47.0	46.9	49.0	45.3
Helping other peoples in difficult times	22.2	26.6	23.6	19.3	20.3	20.8
Protest actions	11.6	10.0	12.9	16.8	11.9	8.9
The Special Military Operation	23.3	20.4	21.1	22.0	21.5	28.3
Other	1.5	0.0	1.4	2.5	1.6	2.1
It is difficult to answer	10.8	11.4	7.6	11.7	15.2	10.1

Source: compiled by A.V. Selezneva, D.D. Tulegenova, O.A. Yachmeneva.

Другой традиционной ценностно-мировоззренческой ориентацией является — воля, духовная сила российского народа. По результатам опроса молодых людей ключевым примером ее проявления в отечественной истории являются трудовые и военные подвиги — 47,5 %. Для трети респондентов — 31,2 % примером, иллюстрирующим волю российского народа, выступают выдающиеся достижения российских спортсменов, а следующими по популярности ответами выступили «проектирование и строительство уникальных инженерных объектов» для 24,7 %, «открытия и изобретения российских ученых» для 24,5 %, «масштабные проекты по защите природы и восстановлению экологии» для 23,4 % (табл. 3).

Необходимо подчеркнуть различия в ответах молодых мужчин и женщин. Утверждение «трудовые и военные подвиги» заметно актуальнее для женщин — 51,2 %, чем для мужчин — 44,1 %. Помимо этого, для женщин актуальнее такие варианты ответа, как «создание и развитие уникальных культурных пространств, музеев, театров» — 20,6 % и «волонтерские проекты и добровольческие инициативы» — 27,6 %, чем для молодых мужчин — 12,6 и 20,4 % соответственно.

Рассматривая возрастные различия в представлениях молодых людей, можно отметить, что утверждение «создание и развитие уникальных культурных пространств, музеев, театров» наиболее актуально для респондентов младшей возрастной подгруппы от 14 до 26 лет. Из групп молодых людей в возрасте 27–30 и 31–35 лет с этим утверждением согласились лишь 11,9 и 10 % соответственно. А также утверждение «волонтерские проекты и добровольческие инициативы» в качестве иллюстрации воли российского народа актуально для 30 % респондентов младшей возрастной группы 14–17 лет, и лишь для 20 % опрошенных в возрасте 31–35 лет.

Примером патриотизма большинство молодых людей определили подвиг народа в годы Великой Отечественной войны — 62,3 %. Помимо этого, респонденты отмечают в качестве проявлений патриотизма сохранение культурного наследия страны — 39,7 % и героизм в мирное время — 30,1 %. Вариант ответа «сохранение культурного наследия страны» в большей степени актуален для женщин — 46,1 %, чем для мужчин — 33,9 %. И по данному вопросу вновь можно отметить возрастные различия. Для старших респондентов проявление патриотизма иллюстрируется в большей степени подвигом народа в годы Великой Отечественной войны и специальной военной операцией, чем для младших. В то же время утверждение «волонтерское движение» наиболее актуально для опрошенных в возрасте 14–17 лет, чем для старших респондентов 31–35 лет (табл. 4).

Коллективное взаимодействие российского народа, по мнению молодежи, лучше всего демонстрирует Победа в Великой Отечественной войне, 60,1 % молодых людей отметили этот вариант ответа. Также в рамках данного вопроса следует обратить внимание на такие утверждения, как «традиции совместного празднования» и «коллективный труд советских и российских ученых и инженеров над крупными научно-техническими проектами» с распределением ответов 41,2 и 35,4 % соответственно (табл. 5).

Таблица 3. Какие примеры из российской истории, культуры или современности лучше всего иллюстрируют волю российского народа?, %

Выбранные утверждения	Все опрошенные	Мужчины	Женщины	14–17	18–22	23–26	27–30	31–35
Трудовые и военные подвиги	47,5	44,1	51,2	41,7	50,6	46,2	40,3	53,5
Мобилизация общества в непростые для страны времена	18,3	18,1	18,6	14,4	19,2	13,5	16,9	23,5
Проектирование и строительство уникальных инженерных объектов	24,7	26,1	23,2	21,8	24,3	18,8	24,7	30,1
Масштабные проекты по защите природы и восстановлению экологии	23,4	21,6	25,4	28,5	26,9	27,4	22,2	16,2
Создание и развитие уникальных культурных пространств, музеев, театров	16,4	12,6	20,6	22,8	21,1	19,0	11,9	10,0
Освоение новых земель	12,0	14,5	9,2	10,3	10,5	13,5	12,8	12,9
Волонтерские проекты и добровольческие инициативы	23,8	20,4	27,6	30,7	26,1	24,0	19,4	20,1
Выдающиеся достижения российских спортсменов	31,2	29,1	33,4	29,7	30,5	37,5	27,1	31,5
Открытия и изобретения российских ученых	24,5	26,0	22,8	23,8	24,6	23,8	24,2	25,5
Другое	1,9	3,0	0,6	0,6	0,8	3,7	2,4	2,1
Затрудняюсь ответить	9,5	10,8	8,1	9,8	6,2	8,5	17,3	7,9

Источник: составлено А.В. Селезневой, Д.Д. Тулегеновой, О.А. Ячменевой.

Table 3. Which examples from Russian history, culture or modern times best illustrate the will of the Russian people?, %

Selected statements	All respondents	Males	Females	14–17	18–22	23–26	27–30	31–35
Labor and military feats	47.5	44.1	51.2	41.7	50.6	46.2	40.3	53.5
Social mobilization in difficult times for the country	18.3	18.1	18.6	14.4	19.2	13.5	16.9	23.5
Design and construction of unique engineering facilities	24.7	26.1	23.2	21.8	24.3	18.8	24.7	30.1
Large-scale nature protection and ecological restoration projects	23.4	21.6	25.4	28.5	26.9	27.4	22.2	16.2
Creation and development of unique cultural spaces, museums and theaters	16.4	12.6	20.6	22.8	21.1	19.0	11.9	10.0
Development of new lands	12.0	14.5	9.2	10.3	10.5	13.5	12.8	12.9
Volunteering projects and initiatives	23.8	20.4	27.6	30.7	26.1	24.0	19.4	20.1
Russian scientists' discoveries and inventions	31.2	29.1	33.4	29.7	30.5	37.5	27.1	31.5
Russian athletes' outstanding achievements	24.5	26.0	22.8	23.8	24.6	23.8	24.2	25.5
Other	1.9	3.0	0.6	0.6	0.8	3.7	2.4	2.1
It is difficult to answer	9.5	10.8	8.1	9.8	6.2	8.5	17.3	7.9

Source: compiled by A.V. Selezneva, D.D. Tulegenova, O.A. Yachmeneva.

Таблица 4. Какие примеры из российской истории, культуры или современности лучше всего иллюстрируют патриотизм российского народа?, %

Выбранные утверждения	Все опрошенные	Мужчины	Женщины	14–17	18–22	23–26	27–30	31–35
Подвиг народа в годы Великой Отечественной войны	62,3	59,9	65,0	53,8	63,9	61,2	65,2	65,6
Освоение и развитие территорий	9,3	11,1	7,4	10,7	8,4	6,3	10,4	10,1
Космическая программа СССР	17,0	18,9	14,8	18,9	16,1	16,6	15,8	17,2
Сохранение культурного наследия страны	39,7	33,9	46,1	34,4	43,2	45,5	36,8	39,1
Спортивные достижения	15,9	16,6	15,1	17,9	15,3	20,8	17,7	11,4
Волонтерское движение	15,1	11,8	18,6	21,3	15,7	13,3	11,5	13,5
Научные открытия и изобретения	20,3	23,0	17,4	20,9	18,7	21,9	17,9	21,8
Специальная военная операция	22,1	22,0	22,1	16,8	22,8	14,6	23,7	27,9
Героизм в мирное время	30,1	29,8	30,4	28,9	35,2	30,5	22,3	31,0
Другое	1,1	1,3	0,8	0,5	1,4	3,2	0,7	0,3
Затрудняюсь ответить	8,7	10,6	6,6	10,6	6,0	7,7	11,9	8,3

Источник: составлено А.В. Селезневой, Д.Д. Тулегеновой, О.А. Ячменевой.

Table 4. Which examples from Russian history, culture or modern times best illustrate the patriotism of the Russian people?, %

Selected statements	All respondents	Males	Females	14–17	18–22	23–26	27–30	31–35
The people's feat during the Great Patriotic War	62.3	59.9	65.0	53.8	63.9	61.2	65.2	65.6
Development of territories	9.3	11.1	7.4	10.7	8.4	6.3	10.4	10.1
The Soviet space program	17.0	18.9	14.8	18.9	16.1	16.6	15.8	17.2
Preserving the country's cultural heritage	39.7	33.9	46.1	34.4	43.2	45.5	36.8	39.1
Sporting achievements	15.9	16.6	15.1	17.9	15.3	20.8	17.7	11.4
Volunteer movement	15.1	11.8	18.6	21.3	15.7	13.3	11.5	13.5
Scientific discoveries and inventions	20.3	23.0	17.4	20.9	18.7	21.9	17.9	21.8
The Special Military Operation	22.1	22.0	22.1	16.8	22.8	14.6	23.7	27.9
Peacetime heroism	30.1	29.8	30.4	28.9	35.2	30.5	22.3	31.0
Other	1.1	1.3	0.8	0.5	1.4	3.2	0.7	0.3
It is difficult to answer	8.7	10.6	6.6	10.6	6.0	7.7	11.9	8.3

Source: compiled by A.V. Selezneva, D.D. Tulegenova, O.A. Yachmeneva.

В соответствии с результатами опроса можно отметить следующие различия в ответах мужчин и женщин. Для молодых женщин утверждение «Победа в Великой Отечественной войне» в большей степени иллюстрирует коллективное взаимодействие российского народа — 63,3 %, чем для молодых мужчин — 57,2 %. При этом вариант ответа «освобождение Москвы от польских интервентов Вторым народным ополчением» актуален для 24 % мужчин и только для 13,3 % опрошенных женщин, у которых в большей степени отмечены такие утверждения, как «волонтерские проекты и добровольческие инициативы» и «традиции совместного празднования». Закономерным является распределение ответов по возрастному признаку. Вариант ответа «субботники в школах и на рабочих местах» выбрали 10,8 % молодых людей в возрасте от 14 до 17 лет и лишь 4,5 % респондентов 31–35 лет.

Таблица 5. Какие примеры из российской истории или современности лучше всего иллюстрируют коллективное взаимодействие российского народа?, %

Выбранные утверждения	Все опрошенные	Мужчины	Женщины	14–17	18–22	23–26	27–30	31–35
Победа в Великой Отечественной войне	60,1	57,2	63,3	53,8	63,5	61,5	53,6	64,3
Освобождение Москвы от польских интервентов Вторым народным ополчением	18,9	24,0	13,3	22,7	26,0	16,4	13,5	15,4
Коллективное творчество в фольклоре	18,0	16,2	19,9	17,1	16,9	15,8	21,1	18,8
Субботники в школах и на рабочих местах	7,0	6,5	7,6	10,8	6,9	8,9	5,6	4,5
Коллективный труд советских и российских ученых и инженеров над крупными научно-техническими проектами	35,4	36,1	34,6	32,6	36,4	37,9	35,1	35,1
Взаимопомощь в деревнях и сельских общинах	17,0	19,2	14,6	17,2	20,1	20,5	13,2	14,8
Круговая порука как традиционный способ ответственности общины за своих членов	7,1	8,1	6,0	10,2	7,6	8,6	6,5	4,2
Волонтерские проекты и добровольческие инициативы	25,3	18,8	32,5	26,7	25,8	21,8	21,4	28,0
Традиции совместного празднования	41,2	34,4	48,7	37,1	42,7	45,8	44,3	38,6
Другое	1,3	1,8	0,8	0,5	0,8	2,9	0,6	1,8
Затрудняюсь ответить	6,8	8,8	4,6	9,2	4,3	4,2	11,6	5,9

Источник: составлено А.В. Селезневой, Д.Д. Тулегеновой, О.А. Ячменевой.

Table 5. Which examples from Russian history or modern times best illustrate the collective interaction of the Russian people?, %

Selected statements	All respondents	Males	Females	14–17	18–22	23–26	27–30	31–35
Victory in the Great Patriotic War	60.1	57.2	63.3	53.8	63.5	61.5	53.6	64.3
Moscow's liberation from Polish invaders by the Second People's Militia	18.9	24.0	13.3	22.7	26.0	16.4	13.5	15.4
Folklore as a collective form of creation	18.0	16.2	19.9	17.1	16.9	15.8	21.1	18.8
School and workplace clean-up events	7.0	6.5	7.6	10.8	6.9	8.9	5.6	4.5
Soviet and Russian scientists' and engineers' collective labor devoted to large scientific and technical projects	35.4	36.1	34.6	32.6	36.4	37.9	35.1	35.1
Mutual assistance in villages and rural communities	17.0	19.2	14.6	17.2	20.1	20.5	13.2	14.8
Mutual responsibility as a traditional form of communities' responsibility for its members	7.1	8.1	6.0	10.2	7.6	8.6	6.5	4.2
Volunteering projects and initiatives	25.3	18.8	32.5	26.7	25.8	21.8	21.4	28.0
Joint celebration traditions	41.2	34.4	48.7	37.1	42.7	45.8	44.3	38.6
Other	1.3	1.8	0.8	0.5	0.8	2.9	0.6	1.8
It is difficult to answer	6.8	8.8	4.6	9.2	4.3	4.2	11.6	5.9

Source: compiled by A.V. Selezneva, D.D. Tulegenova, O.A. Yachmeneva.

Обобщая представленные эмпирические данные, можно отметить, что история по-прежнему остается тем экзистенциальным пространством, где граждане, в нашем случае молодые, находят основания для самоопределения. При этом с точки зрения сохранения исторической памяти важно учитывать, что представления молодых людей носят преимущественно обобщенный и избирательный характер и зачастую не складываются в единую картину прошлого [Селезнева 2021].

Заключение

Ценностно-мировоззренческие ориентации, находящиеся в фокусе нашего исследования, являются предметом не только политологического, а шире — междисциплинарного научного анализа. В современной социогуманитарной науке накоплен значительный объем теоретических и эмпирических знаний о патриотизме, коллективизме, справедливости, правде, свободе, воле и их значении для российской культуры и цивилизации. Однако, как правило, эти ценности не рассматривались на основе эмпирических данных о том, каким образом они репрезентируются через образы исторических и отчасти современных событий в массовом сознании молодого поколения. Настоящее исследование является попыткой частично восполнить данный пробел.

В результате анализа материалов исследования можно заключить, что традиционные для российского народа ценностно-мировоззренческие ориентации в представлениях молодых людей заключены и сконцентрированы, прежде всего, в героических эпизодах истории нашей страны. Среди них наиболее значимой является Великая Отечественная война, которая предстает важнейшим символом сплоченности, мужества и любви к Родине. По мнению российской молодежи, события Великой Отечественной войны являются воплощением воли, духовной силы, патриотизма, борьбы за правду и справедливость — ценностно-мировоззренческих ориентаций, которые являются традиционными для российского народа.

Полученные данные демонстрируют определенные гендерные и возрастные различия в представлениях об исторических событиях и современных социально-политических практиках, репрезентирующих ценностно-мировоззренческие ориентации нашего народа. Молодые женщины в большей степени ориентированы на коллективизм, помощь другим и сохранение культурных традиций, тогда как молодые мужчины склонны акцентировать внимание на индивидуальных достижениях, успехе в науке и освоении новых территорий. При этом по ряду позиций наблюдается незначительная разница в ответах, что свидетельствует о базовом ценностном единстве молодежи. Что касается возраста респондентов, то он определяет бóльший акцент на современных волонтерских практиках у юных представителей молодого поколения, поскольку они являются для них близкими и понятными.

С точки зрения актуальных политических процессов важно заключить, что историческая память играет важнейшую роль не только в сохранении знаний и представлений о фактах нашей истории, но и в воспроизводстве представлений людей о ключевых цивилизационных особенностях, ценностных характеристиках и качествах российского народа, которые проявляются в тех или иных исторических и современных событиях и процессах. В этом отношении принципиально значимым представляется необходимость усиления этого аспекта в воспитательной и просветительской работе с молодежью для выстраивания в ее сознании аксиологического сопряжения между масштабной историей всей

страны и жизненными траекториями каждого человека через осознание общности судьбы всего народа, особенностей его менталитета, мировоззрения и национального характера.

Поступила в редакцию / Received: 17.10.2025

Доработана после рецензирования / Revised: 10.12.2025

Принята к публикации / Accepted: 15.02.2026

Библиографический список

- Артюхин О.А., Иванова Л.Л., Батов А.Т. Мировоззренческие компоненты модели «пента-базиса» в современной политике России // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2023. № 2. С. 190–196. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2023-1-2-190-196>. EDN: AUFKJT.
- Бердяев Н.А. Душа России // Избранные труды. Москва : РОССПЭН, 2010. С. 47–72.
- Бродовская Е.В., Пырма Р.В., Домбровская А.Ю. Гражданский активизм молодежи России: структура ролей, факторы формирования установок, триггеры роста протестного потенциала // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2020. Т. 10. № 6. С. 39–48. <https://doi.org/10.26794/2226-7867-2020-10-6-39-48>. EDN: GQPAYE.
- Газиева И.А. Патриотизм как социальная ценность: восприятие студенческой молодежи // Социологическая наука и социальная практика. 2025. Т. 13. № 1. С. 142–169. <https://doi.org/10.19181/snsr.2025.13.1.7>. EDN: LBVCUJ.
- Глухова А.В. Политическое образование в вузе и воспитание гражданина // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Проблемы высшего образования. 2021. № 2. С. 34–39. EDN: BAPLCW.
- Евгеньева Т.В., Евгенийев В.А. Политические представления и ценности российской молодежи в контексте их историко-культурных оснований // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2023. Т. 13, № 3. С. 94–100. <https://doi.org/10.26794/2226-7867-2023-13-3-94-100>. EDN: DMFECJ.
- Евгеньева Т.В., Палитай И.С., Тулегенова Д.Д. Свобода как политическая ценность в сознании современной российской молодежи (по результатам эмпирического исследования) // Вестник Пермского университета. Серия Политология. 2024. Т. 18. № 2. С. 59–72. <https://doi.org/10.17072/2218-1067-2024-2-59-72>. EDN: MGIBFV.
- Емельянова Т.П., Белых Т.В. Ответственность молодежи по отношению к старшим и будущим поколениям // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2020. № 2. С. 34–45. <https://doi.org/10.18384/2310-7235-2020-2-34-45>. EDN: DMDXKT.
- Камалова М.И., Соловьев А.И. Государственная молодежная политика: проблемы и траектории развития в современной России // Государственное управление. Электронный вестник. 2020. № 83. С. 62–83. <https://doi.org/10.24411/2070-1381-2020-10109>. EDN: MDYYRK.
- Касамара В.А., Максименкова М.С., Сорокина А.А. Справедливость в представлениях российской студенческой молодежи // Общественные науки и современность. 2020. № 4. С. 20–30. <https://doi.org/10.31857/s086904990010748-4>. EDN: GCONWJ.
- Касьянова К. О русском национальном характере. Москва : Институт национальной модели экономики, 1994. 267 с.
- Линченко А.А., Аникин Д.А. Политика памяти как предмет философской рефлексии // Вестник Вятского государственного университета. 2018. № 1. С. 19–25. EDN: YVHRGZ.

- Омельченко Е.Л., Лисовская И.В. Молодежь как барометр будущего? Молодежная повестка в современной России сквозь мнения экспертов по молодежной политике // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2022. № 2. С. 66–92. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.2.2078>. EDN: XIXVYB.
- Палитай И.С. Образ своей страны у российской молодежи: историко-культурный аспект // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2025. Т. 16. № 8 (154). <https://doi.org/10.18254/s207987840036599-7>. EDN: GULIUJ.
- Палитай И.С., Девочкина А.С. Государственная молодежная политика в системе рекрутирования политических лидеров // Государственное управление. Электронный вестник (Электронный журнал). 2024. № 103. С. 126–136. <https://doi.org/10.55959/msu2070-1381-103-2024-126-136>. EDN: JMQSRT.
- Перевезенцев С.В., Пучнина О.Е., Страхов А.Б., Шакирова А.А. «Отечество находится не в географии...»: К вопросу об эволюции традиционных духовно-политических ценностей российской цивилизации // Тетради по консерватизму. 2021. № 3. С. 263–283. <http://dx.doi.org/10.24030/24092517-2021-0-3-263-283>. EDN: IJQGO.
- Прокудин А.Б., Прокудин Б.А. Ценности материального и духовного характера. Причины «антиномичности русской души» // Тетради по консерватизму. 2025. № 3. С. 218–224. <http://dx.doi.org/10.24030/24092517-2025-0-3-218-224>.
- Репина Л.П. Концепции социальной и культурной памяти в современной историографии // Феномен прошлого. Москва : Издательский дом ГУ ВШЭ, 2005. С. 122–169.
- Русские ценности: традиционные смыслы и их отражение в сознании современной молодежи : коллективная монография / под ред. С.В. Перевезенцева, А.В. Селезневой. Москва : Квадрига, 2024. 720 с.
- Самаркина И.В., Колозов Д.П. Дискурс консолидации российского общества и политические ценности молодежи // Южно-российский журнал социальных наук. 2023. Т. 24. № 1. С. 78–94. <https://doi.org/10.31429/26190567-24-1-78-94>. EDN: SVWZHN.
- Селезнева А.В. Исторические представления в структуре гражданского самосознания современной российской молодежи // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2021. Т. 12. № 1 (99). <https://doi.org/10.18254/s207987840013809-8>. EDN: BSQUQJ.
- Селезнева А.В. Политические ценности российской молодежи: традиционные смыслы в современных условиях // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2024. № 77. С. 275–289. <https://doi.org/10.17223/1998863x/77/23>. EDN: MTCOVZ.
- Селезнева А.В. Ценностно-мировоззренческие основания политики: концептуальное осмысление и линии эмпирического изучения. Представляю номер // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2024b. Т. 26. № 2. С. 223–233. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2024-26-2-223-233>. EDN: NRZCGW.
- Селезнева А.В., Рогач Н.Н., Брайнес А.А. Политическое образование и просвещение российской студенческой молодежи: актуальное состояние и потенциал геймификации // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2025. Т. 27. № 2. С. 285–300. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2025-27-2-285-300>. EDN: JGCMNT.
- Селезнева А.В., Тулегенова Д.Д. «В слове „МЫ“ сто тысяч „Я“»: коллективное и индивидуальное в мировоззрении российской молодежи // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2024. Т. 26. № 2. С. 341–356. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2024-26-2-341-356>. EDN: MPJWST.
- Селиверстова Н.А., Зубок Ю.А. Представления молодежи о «лучшем» устройстве российского государства: особенности распространения и предикторы // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2025. № 3. С. 243–269. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2025.3.2742>. EDN: FANUZP.

- Сеняевский А.С. Цивилизационный подход в изучении российской истории XX века: теоретико-методологические аспекты // История России: теоретические проблемы (1-й вып.) Российская цивилизация: опыт исторического и междисциплинарного изучения. Москва : Наука, 2002. С. 59–68.
- Старостин А.М. Нематериальное наследие России в контексте концепции культурного кода цивилизации // Журнал Института наследия. 2017. № 1 (8). EDN: YLMWJB.
- Титов В.В. Патриотизм в структуре национально-государственной идентичности российской молодежи // Общество: политика, экономика, право. 2023. № 11. С. 50–55. <https://doi.org/10.24158/per.2023.11.5>. EDN: QQCQNQJ.
- Токарев А.А. Массовое сознание российской молодежи: образ будущего // Полис. Политические исследования. 2024. № 6. С. 154–169. <https://doi.org/10.17976/jpps/2024.06.11>. EDN: URHNAF.
- Харичев А.Д., Шутков А.Ю., Полосин А.В., Соколова Е.Н. Восприятие базовых ценностей, факторов и структур социально-исторического развития России (по материалам исследований и апробации) // Журнал политических исследований. 2022. Т. 6, № 3. С. 9–19. <https://doi.org/10.12737/2587-6295-2022-6-3-9-19>. EDN: EGEABU.
- Шамионов Р.М., Бочарова Е.Е., Невский Е.В. Роль ценностей в приверженности молодежи различным видам социальной активности // Социальная психология и общество. 2022. Т. 13. № 1. С. 124–141. <https://doi.org/10.17759/sps.2022130108>. EDN: NQFURU.

References

- Artyukhin, O.A., Ivanova, L.L., & Batov, A.T. (2023). Ideological components of the “Pentabasis” model in modern policy of Russia. *State and Municipal Management. Scholar Notes*, 2, 190–196. (In Russian). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2023-1-2-190-196>
- Berdyayev, N.A. (2010). The soul of Russia. In *Selected Works* (pp. 47–72). Moscow: ROSSPEN. (In Russian).
- Brodovskaya, E.V., Pyrma, R.V., & Dombrovskaya, A.Yu. (2020). Civil activism of youth in Russia: The structure of roles, the formation of attitudes factors, triggers of protest potential growth. *Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*, 10(6), 39–48. (In Russian). <https://doi.org/10.26794/2226-7867-2020-10-6-39-48>
- Emelyanova, T.P., & Belyh, T.V. (2020). Responsibility of youth towards older and future generations. *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Psychology*, 2, 34–45. (In Russian). <https://doi.org/10.18384/2310-7235-2020-2-34-45>
- Evgenieva, T.V., & Evgeniev, V.A. (2023). Political perceptions and values of the Russian youth in the context of their historical and cultural foundations. *Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*, 13(3), 94–100. (In Russian). <https://doi.org/10.26794/2226-7867-2023-13-3-94-100>
- Evgenieva, T.V., Palitay, I.S., & Tulegenova, D.D. (2024). Freedom as a political value in the minds of modern Russian youth (based on the results of an empirical study). *Bulletin of Perm University. Political Science*, 18(2), 59–72. (In Russian). <https://doi.org/10.17072/2218-1067-2024-2-59-72>
- Gazieva, I.A. (2025). Patriotism as a social value: The perception of student youth. *Sociologicheskaya Nauka I Social'naya Praktika*, 13(1), 142–169. (In Russian). <https://doi.org/10.19181/snsp.2025.13.1.7>
- Glukhova, A.V. (2021). Political education in the university and upbringing of a citizen. *Proceedings of Voronezh State University. Series: Problems of higher education*, 2, 34–39. (In Russian).
- Kamalova, M.I., & Solovyov, A.I. (2020). State youth policy: problems and ways of development in modern Russia. *E-journal Public Administration*, 83, 62–83. (In Russian). <https://doi.org/10.24411/2070-1381-2020-10109>

- Kasamara, V., Maximenkova, M., & Sorokina, A. (2020). Russian students' perceptions of justice. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, 4, 20–30. (In Russian). <https://doi.org/10.31857/s086904990010748-4>
- Kasyanova, K. (1994). *On the Russian National Character*. Moscow: Institute for the National Economic Model. (In Russian).
- Kharichev, A.D., Shutov, A.Yu., & Polosin, A.V. (2022). Perception of basic values, factors and structures socio-historical development of Russia (based on research and testing materials). *Journal of Political Studies*, 3(6), 9–19. (In Russian).
- Linchenko, A.A., & Anikin, D.A. (2018). Memory policy as a subject of philosophical reflection. *Herald of Vyatka State University*, 1, 19–25. (In Russian).
- Omelchenko, E.L., & Lisovskaya, I.V. (2022). Youth as a barometer of the future? The youth agenda in contemporary Russia as viewed by youth policy experts. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, 2, 66–92. (In Russian). <https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.2.2078>
- Palitai, I.S. (2025). Russian youth's image of their country: Historical and cultural aspect. *ISTORIYA*, 16(8) (In Russian). <https://doi.org/10.18254/s207987840036599-7>
- Palitay, I.S., & Devochkina, A.S. (2024). Strategic state youth policy in recruitment system of political leaders. *E-journal Public Administration*, 103, 126–136. (In Russian). <https://doi.org/10.55959/msu2070-1381-103-2024-126-136>
- Perevezentsev, S.V., Puchnina, O.E., Strakhov, A.B., & Shakirova, A.A. (2021). “The Fatherland is not in geography...”: On the issue of the evolution of traditional spiritual and political values of Russian civilization. *Essays on Conservatism*, 3, 263–283. (In Russian). <http://doi.org/10.24030/24092517-2021-0-3-245-262>.
- Perevezentsev, S.V., & Selezneva, A.V. (Eds.). (2024). *Russian values: traditional meanings and their reflection in the consciousness of contemporary youth*. Moscow: Quadriga. (In Russian).
- Prokudin, A.B., & Prokudin, B.A. (2025). Material and spiritual values. Reasons for the “antinomy of the Russian soul”. *Essays on Conservatism*, 3, 218–224. (In Russian). <http://dx.doi.org/10.24030/24092517-2025-0-3-218-224>.
- Repina, L.P. (2005). The concepts of social and cultural memory in a modern historiography. *The Phenomenon of the Past* (pp. 122–169). Moscow: Izdatel'skij dom HSE. (In Russian).
- Samarkina, I.V., & Kolozov, D.P. (2023). Discourse on consolidation within Russian society: Young people's political values. *South-Russian Journal of Social Sciences*, 24(1), 78–94. (In Russian). <https://doi.org/10.31429/26190567-24-1-78-94>
- Selezneva, A.V. (2021). Historical representations in the structure of modern Russian youth's civic consciousness. *ISTORIYA*, 12(1) (In Russian). <https://doi.org/10.18254/s207987840013809-8>
- Selezneva, A.V. (2024). Political values of Russian youth: Traditional meanings in modern conditions. *Tomsk State University Journal of Philosophy Sociology and Political Science*, 77, 275–279. (In Russian). <https://doi.org/10.17223/1998863x/77/23>
- Selezneva, A.V. (2024b). The value-worldview foundations of politics: Conceptual understanding and prospects for empirical study. Introducing the issue. *RUDN Journal of Political Science*, 26(2), 223–233. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2024-26-2-223-233>
- Selezneva, A.V., & Tulegenova, D.D. (2024). A hundred thousand “me” in one “we”: Collective and individual in the Russian youth worldview. *RUDN Journal of Political Science*, 26(2), 341–356. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2024-26-2-341-356>
- Selezneva, A.V., Rogach, N.N., & Braines, A.A. (2025). Political education and enlightenment of Russian university youth: The current state and the potential of gamification. *RUDN Journal of Political Science*, 27(2), 285–300. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2025-27-2-285-300>

- Seliverstova, N.A., & Zubok, Y.A. (2025). Young people's ideas about the "optimum state" for Russia: Representations and predictors. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, 3, 243–269. (In Russian). <https://doi.org/10.14515/monitoring.2025.3.2742>
- Senyavskiy, A.S. (2002). Civilization approach in the study of Russian history of the 20th century: Some theoretical and methodological aspects. In *Russia and the world civilization* (pp. 59–68). Moscow : Nauka (In Russian).
- Shamionov, R.M., Bocharova, E.E., & Nevsky, E.V. (2022). The role of values in the commitment of young people to various types of social activity. *Social Psychology and Society*, 13(1), 124–141. (In Russian). <https://doi.org/10.17759/sps.2022130108>
- Starostin, A.M. (2017). Intangible heritage of Russia in the context of the concept of cultural code of civilization. *The heritage Institute journal*, 1(8) (In Russian).
- Titov, V.V. (2023). Patriotism in the structure of national-state identity of Russian youth. *Society: Politics, Economics, Law*, (11), 50–55. (In Russian). <https://doi.org/10.24158/pep.2023.11.5>
- Tokarev, A.A. (2024). Mass consciousness of Russian youth: Image of the future. *Polis. Political Studies*, 6, 154–169. (In Russian). <https://doi.org/10.17976/jpps/2024.06.11>

Сведения об авторах:

Селезнева Антонина Владимировна — доктор политических наук, профессор кафедры российской политики факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова, зав. лабораторией экспериментальных политико-психологических исследований историко-филологического факультета ЧелГУ (e-mail: ntonina@mail.ru) (ORCID: 0000-0003-2500-6356)

Тулегенова Динара Дархановна — младший научный сотрудник лаборатории экспериментальных политико-психологических исследований историко-филологического факультета ЧелГУ, научный сотрудник ИНИОН РАН (e-mail: tulegenova.dinara1998@yandex.ru) (ORCID: 0000-0003-0566-5688)

Ячменева Олеся Александровна — лаборант-исследователь лаборатории экспериментальных политико-психологических исследований историко-филологического факультета ЧелГУ, аспирант кафедры социологии и психологии политики факультета политологии, МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: ichmenevaolesya@gmail.com) (ORCID: 0009-0008-7269-5848)

About the authors:

Antonina V. Selezneva — Doctor of Political Sciences, Professor, Department of Russian Politics, Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University; Head of the Laboratory for Experimental Political and Psychological Research, Faculty of History and Philology, Chelyabinsk State University (e-mail: ntonina@mail.ru) (ORCID: 0000-0003-2500-6356)

Dinara D. Tulegenova — Junior Researcher at the Laboratory for Experimental Political and Psychological Research, Faculty of History and Philology, Chelyabinsk State University; Researcher at the Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (INION RAN) (e-mail: tulegenova.dinara1998@yandex.ru) (ORCID: 0000-0003-0566-5688)

Olesya A. Yachmeneva — Research assistant at the Laboratory for Experimental Political and Psychological Research, Faculty of History and Philology, Chelyabinsk State University; Postgraduate, Department of Political Sociology and Psychology, Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University (e-mail: ichmenevaolesya@gmail.com) (ORCID: 0009-0008-7269-5848)

DOI: 10.22363/2313-1438-2026-28-2-332-348

EDN: VVFWBQ

Научная статья / Research article

Мемориальные конфликты вокруг военного мифа основания российского государства: анализ отражения в цифровой среде

А.Ю. Бубнов ^{1, 2}, А.Ю. Берлиц^{1, 2}

¹Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

Москва, Российская Федерация

²Государственный академический университет гуманитарных наук, Москва, Российская
Федерация

 alexandr-bubnov@mail.ru

Аннотация. Важную роль в изучении процессов трансформации коллективной памяти играет изучение мифов основания как основополагающих событий национальной истории, которые кодируют коллективные представления о прошлом и связанные с ними идентичности. Мемориальные конфликты вокруг мифов основания являются результатом выдвижения альтернативных интерпретаций и стремления изменить символические границы национальной идентичности. В России конфликты вокруг мифа основания государства могут быть рассмотрены на примере трех ключевых военных событий — Куликовской битвы, Стояния на реке Угре и битвы при Молодях. Изучение мемориальных конфликтов в публичном пространстве демонстрирует столкновение традиционного для России мифа о противостоянии Орде и конкурирующего тюркоцентричного мифа об Орде как матрице российской государственности. Анализ массива комментариев к видеороликам, посвященным военным событиям российского мифа основания, позволяет выделить восемь основных дискурсивных стратегий «демифологизации», направленных на оспаривание традиционного мифа основания. При этом доминирующие стратегии «демифологизации» составляют единый «евразийско-ордынский» нарративный комплекс, соответствующий мемориальному конфликту мифов основания.

Ключевые слова: военные мифы основания, мемориальные конфликты, медиализм, Куликовская битва, Великое стояние на Угре, битва при Молодях, сетевой дискурс, стратегии демифологизации

Благодарности. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-01495, rscf.ru/project/24-28-01495/.

© Бубнов А.Ю., Берлиц А.Ю., 2026

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Бубнов А.Ю., Берлиц А.Ю. Мемориальные конфликты вокруг военного мифа основания российского государства: анализ отражения в цифровой среде // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2026. Т. 28. № 2. С. 332–348. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2026-28-2-332-348> EDN: VWFWBQ

Memorial Conflicts Over Russia's Foundational Military Myth: A Digital Representation Analysis

Alexander Yu. Bubnov ^{1,2}, Artem Yu. Berlitz^{1,2}

¹Lomonosov Moscow State University, *Moscow, Russian Federation*

²State Academic University for the Humanities, *Moscow, Russian Federation*

✉ alexandr-bubnov@mail.ru

Abstract. An important role in the study of the processes of transformation of collective memory is played by the study of founding myths as fundamental events of national history that encode collective ideas about the past and related identities. In Russia, conflicts around the myth of the founding of the state can be considered using the example of three key military events — the Battle of Kulikovo, the Stand on the Ugra River and the Battle of Molodi. The study of memorial conflicts in the public space demonstrates the clash of the traditional Russian myth of opposing the Horde and the competing Turkic-centric myth of the Horde as the matrix of Russian statehood. An analysis of the array of comments on videos dedicated to the military events of the Russian founding myth allows us to identify eight main discursive strategies of “demythologization” aimed at challenging the traditional founding myth. At the same time, the dominant strategies of “demythologization” form a single “Eurasian-Horde” narrative complex corresponding to the memorial conflict of the founding myths.

Keywords: founding war myths, memorial conflicts, medievalism, Battle of Kulikovo, Great Stand on the Ugra, Battle of Molodi, network discourse, demythologization strategies

Acknowledgements. The study was supported by grant No. 24-28-01495 from the Russian Science Foundation, rscf.ru/project/24-28-01495/.

Conflicts of interest. The authors declare no conflicts of interest.

For citation: Bubnov, A.Yu., & Berlitz, A.Yu. (2026). Memorial conflicts over Russia's foundational military myth: A digital representation analysis. *RUDN Journal of Political Science*, 28(2), 332–348. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2026-28-2-332-348> EDN: VWFWBQ

Введение

Выделение основополагающего элемента символических систем, ответственных за выработку идентичностей, приводит исследователей к проблематике национальных мифов как базовых нарративов, кодирующих коллективные представления о прошлом. В литературе рассматриваются вопросы политических функций этнических и национальных мифов, их роли в становлении имперских

систем, выделяются типологии мифов по центральному сюжету [Schopflin 1997; Smith 1999; Ассман 2004; Rieber 2014; Armstrong 2017; Шнирельман 2024].

В нашем исследовании развивается подход Дж. Армстронга, переосмысленный и дополненный В. Вуяичем [Вуяичич 2019]. Дж. Армстронг указывает на постепенное формирование в эпоху Средневековья конституирующих национальных мифов в результате слияния династических, религиозных и исторических идей, характерным синтезом которых является «миф о бастионе» (*antemurale*). В. Вуяичич, в свою очередь, демонстрирует, как миф о Косовской битве вступает в резонанс с памятью о жертве и подвиге сербов в Первой и Второй мировых войнах, предопределяя как массовое национальное самосознание так и сценарий развития конфликта в момент распада Югославии.

В этом контексте под мифом основания будет пониматься память о наиболее важных для существования наций и государств исторических событиях, определяющая и поддерживающая символические границы национальных идентичностей и оказывающая долгосрочное влияние на исторический опыт народов [Бубнов 2025].

Эпоха Средневековья является периодом формирования базовых мифов основания для многих современных национальных и этнических общностей. Это предопределяет базовый вектор критики, поскольку обращение к древности в период формирования современных национализмов часто трактуется в духе конструктивизма марксистского толка, как «изобретение традиций» [The invention of tradition 2003]. Этносимволисты справедливо указывают на формирование представлений о прошлом через сочетание исторического опыта народов и деятельности интеллектуалов. Роль интеллектуалов состоит не столько в изобретении традиций, сколько в «политической археологии», попытке «заново открыть и переосмыслить прошлое данного сообщества» [Смит 2025: 125].

В современном мире мифы основания государств и национальных сообществ часто становятся полем мемориальных войн или конфликтов. Под ними в литературе принято понимать публичные конфликты интерпретаций прошлого, затрагивающие как сферу взаимодействия государств («войны памяти» или «мемориальные войны» в узком смысле), так и изменения политики памяти внутри государств [Аникин 2021]. Многочисленные примеры мемориальных конфликтов анализируются в работах, вышедших в последние годы [Политика памяти... 2020; Артамонов 2025]. С точки зрения избранной в данной работе методологии мемориальный конфликт вокруг мифов основания является попыткой изменения символических границ идентичностей.

В качестве примера можно сослаться на конкуренцию в период борьбы за независимость греческого государства в XIX в. между двумя национализмами — эллинистическим, характерным для части греческой интеллигенции и элит, и византийским, поддерживаемым простым народом и православным духовенством. Выбор на определенном этапе «византийского» мифа имел долгосрочные последствия, в том числе повлияв на катастрофическую для Греции попытку отвоевать после Первой мировой войны территории Малой Азии. Другой пример подобного рода — это закончившаяся революцией попытка шаха Мохаммеда Резы Пехлеви

придать иранской модернизации более светский характер, в том числе через снижение роли исламского наследия в истории страны («миф о Кербеле») в пользу более древней имперской традиции («миф об Ахеменидах»).

Можно выделить три типа сюжетов, характерных для военных мифов основания в России. Первый тип связан с конфликтами интерпретаций вокруг Революции и Гражданской войны, порождая в общественном сознании раскол на «белых» и «красных». Второй тип указывает на цивилизационный конфликт России и Европы. Он начинается с Ледового побоища, символизирующего противостояние православной Руси и католического Запада. В дальнейшем базовый сюжет отражается в событиях Смуты, Отечественной войны 1812 г., Крымской войны, Первой мировой и Великой Отечественной войн. Эти два типа постоянно актуализируются в политической повестке, в условиях исторической близости русской революции и внешнеполитических угроз.

Третий тип описывает длительное противостояние с «Великой степью», итогом которого стало возвышение независимой государственности на землях Северо-Восточной Руси. Дж. Армстронг в работе «Нации до национализма» проводит параллель между двумя границами — иберийской и степной, показывая как многовековая борьба на этнорелигиозном фронтире ислама и христианства способствовала формированию национального самосознания у испанцев и русских. Впрочем, различие двух случаев тоже значительно. Российская империя включила в себя исламский мир и выстроила модель гармоничного сосуществования этнорелигиозных идентичностей, хотя этот путь и занял значительно большее время, вплоть до эпохи завоевания Крыма, а в более широком плане — до завершения Кавказской войны. В этом смысле можно говорить о мифе основания российской государственности, включающем в себя длительный опыт военного противостояния с внешними врагами на степной границе, центральным сюжетом которого является противостояние Золотой Орде, ее предшественникам и наследникам.

Цель исследования — изучение отражения мемориальных конфликтов вокруг ключевых военных событий мифа основания российского государства в цифровом пространстве.

Становление мифа основания о противостоянии с Ордой

Для исследования мы выделили три битвы, отражающие базовый сюжет мифа основания и наиболее заметные в современной исторической политике. Узловым событием мифа основания, безусловно, является Куликовская битва, почитание которой в книжной культуре складывается уже в XV в., а в XVI в. в «Сказании о Мамаевом побоище» создается классический набор легенд (благословение Сергия Радонежского, поединок Пересвета, засадный полк), ставших основой репрезентации битвы в массовом сознании. Куликовская битва не была забыта в послепетровское время, ее оценка в дореволюционной историографии как начала освобождения от золотоордынской зависимости сделала битву важной частью «привилегированного нарратива» учебников,

формирующего коллективную память. Это в свою очередь предопределило возвращение Куликовской битвы в «сталинский канон» русской истории после периода постреволюционного исторического нигилизма.

В постсоветское время, наряду с критикой комплекса легенд¹, акцент в интерпретации основного сюжета смещается с освобождения от «ига» на соперничество русских княжеств и возвышение Москвы в контексте отношений с Золотой Ордой и Литвой [Горский 2003; Амелькин и Селезнев 2011; Halperin 2013]. В результате центральный сюжет мифа основания в определенном смысле переносится с долгосрочных последствий на саму битву как военное противостояние двух цивилизационных и военно-политических систем.

Вторым военным событием, составляющим важную часть мифа о противостоянии «Великой Степи», является Стояние на Угре (все чаще называемое Великим стоянием на Угре). Стояние стало глорифицироваться значительно позже, в период Российской империи (в первую очередь у Н.М. Карамзина и С.М. Соловьева) в связи с высокой оценкой деятельности Ивана III, как создателя централизованного государства. Если Куликовская битва оценивалась как начало процесса освобождения от ордынской зависимости, то Стояние на Угре стало символическим завершением этого процесса, связав оба события в единый сюжет. Особое значение Стояния для русской истории было закреплено в советский период как в учебной литературе, так и в создании к 500-летию события мемориального комплекса в Калужской области. В современной историографии дебатировались вопросы о степени и сроках освобождения от зависимости и роли Ивана III [Ostrowski 2002; Горский 2003; Halperin 2009].

Последнее из военных событий, рассматриваемых нами в качестве составных частей мифа основания, — битва при Молодях 1572 г. Молоди долгое время находились в тени негативной оценки в отечественной истории позднего периода правления Ивана Грозного. К этому следует добавить забвение героев и битв XVI и XVII вв., обусловленное культурным разрывом петровской модернизации. Однако в современный период память о битве при Молодях переживает масштабное возрождение, связанное с военно-историческим фестивалем «Гуляй Город», регулярно проводимым с 2009 г. в Подмосковье на предполагаемом месте сражения. Битва при Молодях расширяет и трансформирует сюжет мифа основания, переводя акцент с вопроса об «иге», выплате дани или формальной зависимости от Орды на многовековую борьбу с «набеговой экономикой» государств — преемников Орды и расширяя хронологические рамки этой борьбы до конца XVI в. В этом смысле Молоди соединяют в единый сюжет период становления независимого государства, движение в Сибирь и превращение Дикого поля в Новороссию.

¹ В научной литературе оспаривается историческая достоверность перечисленного выше комплекса легенд. Благословение Сергия Радонежского перед Куликовской битвой, которое относится к более ранним событиям и считается вставкой, призванной повысить религиозное значение битвы. Поединок Пересвета (как инока) с Челубеем имеет черты литературного вымысла. Более вероятно участие и гибель в битве брянского боярина Пересвета (возможно принявшего перед смертью постриг).

Мемориальные конфликты вокруг мифа основания в российском публичном пространстве

Актуализация интереса к обсуждению средневековых военных событий российской истории в публичном пространстве во многом связана с мемориальным конфликтом российского мифа основания о борьбе против «Великой Степи» с мифом о Золотой Орде, поддерживаемым элитами Татарстана. Глорификация Золотой Орды в целом характерна для ряда тюркоцентричных национализмов на постсоветском пространстве. В Татарстане уже с конца 1980-х гг. в рамках усилий по укреплению суверенитета и возрождению исламского наследия начинается реабилитация наследия Золотой Орды [Шнирельман 2024: 20]. Частью татарских элит принимается «евразийский» дискурс, в котором Московское царство интерпретируется как преемник и продолжатель Улуса Джучи, а Иван Грозный как собиратель земель Золотой Орды [Воронович 2023: 274]. Это, в свою очередь, позволяет «переосмыслить» российский миф основания с позиции превосходства «восточного», тюркско-исламского культурно-политического центра, и тогда Батый становится «основателем российской государственности», а двухглавый орел заимствованием из Орды, а не Византии [Мобилизованное Средневековье... 2022: 380].

Подобный подход является попыткой конструирования альтернативной идентичности, вследствие чего даже мягкий вариант «ордынского евразийства» приводит к значимому противостоянию в публичном пространстве. В 2019 г. развернулась общественная дискуссия вокруг инициативы властей Калужской области о включении Стояния на Угре в число памятных дат России. Инициатива вызвала противодействие со стороны органов власти и общественности Татарстана и была отложена, хотя до этого получила поддержку большинства регионов, ключевых органов власти и профильных научно-исследовательских структур. Аргументация экспертов из Татарстана, рекомендовавших Госсовету республики не поддерживать проект федерального закона, сводилась к отрицанию исторической значимости события как эпизода в числе многих других столкновений Москвы и Орды². Однако с русской стороны позиция элит Татарстана была интерпретирована как присвоение наследниками Казанского ханства ордынского наследия и попытка оспаривания центрального сюжета мифа основания об освобождении Руси от ордынского ига и обретения независимости³.

При этом память о поражении Казанского ханства как национальная травма, ставшая неоспариваемой частью современной татарской идентичности, не вызывает такого острого столкновения, поскольку штурм Казани никогда не имел центрального значения в российском мифе основания, оставаясь в тени побед на Куликовом поле и Угре.

² В Госсовете РТ не поддержали памятную дату освобождения от ордынского ига. URL: https://kazan.aif.ru/politic/details/v_gossovete_rt_ne_podderzhali_pamyatnuyu_datu_osvobozhdeniya_ot_ordynskogo_iga?ysclid=mhz3xdi96g661052784 (дата обращения: 01.11.2025).

³ Холмогоров Е. Русь снова хотят покорить Орде. URL: https://tsargrad.tv/articles/rus-snova-hotjat-pokorit-orde_214360?ysclid=mhz3x7y51f675465482 (дата обращения: 01.11.2025).

Новый виток мемориального конфликта происходит по инициативе такого влиятельного религиозного актора политики памяти, как Духовное управление мусульман Российской Федерации, занявшегося продвижением «ордынского евразийства» в российскую историческую политику⁴. Оценки битвы на Калке как совместного русско-половецкого противостояния монголам и Куликовской битвы как эпизода гражданской войны внутри Орды поначалу не привлекли существенного внимания. Однако яркий образ мучительной смерти русских князей после поражения на Калке, данный в картине, находящейся в кабинете заместителя председателя ДУМ, привел к острой дискуссии о скрытых антирусских смыслах такого визуального кода⁵. Позже, в аналогичном ключе, обсуждалась еще одна картина из того же кабинета, изображающая пленение Василия II в битве под Суздалем 1445 г.

Схожий пример — срыв попыток коммеморации хана Кучума и одной из его жен Сузге Ханым в Тюменской области как фигур, олицетворяющих альтернативную «тюркско-ордынскую» историю Сибири⁶. Приведенные примеры подсвечивают природу мемориального конфликта как борьбы конкурирующих идентичностей за интерпретацию мифа основания российской государственности. Можно наблюдать также постепенное расширение хронологических рамок и увеличение списка военных событий, становящихся частью дискуссии.

Методология сбора и анализа эмпирического материала

Как показывают исследования, значение цифровой среды как медиатора коллективной памяти в последние десятилетия существенно возрастает, составляя серьезную конкуренцию традиционным каналам [Kansteiner 2002; Zierold 2010; Бубнов 2020; Тихонова, Артамонов 2021; Память в сети... 2023]. Цифровое пространство, где репрезентации прошлого активно конструируются и оспариваются, превращает миф основания в поле конкурентной борьбы множества интерпретаций. Здесь миф основания неизбежно сталкивается с альтернативными, зачастую прямо ему противостоящими «контрмифами». Фиксация и анализ конкретных приемов «демифологизации», применяемых сетевыми акторами, позволяют не только выявить разрыв между официальным нарративом и «массовой» памятью, но и определить наиболее уязвимые элементы мифа основания, а также те его аспекты, которые демонстрируют устойчивость к публичной критике в цифровой среде.

Эмпирическую базу исследования составили комментарии пользователей к популярным видеороликам на платформе YouTube, посвященным трем

⁴ Мухетдинов Д. В битве на Калке родилась Россия. URL: <https://dumrf.ru/upravlenie/speeches/22147?ysclid=mi03gyahuc57929699> (дата обращения: 01.11.2025).

⁵ Зампред Духовного управления мусульман ответил на обвинения в русофобии из-за картины. URL: <https://lenta.ru/news/2025/02/14/zampred-duhovnogo-upravleniya-musulman-otvetil-na-obviniya-v-rusofobii-iz-za-kartiny/?ysclid=mi04rllcs944000128> (дата обращения: 01.11.2025).

⁶ Любимая жена хана Кучума? В Тобольске изъяли памятник Сузге Ханым. URL: <https://tmn.aif.ru/society/mificheskij-personazh-v-tobolske-izyali-pamyatnik-lyubimoy-zhene-hana-kuchuma?ysclid=mi0695g21t381983573> (дата обращения: 01.11.2025).

исследуемым сражениям. Для обеспечения репрезентативности массового обсуждения были отобраны ролики, набравшие не менее 40 000 просмотров или вызвавшие не менее 150 комментариев. Первоначальный корпус составил 16 292 комментария. Из них методом целевой выборки были отобраны 494 реплики, соответствующие критериям релевантности. Критериями отбора выступали:

- наличие прямых отсылок к элементам официального исторического нарратива (подтверждение, цитирование, апелляция к учебникам/авторитетам);
- попытки ревизии, критики или альтернативной интерпретации этого нарратива (отрицание факта события, пересмотр его причин, последствий, роли участников, этнического состава, масштаба, связи с концептом «ига» или «освобождения»);
- исторические аналогии с современностью.

Такой подход позволил исключить из анализа технические отклики (например, «Интересно», «Спасибо за видео»), оценочные суждения без аргументации («Слава Руси!») и значительную часть спам-сообщений, генерируемых ботами. Тем не менее неполное исключение влияния ботов и субъективность исследователя при интерпретации «ревизионистского» характера комментария признаются в качестве неизбежных методологических ограничений данного подхода.

Анализ мемориального конфликта в цифровой среде

Анализ корпуса релевантных комментариев ($n = 494$) выявил сложный спектр стратегий, направленных на оспаривание мифа основания. Эти стратегии образуют устойчивые паттерны аргументации, рекуррентно воспроизводимые в онлайн-среде и формирующие альтернативные, зачастую конфликтующие друг с другом интерпретации прошлого. Мы систематизировали их в следующие основные группы, каждая из которых включает вариации, специфичные для конкретных событий.

- Релятивизация идентичности Руси: «Русь как Орда». Данная стратегия оспаривает фундаментальный нарратив о противостоянии Руси и Орды, предлагая взамен нарративы интеграции или подчиненности ордынскому порядку.

- «Тюрко-ордынская» версия: акцентирует этническую близость или политическую лояльность русской элиты к Орде. Аргументация строится на тезисах о борьбе князей не за независимость, а за «законную» чингизидскую власть («Донской на самом деле поддерживал Тохтамыша, потому что тот был законным ханом-чингизидом, а Мамай — узурпатор»), легенде о тюркском происхождении знатных родов (Годуновы, Юсуповы), представлении Руси как одного из улусов, доминировании тюрков над русскими. Пример: «Русские князья — это просто местные администраторы Орды. Грозный — потомок чингизидов, а его опричники — те же татарские отряды».

- «Имперско-евразийская» версия: подчеркивает преемственность российской государственности от Орды, трактуя ее как восстановление имперской модели («Россия — наследница Золотой Орды, мы всегда были и остаемся евразийской империей»). Ключевым аргументом является тип государственного устройства и геополитическая преемственность, а не этничность. Пример:

«Москва победила Орду, чтобы стать новой Ордой. Иван Грозный — первый настоящий «царь-хан»». Отрицание существования «ига» как такового, предлагаются менее негативные трактовки зависимости. Пример: «Не было никакого «ига» — была временная зависимость, союзнические или даннические отношения без оккупации».

– «Украинская» версия (Русь vs Московия): смещает фокус «настоящей» Руси на западные земли (Великое княжество Литовское), представляя Северо-Восточную Русь (Московию) как периферийную, несамостоятельную и «нерусскую» по духу территорию, сотрудничающую с Ордой против «европейской» Литвы-Руси. Пример: «Киевская Русь боролась с Ордой в союзе с Литвой, а московские князья были холопами ханов. Москва — не Русь, а улус».

- Отрицание факта сражения или его масштабов. Эта стратегия направлена на подрыв основания нарратива, ставя под сомнение достоверность события как значимого военного столкновения. Пример: «Археологи не нашли массовых захоронений на Куликовом поле — значит, битвы не было или это была мелкая стычка».

- Умаление исторической значимости событий. Стратегия признает факт событий, но резко снижает их масштаб, роль Руси/России в победе или их последствия. Пример: «Это был рядовой набег, подобных „битв“ было много — значение Молодей искусственно раздуто».

- Обращение к альтернативным историческим концепциям, находящимся вне рамок академической науки. Пример: отсылка к «новой хронологии» А.Т. Фоменко и Г.В. Носовского («Тартария», гражданская война славян вместо борьбы с Ордой).

- Утверждение о продолжении «ига» после ключевых событий. Оспаривается тезис о полном освобождении, подчеркивается сохранение зависимости. Пример: «После Угры еще сто лет платили дань Крыму».

- Критика правителей Руси и смещение фокуса с центральной власти на «периферийных» героев. «Демифологизация» образа центральной власти как объединяющей силы, акцент на ошибках, подчеркивание положительной роли других деятелей⁷.

- Критика роли Православной Церкви⁸. Оспаривание религиозной интерпретации событий и значимости роли Церкви.

⁷ Данная стратегия требует контекстуальной интерпретации. В исторической дискуссии акцент на роли отдельных полководцев (князь Холмский, Воротынский) может быть стремлением найти забытых героев в рассматриваемых событиях. Однако в нашем корпусе отбирались лишь те комментарии, где этот прием использовался для целенаправленной дискредитации центральной власти, ее сакрального статуса и объединяющей роли, что и является задачей «демифологизирующих» стратегий. Именно такие высказывания формируют ядро данной стратегии.

⁸ В поле исторической науки дискуссия о роли Сергия Радонежского носит академический характер. В отобранный корпус вошли исключительно те высказывания, где критика носит не конструктивный, а разрушительный характер, ставя под сомнение не отдельные факты, а саму духовно-нравственную основу события и мотивацию Церкви, что соответствует цели «демифологизации».

Представленная классификация демонстрирует, что «демифологизация» не является хаотичной, а структурируется вокруг ограниченного набора повторяющихся нарративных стратегий. Эти стратегии, варьируясь в зависимости от специфики каждого события, образуют сложное поле конкуренции исторических смыслов с разных, порой взаимоисключающих, позиций. Помимо стратегий прямой «демифологизации» в исследуемом дискурсивном поле наблюдаются и другие устойчивые нарративные паттерны, которые не столько разрушают миф основания, сколько адаптируют, актуализируют или предлагают его альтернативные версии. Перечислим важнейшие из них.

• *Дискурс осовременивания.* Данный паттерн характеризуется использованием исторических аналогий и актуализацией исторических нарративов для идеологической интерпретации современных политических и социальных процессов [Беклямишев 2024]. К нему относятся:

- проведение прямых аналогий между миграционными процессами и «новым ордынским нашествием»;
- «иги» мигрантов внутри России;
- российское государство как «иго», сожаления о «поражении» Орды/Крыма и оправдание их действий;
- Россия под внешним «игмом»: «Мы снова под игмом» (Запада, «мировой закулисы»);
- аналогии с отделением от Золотой Орды — как Донбасс в 2014 или Чечня в 1993;
- критика исторической власти как критика современной: Прямые параллели между Иваном Грозным/боярами и современными политическими фигурами/элитами.

• *Имперский дискурс.* Этот нарратив не оспаривает «миф основания», а выстраивается в ответ на критику. В его рамках отстаивается роль русских в ключевых сражениях, а также подчеркивается роль «лояльных татар», народов Поволжья и других этнических групп на стороне Москвы как доказательство полиэтнического (имперского) характера российского государства.

Количественный анализ 420 случаев применения стратегий «демифологизации» в отобранном корпусе комментариев ($n = 494$ исходных сообщений) выявляет устойчивые паттерны критики мифа основания. Важно подчеркнуть, что данные отражают частоту *использования стратегий*, а не уникальных комментариев, так как одно сообщение могло содержать несколько нарративов.

Общая структура критики (рис. 1) демонстрирует доминирование трех стратегий:

- утверждение о продолжении «ига» (17,1 %);
- критика центральной власти/героев (16,0 %);
- умаление значимости событий (15,0 %).

Вместе они формируют 48,1 % всех стратегий, акцентируя проблемы исторических последствий, легитимности власти и сакральности событий.

Заметную роль играют «тюрко-ордынская» и «украинская» версии стратегии релятивизации мифа основания (10,2 и 9 % соответственно), а также альтернативные концепции (9,3 %).

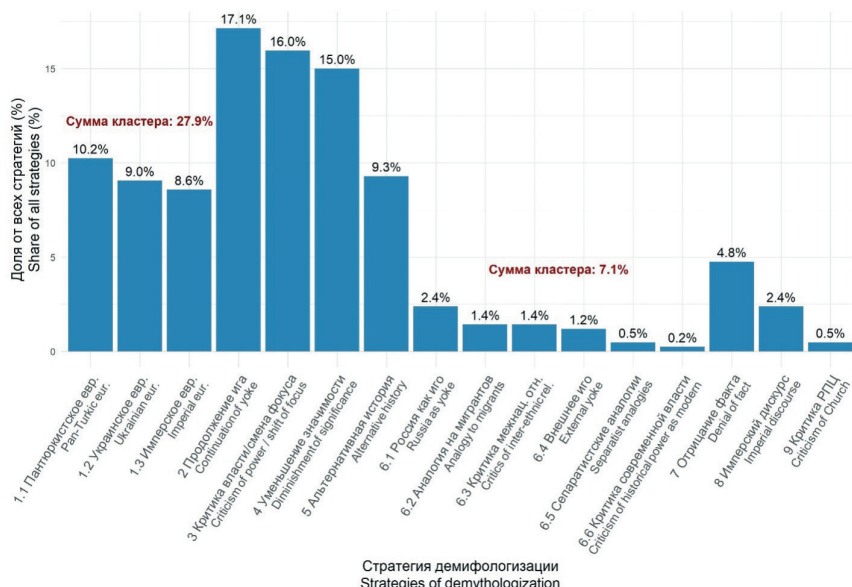

Рис. 1. Общая представленность стратегий, %

Источник: составлено А.Ю. Бубновым и А.Ю. Берлицем по результатам исследования.

Figure 1. Overall representation of strategies, %

Source: compiled by A.Yu. Bubnov and A.Yu. Berlitz on the results of the study.

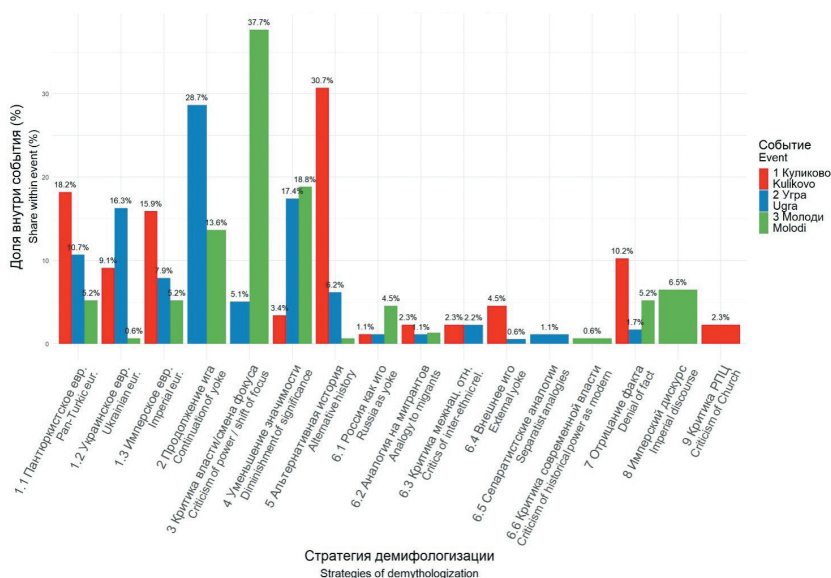

Рис. 2. Представленность стратегий по событиям, %

Источник: составлено А.Ю. Бубновым и А.Ю. Берлицем по результатам исследования.

Figure 2. Representation of strategies by events, %

Source: compiled by A.Yu. Bubnov and A.Yu. Berlitz on the results of the study.

Событийная специфика (рис. 2) раскрывает дифференцированные уязвимости нарративов:

- Куликовская битва (88 наблюдений):

Доминируют альтернативные исторические концепции (30,7%), преимущественно «Новая хронология» Фоменко-Носовского. Это свидетельствует

об уязвимости нарратива к радикальной ревизии. Второй по значимости кластер — релятивизация статуса Руси (43,2 % суммарно для стратегий «Русь как часть Орды»);

- *Стояние на Угре* (179 наблюдений):

Ключевая уязвимость — отрицание освобождения (28,7 % стратегий о продолжении ига). Второй фокус — умаление значимости (17,4 %) через акцент на климатическом факторе или роли союзников. Значимый вес среди наблюдений имеет «украинская» версия нарратива (16,3 %), оспаривающая легитимность Москвы;

- *Битва при Молодях* (153 стратегии):

Абсолютно доминирует критика власти (37,7 %), в 78 % случаев через оппозицию «Воротынский vs Грозный». Умаление значимости (18,8 %) формирует дополнительный контур критики. Примечательно минимальное присутствие альтернативных историй (0,6 %), обсуждение события находится в рациональном историческом поле, что, по-видимому, объясняется поздним включением в канон мифа основания.

Анализ сетевой структуры стратегий «демифологизации»

Количественный анализ совместной встречаемости выявил структурированную архитектуру стратегий «демифологизации». Матрица ко-встречаемости демонстрирует выраженную асимметрию, формирующую два независимых полюса критики мифа основания с различными механизмами воздействия на коллективную память.

Центральное положение занимает релятивизационный кластер, объединяющий тезисы об этнополитической преемственности Руси и Орды, умаление исторической значимости событий и утверждение о продолжении зависимости. Сила взаимосвязей внутри этой триады (максимальные значения 8 для 1.1–2, 11 для 4–2⁹) свидетельствует о формировании устойчивого евразийско-ордынского нарративного комплекса. Данный кластер системно оспаривает центральный сюжет мифа основания. Особенно релевантен этот комплекс для Куликовской битвы и Стояния на Угре, где критика фокусируется на пересмотре основ национальной идентичности.

Второй полюс образует автономная стратегия критики власти (3), характеризующаяся значительной связью с евразийско-ордынским кластером. Ее активная связь с другими элементами отражает сочетаемость и универсальность стратегии, специализированной на демонтаже образов центральной власти через персонализацию критики (Иван Грозный, Иван III), оппозицию «герой vs система» (Воротынский vs царь, Иван Молодой vs Иван III) и анализ институциональных противоречий (опричнина, становление единого государства). Данная стратегия доминирует в дискуссиях о поздних событиях (битва при

⁹ Здесь и далее для краткости используются порядковые номера стратегий в соответствии с указанными на рис. 1 и 2.

Молодых), выступая самостоятельным инструментом оспаривания, без потребности в дополнительной аргументации, или имплицитно сочетаясь с другими.

Периферию дискурса составляют:

- 1) «украинский» («антимосковский») микро-кластер (1.2–2), сочетающий «украинскую» версию ревизии с тезисом о продолжении зависимости (6 совместных вхождений);
- 2) современные аналогии (6.x). Связь 6.2–6.3 (2) отражает комбинацию тезисов о «нерусском иге». Слабая связь 6.2–3 (1) указывает на редкие попытки увязать критику исторической и современной власти;
- 3) изолированные стратегии (70 % элементов с нулевыми связями).

Заключение

Как домодерные этнические сообщества, так и современные политические нации опираются на культурно-символические ресурсы, обеспечивающие трансляцию идентичностей и поддерживающие их существование. С этой точки зрения коллективные идентичности могут быть поняты как совокупность меняющихся взаимодействий, определяемых символическими границами «своих» и «чужих». Символы выступают основными индикаторами границ, поскольку отраженная в мифосимволических комплексах идея общей судьбы создает узы солидарности. Исторический опыт конфликтов, отраженный в коллективной памяти, формирует особенности национальной идентичности-солидарности.

Феномен обращения к Средневековью в современной культуре и политической повестке, медиевализм, отражает потребность в моральном возрождении сообществ, через обращение к «золотому веку» мифа основания. Символические границы являются социальными конструкциями, которые должны сохраняться в скрытом виде, иначе они перестают выполнять функцию когнитивной карты политической реальности. Настойчивые попытки вскрытия сконструированности коллективных идентичностей характерны как для научного дискурса, так и для современной цифровой среды, симптомом чего является популярность «демифологизирующих» стратегий обсуждения прошлого.

Как показывает исследование мемориальных конфликтов вокруг военных мифов основания, имеет значение как оспаривание сюжетов, отражающих центральные идеи национальной миссии, так и изменение регистров триумфа и трагедии, таких как масштабы и результаты сражения, размер потерь и вклад отдельных личностей.

Мемориальный конфликт в цифровой среде представляет собой не просто оппозицию «миф vs контр-миф», а сложную систему взаимодействующих нарративов: миф основания, стратегии его «демифологизации», а также альтернативные и адаптационные нарративы (осовременивание, имперский дискурс), которые могут как конфликтовать, так и гибридизироваться друг с другом. Основной паттерн «демифологизации» в цифровом

пространстве — единая «евразийско-ордынская» стратегия — соответствует мемориальному конфликту между русоцентричным мифом основания о противостоянии Орде и тюркоцентричным мифом о Золотой Орде как матрице российской государственности. Это демонстрирует скрытый конфликтный потенциал средневековых военных мифов основания, который может быть использован в сепаратистских проектах и требует выстраивания контрстратегий политики памяти, направленных на интеграцию российской идентичности.

Поступила в редакцию / Received: 11.12.2025

Доработана после рецензирования / Revised: 12.03.2026

Принята к публикации / Accepted: 15.03.2026

Библиографический список

- Амелькин А.О., Селезнёв Ю.В. Куликовская битва в свидетельствах современников и памяти потомков. Москва : Квадрига, 2011.
- Аникин Д.А., Линченко А.А. Мемориальные войны в условиях восточноевропейского фронта: в поисках методологии исследования // Вестник Томского государственного университета. 2021. № 466. С. 55–63. <http://doi.org/10.17223/15617793/466/6> EDN: TTZD TI.
- Артамонов Д.С. Мемориальные войны в контексте медиапамяти // Россия: общество, политика, история. 2025. № 2 (15). С. 20–39. [http://doi.org/10.56654/ROPI-2025-2\(15\)-20-39](http://doi.org/10.56654/ROPI-2025-2(15)-20-39) EDN: GWEEQC.
- Ассман Я. Культурная память : письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. Москва : Языки славянской культуры, 2004.
- Беклямишев В.О. Функциональная роль исторических аналогий в российском и украинском президентских дискурсах о специальной военной операции // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2024. Т. 26. № 4. С. 644–657. <http://doi.org/10.22363/2313-1438-2024-26-4-644-657> EDN: ZSEGWN.
- Бубнов А.Ю. Миф основания как категория исторической политики // Электронный научно-образовательный журнал История. 2025. Т. 16. № 1 (147). <http://doi.org/10.18254/S207987840034048-1> EDN: LRAXPI.
- Бубнов А.Ю. Память о Гражданской войне в России как часть публичной полемики в цифровом пространстве // Электронный научно-образовательный журнал История. 2020. Т. 11. № 9 (95). <http://doi.org/10.18254/S207987840011428-9> EDN: LMBTHR.
- Воронович А.А. Память на Волге: актуализация прошлого и политика памяти // Политика памяти в России — региональное измерение / под. ред. А.И. Миллера, О.Ю. Малиновой, Д.В. Ефременко. Москва : Институт научной информации по общественным наукам РАН, 2023. С. 267–297.
- Вуячич В. Национализм, миф и государство в России и Сербии. Предпосылки распада СССР и Югославии. СПб. : Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2019.
- Горский А.А. Москва и Орда. Москва : Наука, 2003. EDN: SGPPWX.
- Мобилизованное Средневековье: в 2 томах. Т. II : Средневековая история на службе национальной и государственной идеологии в России / под ред. А.И. Филюшкина. СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2022.

- Память в сети: цифровой поворот в memory studies: сб. статей / под. ред. А.Ф. Павловского, А.И. Миллера. СПб. : Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2023.
- Политика памяти в современной России и странах Восточной Европы. Акторы, институты, нарративы : коллективная монография / под ред. А.И. Миллера, Д.В. Ефременко. СПб. : Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2020.
- Смит Э. Этносимволизм и национализм: культурный подход. Москва : Тотенбург, 2025.
- Тихонова С.В., Артамонов Д.С. Историческая память в социальных медиа. Москва : Алетейя, 2021. EDN: XSWYWM.
- Шнирельман В.А. В погоне за предками : этногенез и политика. Москва ; СПб. : Нестор-История, 2024.
- Armstrong J.A. Nations before nationalism. UNC Press Books, 2017.
- Halperin C.J. The Battle of Kulikovo Field (1380) in History and Historical Memory // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. 2013. Vol. 14. No. 4. P. 853–864.
- Halperin C.J. The Tatar Yoke: The Image of the Mongols in Medieval Russia. Bloomington, In : Slavica Publishers, 2009.
- Kansteiner W. Finding Meaning in Memory: A Methodological Critique of Collective Memory Studies // *History and Theory*. 2002. Vol. 41. No. 2. P. 179–197.
- Ostrowski D. Muscovy and the Mongols: Cross-Cultural Influences on the Steppe Frontier, 1304–1589. Cambridge : Cambridge University Press, 2002.
- Rieber A.J. The struggle for the Eurasian borderlands: From the rise of Early modern empires to the end of the First World war. Cambridge : Cambridge univ. press, 2014.
- Schopflin G. The functions of myth and a taxonomy of myths // *Myths and nationhood* / Ed. by G. Hosking, G. Schopflin. N.Y.: Routledge, 1997. pp. 19–35.
- Smith A.D. Myths and memories of the nation. Oxford : Oxford univ. press, 1999.
- The Invention of Tradition / E. Hobsbawm, T. Ranger (eds.). Cambridge University Press, 2003.
- Zierold M. Memory and Media Cultures // *Cultural Memory Studies: An International and Interdisciplinary Handbook* / ed. by A. Erll, A. Nunning. Berlin; New York : De Gruyter. 2010. P. 399–409.

References

- Amelkin, A.O., & Seleznev, Yu.V. (2011). *The Battle of Kulikovo in the testimonies of contemporaries and the memory of descendants*. Moscow, Quadriga (In Russian).
- Anikin, D.A., & Linchenko, A.A. (2021). Memorial wars in the conditions of the Eastern European frontier. In search of a research methodology. *Bulletin of Tomsk State University*, 466, 55–63. (In Russian). <http://doi.org/10.17223/15617793/466/6> EDN: TTZDTI.
- Armstrong, J.A. (2017). *Nations before nationalism*. UNC Press Books.
- Artamonov, D.S. (2025). Memorial wars in the context of media memory. *Russia: society, politics, history*, 2(15), 20–39. (In Russian). [http://doi.org/10.56654/ROPI-2025-2\(15\)-20-39](http://doi.org/10.56654/ROPI-2025-2(15)-20-39) EDN: GWEEQC.
- Assman, Ya. (2004). *Cultural memory: Writing, memory of the past and political identity in the high cultures of antiquity*. Moscow: Languages of Slavic Culture. (In Russian).
- Beklyamishchev, V.O. (2024). The functional role of historical analogies in Russian and Ukrainian presidential discourses on a special military operation. *RUDN Journal of Political Science*, 26(4), 644–657. (In Russian). <http://doi.org/10.22363/2313-1438-2024-26-4-644-657> EDN: ZSEGWH.
- Bubnov, A.Y. (2020). The memory of the Civil War in Russia as part of a public debate in the digital space. *Electronic scientific and educational journal History*, 11(9), (In Russian). <http://doi.org/10.18254/S207987840011428-9> EDN: LMBTHR.

- Bubnov, A.Y. (2025). The founding myth as a category of historical politics. *Electronic scientific and educational magazine History*, 16(1) (In Russian). <http://doi.org/10.18254/S207987840034048-1> EDN: LRAXPI.
- Filyushkin, A.I. (Ed.) (2022). *The mobilized Middle Ages: in 2 volumes Vol. II: Medieval history in the service of national and state ideology in Russia*. St. Petersburg: Publishing House of St. Petersburg University (In Russian).
- Gorsky, A.A. (2003). *Moscow and the Horde*. Moscow: Nauka. (In Russian). EDN: SGPPWX.
- Halperin, C.J. (2009). *The Tatar Yoke: The Image of the Mongols in Medieval Russia*. Bloomington, IN: Slavica Publishers.
- Halperin, C.J. (2013). The Battle of Kulikovo field (1380) in history and historical memory. *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*, 14(4), 853–864.
- Hobsbawm, E., & Ranger, T., (Eds.) (2003). *The invention of tradition*. Cambridge University Press.
- Kansteiner, W. (2002). Finding meaning in memory: A methodological critique of collective memory studies. *History and Theory*, 41(2), 179–197.
- Miller, A.I., & Efremenko, D.V. (2020). *The politics of memory in modern Russia and Eastern European countries. Actors, institutions, narratives*. St. Petersburg: Publishing House of the European University in St. Petersburg (In Russian).
- Pavlovsky, A.F., & Miller, A.I., (Eds.) (2023). *Memory on the web: A digital turn in memory studies*. St. Petersburg: Publishing House of the European University in St. Petersburg (In Russian).
- Ostrowski, D. (2002). *Muscovy and the mongols: Cross-cultural influences on the steppe frontier, 1304–1589*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Rieber, A.J. (2014). *The struggle for the Eurasian borderlands: From the rise of Early modern empires to the end of the First World war*. Cambridge : Cambridge univ. press.
- Schopflin, G. (1997). The functions of myth and a taxonomy of myths. In G. Hosking, & G. Schopflin, *Myths and nationhood* (pp. 19–35). N.Y.: Routledge.
- Shnirelman, V.A. (2024). *In pursuit of ancestors: Ethnogenesis and Politics*. Moscow; St. Petersburg: Nestor-Istoriya. (In Russian).
- Smith, A.D. (1999). *Myths and memories of the nation*. Oxford: Oxford Univ. Press.
- Smith, E. (2025). *Ethnosymbolism and nationalism: A cultural approach*. Moscow: Totenburg (In Russian).
- Tikhonova, S.V., & Artamonov, D.S. (2021). *Historical memory in social media*. Moscow: Alethea (In Russian). EDN: XSWYWM.
- Voronovich, A.A. (2023). Memory on the Volga: Actualization of the past and the politics of memory. In A.I. Miller, O.Y. Malinova & D.V. Efremenko (Eds.), *Politics of memory in Russia — a regional dimension* (pp. 267–297). Moscow: Institute of Scientific Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences. (In Russian).
- Vujacic, V. (2019). *Nationalism, myth and the state in Russia and Serbia. Prerequisites for the collapse of the USSR and Yugoslavia*. St. Petersburg: Publishing House of the European University in St. Petersburg (In Russian).
- Zierold, M. (2010). Memory and media cultures. In A. Erll & A. Nunning (Eds.), *Cultural memory studies: An international and interdisciplinary handbook* (pp. 399–409). Berlin; New York: De Gruyter.

Сведения об авторах:

Бубнов Александр Юрьевич — кандидат философских наук, доцент, кафедра истории и теории политики, факультет политологии, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова; ведущий научный сотрудник, Государственный академический университет гуманитарных наук (e-mail: alexandr-bubnov@mail.ru) (ORCID: 0000-0001-6594-8407)

Берлиц Артём Юрьевич — магистрант, факультет политологии, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова; лаборант, научно-инновационное управление, Государственный академический университет гуманитарных наук (e-mail: berlitz.art02@gmail.com) (ORCID: 0009-0006-4008-1011)

About the authors:

Alexander Yu. Bubnov — PhD in Philosophy, Associate Professor, Department of History and Theory of Politics, Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University; Leading Researcher, State Academic University for the Humanities (e-mail: alexandr-bubnov@mail.ru) (ORCID: 0000-0001-6594-8407)

Artem Yu. Berlitz — Master's Student, Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University; Laboratory Assistant, Scientific and Innovative Management, State Academic University for the Humanities (e-mail: berlitz.art02@gmail.com) (ORCID: 0009-0006-4008-1011)

DOI: 10.22363/2313-1438-2026-28-2-349-361

EDN: VVNOHT

Научная статья / Research article

Символическое использование образов прошлого в посланиях Президента Российской Федерации Федеральному Собранию в 2012–2024 гг.

А.А. Линченко

Липецкий филиал Финансового университета при Правительстве Российской Федерации,
Липецк, Российская Федерация

Томский государственный университет, *Томск, Российская Федерация*

✉ linchenko1@mail.ru

Аннотация. На основе конструктивистской методологии П. Бурдьё, а также критического дискурс-анализа З. Йегера в статье предпринимается попытка анализа тематической и риторической составляющей отсылок к истории и образов культурной памяти в посланиях президента В.В. Путина в период 2012–2024 гг. Сравнение с результатами предшествующих исследований президентских посланий позволило сделать вывод о сохранении важной роли отсылок к истории в качестве инструмента символической политики. Было выявлено, что доля обращений к прошлому в посланиях 2012–2024 гг. была выше в тех случаях, когда ключевой темой послания оказывались вопросы внешней политики или мобилизации российского общества перед лицом общенациональных проблем. Послания 2012–2024 гг. актуализировали критику истории внешней политики западных стран, что дополняло тезис о «тысячелетней преемственности» российской государственности тезисом об «исторической укорененности» недружественных действий западных стран в отношении России. Риторический анализ выявил расширение репертуара символических образов прошлого, где наиболее заметным оказались новые символические образы России и стран Запада, что актуализировало дихотомию «Мы — Они» в контексте реализации не только внешней, но и внутренней политики. Анализ образов модернизационных реформ 1980 — 2010-х гг. в посланиях указывает на сохранение выявленного ранее О.Ю. Малиновой культурного алгоритма «прерывания традиции» через отрицание целей и ценностей предыдущих исторических этапов как ключевой дискурсивной нити официального исторического нарратива.

Ключевые слова: символическая политика, историческая политика, образы прошлого, модернизация, президентские послания, историческая преемственность, переоценка прошлого

Благодарности. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00465 <https://rscf.ru/project/23-18-00465/>.

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Линченко А.А., 2026

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Для цитирования: Линченко А.А. Символическое использование образов прошлого в посланиях Президента Российской Федерации Федеральному Собранию в 2012–2024 гг. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2026. Т. 28. № 2. С. 349–361. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2026-28-2-349-361> EDN: VVNOHT

Symbolic Representations of the Past in the Addresses of the President of the Russian Federation to the Federal Assembly in 2012–2024

Andrei A. Linchenko

Financial university under the Government of Russian Federation, *Lipetsk branch, Lipetsk, Russian Federation*

National Research Tomsk State University, *Tomsk, Russian Federation*

✉ linchenko1@mail.ru

Abstract. Based on the constructivist methodology of P. Bourdieu, and the critical discourse analysis of S. Jäger, the article attempts to analyze the thematic and rhetorical components of references to history and images of cultural memory in the presidential addresses of V.V. Putin in the period 2012–2024. A comparison with the presidential addresses of 1994–2012 allowed us to conclude that references to history retained an important role as an instrument of symbolic politics. It was found that the proportion of references to the past in the addresses of 2012–2024 was higher in cases where the key theme of the address was foreign policy issues or the mobilization of Russian society in the face of national problems. The addresses of 2012–2024 revived criticism of the history of Western foreign policy, complementing the thesis of the “millennial continuity” of Russian statehood with a thesis about the historical roots of Western countries’ “unfriendly actions” toward Russia. Rhetorical analysis revealed an expansion of the repertoire of symbolic images from the past, most prominently featuring new symbolic images of Russia and Western countries, which revived the “Us vs. Them” dichotomy in the context of implementing not only foreign but also domestic policy. An analysis of the images of modernization reforms from the 1980s to 2010s points to the persistence of the cultural algorithm of “interrupting tradition” identified earlier by O. Malinova through the denial of the goals and values of previous historical periods as a key discursive strand in the official historical narrative.

Keywords: symbolic politics, historical politics, images of the past, modernization, presidential messages, historical continuity, reassessment of the past

Acknowledgements. This work was supported by the Russian Science Foundation grant No. 23-18-00465 <https://rscf.ru/project/23-18-00465/>.

Conflicts of interest. The author declares no conflicts of interest.

For citation: Linchenko, A.A. (2026). Symbolic representations of the past in the addresses of the President of the Russian Federation to the Federal Assembly in 2012–2024. *RUDN Journal of Political Science*, 28(2), 349–361. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2026-28-2-349-361> EDN: VVNOHT

Введение

Символическое использование образов прошлого в политической риторике представителей высшей политической власти России является давним объектом исследовательского интереса, что связано с ростом внимания к истории

как одному из ключевых инструментов конструирования макрополитической идентичности России и легитимации как внутривнутриполитических, так и внешнеполитических политических решений. В условиях известных сложностей с поиском общероссийской объединяющей национальной идеи на протяжении 2000-х и 2010-х гг. [Малинова 2015], «консервативным поворотом» в российской политике [Бызов 2015] и началом конфликта на Украине в 2022 г. роль истории и образов прошлого в еще большей степени возросла.

Одним из наиболее продуктивных способов изучения символического использования образов прошлого представителями высшей власти России является изучение президентских посланий и памятных речей, позволяющее увидеть дискурсивный контекст вокруг принимаемых решений и обозначающихся новых трендов в исторической политике. В данном случае ключевую роль играют исследования О.Ю. Малиновой, в которых был предпринят контент-анализ посланий президентов РФ Федеральному Собранию РФ, а также репертуара памятных речей в период 1994–2014 гг. [Малинова 2015]. Не менее значимым для целей нашего исследования также является анализ образов модернизационных реформ в выступлениях президентов В.В. Путина и Д.А. Медведева [Мартыанов 2007; Малинова 2012; Сониная 2021]. Представляется, что данная исследовательская работа могла бы быть продолжена в контексте анализа президентских посланий и программных статей третьего и четвертого сроков президента В.В. Путина, где рубежными точками оказываются события 2014 г. и новая фаза украинского конфликта в 2022 г.

Цель исследования — анализ особенностей символического использования образов прошлого в посланиях и статьях Президента РФ Федеральному Собранию РФ в период 2012–2024 гг. Нас будут интересовать особенности обращения к образам истории и культурной памяти в контексте легитимации внутривнутриполитических и внешнеполитических решений, а также историческая оценка модернизационных реформ в СССР / Российской Федерации в контексте выработки новых стратегических ориентиров дальнейшей трансформации современного российского общества.

Обращение к текстам президентских посланий является достаточно популярным объектом изучения как со стороны политологов, так и со стороны филологов и лингвистов. В первом случае исследователей интересовали особенности формулирования стратегических целей какой-либо отраслевой политики [Султыгова 2019; Игонин 2010; Потапова 2009], вопросы использования в текстах посланий каких-либо политических концептов [Захарова 2020; Тихонов 2020; Малинова 2012], общие вопросы трансформации политической системы [Левченко 2013; Старцев 2007; Мартыанов 2007]. Во втором случае в фокус внимания попадают когнитивные и риторические аспекты президентской речи [Гаврилова 2004; Николаев 2005; Hoffman, Howard 2006]. Отдельный интерес при этом представляют попытки сравнительного исследования языка президентских посланий в межстрановой перспективе [Смехов 2022].

Пьер Бурдьё утверждал, что такие явления, как «работа по производству и внушению смыслов» и «борьба за навязывание легитимного видения социального

мира», представляют собой неотъемлемые составляющие политического субполя [Бурдьё 1993: 66–67]. Символическая борьба по поводу восприятия социального мира в теории Пьера Бурдьё принимает различные формы. С объективной стороны, она может проявляться посредством индивидуальных и коллективных действий и представлений, направленных на то, чтобы заставить увидеть и оценить определенные реалии. На индивидуальном уровне все стратегии представления себя предназначены для манипулирования собственным образом и в особенности своей позицией в социальном пространстве. Вместе с тем каждый из носителей языка может действовать, стремясь изменить сами категории восприятия и оценивания социального мира (использование слов, названий), которые позволяют конструировать социальную реальность и выражать ее в рамках соответствующего дискурса. В данном исследовании мы также опирались на методологию критического дискурс-анализа Зигфрида Йегера, которая, с одной стороны, позволяет анализировать корпус текстов, а с другой — выявлять смысловые линии, стоящие за всей совокупностью текстов, их риторических средств, и содержащие различные виды отсылок на одну тему (*discursive strand*) [Jäger 2013: 38].

Источниками нашего исследования являлись тексты президентских посланий президента В.В. Путина в рамках третьего и четвертого сроков его правления, охватившие период с 2012 по 2024 г. В частности, нами были проанализированы президентские послания с 2012 по 2020 г., два послания 2014 г., а также послания 2023 и 2024 гг.. Пятый срок В.В. Путина начался 7 мая 2024 г., когда он уже успел выступить с ежегодным посланием 2024 г. В 2017 г. Президент РФ с ежегодным посланием Федеральному Собранию РФ не выступал. В корпус анализируемых текстов нами были также включены статья В. Путина «Об историческом единстве русских и украинцев», а также сборник текстов публичных выступлений В. Путина¹.

Результаты анализа

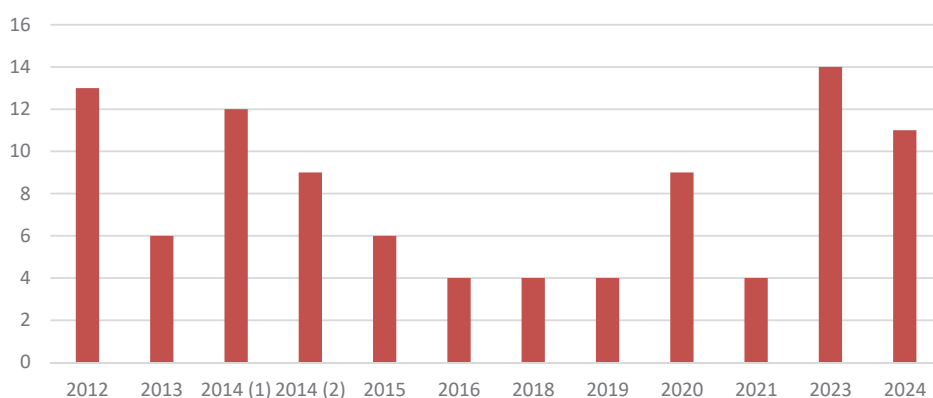
Третий, четвертый и начавшийся пятый президентские сроки В.В. Путина охватывают достаточно большой период новейшей истории России (2012–2025 гг.), который связан с новыми тенденциями исторической политики. После 2014 г. она превращается в один из важнейших инструментов консолидации общества «сверху» в условиях украинского кризиса и реакции мирового сообщества на крымские события [Миллер 2015: 226]. Данный этап исторической политики был обозначен в президентских посланиях и памятных речах, где исследования позволяют выделить несколько наиболее заметных тенденций конструирования нового дискурса:

- 1) избирательная реабилитация советского прошлого и ключевая роль памяти о Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.;
- 2) снижение символического статуса памяти о постсоветском прошлом;

¹ Статья Владимира Путина «Об историческом единстве русских и украинцев» // Президент России : офиц. сайт. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/66181> (дата обращения: 20.02.2026).

3) последовательное обращение к идее преемственности «тысячелетней истории» российской государственности [Малинова 2015]. Насколько данные тенденции оказались актуальными для последующих посланий и официальных выступлений?

В силу того, что в своем послании президент ставит ключевую политическую задачу перед политической элитой [Гаврилова 2004], символическое использование исторических событий, персоналий, а также образов культурной памяти всегда оказывается частью соответствующего тематического блока и подчинено основной теме послания. В этой связи проведенный нами структурный анализ выявил, что доля обращений к прошлому в президентских посланиях 2012–2024 гг. была выше в тех случаях, когда ключевой темой послания оказывались вопросы внешней политики или мобилизации российского общества перед лицом общенациональных проблем. Подсчет всех форм упоминаний о российской и всемирной истории, исторических персоналиях, включая отсылки к слабо конкретизированным «культурно-историческим традициям» и «памяти предков», выявил, что в наибольшей степени Президент РФ обращался к истории и образам прошлого в 2012, 2014, 2023, 2024 гг. Также заметным было число упоминаний истории в 2020 г., когда ключевой темой послания стала борьба с пандемией COVID-19. На рис. 1 видно, что в остальные годы число обращений к истории или образам культурной памяти заметно падает. Высокий уровень обращения к истории в 2012 г. можно объяснить началом нового президентского срока В.В. Путина, что предполагало обозначение стратегических целей и задач, а также маркирование нового этапа исторической политики в сравнении с периодом президентства Д.А. Медведева. Два послания 2014 г. были обращены к оценке крымских событий, а послания 2023 и 2024 гг. в центр внимания ставили конфликт на Украине. Даже послание 2015 г., центральным лейтмотивом которого были события в Сирии, по количеству отсылок к истории уже заметно уступало двум посланиям 2014 г. (рис.).

Количественная динамика отсылок к истории в президентских посланиях В.В. Путина Федеральному Собранию РФ (2012–2024)

Источник: составлено А.А. Линченко по результатам исследования.

Quantitative Dynamics of Referencesto History in Vladimir Putin's Presidential Addresses to the Federal Assembly of the Russian Federation (2012–2024)

Source: compiled by A.A. Linchenko based on research results.

Не менее важным в рамках структурного анализа является изучение тематического репертуара самих отсылок к истории. Ранее было выявлено, что по сравнению с текстами выступлений Б.Н. Ельцина (46 упоминаний) число отсылок к истории в посланиях В.В. Путина в период 2000–2007 гг. было в два раза меньше (22 упоминания). Примерно столько же мы видим в выступлениях Д.А. Медведева (21 упоминание). Охватывая первые годы третьего президентского срока В.В. Путина (2012–2014), в предыдущих работах был сделан вывод о наметившейся тенденции роста числа отсылок к истории, и в первую очередь к отечественной истории [Малинова 2015: 134]. В этой связи предпринятый нами подсчет отсылок к истории во всех формах позволяет говорить о заметном их увеличении как в период 2012–2018 гг. (54 упоминания), так и в период 2018–2024 гг. (42 упоминания).

Сравнивая тематику упоминаний прошлого в посланиях третьего и четвертого президентского срока, нам удалось зафиксировать сохранение тенденции на сокращение отсылок к дореволюционной и постсоветской истории при сохранении высокой доли упоминаний советской истории и отечественной истории вообще. Если в посланиях 2012–2018 гг. мы насчитали 6 упоминаний, относимых к дореволюционному, 13 — к советскому и 13 к постсоветскому периодам, то уже в посланиях 2019–2024 гг. мы увидели всего 2 отсылки к дореволюционному прошлому и по 11 отсылок, относимых к советскому и постсоветскому периодам. Заметную долю упоминаний прошлого в президентских посланиях занимали также и отсылки к отечественной истории в целом, а также слабо конкретизированным в тексте послания «традициям предков» и «тысячелетней истории». Правда, доля обращения к данной категории упоминаний в посланиях третьего и четвертого президентских сроков В.В. Путина последовательно снижалась (с 20 упоминаний в 2012–2018 гг. до 5 упоминаний в 2019–2024 гг.). На этом фоне примечательным выглядит обращение Президента РФ к историческим событиям всемирной истории. Они были связаны исключительно с критикой действий западных стран на Балканах в 1990-х гг., в Афганистане и на Ближнем Востоке в 1990-х — 2000-х годах, Президент РФ обращался в посланиях 2014, 2023 и 2024 гг., что явно указывает на символическую направленность подобных отсылок.

Анализ президентских посланий выявил, что и послания третьего президентского срока В.В. Путина продолжили тенденцию отсылок к известным историческим личностям. Если, в посланиях Б.Н. Ельцина (1994–1999 гг.) мы видим только одно упоминание, в посланиях В.В. Путина (2000–2007 гг.) — шесть упоминаний, а в посланиях Д.А. Медведева — восемь упоминаний, то послания третьего президентского срока В.В. Путина уже являются нам 12 упоминаний, в большей мере представленных именами видных российских ученых и писателей (Л.Н. Гумилев, М.В. Ломоносов, А.Ф. Лосев, Н.А. Бердяев, Д.С. Лихачев, И.А. Ильин, Н.М. Карамзин, Д.И. Менделеев, А.И. Солженицын) и лишь в некоторой степени политиками (князь Владимир, Н.С. Хрущев). Отдельно следует отметить упоминание в первом послании 2014 г. фигуры Адольфа Гитлера, который символически связывался с украинской тематикой. Не менее любопытно,

что половина из тех ученых и деятелей российской культуры, на которых ссылался президент, пострадали от советской власти или были вынуждены покинуть Россию. Подобную избирательность можно было бы рассматривать как попытку примирения разных периодов трагической истории России XX в. при условии, что данный контекст биографии был бы специально обозначен в выступлении. Однако этого сделано не было, что как раз указывает на отсутствие желания конкретизировать тезис о «тысячелетней истории» России, продолжая видеть образы данной исторической преемственности весьма эклектично. Заметным является практически полное отсутствие упоминаний об исторических фигурах в посланиях четвертого президентского срока В.В. Путина, где мы видим лишь две исторические фигуры (А.С. Грибоедов и П.А. Столыпин). Столь скудный репертуар исторических персоналий кажется тем более удивительным, если принять во внимание, что послания 2023 и 2024 гг. приходятся на годы проведения специальной военной операции и, казалось бы, должны были бы использовать имена полководцев и военачальников. Однако только в послании 2023 г. мы видим фигуру П.А. Столыпина, отсылающую к идее единства России и необходимости опираться на собственные силы. Тем не менее вряд ли стоит рассматривать данную ситуацию как некую новацию. Это связано с тем, что в 2021 г. выходит большая статья В. Путина, посвященная теме исторического единства русских и украинцев², где события украинского кризиса погружаются в «тысячелетний» исторический контекст. В этой статье мы видим целый ряд исторических персонажей (20 исторических фигур), что, на наш взгляд, в определенной мере компенсирует «выпадение» персоналий из текстов посланий. Нетрудно увидеть, что символический статус избранных персоналий в статье выстроен в контексте идеи исторического единства русских и украинцев, где единственной персоналией, не укладывающейся в список, оказывается гетман П. Скоропадский.

Важным аспектом является символическая интерпретация образов модернизационных реформ 1980-х и 1990-х гг., которая является своеобразным ответом власти на потребность в широких социальных изменениях после кризиса 2008–2009 гг. Ранее отмечалась противоречивость дискурса модернизации как в президентских посланиях В.В. Путина (2000–2008 гг.), так и в текстах президентских посланий Д.А. Медведева [Мартыанов 2007; Малинова 2012; Сони́на 2021]. Подчеркивался факт, что в сравнении с выступлениями В.В. Путина, тексты Д.А. Медведева отсылали к более широкой трактовке модернизации (модернизация политической системы) при отсутствии каких-либо значимых попыток конкретизации данного понятия [Малинова 2012: 57]. Мы также столкнулись со сходной тенденцией в президентских посланиях В.В. Путина в период 2012–2024 гг., где количество упоминаний термина «модернизация» не только резко сокращается по сравнению с последним

² Статья Владимира Путина «Об историческом единстве русских и украинцев» // Президент России : офиц. сайт. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/66181> (дата обращения: 20.02.2026).

президентским посланием Д.А. Медведева (11 упоминаний) и не превышает одного на весь текст, но и используется исключительно в контексте улучшения инфраструктуры и внедрения новых технологий. Сравнительный анализ ключевых тем президентских посланий в интересующих нас хронологических рамках показал своеобразное чередование тем, обращенных к идее сильного и стабильного государства (послания 2013, 2015, 2016 гг.), и тех посланий, где идеи реформирования страны и обсуждения «запроса на перемены» оказывались более наглядными (послания 2012, 2018, 2019, 2020 гг.).

Таким образом, тенденции, обозначившиеся в самом начале третьего президентского срока В.В. Путина, оказались актуальными вплоть до настоящего времени. Отличие от предшествующих посланий первого и второго президентских сроков В.В. Путина, а также периода правления Д.А. Медведева состояло в эпизодическом обращении к критике истории внешней политики западных стран, что позволяло дополнить тезис о «тысячелетней» преемственности российской государственности тезисом об «исторической укорененности» недружественных действий западных стран в отношении России.

Анализ риторических средств языка посланий подразумевает обращение к специфике аргументативных стратегий, логики и композиции, коллективному символизму и метафорам. События 2014 и 2022 гг., а также необходимость общественной мобилизации в период эпидемии COVID-19 не могли не способствовать насыщению символическими отсылками президентских посланий интересующего нас хронологического периода.

Анализ текстов посланий первых двух президентских сроков В.В. Путина и сравнение их с текстами посланий Б.Н. Ельцина и Д.А. Медведева позволил российским исследователям утверждать, что, продвигая идеи «сильного государства», «единства страны» и «тысячелетней истории», президент В.В. Путин противопоставлял их не только «лихим девяностым», но и всем попыткам модернизационных реформ и революций. В отношении текстов президентских посланий Д.А. Медведева была выявлена известная двойственность, заключавшаяся, с одной стороны, в стремлении также апеллировать к «тысячелетней истории» и преемственности политического курса, а с другой стороны, к избирательному отношению к традициям, а также попыткам обозначить точки разрыва не только с эпохой перестройки и реформами 1990-х гг., но и с 2000-ми гг. Все это позволило сделать важный для нас вывод: в случае всех трех Президентов РФ «официальный исторический нарратив воспроизводил сложившийся культурный алгоритм прерывания традиции через отрицание целей и ценностей предыдущего исторического этапа» [Малинова 2015: 144].

Предпринятый нами сравнительный анализ посланий 2012–2024 гг. показал, что в посланиях третьего президентского срока доминировал фрейм легитимации традицией и исторической позитивной преемственности (12 упоминаний), который заметно теряет свои позиции в текстах посланий четвертого президентского срока (4 упоминания). Сходная ситуация складывается и с использованием фрейма, направленного на подкрепление современных политических принципов «уроками истории». Несмотря на то, что присутствие

данного фрейма последовательно увеличивалось в президентских посланиях В.В. Путина 2004–2007 гг. (5 упоминаний), Д.А. Медведева (9 упоминаний), посланиях В.В. Путина 2012–2018 гг. (13 упоминаний), на четвертом президентском сроке В.В. Путина мы также наблюдаем заметное снижение (4 упоминания). Подобная ситуация объясняется отсутствием необходимости говорить о широкой легитимации политической системы и переключением в 2018–2020 гг. на внутренние проблемы страны и ее развития. Косвенно на относительную корректировку тренда указывает сохранение и в третьем и в четвертом президентских сроках В.В. Путина фрейма, демонстрирующего достижения и преимущества политического курса (9 упоминаний в 2012–2018 гг., 8 упоминаний в 2018–2024 гг.).

Обращение к риторической составляющей текстов президентских посланий периода 2012–2024 гг. выявило не столько изменение стилистики выступлений, сколько расширение репертуара символических образов прошлого, позволяющих достичь соответствующих коммуникативных и политических целей. Это означало, что среди уже упоминаемых выше фреймов мы видим появление новых коммуникативных фигур и символических образов. В интересующий нас хронологический период риторическим контекстом сохранения «алгоритма прерывания традиции» оказываются не только образы «лихих» 1990-х гг., но и многократно возникающее в текстах посланий сравнение экономических, технологических и демографических успехов 2010-х гг. с 1980-ми гг.. Показательно, что образы перестройки, как и образы 1990-х гг., оказываются в посланиях и публичных выступлениях данного периода однозначно негативными. Примечательно, что сразу в нескольких посланиях Президент РФ использовал метафору «эхо 90-х годов», однозначно подчеркивая негативный смысл данного исторического периода России. Тезис о едином и сильном государстве также получает новые символические образы, где времена революций и масштабных общественных трансформаций обозначаются как «срыв» проекта единого исторического государства³. Роль и значение современного этапа жизни страны на фоне масштаба «тысячелетней истории» неоднократно подчеркивалось в посланиях упоминаниями о том, что технологические, военные или экономические успехи не просто оказывались достижимыми, но маркировались как высокие результаты «впервые в истории страны». При этом наиболее крупные геополитические события (2014 и 2022 г.) интерпретировались в посланиях как «судьбоносные».

Расширялся также и репертуар образов самой России, где к общеупотребительным понятиям «страна», «Отечество», «Родина», начиная с 2012 г., добавляются понятия «Государство-цивилизация», «Оплот традиционных ценностей» и «Русский мир». Крымские события 2014 г. добавили в этот ряд понятия «Крым», который приобретает в посланиях 2014 г. «сакральное» и «цивилизационное» значение: «именно здесь находится духовный исток формирования

³ Путин В.В. Мысли о России. Президент о самом важном. Москва : Центрполиграф, 2016. С. 167.

многоликой, но монолитной русской нации и централизованного Российского государства. Ведь именно здесь, в Крыму, в древнем Херсонесе или, как его называли русские летописцы, Корсуни, принял крещение князь Владимир, а затем и крестил всю Русь»⁴. Любопытно, что крымские события 2014 г. интерпретировались в послании как «стремление Русского мира, исторической России к восстановлению единства» по аналогии с историческим объединением ФРГ и ГДР⁵.

Наиболее заметным расширением репертуара риторических средств и обновления символических образов по сравнению с текстами посланий 1994–2012 гг. оказалось в высказываниях, маркировавших образы символического Другого. В данном случае в добавление к «боевикам на Северном Кавказе» и «международному терроризму» отчетливо добавляется образ Запада как исторического «врага России», осуществлявшего на протяжении длительной истории «политику сдерживания России» и характеризовавшегося в первую очередь через явления колониализма («Запад с его колониальными повадками») и сговора с нацистской Германией («Запад фактически открыл нацистам путь к власти»). В случае посланий после 2014 г. следует отметить не только устойчивое сохранение данной тенденции, но и расширение числа отсылок к всемирной истории, где в подавляющем большинстве случаев символическим Другим оказывались именно западные страны.

Заключение

Предпринятый дискурс-анализ президентских посланий и официальных речей В.В. Путина в период 2012–2024 гг. выявил сохранение важной роли отсылок к истории и культурной памяти в качестве инструмента символической политики. Доля обращений к прошлому в президентских посланиях 2012–2024 гг. была выше в тех случаях, когда ключевой темой послания оказывались вопросы внешней политики или мобилизации российского общества перед лицом общенациональных проблем. Сравнительный анализ с результатами предшествовавших исследований посланий 1994–2012 гг. показал, что тенденции, обозначившиеся в самом начале третьего президентского срока В.В. Путина, оказались актуальными и в начале пятого президентского срока. Заметное отличие от предшествующих посланий первого и второго президентских сроков В.В. Путина, а также периода правления Д.А. Медведева, состояло в нарастающем обращении к критике истории внешней политики западных стран, что

⁴ Путин В.В. Послание Президента Российской Федерации от 18.03.2014 г. б/н. В связи с принятием в Российскую Федерацию Республики Крым и образованием в составе Российской Федерации новых субъектов. // Президент России : офиц. сайт. URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/39444> (дата обращения: 20.02.2026).

⁵ Путин В.В. Послание Президента Российской Федерации от 04.12.2014 г. б/н. (О положении в стране и основных направлениях внутренней и внешней политики государства). // Президент России : офиц. сайт. URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/39443> (дата обращения: 20.02.2026).

позволяло дополнить тезис о «тысячелетней преемственности» российской государственности тезисом об «исторической укорененности» недружественных действий западных стран в отношении России.

Обращение к риторической составляющей текстов президентских посланий периода 2012–2024 гг. выявило не столько изменение стилистики выступлений, сколько расширение репертуара символических образов прошлого, позволяющих достичь соответствующих коммуникативных и политических целей. Особенно заметным это оказалось в рамках новых символических образов России и стран Запада, что актуализировало дихотомию «Мы — Они» в контексте реализации не только внешней, но и внутренней политики. При этом анализ символического использования исторических образов модернизационных реформ 1980-х, 1990-х гг., а также общественных трансформаций 2000-х и 2010-х гг. явно указывает на сохранение в официальном историческом нарративе культурного алгоритма «прерывания традиции» через отрицание целей и ценностей предыдущих исторических этапов как ключевой дискурсивной нити, что создает известные противоречия для дальнейшего символического использования идеи исторической преемственности и идеи единства политической истории России.

Поступила в редакцию / Received: 12.10.2025

Доработана после рецензирования / Revised: 11.03.2026

Принята к публикации / Accepted: 15.03.2026

Библиографический список

- Бурдые П. Социология политики. Москва : Socio-Logos, 1993.
- Бызов Л.Г. Консервативный тренд в современном российском обществе — истоки, содержание и перспективы // Общественные науки и современность. 2015. № 4. С. 25–49. EDN: UDDVYN
- Гаврилова М.В. Когнитивные и риторические основы президентской речи (на материале выступлений В.В. Путина и Б.Н. Ельцина). Санкт-Петербург : Изд-во СПбГУ, 2004.
- Захарова О.В. Трансформация понятия «демократия» в ежегодных президентских посланиях Федеральному Собранию РФ (2000–2018) // Политическая наука. 2020. № 2. С. 110–125. <http://doi.org/10.31249/poln/2020.02.05> EDN: MBZTHI
- Игонин Д.И. Миграционная политика российского государства новейшего времени: отображение стратегии в текстах президентских посланий Федеральному Собранию // Право и политика. 2010. № 9. С. 1570–1575. EDN: MCXJQD
- Левченко А.А. Взаимодействие государства и политических партий в официальном дискурсе власти (на материалах президентских посланий 1994–2012 гг.) // Вестник Поволжской академии государственной службы. 2013. № 3 (36). С. 117–125. EDN: QYXQBT
- Малинова О.Ю. Актуальное прошлое: Символическая политика властвующей элиты и дилеммы российской идентичности. Москва : Политическая энциклопедия, 2015.
- Малинова О.Ю. Еще один «рывок»? Образы коллективного прошлого, настоящего, будущего в современных дискуссиях о модернизации // Политическая наука. 2012. № 2. С. 49–72. EDN: OZGKEF

- Мартьянов В.С. Идеология В.В. Путина: концептуализация посланий Президента РФ // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2007. Том 3. № 1. С. 147–174. EDN: KNPOOX
- Миллер А.И. Политика памяти в России: роль экспертных сообществ // Символическая политика. Политические функции мифов / О.Ю. Малинова (ред.) : сб. науч. тр. Вып. 3. Москва : ИНИОН РАН, 2015. С. 210–236.
- Николаев А.Н. Размышления о жанре президентского послания // Власть. 2005. № 6. С. 3–5. EDN: PIYBOR
- Потапова О.Б. Послания Президента Российской Федерации Федеральному Собранию как средство формирования и реализации президентской правовой политики // Вестник Саратовской государственной академии права. 2009. № 4 (68). С. 26–29. EDN: KUVJBX
- Смехов Л.В. Коммуникативные практики президентов США и РФ 2000–2008 гг. // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. 2022. № 1. С. 99–108. <http://doi.org/10.28995/2073-6339-2022-1-99-108> EDN: GUCAAY
- Сонина Е.О. «Модернизация» и «реформа» в политическом дискурсе современной России: опыт нарративного анализа // Дискурс-Пи. 2021. Т. 18. № 2. С. 49–60. http://doi.org/10.17506/18179568_2021_18_2_49 EDN: ZYVAGB
- Старцев Я.Ю. Политическая система в зеркале дискурса: опыт реконструкции логики президентских посланий // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2007. Т. 3. № 1. С. 175–190. EDN: KNPOPH
- Султыгова А.А. Осмысление общенациональных приоритетов государственной промышленной политики в президентских посланиях Федеральному Собранию в 2000-е гг. // Вестник Российской нации. 2019. № 3 (67). С. 79–93. EDN: JQLEHI
- Тихонов В.Г. Идентичность Российской Федерации в рамках посланий Президента РФ Федеральному Собранию // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2020. № 4. С. 63–69. <http://doi.org/10.22394/2073-2929-2020-4-63-69> EDN: QEYLQU
- Hoffman D.R., Howard A.D. Addressing the state of the union: The evolution and impact of the president's big speech. Boulder, CO, 2006.
- Jäger S. Discourse and Knowledge: Theoretical and Methodological Aspects of a Critical Discourse and Dispositive Analysis // *Methods of Critical Discourse Analysis* / R. Wodak, M. Meyer (Eds.). London : SAGE Publications, 2013. P. 32–63.

References

- Bourdieu, P. (1993). *Sociology of politics*. Socio-Logos. (In Russian).
- Byzov, L.G. (2015). Conservative trend in modern Russian society — origins, content and prospects. *Social Sciences and Modernity*, 4, 25–49. (In Russian).
- Gavrilova, M.V. (2004). *Cognitive and rhetorical foundations of presidential speech (Based on the speeches of V.V. Putin and B.N. Yeltsin)*. St. Petersburg State University Press. (In Russian).
- Hoffman, D.R., & Howard, A.D. (2006). *Addressing the state of the union: The evolution and impact of the president's big speech*. Boulder, CO.
- Igonin, D.I. (2010). Migration policy of the Russian state in modern times: Reflection of strategy in the texts of presidential addresses to the Federal Assembly. *Law and Politics*, 9, 1570–1575. (In Russian).
- Jäger, S. (2013). Discourse and knowledge: theoretical and methodological aspects of a critical discourse and dispositive analysis. In R. Wodak & M. Meyer (Eds.), *Methods of critical discourse analysis* (pp. 32–63). SAGE Publications.
- Levchenko, A.A. (2013). Interaction between the state and political parties in the official discourse of power (Based on presidential addresses from 1994 to 2012). *Bulletin of the Volga Region Academy of Public Administration*, 3(36), 117–125. (In Russian).

- Malinova, O.Y. (2015). *Current past: Symbolic Politics of the ruling elite and the Dilemmas of Russian Identity*. Political Encyclopedia. (In Russian).
- Malinova, O.Y. (2012). One more “leap”? Representations of the collective past, present and future in modern discussions about modernization. *Political Science (RU)*, 2, 49–72. (In Russian).
- Martyanov, V.S. (2007). The Ideology of V.V. Putin: Conceptualization of messages of the President of the Russian Federation. *Political Expertise: POLITEX*, 3, 1, 147–174. (In Russian).
- Miller, A.I. (2015). Memory politics in Russia: the role of expert communities. In O.Y. Malinova (Ed.), *Symbolic politics. Political functions of myths*. Issue 3 (pp. 210–236). INION RAS. (In Russian).
- Nikolaev, A.N. (2005). Reflections on the genre of the presidential address. *Vlast*, 6, 3–5. (In Russian).
- Potapova, O.B. (2009). Addresses of the President of the Russian Federation to the Federal Assembly as a means of forming and implementing presidential legal policy. *Bulletin of the Saratov State Academy of Law*, (4), 26–29. (In Russian).
- Smekhov, L.V. (2022). Communicative practices of the presidents of the United States and the Russian Federation 2000–2008. *RSUH/RGGU Bulletin Series “Political Science. History. International Relations”*, 1, 99–108. (In Russian). <http://doi.org/10.28995/2073-6339-2022-1-99-108>
- Sonina, E.O. (2021). “Modernization” And “Reform” in the political discourse of modern Russia: The narrative analysis experience. *Scientific journal “Discourse-P”*, 18(2), 49–60. (In Russian). http://doi.org/10.17506/18179568_2021_18_2_49
- Startsev, Y.Y. (2007). The political system in the mirror of discourse: An experience of reconstructing the logic of presidential addresses. *Political Expertise: POLITEX*, 3(1), 175–190. (In Russian). (In Russian).
- Sulygova, A.A. (2019). Understanding national priorities of state industrial policy in presidential addresses to the Federal Assembly in the 2000s. *Bulletin of Russian nation*, (3), 79–93. (In Russian).
- Tikhonov, V.G. (2020). The identity of the Russian Federation in the framework of the presidential addresses to the Federal Assembly. *Eurasian Integration: Economics, Law, Politics*, (4), 63–69. (In Russian). <http://doi.org/10.22394/2073-2929-2020-4-63-69>
- Zakharova, O.V. (2020). Transformation of the concept “Democracy” in the annual presidential addresses to the federal assembly of the Russian Federation (2000–2018). *Political Science (RU)*, 2, 110–125. (In Russian). <http://doi.org/10.31249/poln/2020.02.05>.

Сведения об авторе:

Линченко Андрей Александрович — кандидат философских наук, научный сотрудник, Томский государственный университет; научный сотрудник, Липецкий филиал Финансового университета при Правительстве РФ (e-mail: linchenko1@mail.ru). (ORCID: 0000-0001-6242-8844)

About the author:

Andrei A. Linchenko — PhD in Philosophy, Researcher at the Tomsk State University; Researcher at the Financial university under the Government of the Russian Federation (Lipetsk branch) (e-mail: linchenko1@mail.ru) (ORCID: 0000-0001-6242-8844)

DOI: 10.22363/2313-1438-2026-28-2-362-377

EDN: VVICWV

Научная статья / Research article

Идентичность и память о Великой Отечественной войне: роль российского ислама в общественной консолидации

М.М. Мchedлова^{1,2} , С.Ш. Олимзода¹

¹Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

²Институт социологии — обособленное подразделение Федерального государственного бюджетного учреждения науки Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, Москва, Российская Федерация

✉ mchedlova-mm@rudn.ru

Аннотация. Инструментализация исламского фактора в ходе идеологического и геополитического противостояния СССР и нацистской Германии в период Второй мировой войны приобретает новое звучание в условиях переформатирования традиционной политической архитектуры мира. История не только становится политическим инструментом, но и претендует на легитимирующий статус политической реальности. В условиях, когда религия становится определяющей переменной современной политики, создание непротиворечивого прошлого для многонациональной страны, обладающей цивилизационным статусом, представляется задачей национальной безопасности. В качестве теоретико-методологического фундамента работы выступают как классические идеи о политике памяти (П. Нора и А. Ассман), где последняя понимается как средство формирования идентичности и управления сложным историческим опытом, так и современные методологические подходы, трактующие религиозные организации субъектами политики, солидаризирующимися с государством и транслирующими государственную повестку. Соответственно, конструирование советской политической реальности как разделенной по религиозному принципу противоречит тому образу прошлого, который выстраивают сегодня государство и официальные религиозные, в том числе мусульманские институты России. Выявлены механизмы трансформации противоречивого исторического опыта в консолидирующий государственный нарратив; при этом проводится принципиальное аналитическое разграничение между собственно конфессиональным (исламским) и этнонациональным измерениями идентичности, которые в существующей литературе нередко смешиваются. Современный дискурс институционализированных исламских организаций в России базируется на героизации участия в Великой Отечественной войне и служит инструментом легитимации конфессиональных структур в системе государственно-конфессиональных отношений.

© Мchedлова М.М., Олимзода С.Ш., 2026

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Ключевые слова: ислам, идентичность, Великая Отечественная война, геополитика, идеология, память, легитимация, консолидация, депортация

Благодарности. Статья подготовлена в рамках государственного задания по проекту Минобрнауки РФ FSSF- 2026–009 «Философия и религия: перекрестки культур».

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Мchedлова М.М., Олимзода С.Ш. Идентичность и память о Великой Отечественной войне: роль российского ислама в общественной консолидации // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2026. Т. 28. № 2. С. 362–377. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2026-28-2-362-377> EDN: VVICWV

Identity and Memory of the Great Patriotic War: The Role of Russian Islam in Public Consolidation

Maria M. Mchedlova^{1,2} , Sorboni Sh. Olimzoda¹

¹RUDN University, Moscow, Russian Federation

² Institute of Sociology — a separate subdivision of the Federal State Budgetary Institution of Science, *Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation*

 mchedlova-mm@rudn.ru

Abstract. The instrumentalization of the Islamic factor during the ideological and geopolitical confrontation between the USSR and Nazi Germany in World War II acquires new resonance amid the ongoing reconfiguration of the traditional political architecture of the world. History becomes not merely a political instrument but lays claim to the legitimizing status of political reality. Under conditions in which religion emerges as a defining variable of contemporary politics, the construction of a coherent past for a multinational country possessing civilizational status constitutes a task of national security. The theoretical and methodological foundation of this study draws upon both classical conceptions of the politics of memory (P. Nora and A. Assmann), wherein the latter is understood as a means of identity formation and the management of complex historical experience, and contemporary methodological approaches that conceptualize religious organizations as political actors aligned with the state and transmitting the state agenda. Accordingly, the construction of Soviet political reality as divided along confessional lines contradicts the image of the past currently elaborated by Russia's official Muslim institutions. The article identifies mechanisms whereby contradictory historical experience is transformed into a consolidating state narrative, while drawing a principled analytical distinction between the properly confessional (Islamic) and ethnonational dimensions of identity—dimensions frequently conflated in the existing literature. The contemporary discourse of institutionalized Islamic organizations in Russia is predicated on a strategy of selective memory, wherein the heroization of participation in the Great Patriotic War serves as an instrument for the legitimation of confessional structures within the system of state-confessional relations.

Keywords: Islam, identity, the Great Patriotic War, geopolitics, ideology, memory, legitimacy, consolidation, deportation

Acknowledgements. The article is carried out within the state assignment for the project of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation FSSF- 2026–009 “Philosophy and Religion: crossroads of cultures.”

Conflicts of interest. The authors declare no conflicts of interest.

For citation: Mchedlova, M.M., & Olimzoda, S.Sh. (2026). Identity and memory of the Great Patriotic War: The role of Russian Islam in public consolidation. *RUDN Journal of Political Science*, 28(2), 362–377. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2026-28-2-362-377> EDN: VVICWV

Введение

В современном гуманитарном знании, прежде всего политической науке, проблема взаимодействия религии и политики в экстремальных условиях глобальных конфликтов приобретает особое звучание. Вторая мировая война, будучи столкновением не только военных машин, но и идеологических систем, продемонстрировала уникальный прецедент прагматичной инструментализации религиозного фактора, не особо попадавшего в фокус внимания историков или политологов.

Повышение значимости религиозного фактора и религиозных идентичностей в современных социальных и политических практиках, инкорпорирование религиозных смыслов в сферы публичной и международной политики во многом коррелирует с их использованием в качестве политического арсенала. Это обуславливается возможностью религии и религиозных организаций в условиях современности выступать в том числе в качестве ресурса политической и социальной консолидации, способностью гражданскими, культурными, вероучительными моментами выполнять функции обеспечения национальных интересов и консолидации носителей цивилизационной идентичности. Ислам как мощная мобилизационная сила и маркер цивилизационной идентичности оказался в свое время в эпицентре пропагандистской борьбы между Советским Союзом и нацистской Германией. Однако не стоит ограничиваться только реконструкцией исторических событий, гораздо более сложным и политически нагруженным представляется вопрос о том, как этот опыт интегрируется в современный российский политический дискурс, формируя коллективную память и гражданскую идентичность мусульманского сообщества в России, а также оказывая воздействие на смысловое пространство общероссийской идентичности.

Проблема исследования направлена на выявление амбивалентности исторического опыта 1940-х гг. — это патриотический подъем и коллаборационизм среди мусульманского населения СССР, что привело к репрессивной внутренней политике. Современная единая модель памяти, транслятором которой наряду с государственными субъектами выступают официальные Духовные управления, стремится нивелировать «острые углы», обеспечивая политическую стабильность.

При этом необходимо сделать существенную методологическую оговорку, определяющую границы настоящего исследования. Понятие «исламский фактор» используется в статье для обозначения тех аспектов политико-исторического опыта и современного дискурса, которые непосредственно связаны с религиозной идентичностью, конфессиональными институтами и теологической аргументацией. Между тем в реальной политической практике — как в 1940-е гг., так и в постсоветский период — религиозное и этнонациональное измерения идентичности были тесно переплетены и нередко выступали в неразрывном единстве, часто смыслово подменяя друг друга. При этом в политической оптике можно выделить четыре модели взаимодействия религии и национальной идентичности: либо нация находится в религии (в частности, Католические Польша и Франция), либо нация находится за пределами религии (например, светская Франция последних двух столетий), либо нация определяет себя как религию (как в нацизме), либо, наконец, религия национализируется, что наблюдается в радикальном исламизме или индуизме [Niqueux 2005]. Так, войска вермахта, формировавшиеся из числа советских военнопленных, комплектовались прежде всего по этническому принципу; депортации 1943–1944 гг. осуществлялись по этническому признаку и затрагивали целые народы вне зависимости от степени их религиозности. Таким образом, в политических стратегиях ключевым параметром выступала этничность и принадлежность к определенному этносу, тогда как исламская составляющая выполняла лишь вспомогательную или символическую функцию, что будет оговорено отдельно.

Самосознание любого общества начинается с истории, ее символически значимые события формируют смысловую основу национальной и гражданской идентичности. Историческая память создает такой образ прошлого, который способствует развитию коллективной идентичности, укрепляя чувство гордости и солидарности внутри социальной группы. В политическом знании идут большие дискуссии о том, какой должна быть политика памяти и каковы ее алгоритмы. Политика памяти как предмет политического анализа и как политическая стратегия основана на тезисе о том, что коллективные представления о прошлом — это не пассивное отражение исторических событий, а продукт их политического моделирования. Следуя логике П. Коннертона [Connerton 1989], социум сохраняет в своей памяти лишь те элементы, которые необходимы для стабилизации общественного устройства, в связи с чем практики намеренного забвения становятся инструментом не менее важным, чем само запоминание. А. Ассман [Assmann 2013] развивает эту мысль через дихотомию памяти «накопительной» и «функциональной»: если первая хранит весь массив информации, включая травмирующий опыт, то вторая используется властью для собственной легитимации, опираясь на героические мифы и превращая историю в фундамент идентичности. Ограничением данной теории является акцентация проблемы коллективной травмы, выступающая маркером мировоззренческой опосредованности.

Аналитический каркас исследования базируется на понимании избирательности коллективной памяти, которая конструируется в соответствии

с актуальным политическим контекстом. Процессы забвения при этом рассматриваются не столько как стихийное явление, а скорее как институционализированная государственная стратегия по нейтрализации конфликтного потенциала в пространстве исторической памяти и как следствие временной непрерывности идентичности. В этой системе координат религиозные институты могут как выступать проводниками официальной политики памяти, так и конструировать альтернативные варианты. В России сегодня официальные исламские организации поддерживают государственные устремления, конвертируя сакральное наследие в политическую легитимность, что позволяет трактовать ислам как гибкий мемориальный ресурс.

Инструментализация исламского фактора нацистской Германией

Анализ геополитического противостояния СССР и Третьего рейха в исламском сегменте обнаруживает зеркальность используемых стратегий при полярности идеологических векторов. Для нацистской Германии исламский фактор являлся важным элементом «восточной политики», направленной на дестабилизацию тыла ее противников — Британской империи на Ближнем Востоке и Советского Союза в Средней Азии, Поволжье и на Кавказе [Мотадель 2020]. Берлин, эксплуатируя антиколониальные и антибольшевистские настроения, конструировал образ Третьего рейха как покровителя ислама. Это была сугубо прагматичная геополитическая стратегия, в которой религия рассматривалась не как теологическая система, а как инструмент этнополитической мобилизации [Оганесян 1980] и достижения политических целей. Привлечение таких фигур, как муфтий Иерусалима Амин аль-Хусейни к нацистской пропагандистской деятельности и формирование национальных легионов вермахта из числа советских военнопленных мусульманского происхождения, опиралось на тезис об «освобождении» исламских народов от «безбожного большевизма» [Ковалев, Феферман 2020].

В годы Второй мировой войны Третий рейх реализовывал комплексную стратегию взаимодействия с исламским миром, делая ставку на этноконфессиональную специфику населения советских республик и Ближнего Востока. Начиная с 1941 г. немецкая пропагандистская машина активно использовала радиовещание на национальных языках, включая татарский, азербайджанский и узбекский, для формирования имиджа Германии как покровительницы мусульман [Мотадель 2020]. Информационное воздействие подкреплялось распространением печатных изданий, таких как «Газават» и «Идель-Урал», а также листовок с религиозными цитатами, в которых большевизм трактовался как главная угроза вере [Ковалев, Феферман 2020].

С началом активных боевых действий этот подход трансформировался в создание под эгидой Абвера (военной разведки и контрразведки нацистской Германии) военизированных формирований — Туркестанского, Кавказского, Волго-татарского легионов, призванных дестабилизировать советский тыл, при этом лояльные Берлину духовные лидеры, такие как муфтий Алимхан

Шакирзянов и имам Абдурахман Авторханов¹, противопоставлялись официальному советскому духовенству [Мотадель 2020]. Ключевая идея немецкого курса состояла в прагматичной политической инструментализации религии: ислам рассматривался не как духовная ценность, а как технология перевода религиозной самоидентификации в политическую лояльность оккупантам.

Таким образом, мусульманское население СССР воспринималось немецкими стратегами не как единая умма, а как набор разрозненных этнополитических ресурсов, подлежащих внешнему управлению [Мотадель 2020]. Принципиально важно подчеркнуть, что создание коллаборационистских формирований — легиона «Идель-Урал» (Волго-татарский легион), Туркестанского и Кавказского легионов — осуществлялось прежде всего по этнонациональному, а не конфессиональному принципу. Личный состав этих подразделений объединялся по признаку этнической принадлежности: татары, башкиры, узбеки, азербайджанцы, представители северокавказских народов. Агитационные материалы апеллировали в равной мере и к национальному самосознанию — языку, культурной памяти, идее утраченной государственности и к религиозным чувствам. Немецкое командование прагматично комбинировало оба регистра мобилизации, переключаясь между этническим и конфессиональным в зависимости от конкретной аудитории и региона [Романько 2004]. Таким образом, «исламский фактор» в нацистской политике представлял собой не чисто религиозную мобилизацию, а взаимодополняющие инструменты конфессиональной и этнической идентичности. Вместе с тем именно религиозная составляющая — обращение к кораническим текстам, привлечение муфтиев, организация полевого богослужения в легионах — придавала этнической мобилизации дополнительную легитимность и эмоциональную глубину, что позволяет квалифицировать ее как политическую инструментализацию ислама в узком смысле.

Ислам и советский религиозный «разворот»

Советское руководство, оказавшись перед лицом экзистенциальной угрозы и видя эффективность немецкой пропаганды, было вынуждено совершить кардинальный идеологический разворот.

Произошел отказ от воинствующего атеизма в пользу прагматичного диалога с религиозными институтами, что можно квалифицировать как вынужденную легитимацию конфессий ради государственной безопасности. Наряду с шагами в отношении православной церкви знаковым событием стало создание в 1943 г. Духовного управления мусульман Средней Азии и Казахстана (САДУМ) и проведение съезда в Ташкенте². Изданные фетвы, провозглашавшие джихад против фашизма, стали идеологическим ответом на немецкие попытки

¹ Весьма противоречивая фигура. В 1942-1945 гг. сотрудничал с фашистской Германией, затем был советологом на Западе, разработал концепцию советского колониализма, был личным представителем президента Ичкерии Дудаева

² Образование ДУМ Средней Азии (САДУМ) // ИД «Медина». URL: <https://idmedina.ru/ussr/?1113> (дата обращения: 15.05.2026).

объявить Гитлера защитником верующих. В годы Великой Отечественной войны произошла частичная нормализация отношений Советского государства и религиозных, в том числе мусульманских, организаций, что выразилось в ослаблении атеистического диктата и расширении религиозных прав верующих. В мае 1944 г. был создан Совет по делам религиозных культов при Совете Министров СССР (позднее преобразованный в Совет по делам религий при Совете Министров СССР путем слияния с Советом по делам Русской православной церкви при Совете Министров СССР), на который возлагалась задача по осуществлению связей между правительством и неправославными религиозными объединениями.

Изменение государственной политики в отношении религии привело к тому, что мусульманским объединениям удалось частично восстановить религиозную жизнь. В 1943 г. были созданы три новых региональных Духовных управления — в Ташкенте (для Средней Азии и Казахстана), в Буйнакске (для Северного Кавказа), а также в Баку (для Закавказья). В Бухаре заработало медресе «Мир-Араб», а по всей стране открылись сотни мечетей — всего мусульманам вернули более тысячи культовых мест. Значимым шагом стало и освобождение большого числа служителей ислама из тюрем и лагерей. Московская Соборная мечеть стабильно действовала в течение всех военных лет. При этом на пятничных богослужениях каждую неделю собиралось по 900–1200 человек, а в праздничные дни их численность возрастала до пяти-шести тысяч /ГАРФ, ф. Р-6991, оп. 4, д. 29/.

В этом контексте ислам был интегрирован в ткань советского патриотизма: верующий мусульманин в официальном дискурсе перестал быть «классовым пережитком» и стал «советским патриотом» [Roі 2000].

Сталинская религиозная политика военного времени носила характер «контролируемой реставрации», где исламские институты восстанавливались с целью использования их солидаризирующегося и мировоззренческого потенциала для мобилизации ресурсов для фронта и обеспечения лояльности населения в стратегически важных регионах. Наряду с официальным признанием вклада мусульман в победу, в 1943–1944 гг. были осуществлены массовые принудительные переселения ряда народов Северного Кавказа и Крыма [Дьяченко 2013]. Необходимо подчеркнуть, что эти репрессивные акции проводились по этническому, а не по конфессиональному признаку: депортациям подвергались целые народы — вне зависимости от степени индивидуальной религиозности и параллельно с аналогичными мерами в отношении немцев Поволжья и калмыков, не связанных с исламской традицией. Тем не менее в постсоветском дискурсе память о депортациях нередко ассоциируется именно с «мусульманской» травмой, что является примером смешения этнического и конфессионального, которое требует аналитической рефлексии.

Поскольку проблематика депортаций относится преимущественно к этнополитическому, а не к конфессиональному полю, в дальнейшем анализе мы сосредоточиваемся на тех аспектах военного и постсоветского опыта, которые непосредственно связаны с политической инструментализацией ислама как

религиозного фактора — деятельностью духовных управлений, фетвами, институциональным дискурсом и коммеморативными практиками.

Рассматриваемый исторический период содержит в себе глубокий травматический разлом, который становится центральной проблемой для современной политики памяти. Многие религиозные лидеры уже в первые дни войны проявили образцы патриотизма и призывали верующих к сплочению и мобилизации всех сил ради победы над врагом, включая общину Московской Соборной мечети под руководством Халил-хазрата Насриддинова, заняли ярко выраженную патриотическую позицию. К сожалению, в литературе утвердилось мнение, что Председатель Центрального духовного управления мусульман (ЦДУМ) Г.З. Расулев (Уфа) и его коллеги обратились к мусульманам СССР только 15 мая 1942 г. Однако, согласно исследованиям В.А. Ахмадуллина, муфтий Габдрахман Расулев уже 2 сентября 1941 г. написал обращение «Ко всем приходам мусульман», в котором призвал правоверных на фронте и в тылу не жалеть сил ради разгрома врага, убивать коварных захватчиков [Ахмадуллин 2016].

Наглядным примером этого явился сбор средств на танковую колонну для Красной Армии, начатый по личной инициативе Габдрахмана Расулева. По призыву муфтия было собрано 10 млн рублей, затем сборы быстро увеличились — в Туркменской ССР было собрано 243 млн рублей, в Узбекской ССР — 365 млн рублей, в Казахстане и Таджикистане по 1 млрд. Так, прихожанами только Московской Соборной мечети на создание танковой колонны было собрано в общей сложности 55 тыс. рублей наличными деньгами и 20 тыс. рублей — облигациями (ЦМАМ, ф. 3004, оп. 1, д. 3). За это российские мусульмане в марте 1943 г. были удостоены благодарственной телеграммы от Верховного Главнокомандующего: «Благодарю за заботу о бронетанковых силах Красной Армии. Примите мой привет и благодарность Красной Армии. И. Сталин».

Наряду с официальным признанием вклада мусульман в победу в 1944 г. были и противоположные политические шаги, выразившиеся в принудительном переселении ряда народов — чеченцев, ингушей, крымских татар, карачаевцев и балкарцев, традиционно исповедовавших ислам, в другие регионы страны. Данные политические шаги обосновывались обвинениями в массовом коллаборационизме с гитлеровскими войсками. Это создало ситуацию амбивалентности: с одной стороны, исламское духовенство призывало к священной войне за Родину, председатель Духовного Управления мусульман Европейской части СССР и Сибири Габдрахман Расулев на конференции мусульманского духовенства в Уфе 1943 г. объявил джихад фашистской Германии. Оценка данной патриотической позиции мусульман и политического шага в современном дискурсе российской верховной власти демонстрирует их включенность в историческую память, а также ресурсность для государственной политики памяти и конструирования общероссийской идентичности: «В тяжелые годы Великой Отечественной войны здесь, в Уфе, на съезде мусульманского духовенства муфтий Габдрахман Расулев говорил о святом долге защищать свою

Родину. Он сказал: „Ибо мусульмане хорошо помнят слова Пророка: „Любовь к Родине — это часть твоей веры““». И мусульмане были верны и этим священным заповедям, и своей любви к родному Отечеству. С первых дней войны они были в рядах защитников нашей общей Родины, нашей земли — начиная с Брестской крепости, вместе с народами других национальностей прошли военными дорогами до самого Берлина. Всё это наша общая история, которую мы должны хранить как святыню, обязаны сберечь перед памятью наших отцов и дедов, которые были вместе и на полях сражений, и в мирном созидательном труде, и никогда не делили своих товарищей ни по национальности, ни по вере. Они ценили взаимное уважение, поддерживали друг друга и в беде, и в радости и оставили нам в наследие пример своей великой, всепобеждающей дружбы, разрушить и очернить которую мы не позволим никому»³.

Вместе с тем этнические группы, традиционно исповедующие ислам, подвергались репрессиям согласно принципу коллективной ответственности: политическая целесообразность предполагала перенесение вины за коллаборационизм отдельных личностей на весь этнос. Именно эта амбивалентность создает ключевой вызов для современных исламских институтов и лидеров, которые сталкиваются с необходимостью конструировать непротиворечивый исторический нарратив [Романько 2004]. Кампании по принудительному переселению мусульманских этносов Северного Кавказа и Крымского полуострова в 1943–1944 гг. нанесли глубокий удар по исламским институтам и общинной структуре этих народов, последствия которого определили траекторию развития их религиозной идентичности на десятилетия вперед.

Следствием этих событий стало возникновение внутри этноконфессиональных групп двойственного исторического сознания, характерного, впрочем, не только для мусульманских народов, но и для более широкого контекста российской исторической памяти о репрессиях 1920–1950-х гг. Наряду с официальным дискурсом, делающим акцент и конструирующим идентичность вокруг воинской доблести и вклада в общую Победу, сохранялась кулуарная, семейная память, на которую накладывали отпечаток негативные сюжеты.

Современный патриотический дискурс исламских религиозных организаций

Переходя к анализу современного дискурса, формирующего историческую память о Великой отечественной войне, следует отметить, что Духовное управление мусульман Российской Федерации (ДУМ РФ),

³ Путин В.В. Выступление на торжественном собрании, посвященном 225-летию Центрального духовного управления мусульман России 22 октября 2013 г., Уфа // Президент России : офиц. сайт. URL: <http://special.kremlin.ru/events/president/transcripts/19473> (дата обращения: 2013. 22 октября).

Центральное духовное управление мусульман России (ЦДУМ), Духовное собрание мусульман России (ДСМР), Координационный центр мусульман Северного Кавказа (КЦМСК) и региональные муфтияты выступают одними из ключевых акторов, солидаризирующихся с государственной политической памятью и выступающих ее субъектами.

Анализ публичной риторики лидеров российского ислама (в случае нашего исследования — ДУМ РФ) в последние десятилетия демонстрирует устойчивую тенденцию к акцентации единства исторического опыта. Доминирующим становится нарратив о «едином вкладе народов и конфессий в Великую Победу» [Миллер, Ефременко 2020].

Организации, входящие в систему ДУМ РФ, играют заметную роль в формировании и поддержке государственного исторического нарратива, направленного на формирование общей идентичности и общественной солидарности. В частности, в торжественных обращениях главы ДУМ РФ Равиля Гайнутдина, приуроченных ко Дню Победы, регулярно подчеркивается мысль о патриотизме верующих, их самоотверженности и высоких моральных качествах, проявленных в период войны 1941–1945⁴. Обращение к теме Великой Отечественной войны служит действенным механизмом интеграции мусульманского сообщества в общегражданское пространство, который не только демонстрирует лояльность российской уммы по отношению к государству, но и способствует упрочению ее каналов взаимодействия с властью. Подобная риторика эффективно закрепляет статус мусульманского сообщества как неотъемлемой части единой российской гражданской нации, одержавшей победу над врагом. Опыт взаимодействия государства и мусульманских религиозных организаций в военный период превращается в символический ресурс, позволяющий мусульманским лидерам претендовать на особый статус в системе государственно-конфессиональных отношений.

Дискурс религиозных организаций, связанных с государством через механизмы институционального взаимодействия демонстрирует явную сдержанность в обсуждении темы депортаций и репрессий, когда речь идет о федеральном уровне репрезентации Дня Победы. Если на локальном уровне (в соответствующих регионах) память о депортациях является одним из конституирующих элементов национальной идентичности и политической повестки определенных общественных сегментов, то на уровне организаций, входящих в структуру ДУМ РФ, эта тема часто вуалируется⁵, чтобы не порождать диссонанс с универсализирующим государственным нарративом, концентрирующимся вокруг общей Великой победы

⁴ «Парад Победы. Главный Муфтий Шейх Равиль Гайнутдин на трибуне Красной Площади приветствовал Парад...» // Muslim.ru. 08.06.2025. URL: <https://www.muslim.ru/articles/287/43615/> (дата обращения: 07.12.2025).

⁵ Поздравление муфтия шейха Равиля Гайнутдина с Днём Победы // Духовное управление мусульман Российской Федерации : офиц. сайт. URL: <https://dumrf.ru> (дата обращения: 10.02.2026).

советского народа. Этот подход подразумевает переосмысление сложных страниц истории, таких как «репрессии» и «коллорабационизм», а также формирование общегосударственного согласия представителей этносов и конфессий в современной России.

Анализ публичного дискурса руководства ДУМ РФ обнаруживает характерную эволюцию. В 1990-е гг., в условиях постсоветской плюрализации исторического знания, тема коллорабационизма могла обсуждаться сравнительно открыто — в контексте более широкой ревизии советского наследия.

Однако начиная с середины 2000-х гг., по мере развития государственно-конфессиональных отношений и формирования патриотического консенсуса, риторика официальных исламских институтов приобретает всё более четко направленный патриотический общероссийский характер. В обращении председателя ДУМ РФ Р. Гайнутдина к 70-летию Победы этот сдвиг зафиксирован предельно отчетливо: «Мусульмане нашей страны вместе с представителями других конфессий грудью встали на защиту Отечества. Их подвиг — неотъемлемая часть общей Победы»⁶. В этом высказывании показательно как утверждение единства, так и отсутствие какого-либо упоминания о тех мусульманах, которые оказались по другую сторону фронта. Тема коллорабационистских формирований не опровергается и не оспаривается, а просто не вводится в поле допустимого высказывания [Миллер, Ефременко 2020].

Ислам сегодня позиционируется как ценностно-идеологический ресурс, который исторически всегда выступал на стороне России против внешних угроз, будь то нацизм в прошлом или международный терроризм в настоящем. Политический прагматизм современной интерпретации событий военных лет заключается также в стремлении официальных исламских структур претендовать на монополию высказывания от лица уммы. Выстраивая прямую преемственность от патриотического духовенства времен войны к современным муфтиям, ДУМ РФ укрепляет свою институциональную субъектность и традиционную легитимность.

Это позволяет маргинализировать альтернативные, оппозиционные или радикальные исламские дискурсы, которые могут апеллировать к противоположной риторике или использовать исторические обиды для мобилизации протестных настроений. В частности, организация «Хизб ут-Тахрир»⁷ активно использует нарратив о депортациях крымских татар и репрессиях против мусульман для делегитимации российской государственности

⁶ Гайнутдин Р. Обращение председателя Духовного управления мусульман Российской Федерации и Совета муфтиев России муфтия шейха Равиля Гайнутдина по случаю празднования 70-летия Победы в Великой Отечественной войне // Ислам Минбаре. 2015. № 5 (235). 25 мая. URL: <https://idmedina.ru/medina/?6441> (дата обращения: 13.04.2026).

⁷ «Хизб ут-Тахрир аль-Ислами» — организация, признанная террористической и запрещенной на территории Российской Федерации (решение Верховного Суда РФ от 14 февраля 2003 г.).

и продвижения идеи халифата. Движение «Таблиги Джамаат»⁸ в своих заявлениях акцентирует тему исторической несправедливости по отношению к мусульманским народам.

В условиях информационного общества и доступности альтернативных источников информации государственные и религиозные институты сталкиваются с необходимостью более тонкой настройки исторической политики. Простое замалчивание становится неэффективным, что вынуждает искать новые формы коммеморации, способные интегрировать травму в патриотический нарратив без ущерба для лояльности государству.

Примером такого подхода может служить последовательная интеграция образов мусульман-героев войны — от снайпера Алии Молдагуловой до летчика Амет-Хан Султана — в институциональный дискурс ДУМ РФ.⁹ Эти фигуры позиционируются не только как национальные герои конкретных народов, но и как представители единой российской уммы, чей подвиг свидетельствует о неразрывной связи ислама и российской государственности. Этот подход позволяет переключить фокус публичного дискурса с травматических аспектов истории на героические, не вступая в конфликт с государственным нарративом и одновременно укрепляя позиции конфессиональных институтов.

Особенно показательным примером, иллюстрирующим механизм институционального урегулирования потенциальных конфликтов между исламской нормативностью и государственными коммеморативными практиками, стало отношение мусульманских структур к акции «Бессмертный полк». На этапе становления этой формы гражданской коммеморации в начале 2010-х гг. она вызвала определенную настороженность со стороны ряда мусульманских религиозных организаций. Последние ставили вопрос о допустимости публичного несения портретов умерших, усматривая в этом противоречие с нормами исламской традиции, настороженно относящейся к изображениям людей. Отдельные деятели высказывали сомнения в том, что подобная практика совместима с шариатом, квалифицируя ее как элемент культа, чуждый мусульманскому мировоззрению. Данная ситуация представляла собой потенциально конфликтный узел: формально легитимное религиозное возражение могло быть использовано для дистанцирования мусульманского сообщества от ключевой общенациональной коммеморативной практики, а следовательно, — для «раскачивания» исламского фактора в контексте политики памяти.

Однако эти опасения были достаточно быстро нивелированы — и нивелированы именно при активном участии официальных исламских

⁸ «Таблиги Джамаат» — организация, признанная экстремистской и запрещенной на территории Российской Федерации (решение Верховного Суда РФ от 7 мая 2009 г.).

⁹ Гайнутдин Р.И. Великая Победа – национальное достояние российского народа / муфтий шейх Равиль Исмагилович Гайнутдин // Духовное управление мусульман Российской Федерации : офиц. сайт. 2015. 7 мая. URL: <https://dumrf.ru/common/speech/9285> (дата обращения: 21.04.2026).

институтов, которые не только сняли канонические возражения, но и интегрировали акцию в собственный мемориальный дискурс, представив участие мусульман в акции «Бессмертный полк» как естественное продолжение традиции почитания предков и выражение благодарности павшим защитникам Отечества. Р. Гайнутдин неоднократно подчеркивал, что память о героях — это не идолопоклонство, а исполнение нравственного долга, совместимое с исламскими ценностями¹⁰.

Это демонстрирует формы участия институционализированных российских исламских организаций в механизмах политики памяти: потенциально конфликтная ситуация, порожденная расхождением между религиозной нормой и государственной коммеморативной практикой, была урегулирована через институциональный диалог и публичное переопределение теологических границ допустимого. Тем самым попытка радикализации исламского фактора — вычленения мусульманского сообщества из общенационального мемориального поля через апелляцию к религиозным разногласиям — не получила институциональной поддержки. Более того, успешное урегулирование этого эпизода укрепило позиции ДУМ РФ как конструктивного актора, способного гармонизировать конфессиональные нормы с государственным нарративом.

Заключение

Исторический опыт времен Великой Отечественной войны изначально носил амбивалентный характер, сочетая масштабный патриотический подъем мусульманского духовенства и верующих с драматичными эпизодами, обусловленными логикой военного времени. Советский «религиозный разворот» 1943–1944 гг., заложил институциональную модель государственно-конфессиональных отношений, ключевые контуры которой воспроизводятся и в современной России. Именно тогда сформировался устойчивый образ мусульманина-патриота, интегрированного в общегражданское пространство, а сотрудничество духовенства и государства в условиях экзистенциальной угрозы стало символическим прецедентом, к которому апеллируют современные исламские институты.

Современный дискурс институционализированных исламских организаций России строится на стратегии политики памяти, где героизация участия мусульман в Великой Отечественной войне выполняет двойную функцию: с одной стороны, подтверждает мусульманскую идентичность как часть общероссийской идентичности, с другой — укрепляет роль исламских организаций в системе государственно-конфессиональных отношений. Интеграция образов мусульман-героев войны в институциональный дискурс, концепция «единого

¹⁰ «Парад Победы. Главный Муфтий Шейх Равиль Гайнутдин на трибуне Красной Площади приветствовал Парад...» // Muslim.ru. 2025. 8 мая. URL: <https://www.muslim.ru/articles/287/43615/> (дата обращения: 07.12.2025).

вклада народов и конфессий в Великую Победу» — всё это образует последовательный консолидирующий нарратив.

Выстраиваемая таким образом политика памяти обладает очевидным прикладным значением: она формирует смысловой барьер против попыток внешних и радикальных акторов использовать сложные страницы истории для мобилизации протестных настроений и делегитимации российской государственности.

Таким образом, современная модель репрезентации исламского фактора в Великой Отечественной войне в дискурсе российских исламских институтов представляет собой зрелый пример конструирования непротиворечивого прошлого, в котором конфессиональная идентичность органично встраивается в общероссийскую гражданскую идентичность. Ислам выступает здесь не как обособленный сегмент культурного пространства, а как полноценный ресурс общественной консолидации, основанный на историческом опыте совместной защиты Отечества. Героизация прошлого, институциональный диалог и теологическая рефлексия над границами допустимого превращают память о войне в действенный инструмент укрепления межконфессионального и межнационального согласия, а сам исламский фактор — в элемент цивилизационной идентичности России.

Поступила в редакцию / Received: 14.12.2025

Доработана после рецензирования / Revised: 10.03.2026

Принята к публикации / Accepted: 15.03.2026

Библиографический список

- Ахмадуллин В.А. Патриотическая деятельность мусульман России в годы Великой Отечественной войны (по материалам Совета по делам религиозных культов при СНК СССР) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2016. Т. 15. № 1. С. 91–100. EDN VXKSFH.
- Ахмадуллин В.А. Деятельность советского государства по награждению мусульман за разгром гитлеровской Германии: уроки для национальной безопасности России // Гуманитарный вестник. 2016. № 4 (42). С. 1. <http://doi.org/10.18698/2306-8477-2016-4-354>.
- Дьяченко Л.Н. Депортация народов Северного Кавказа в годы Великой Отечественной войны // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2013. № 1. С. 115–123. EDN QBCCLH.
- Ковалев Б.Н., Феферман К.М. Исламский и тюркский факторы в нацистской пропаганде на оккупированной территории России (1941–1944 гг.) // Новейшая история России. 2020. Т. 10. № 2. С. 320–335. <http://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2020.205>.
- Малашенко А.В. Исламское возрождение в современной России. Москва : Московский Центр Карнеги*, 1998. 222 с. (*Министерство юстиции РФ внесло «Фонд Карнеги за международный мир» (иноагент) в реестр нежелательных организаций).
- Миллер А.И., Ефременко Д.В. Политика памяти в современной России и странах Восточной Европы. Акторы, институты, нарративы : коллективная монография / под ред. А.И. Миллера, Д.В. Ефременко. СПб. : Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2020. 632 с.

- Мотадель Д. Ислам в политике нацистской Германии (1939–1945) / пер. с англ. А. Космарского; под науч. ред. А. Захарова. Москва : Изд-во Института Гайдара, 2020. 400 с.
- Оганесян Н.О. Политика империалистических держав на Арабском Востоке в годы Второй мировой войны (1939–1945). Ереван : Изд-во АН АрмССР, 1980. 239 с.
- Романько О.В. Мусульманские легионы во Второй мировой войне. Москва : АСТ; Транзиткнига, 2004. 312 с.
- Assmann A. Transformations of the Modern Time Regime // *Breaking up Time: Negotiating the Borders between Present, Past and Future* / ed. by C. Lorenz, B. Bevernage. Göttingen : Vandenhoeck & Ruprecht, 2013. P. 39–56. <http://doi.org/10.13109/9783666310461.39>.
- Connerton P. *How Societies Remember*. Cambridge : Cambridge University Press, 1989. 125 p. <http://doi.org/10.1017/CBO9780511628061>.
- Nora P. Between Memory and History: Les Lieux de Mémoire // *Representations*. No. 26. P. 7–24. <http://doi.org/10.2307/2928520>.
- Niqueux M. (coord.). *Religion et Nation. Parcours identitaires, discours des témoins*. Caen, Université de Caen — Pôle Identité-Mémoire, Cahiers de la Maison de la Recherche en Sciences humaines 43, 2005, 225 p.
- Ro'i Y. *Islam in the Soviet Union: From the Second World War to Gorbachev*. New York : Columbia University Press, 2000. 792 p.

References

- Akhmadullin, V.A. (2016). Patriotic activity of Russian Muslims during the Great Patriotic War (Based on materials from the Council for Religious Cults under the Council of People's Commissars of the USSR). *RUDN Journal of Russian History*, 15(1), 91–100. (In Russian). EDN: VXKSFH.
- Ahmadullin, V.A. (2016). The activity of the Soviet state in awarding Muslims for defeating Nazi Germany: Lessons for Russia's national security. *Humanities bulletin of BMSTU*, (4), 1-13. (In Russian). <https://doi.org/10.18698/2306-8477-2016-4-354>
- Assmann, A. (2013). Transformations of the modern time regime. In C. Lorenz & B. Bevernage (Eds.), *Breaking up time: Negotiating the borders between present, past and future* (pp. 39–56). Vandenhoeck & Ruprecht. <https://doi.org/10.13109/9783666310461.39>
- Connerton, P. (1989). *How societies remember*. Cambridge: Cambridge University Press. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511628061>
- Dyachenko, L.N. (2013). Deportation of the peoples of the North Caucasus during the Great Patriotic War. *Izvestiia Tula State University. Humanities Sciences*, (1), 115–123. (In Russian). EDN QBCCLH.
- Kovalev, B.N., & Feferman, K.M. (2020). Islamic and Turkic factors in the German propaganda in the occupied territory of Russia (1941–1944). *Modern History of Russia*, 10(2), 348–365. (In Russian). <http://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2020.205>.
- Malashenko, A.V. (1998). *Islamic revival in contemporary Russia*. Moscow: Carnegie* Moscow Center. (In Russian). (*The Russian Ministry of Justice added the Carnegie Endowment for International Peace, designated as a foreign agent, to the registry of undesirable organizations).
- Motadel, D. (2020). *Islam in Nazi Germany's politics (1939–1945)* (A. Kosmarskii, Trans.; A. Zakharov, Scientific Ed.). Moscow: Gaidar Institute Publishing House, 400 p. (In Russian).
- Miller, A.I., & Efremenko, D.V., (Eds.). (2020). *Memory politics in contemporary Russia and Eastern European countries: Actors, institutions, narratives* (Collective monograph). European University at St. Petersburg Publishing House, 632 p. (In Russian).
- Niqueux, M. (Ed.). (2005). *Religion and Nation: Identity Paths, Witnesses'. Discourses*. Caen: University of Caen — Identity–Memory Pole. Cahiers de la Maison de la Recherche en Sciences humaines, 43.

- Nora, P. (1989). Between memory and history: Les lieux de mémoire. *Representations* (26), 7–24. <https://doi.org/10.2307/2928520>
- Oganesyan, N.O. (1980). *Politics of imperialist powers in the Arab East during World War II (1939–1945)*. Publishing House of the Academy of Sciences of the Armenian SSR, 239 p. (In Russian).
- Romanko, O.V. (2004). *Muslim legions in World War II*. Moscow: AST; Transitkniga, 312 p. (In Russian).
- Ro'i, Y. (2000). *Islam in the Soviet Union: From the Second World War to. Gorbachev*. Columbia University Press, 792 p.

Сведения об авторах:

Мchedлова Мария Мирановна — доктор политических наук, профессор, заведующая кафедрой сравнительной политологии, Российский университет дружбы народов; главный научный сотрудник Центра комплексных социальных исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (e-mail: mchedlova-mm@rudn.ru) (ORCID: 0000-0002-4635-1741)

Олимзода Сорбони Шамсиддин — ассистент кафедры сравнительной политологии факультета гуманитарных и социальных наук, Российский университет дружбы народов (e-mail: sorbon.science@mail.ru) (ORCID: 0009-0003-1835-4755)

About the authors:

Maria M. Mchedlova — Doctor of Political Sciences, Professor, Head of the Department of Comparative Political Science, RUDN University; Chief Researcher at the Center for Comprehensive Social Research of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (e-mail: mchedlova-mm@rudn.ru) (ORCID: 0000-0002-4635-1741)

Sorboni Sh. Olimzoda — assistant professor Department of Comparative Politics, RUDN University (e-mail: sorbon.science@mail.ru) (ORCID: 0009-0003-1835-4755)

DOI: 10.22363/2313-1438-2026-28-2-378-395

EDN: VPBFWB

Научная статья / Research article

Политика памяти на уровне местных сообществ в современной России: опыт Урала и Сибири

М.Ю. Мартынов¹ , А.И. Габеркорн¹ , Л.А. Фадеева²

¹Сургутский государственный университет, Сургут, Российская Федерация

²Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь,
Российская Федерация

✉ lafadeeva2007@yandex.ru

Аннотация. Авторы характеризуют понятия «историческая политика» и «политика памяти» и рассматривают их воздействие на коллективную память местных сообществ Сибири (г. Лянтор Сургутского района Ханты-Мансийского автономного округа-Югры) и Урала (г. Кудымкар в Пермском крае). Исследование проводилось на основе анализа нормативно-правовых актов регионального и локального уровня, отчетных материалов о проведенных мероприятиях учреждений и организаций, экспертных интервью и массового опроса в г. Лянтор. Авторы исследуют соотношение гражданской и локальной идентичности как результат политики памяти на уровне местных сообществ, используя в качестве маркеров такой политики программы и мероприятия. Особое внимание отводится в статье институтам и акторам политики памяти, таким как культурные учреждения, общественные организации. Коллективная память с ее эмоционально-аффективными компонентами является результатом совокупности процессов и может включать мифологическую составляющую, что особенно проявляется в отношении этнической идентичности, в контексте статьи в коми-пермяцком кейсе. Эффективность политики памяти определяется по тому, насколько она позволяет соотнести разные идентичности, которые консолидируют, а не разъединяют локальные сообщества.

Ключевые слова: историческая политика, политика памяти, местные сообщества, институты, акторы, этническая идентичность, культура, Кудымкар, Лянтор

Благодарности. Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект № 25-28-20086 «Историческая политика местных сообществ и формирование региональной и общенациональной идентичности»).

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

© Мартынов М.Ю., Габеркорн А.И., Фадеева Л.А., 2026

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Для цитирования: Мартынов М.Ю., Габеркорн А.И., Фадеева Л.А. Политика памяти на уровне местных сообществ в современной России: опыт Урала и Сибири // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2026. Т. 28. № 2. С. 378–395. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2026-28-2-378-395> EDN: VPBFWB

Local Memory Politics in Contemporary Russia: Evidence from the Urals and Siberia

Mikhail Yu. Martynov¹ , Alyena I. Gaberkorn¹ , Liubov A. Fadeeva²

¹Surgut State University, Surgut, Russian Federation

²Perm State National Research University, Perm, Russian Federation

✉ lafadeeva2007@yandex.ru

Abstract. The authors characterize the concepts of “historical politics” and “memory politics”, and examine their impact on the collective memory of local communities in Siberia (Lyantor, Surgut District, Khanty-Mansi Autonomous Okrug-Yugra) and the Urals (Kudymkar, Perm Krai). The study was conducted based on an analysis of regional and local legal acts, reports on events held by institutions and organizations, expert interviews, and a mass survey in the town of Lyantor. The authors examine the relationship between civic and local identity as a result of memory politics at the local community level, using programs and events as markers of such politics. The article devotes special attention to institutions and actors engaged in memory politics, such as cultural institutions and public organizations. Collective memory, with its emotional and affective components, is the result of a complex set of processes and can include a mythological component, which is particularly evident in relation to ethnic identity, in the context of the article’s study of the Komi-Permyak case. The effectiveness of memory politics is determined by the extent to which it enables the reconciliation of different identities that consolidate, rather than divide, local communities.

Keywords: historical politics, memory politics, local communities, institutions, actors, ethnic identity, culture, Kudymkar, Lyantor

Acknowledgements. This research was supported by the Russian Science Foundation (Project No. 25-28-20086 “Historical Policy of Local Communities and the Formation of Regional and National Identity”).

Conflicts of interest. The authors declare no conflicts of interest.

For citation: Martynov, M.Yu., Gaberkorn, A.I., & Fadeeva, L.A. (2026). Local memory politics in contemporary Russia: Evidence from the Urals and Siberia. *RUDN Journal of Political Science*, 28(2), 378–395. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2026-28-2-378-395> EDN: VPBFWB

Введение

«Поворот к памяти», зафиксированный в истории, политологии, социологии в XXI в. имеет многолетнюю и сложную предысторию. Понятия «историческая политика» (*Geschichtspolitik*), «политика памяти» (*politique de mémoire*) и «коллективная память» (*mémoire collective*) часто используются как синонимы,

но обладают разной онтологией и функциями. Сами термины, как можно судить по этимологии слов, принадлежат разным страновым и дисциплинарным традициям [Ферро 1992; Dixon, Hales 2014]. *Geschichtspolitik* исходит из германского опыта «спора историков» и попыток сформировать позитивные основания немецкой идентичности; неслучайно термин был подхвачен польскими историками, распространен в Восточной Европе, сопряжен с формированием институтов, оформлением нормативно-правовой базы. В XXI в. историческая политика понимается как целенаправленные практики государственных акторов по утверждению доминирующих интерпретаций прошлого с использованием административных, финансовых и символических ресурсов [Миллер 2009].

Политика памяти понимается как «государственный и негосударственный (осуществляемый негосударственными акторами) курс по выстраиванию исторической памяти, общие представления членов политического сообщества о своем прошлом»; акцент при этом делается на взаимодействии разных акторов в выстраивании знаковых событий, символических маркеров коллективной памяти [Самаркина 2017: 666].

Степень изученности проблемы

Существует обширный пул исследований памяти, в этом научном поле идут острые дискуссии не только по причине его сложности и постоянного расширения объектов исследования — от фокуса на национальной памяти и идентичности до социальных общностей разного типа [Васильев 2012], но и ввиду включения исторических реалий в политический и публичный дискурсы. Коллективная память как понятие анализируется многими видными учеными: наряду с такими мэтрами, как А. Ассман, Я. Ассман, П. Нора, М. Хальбвакс, Ю. Шеррер, значительных результатов в исследовании политики памяти добились российские ученые А.И. Миллер, О.Ю. Малинова, Д.В. Ефременко, И.С. Семенов и др. [Ассман 2014; Нора 2005; Хальбвакс 2005; Шеррер 2009]. В дискуссии о политизации истории четкую позицию озвучила О.Ю. Малинова: политика работает не с прошлым, а с коллективными представлениями о прошлом [Малинова 2018]. Сами эти представления могут конструироваться, а традиции — изобретаться (Э. Хобсбаум). Специальный выпуск издания «Символическая политика» посвящен изобретению традиций в современной России. [Символическая политика... 2012].

Коллективная память сопряжена с идентичностью и как элемент общественного сознания, и как научная категория, она может быть исследована и определена через категорию идентичности: понимание своей принадлежности к социальной общности, с которой разделяются ценности, смыслы, представления о значимых событиях, людях, символах [Семенов 2018; Семенов 2020; Титов 2017; Идентичность... 2017; Сыров и др. 2019].

Региональное измерение политики памяти и коллективной идентичности характеризуется в целом ряде исследований [Назукина 2011; Аникин 2018; Аникин 2012; Политика памяти в России... 2023]. М.В. Назукина, анализируя

процессы на региональном и локальном уровнях, фокусирует внимание на том, что активную роль играют «не только органы государственной власти и местного самоуправления, но и образовательные и культурно-просветительские учреждения, бизнес-структуры, СМИ, общественные организации и гражданские инициативы». Она отмечает значимость таких факторов, как культурно-исторические особенности регионального или локального сообщества, экономическая специализация, природно-климатическое своеобразие и ряд других [Назукина 2018]. Коллективная монография «Политика памяти в России — региональное измерение» под ред. А.И. Миллера, О.Ю. Малиновой, Д.В. Ефременко включает такую проблематику, как тематический репертуар политики памяти в регионах современной России, структуры взаимодействия локальных и федеральных акторов по проблемам политической интерпретации исторического прошлого, на широкой эмпирической базе представляет политику памяти в 7 макрорегионах, определяет значимость изучения локального измерения политики памяти [Политика памяти... 2023].

На уровне местных сообществ необходимо учитывать эмоционально аффективную природу коллективной памяти, для которой важны мифы, травмы, герои, а семейная память может быть сильнее того, что транслируется сверху. В памяти о Великой Отечественной войне, согласно исследованиям, 70 % воспоминаний формируются под воздействием семейных историй как о воевавших родственниках, так и об испытаниях военной поры, выпавших на долю тех, кто жил и трудился в тылу [Рубцова 2017].

Авторы ставят своей целью проследить взаимосвязь исторической политики, политики памяти и коллективной памяти на примере локальных сообществ — г. Лянтор Сургутского района Ханты-Мансийского автономного округа-Югры и г. Кудымкар, столицы Коми-Пермяцкого округа в Пермском крае. Оба города немногочисленные по количеству жителей — чуть больше 40 тыс. в Лянторе, чуть меньше 30 тыс. в Кудымкаре, но значимые для своего региона. Прием сравнительного исследования позволяет получить сопоставимые данные о влиянии исторической политики на политику памяти и формирование общенациональной и локальной идентичности.

Разделяемые Уральскими горами, но географически близкие, уральский и югорский регионы имеют схожие природные условия, похожие черты в экономических укладах и социально-демографической структуре населения, а также общие траектории исторического развития, что не может не отражаться в идентификационных процессах.

Жителей обоих регионов объединяет не только проживание в суровых природных условиях, но и ощущение фронта: наличия пласта древней, еще языческой, культуры, существовавшей до освоения этих земель русскими и сохранившейся в мифологии. Общим условием формирования идентичности регионов выступает и их многонациональный состав, причем воспринимаемый в обоих случаях не как риски для идентичности, а как ее неотъемлемая базовая ценность.

В то же время есть и немало различий. Если идентичность Урала формировалась как «опорный край державы» с многовековой историей промышленного

освоения, с «длинной» исторической памятью и укорененным населением, то Югра — регион нового освоения (нефтегазовый «Клондайк»), чья современная идентичность сформировалась во второй половине XX в. Более высокая миграционная динамика в Ханты-Мансийском автономном округе создает базу формирования своеобразной субидентичности «вахтовика» в пике доминирующей идентичности, нарочито декларирующей отсутствие глубокой привязанности к территории.

Сопоставление исторической политики двух территорий позволяет определить, влияют ли эти различия на особенности протекания в них идентификационных процессов или в них превалируют общие черты.

Лянторский опыт политики памяти

Лянтор — бывший рабочий поселок Лянторский, возникший в 1967 г. на территории крупнейшего нефтегазового месторождения, — получил городской статус сравнительно недавно — в 1992 г. Как продукт поздней советской индустриализации он не имеет глубокой исторической традиции, способной стать основой культурной или коммуникативной памяти. Поэтому идентичность здесь строилась не на преемственности поколений, а на мифологеме первопроходцев, основу которой составляет гордость за покорение природы и создание города «с нуля» в сложных климатических условиях.

В качестве метода исследования политики идентичности и политики памяти в г. Лянторе применялся анализ нормативно-правовых актов органов муниципальной власти. Качественное социологическое исследование осуществлялось в ноябре 2025 г. методом фокусированного индивидуального интервью ($N = 30$). Использованы результаты вторичного анализа массового социологического опроса, проведенного в феврале 2025 г. в виде анкетного опроса с рассылкой через интернет и последующим отбором респондентов, проживающих в г. Лянторе, в выборочную совокупность ($N = 220$).

Институциональный каркас исторической политики г. Лянтора формируется деятельностью департамента внутренней и информационной политики Сургутского района. В нормативно-правовом плане обеспечение политики гражданской идентичности, политики памяти и межнационального согласия регулируется посредством реализации муниципальных программ.

Региональная идентичность средствами исторической политики Лянтора строится на дихотомии «модернизация — традиция». Ее образуют два ключевых нарратива. С одной стороны — героизация эпохи нефтяного освоения Севера. С другой — культивируется образ территории древних культур ханты и других КМНС через деятельность Лянторского этнографического музея, праздники («Вороний день») и поддержку ремесел. Это создает уникальный «бренд» территории и легитимирует присутствие индустриального общества на землях коренных народов. Эти нарративы отражаются в топонимике (улицы Назаргалиева, Белоножкина), памятниках (нефтекачалки, стелы), а также в деятельности Лянторского хантыйского этнографического музея и праздниках

(«Вороний день», «День рыбака и охотника»). Такой подход позволяет жителям, включая многонациональных мигрантов, ощущать связь с локальной историей и средой. Топонимика (ул. Дружбы народов, ул. Согласия) выполняет символическую функцию закрепления этой установки.

Важной частью исторической политики выступают и мероприятия в контексте СВО. Это сбор гуманитарной помощи, торжественные мероприятия, благотворительные концерты, фотовыставки. Увековечивается память бойцов СВО. При школах появились памятные места с мемориальными досками, посвященными ученикам, погибшим в зоне боевых действий. Созданная общественная организация «Ветераны боевых действий Лянтора» стала участником патриотического воспитания.

Вместе с тем некоммерческие организации, в том числе национально-культурные автономии, принимают слабое участие в исторической политике, организуемой главным образом муниципальными учреждениями.

Коллективная память

Судя по результатам опроса, у респондентов в качестве идентификационных символов преобладает гордость за Победу в ВОВ (22,3 %) и историю страны (19,4 %). Гражданская (96,5 %), национальная (94,7 %) и региональная (91,1 %) идентичности успешно совмещаются. Больше всего респондентов гордится участием своих предков в Великой Отечественной войне (38,2 %) и их добросовестным трудом в военные/послевоенные годы (30,9 %). Большая часть опрошенных знает историю семьи, начиная с дедушек и бабушек (59,6 %), а еще почти треть респондентов (31,6 %) указала, что знакома с историей нескольких поколений.

Семейные истории, рассказанные в ходе интервью, отличает особая теплота. Большая их часть относится к воспоминаниям о войне. *«Особую гордость в нашей семье вызывает история прадеда. Он был разведчиком и прошел всю войну... его имя значится на мемориале героев, и это для нас большая честь», «У меня два прадеда прошли полностью войну... дед баянистом был. И он с собой свой баян привез, который очень долго в семье хранился», «Послевоенное время для семьи, как и для всей страны, было периодом восстановления. Вспоминая рассказы, я понимаю, что это было время тяжелого труда и надежд на светлое будущее».*

Соответственно, недовольство лянторцев вызывает ненадлежащий вид ряда памятников, отсутствие в городе Вечного огня, отмена в 2025 г. шествия «Бессмертного полка»: *«Мы всей семьей ждали этот день, чтобы почтить память наших предков, готовили фотографии... А его взяли и отменили, как так можно?», «Вот в Сургуте был и автопробег, и „Бессмертный полк“, а у нас... просто позорище!».*

Почти все опрошенные отмечали, что Лянтор — это многонациональный город *«все мы, несмотря на различные национальности, являемся жителями одного города — лянторцами».*

Тем не менее проведенное исследование, наряду с выводом о системном характере политики памяти, осуществляемой в Лянторе, позволяет говорить и о наличии ряда лакун. Вне поля зрения исторической политики оказывается история повседневности и труда. С точки зрения опрошенных, недостаточно внимания уделяется сохранению памяти о трудовых подвигах нефтяников, строителей города, истории быта разных поколений лянторцев. Праздник «День нефтяника» утратил массовость. При высокой значимости для жителей города трудовой биографии, ценностей труда, социальной справедливости и модернизации наблюдается недостаточное включение трудовых и семейных нарративов в коллективные представления о прошлом.

Коми-пермский кейс

Обстоятельный анализ политики памяти в Прикамье (как называют Пермский край, ранее — Пермскую область) дала О.Ю. Малинова в коллективной монографии «Политика памяти в России — региональное измерение» [Политика памяти... 2023], однако он относится преимущественно к Перми. Между тем соединение в Прикамье общероссийских трендов с региональной спецификой выразилось одновременно в поддержке индустриальной истории Прикамья и этнокультурного наследия коми-пермяков. Даже название города Пермь происходит от коми-пермского парма (тайга), а название города Кудымкар переводится с коми-пермского как «город возле реки Кува». Первые упоминания о Кудымкаре относят к 1579 г.¹ Известный географ и картограф Иван Яковлевич Кривошеков по сведениям 1897 г. написал «Летопись села Кудымкар», откуда и черпают сведения о происхождении названия города и вехах его истории. Статус города Кудымкар получил в 1938 г.

В 1925–1977 гг. Кудымкар был столицей Коми-Пермского национального округа, затем Коми-Пермского автономного округа; с 2005 г. — Коми-Пермского округа как административно-территориального образования с особым статусом в составе Пермского края. По мнению ученых, создание в 1925 г. Коми-Пермского автономного округа со столицей в г. Кудымкаре (первого национального округа в стране) [Каменских 2021] было «стимулом к развитию таких идей и нарративов, которые позволяли коренному населению — коми-пермякам воспринимать себя как территориально консолидированное сообщество», что влияло на культурную память, выстраивание идентичности и реальность, проявляясь в сферах образования, досуга и брендинга территории. [Рязанова, Юрганов 2019: 132]. Политика памяти осуществляется на территории всего округа, однако основные программы, проекты, организации, инициаторы, активисты действуют в Кудымкаре.

Именно в Кудымкаре были созданы первые общественные национально-культурные организации — «Общество радетелей коми-пермского языка

¹ Городу Кудымкару 75 лет. URL: <https://www.komi-permarchiv.ru/index.php?page=gorodukudymkaru-75-let> (дата обращения: 14.01.2026).

и культуры «Югөр» (1988 — наст. время), в период с 2001 по 2008 г. действовала общественная организация «Коми-Пермяцкий народ», активны АНО «Центр поддержки культурных и социальных проектов «АРТкад» (Время создавать); АНО «Центр сохранения и развития культурного наследия „Увтыр“ (Род)».

Нормативно-правовая база политики по обеспечению сохранения этнической идентичности коми-пермяцкого народа представлена в Уставе Пермского края от 27 апреля 2007 г.: об ответственности властей за условия для сохранения и развития языка, духовной культуры и иных составляющих этнической самобытности коми-пермяцкого народа; о возможности использования в официальных сферах общения на территории Коми-Пермяцкого округа наряду с русским коми-пермяцкого языка². В 2025 г. принят закон «О регулировании отдельных вопросов в области нематериального этнокультурного достояния на территории Пермского края», регулирующий поддержку учреждений культуры, охрану разнообразия и работу с наследием на региональном уровне. Эти документы определяют полномочия Министерства по делам Коми-Пермяцкого округа по возрождению промыслов, СМИ на родном языке и образовательных учреждений.

Ключевыми акторами являются органы государственной власти Пермского края, включая Министерство культуры, Министерство по делам Коми-Пермяцкого округа и администрацию Кудымкарского муниципального округа. Коми-Пермяцкий этнокультурный центр³ и Коми-Пермяцкий краеведческий музей им. П.И. Субботина-Пермяка⁴ играют важную роль в сохранении памяти. Активизация работы с национальным материалом постоянно идет в Коми-Пермяцком национальном драматическом театре им. М. Горького. В настоящее время в репертуаре театра 5 спектаклей на коми-пермяцком языке⁵. Театр является предметом гордости кудымкарцев, он обладает сильной труппой, получает награды на российских и международных театральных конкурсах, проводит фестивали национальных театров на своей сцене, которая оснащена по последнему слову техники. Сегодня зрителю не так-то просто приобрести в театр билеты, а в его цехах и на сцене беспрестанно кипит работа и ведется подготовка к новым премьерам⁶.

Политика памяти соответствует общероссийским трендам, прежде всего, в том, что относится к памяти о Великой Отечественной войне. В Книге памяти приводятся данные, что из Коми-Пермяцкого округа было призвано около

² Устав Пермского края от 27 апреля 2007 г. № 32-ПК (с изменениями и дополнениями). URL: https://constitution.garant.ru/region/ustav_perm/chapter/43c951d8803e4d3c0a4d98e76e8fcc55/ (дата обращения: 20.02.2026).

³ Коми-Пермяцкий этнокультурный центр : офиц. сайт. URL: <https://etnokpo.ru/contact> (дата обращения: 20.02.2026).

⁴ Коми-Пермяцкий краеведческий музей им. Петра Ивановича Субботина-Пермяка : офиц. сайт. URL: <https://www.subbotin-permyak.com> (дата обращения: 20.02.2026).

⁵ Коми-Пермяцкий театр. URL: офиц. сайт. <https://teatrko.ru> (дата обращения: 20.02.2026).

⁶ Перемена. Пермь. URL: <https://peremena-perm.ru/proekty/specproekty/pedagog-tur/kudymkar-hranitel-komi-permyackoj-kultury> (дата обращения: 20.02.2026).

32 500 человек, из них 19 983 человека (62 %) погибли или пропали без вести⁷. Округ принял более 10 тыс. эвакуированных из 22 регионов. Двухтомное издание Книги памяти стало важным событием в политике памяти: в первом томе в алфавитном порядке и в исторической хронологии перечисляются фамилии воинов, погибших в войнах и военных конфликтах, призванных в городе Кудымкаре и Кудымкарском районе, второй том содержит списки погибших по Гайнскому, Косинскому, Кочёвскому, Юрлинскому и Юсьвинскому районам. В Кудымкаре есть Мемориал Победы — ансамбль памятников, посвященных погибшим в годы Великой Отечественной войны и Аллея Славы, посвященная 13 Героям Советского Союза — уроженцам Коми-Пермяцкого округа. В рамках этого мемориального комплекса установлен памятный знак бойцам СВО; в память о погибших в СВО устанавливаются мемориальные таблички на зданиях школ, где они учились.

В шествии «Бессмертного полка» в День Победы в 2025 г. в Кудымкаре приняли участие более 5 тыс. человек⁸.

80-летию Победы в Великой Отечественной войне и 100-летию создания Коми-Пермяцкого округа были посвящены в 2025 г. Кривощёковские историко-архивные чтения. Программа к юбилею округа включала свыше 160 мероприятий, в том числе фестивали «Акань», «Бур сур», «Зажинки»; в Кудымкаре прошел форум «Русский мир»; театральные фестивали «Любитом 2025», выставки, концерты и гастротесты, которые фокусировались на традициях, ремеслах и современном творчестве.

«Наши фестивали — это возможность для всех нас лучше понять, как жили и живут люди в Коми-Пермяцком округе, за что они так любят и ценят свое наследие, — заявила Татьяна Санникова, генеральный директор Пермского дома народного творчества «Губерния». — Но наши мероприятия — это не только про старину, но и про будущее культуры Коми-Пермяцкого округа»⁹.

Коллективная память и региональная идентичность

В коми-пермяцком народном эпосе есть свои культурные герои — Перабогатырь и Кудым-ош, обладавшие силой, умом и справедливостью. В 2008 г. в Кудымкаре открыт памятник одному из этих мифологических национальных героев. На монументе Кудым-Ош изображен выходящим из гигантской книги в сопровождении медведя и филина. Коми-пермяцкий писатель В.В. Климов написал пьесу «Легенда о Кудым-Оше», по которой режиссер Коми-Пермяцкого национального драматического театра С. Андреев поставил одноименный

⁷ Российская Федерация. Коми-Пермяцкий автономный округ. Книга памяти : [в 2 т.] / [редкол.: пред.: В.В. Рычков и др.]. Кудымкар : Коми-Пермяц. кн. изд-во, 2005.

⁸ День Победы в Коми-Пермяцком округе: как это было. URL: <https://komiperm100.ru/den-pobedy-v-komi-permyaczkom-okruga-kak-eto-bylo/> (дата обращения 20.02.2026).

⁹ Лето, которое объединяет. URL: <https://komiperm100.ru/leto-kotoroe-obedinyayet-v-chest-100-letiya-komi-permyaczskogo-okruga-sostoyatsya-bolee-50-sobytij/> (дата обращения 20.02.2026).

спектакль, он был представлен в фестивальной афише театра. Любопытно, что образ Кудым-Оша включен в компьютерную игру «Человеколось».

Финский исследователь Сеппо Лаллукка посвятил отдельную главу своей монографии «Коми-пермяки и Коми-пермяцкий округ. История, демографические и этнические процессы» коллективной памяти, озаглавив ее «Узловые моменты коллективной памяти народа» [Лаллукка 2010]. Он описывает ситуацию с коми-пермяцким языком и культурой, использует графики и диаграммы, чтобы показать уровень функционирования коми-пермяцкого языка. В книге использованы данные массового опроса 1992 г., анализ которых показал наличие языковых комбинаций четырех групп коми-пермяков: национальных монолингвов, неассимилированных билингвов, ассимилированных билингвов и ассимилированных монолингвов, говорящих лишь по-русски, однако называющих себя коми-пермяками. Большой проблемой он считал отсутствие периодики на коми-пермяцком языке. Лишь в 1993 г. начал выходить детский журнал «Силькан» (Колокольчик) на коми и русском языках. Бывшая окружная газета «По ленинскому пути», теперь городская газета «Парма» выходит на русском языке, эпизодически публикуя отдельные странички по коми. Статистические показатели и данные проводимых социологических исследований свидетельствуют о снижении уровня владения коми-пермяцким языком, особенно среди представителей молодого поколения, сужении сферы его функционирования. Продолжаются процессы «русификации» коми-пермяцкого языка и «обрусения» средних и крупных населенных пунктов, прежде всего города Кудымкара и районных центров. Не преодолена тенденция к отказу от коми-пермяцкого языка в семье, особенно в городе Кудымкаре и районных центрах.

В рецензии на книгу Лаллукки Е.А. Цыпанов отмечает, что с 31 марта 2008 г. информационная программа «Вести–Кудымкар» ведется полностью на коми языке, появились районные газеты (ранее закрытые), среди которых отдельные странички печатаются на коми языке. С 19 февраля 2010 г. в Кудымкаре выходит еженедельная комиязычная газета «Кама кытшын» («В излучине Камы»), знаменующая восстановление периодики на коми-пермяцком языке, переведенной еще в 1950-е гг. на русский язык [Цыпанов 2011]. Позитивные изменения происходят после вхождения округа в состав Пермского края. На фокус-группах респонденты отмечали существенные сдвиги в издательском деле и в сфере образования в части обеспечения школ учебной литературой на родном языке¹⁰. Отдельное направление — исследование истории коми-пермяцкого языка, отраженное в трудах историков (М. Каменских), филологов (А.С. Лобановой и С.С. Шляховой).

Опросы общественного мнения, полевые исследования, проведенные в 2020–2021 гг., ставили целью выяснить взгляды населения округа

¹⁰ Черных А.В., Каменских М.С. Первый национальный: 100-летие Коми-Пермяцкого округа: итоги национальной политики и современные этнокультурные процессы // Этнополитическая ситуация в Российской Федерации в 2024 г. : ежегодный доклад Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов. Пермь, 2024. URL: <https://posredi.ru/itogi-nacionalnoj-politiki-v-komi-permjackom-okruge-permskij-kraj.html>

на последствия административной реформы 2005 г., согласно данным, «объединение Коми-Пермяцкого округа и Пермской области большинством опрошенных воспринимается как необратимый и объективный процесс, поддержанный федеральным центром»¹¹. Характерно, что для жителей округа на первом месте стоит гражданская идентичность, они воспринимают себя скорее, как граждане России, нежели как жители Пермского края, округа или представители своей национальности. М. Каменских делает на основании этносоциологических исследований вывод: «Коми-Пермяцкий округ наглядно демонстрирует, что уважение к локальной идентичности не угрожает единству страны, а, напротив, укрепляет его, создавая прочную основу для взаимного доверия и устойчивого развития. Эта территория уже сто лет служит экспериментальной площадкой, и ее опыт бесценен для выстраивания федеративных отношений в многонациональной стране»¹².

В деле сохранения памяти важны не только институты, но и личности. Каменских называет символической фигурой коми-пермяцкого активиста Фёдора Гавриловича Тараканова, который «настаивал, что коми-пермяки — отдельный народ со своим языком, и ему нужна отдельная автономия, даже в составе области Коми»¹³. В Кудымкаре значительную роль играет Клуб ветеранов, который проводит на базе архива ежемесячные мероприятия, темы которых связаны с малой родиной: с историей православия среди коми-пермяков, образованием Коми-Пермяцкого национального округа, развитием коми-пермяцкого языка, работой тыла в годы Великой Отечественной войны, с постсоветской историей округа.

Иногда политика памяти и коллективная память сходятся в деятельности конкретного человека, такого как Виктор Васильевич Рычков, фигура, воплощающая авторитет власти и духа родной Пармы. Более четверти века (с 1994 по 2020 г.) он занимал руководящие должности в Коми-Пермяцком округе, направляя развитие региона через призму культурного возрождения. Его лидерство отличалось стремлением к новации и интеграции: он сокращал аппарат, укреплял экономику и поддерживал национальные проекты, делая Кудымкар центром единства [Зубов 2003]. При нем было завершено долголетнее строительство драматического театра. Глубокое знание коми-пермяцкой истории и культуры отражено в его выступлениях на многочисленных конференциях и форумах. Будучи выпускником исторического факультета Пермского государственного университета, Рычков посвятил себя изучению коми-пермяцкого наследия.

¹¹ Черных А.В., Каменских М.С. Первый национальный: 100-летие Коми-Пермяцкого округа: итоги национальной политики и современные этнокультурные процессы // Этнополитическая ситуация в Российской Федерации в 2024 г. : ежегодный доклад Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов. Пермь, 2024. URL: <https://posredi.ru/itogi-nacionalnoj-politiki-v-komi-permjackom-okruge-permskij-kraj.html> (дата обращения 20.02.2026).

¹² Первый национальный в СССР. Как создавался Коми-Пермяцкий округ. URL: <https://perm.aif.ru/society/pervyy-nacionalnyy-v-sssr-kak-sozdavalsya-komi-permyackiy-okrug> / (дата обращения 20.02.2026).

¹³ Первый национальный в СССР. Как создавался Коми-Пермяцкий округ.

Как краевед и общественный деятель, он анализировал разные стороны истории региона и в особенности коми-пермяцкого языка, публиковал материалы, оживляющие дух пермяцкой старины. Его литературное творчество (поэтический сборник «Оланлӧн шӧрт» (Нить жизни, 1997), «Рӧма вӧттэз» (Цветные сны, 2010), за который он удостоен премии имени Михаила Лихачева в области прозы, «Шыпас чукӧр» («Азбука», 2014), популяризируют язык предков через красоту прикамской природы, обращение к собственным корням, философское осмысление жизни. Для подрастающего поколения предлагаются удивительные сюжеты из жизни домашних животных, зверей и птиц, реальные детские истории. Книги, изданные в Кудымкаре, можно найти в библиотечных системах образования и культуры округа. Они прививают интерес к родному языку, что особенно важно в условиях снижения уровня владения коми-пермяцким языком у молодого поколения¹⁴.

Яркий пример хранителя памяти и самобытности коми-пермяков дает Анатолий Иванович Радостев, известный и любимый в Кудымкаре актер, который перевел на коми язык «Женитьбу» Гоголя, написал и поставил в 2000 г. эксцентрическую комедию «Гузи да Мези» на коми-пермяцком языке с синхронным переводом на русский язык, ведет программы на коми на радио. Спектакль идет на сцене уже 25 лет и даже получил продолжение «Гузи да Мези-2», актер же стал узнаваемым и родным для жителей Кудымкара. «Все здороваются: и молодые, и пожилые... Особенно бабушки на рынке всегда узнают и начинают разговаривать. Если с ними по-русски говоришь, они замечание делают, что это ты по радио по коми говоришь, а с нами по-русски — рассказывает актер. — Я просто сам, на своем примере показываю, что я с удовольствием разговариваю на коми-пермяцком языке, я веду авторскую передачу на радио на коми-пермяцком языке и показываю всем, какой он красивый и сочный, наш язык. Я с удовольствием играю спектакли на коми-пермяцком языке, и если в зале сидит 300–400 человек и при выходе из зала 2–3 человека возьмут себе что-то доброе и хорошее из моих ролей, я считаю, что я свое дело сделал и не зря прожил свою жизнь»¹⁵.

В последние годы в Коми-Пермяцком округе проводится политика восстановления обрядов и обычаев, а также введения новых: в последние годы с успехом отмечается праздник «Ай да рыжик!» в честь гриба рыжика, праздник «Пистик лун» в честь растения хвощ и «Пикан лун» — в честь растения сныть [Краузе, Епанов 2013].

У коми-пермяков культура очень тесно связана с темой природы. Древние коми-пермяки считали, что «вышли из леса». Показательно, что пистики стали гастрономическим брендом, пельмени, пирожки и другие блюда с пистиком считаются изюминкой коми-пермяцкой кухни, они были представлены и на гастрономическом

¹⁴ Портал национальных литератур. URL: https://rus4all.ru/authors/viktor_riyckhov/ (дата обращения: 20.02.2026).

¹⁵ Коми-Пермяцкий театр : офиц. сайт. URL: <https://teatrko.ru/media/news/v-nuzhnoe-vremja-v-nuzhnom-meste-k-jubileju-zasluzhennogo-artista-rf-anatolija-radosteva/> (дата обращения: 20.02.2026).

фестивале «Коми ели». Это еще одна локальная история (наряду с пищей или пазл-альей), как пища бедняков становится ресторанным специалитетом.

Как известно, в действующей редакции Стратегии государственной национальной политики провозглашено достижение двуединой задачи — сохранение культур традиционных народов и укрепление гражданского единства, что предполагает компромисс между общегражданскими и локальными этнокультурными ценностями.

Заключение

Сравнительный анализ исторической политики, осуществляемой в г. Лянтор и г. Кудымкар, демонстрирует их общие, связанные с трендом на решение ключевой в обоих случаях задачи — формирования гражданской (общенациональной) и региональной идентичности. Это достигается через широкий спектр коммеморативных практик: от мемориальных досок и топонимики до массовых патриотических и межэтнических мероприятий.

Сходным выступает и контент, формирующий общенациональную (гражданскую) идентичность: нарративы Великой Отечественной войны и СВО. Основные инструменты — «места памяти» государственные праздники и акции («Вахты памяти», «Бессмертный полк», Уроки мужества, «День народного единства»), система мероприятий, организуемых муниципальными учреждениями образования и культуры. Это создает прочную связь с общегосударственным нарративом, хотя нередко содержательно и сужает гражданскую идентичность до военного подвига.

Вместе с тем можно говорить о разных стратегиях политики памяти. Для Кудымкара характерно стремление создать для нее широкую контентную и социальную опору за счет включения в идентификационные нарративы этнического компонента политики памяти, этнического исторического и культурного материала, что, в свою очередь, обеспечивает более заинтересованное участие в политике идентичности институтов гражданского общества, в том числе национально-религиозных объединений. Возникающие при этом риски некоторого дефицита символического содержания макрополитической идентичности микшируются обращением к идеологеме общего культурного пространства.

В противоположность этой «национально и культурно плюралистической» модели политики идентичности, стратегию, применяемую в Лянторе, следует назвать в большей мере «унифицирующей». Очевидно, что связана она с высоким уровнем миграционной активности, требующим функционирования адаптационного механизма в режиме «плавильного тигля». Львиную долю вклада общественных организаций в политику идентичности, в том числе в Лянторе, составляют усилия по сохранению культуры коренных малочисленных народов Севера, составляющих в общем незначительную долю в общей численности населения. Это в большей мере работа по брендированию территории. Поэтому и в исторической политике акцент делается не на этническом или культурном своеобразии, а на обращении к символам общей истории, что, например, было

заметно по комплексу мероприятий в дни празднования 900-летия первого упоминания Югры в 2016 г. в русских летописях.

В целом кейсы г. Лянтор и г. Кудымкар продемонстрировали эффективность муниципальной исторической политики в качестве инструмента формирования общенациональной и региональной идентичности, хотя и в рамках различных стратегических моделей. В то же время следует заметить, что дальнейшая устойчивость проводимой политики и легитимность действующей власти будут зависеть от устранения отмеченных лакун, от процессов вовлечения в историческую политику новых акторов, включения трудовых и семейных нарративов в публичную память.

Поступила в редакцию / Received: 13.01.2026

Доработана после рецензирования / Revised: 18.02.2026

Принята к публикации / Accepted: 15.03.2026

Библиографический список

- Аникин Д.А. Политика памяти в современном российском общества: урбанистический аспект // Известия Саратовского университета. 2011. Т. 11. Философия, психология, педагогика. Вып. 1. С. 3–7.
- Аникин Д.А. Стратегии трансформации политики памяти в современной России: региональный аспект // Вестник Волгоградского государственного университета. 2012. Серия 7. Философия. № 3. С. 121–126.
- Ассман А. Длинная тень прошлого: мемориальная культура и историческая политика / пер. с нем. Б. Хлебникова. Москва : Новое литературное обозрение, 2014. 328 с.
- Васильев А. Memory studies: единство парадигмы — многообразие объектов // Новое литературное обозрение. 2012. № 5. URL: https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/117_nlo_5_2012/article/18946/ (дата обращения: 20.02.2026). EDN: PFSTLV
- Зубов Ю.П. Парма — земля моя: история Коми-Пермяцкого округа в лицах : краткие биографические данные. Пермь : Горт, 2003. 216 с. (Именитые граждане земли Коми-Пермяцкой; вып. 6).
- Идентичность. Личность. Общество. Политика : энциклопедическое издание / отв.ред. член-корр. РАН И.С. Семененко. Москва : Весь Мир, 2017. 992 с.
- Каменских М.С. Первый национальный: коми-пермяки в национальной политике России в XX — начале XXI века. Санкт-Петербург : Изд-во «Маматов», 2021. EDN: JDLBNQ.
- Краузе А.А., Епанов А.В. Специфика этнической идентичности на примере коми-пермяков, проживающих в городе Кудымкаре Пермского края // Вестник ПГГПУ. Серия № 3 Гуманитарные и общественные науки. 2013. С. 104-109. EDN: SFGXLB.
- Лаллукка Сеппо. Коми-пермяки и Коми-пермяцкий округ : история, демографические и этнические процессы. СПб. : Европейский Дом, 2010. 336 с.
- Малинова О.Ю. Политика памяти как область символической политики // Методологические вопросы изучения политики памяти / под ред. А.И. Миллера, Д.В. Ефременко. СПб. : Нестор-История, 2018. С. 27–53. EDN: YNCLNJ.
- Миллер А.И. Историческая политика в восточной Европе начала XXI в. // Историческая политика в XXI в. : сб. статей. Москва : Новое литературное обозрение, 2012. С. 7–32. EDN: RJMREF

- Миллер А.И. Россия: власть и история // «Pro et Contra». 2009. № 3. С. 6–23. EDN: YUTDGZ.
- Морозова Е.В., Назукина М.В. Политика идентичности в региональном и локальном измерениях // Политика идентичности: понятия, смыслы, практики : учебное пособие / отв. ред. Л.А. Фадеева. Пермь : ИЦ «Титул», 2023. С. 143–159.
- Назукина М.В. Между Уралом и Поволжьем: поиски пермской идентичности. Пермь : Печатный салон «Гармония», 2018. 196 с. EDN: OZAKAZ
- Нора П. Всемирное торжество памяти. Неприкосновенный запас. Екатеринбург, 2005. № 2–3.
- Морозова Е.В., Мирошниченко И.В., Семенов И.С. Развитие сельских местных сообществ: потенциал политики идентичности // Полис. Политические исследования. 2020. № 3. С. 56–77 <http://doi.org/10.17976/jpps/2020.03.05> EDN: OEGKSH
- Политика идентичности: понятия, смыслы, практики : учебное пособие / отв. ред. Л.А. Фадеева. Пермь : ИЦ «Титул», 2023. 320 с.
- Политика памяти в России — региональное измерение : монография / под ред. А.И. Миллера, О.Ю. Малиновой, Д.В. Ефременко. Москва : Институт научной информации по общественным наукам РАН, 2023. 471 с.
- Рубцова В.Ю. Политика памяти в практике конструирования локальной идентичности // Вестник Удмуртского университета. Социология. Политология. Международные отношения. 2017. Т. 1. Вып. 4. С. 451–455. EDN: YNHODY
- Рязанова С.В., Юрганов Ф.А. Миф о коми-пермяках в контексте региональной политики памяти // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2019. № 2. С. 132. <http://doi.org/10.20874/2071-0437-2019-45-2-132-139> EDN: WPIGEF
- Самаркина И.В. Политика памяти и исторический нарратив. Идентичность. Личность. Общество. Политика : энциклопедическое издание / под ред. И.С. Семенова. Москва : Весь Мир, 2017. С. 666.
- Семенов И.С. Прошлое на переднем крае политики идентичности // Мировая экономика и международные отношения. 2018. Т. 62. № 11. С. 65–76. <http://doi.org/10.20542/0131-2227-2018-62-11-6> EDN: YPXMNN
- Семенов И.С. Новые ракурсы политики идентичности: трудная память в музеях истории XX века // Мировая экономика и международные отношения. 2020. Т. 64. № 5. <http://doi.org/10.20542/0131-2227-2020-64-5-16-32> EDN: MKBEAN
- Символическая политика : сб. науч. тр. / РАН. ИНИОН. Центр социал. науч.-информ. исслед. Отд. полит. науки; ред. кол.: Малинова О.Ю., гл. ред., и др. М., 2012.
- Сыров В.Н., Головашина О.В., Овчинников А.В., Аникин Д.А., Линченко А.А. Концептуальные основания политики памяти и перспективы постнациональной идентичности. Томск : Издательский Дом ТГУ, 2019. 224 с.
- Титов В.В. Политика памяти и формирование национально-государственной идентичности: российский опыт и новые тенденции. Москва : Типография «Ваш формат», 2017. EDN: YTLWVN
- Фадеева Л.А. Борьба за конструирование региональной идентичности: Пермский случай // Вестник Пермского университета. Политология. 2011. № 2. С. 43–51 EDN: NXPSCD.
- Ферро М. Как рассказывают историю детям в разных странах мира. Москва : Высшая школа, 1992. 351 с.
- Хальбвакс М. Коллективная и историческая память // Неприкосновенный запас. Екатеринбург, 2005. № 2/3.
- Цыпанов Е.А. Рецензия на книгу Лаллукка, Сеппо. Коми-пермяки и Коми-пермяцкий округ. История, демографические и этнические процессы. Финно-угорский мир. 2011. № 2/3.
- Шеррер Ю. Отношение к истории в Германии и Франции: проработка прошлого, историческая политика, политика памяти// Pro et Contra. 2009. URL: <https://www.perspektivy.info/print.php?ID=48576> (дата обращения: 20.02.2026).

- Corning A., Schuman H. *Generations and Collective Memory*, Chicago : Chicago University Press, 2015.
- Zemon R., Khalilli F., Qeli L., Wittmann V. *Collective Memory, Memory Politics and Contemporary identities in the Context of local, regional and global Conflicts and alliances*, 2025.
- Denton K. *The Landscape of Historical memory: the Politics of Museums*. Hong Kong University Press, 2021.
- Dixon L., Hales A. *Bringing History Alive Through Local People and Places*. Routledge, 2014.
- Gutman Y., Wüstenberg J. *The Routledge Handbook of Memory Activism*. 2023.
- Zheng Wang. *Memory Politics, Identity and Conflict. Historical Memory as a Variable*. 2018.

References

- Anikin, D.A. (2011). The politics of memory in contemporary Russian society: An urban aspect. *Bulletin of Saratov University. Vol. II. Philosophy, Psychology, Pedagogy*, (1), 3–7. (In Russian).
- Anikin, D.A. (2012). Strategies for transforming the politics of memory in contemporary Russia: A regional aspect. *Bulletin of Volgograd State University. Series 7: Philosophy*, (3), 121–126. (In Russian).
- Assman, A. (2014). *The long shadow of the past: Memorial culture and historical policy* (B. Khlebnikov, Trans.). New Literary Review. (In Russian).
- Zemon, R., Khalilli, F., Qeli, L., & Wittmann, V. (2025). *Collective Memory, Memory Politics and Contemporary identities in the Context of local, regional and global Conflicts and alliances*.
- Corning, A., & Schuman, H. (2015). *Generations and collective memory*. University of Chicago Press.
- Denton, K.A. (2021). *The landscape of historical memory: The politics of museums and memorial culture in post-martial law Taiwan* (1st ed.). Hong Kong University Press. <https://doi.org/10.2307/j.ctv1wd02k5>
- Dixon, L., & Hales, A. (2014). *Bringing history alive through local people and places*. Routledge.
- Fadeeva, L.A. (Ed.). (2023). *Identity politics: Concepts, meanings, practices*. IC “Titul”. (In Russian).
- Fadeeva, L.A. (2011). The struggle for the construction of regional identity: The Perm case. *Bulletin of Perm University. Political Science*, (2), 43–51. (In Russian).
- Ferro, M. (1992). *How history is told to children in different countries of the world*. Vysshaya Shkola. (In Russian).
- Gutman, Y., & Wüstenberg, J. (2023). *The Routledge handbook of memory activism*. Routledge.
- Halbwachs, M. (2005). Collective and historical memory. *Neprikosnovenny Zapas*, (2/3). [Page range unknown]. (In Russian).
- Kamenskikh, M.S. (2021). *The first national: The Komi-Permyaks in Russia's national policy in the 20th — early 21st centuries*. Mamatov Publishing House. (In Russian).
- Krauze, A.A., & Epanov, A.V. (2013). Specific features of ethnic identity: The example of the Komi-Permyaks living in Kudymkar, Perm territory. *Vestnik of PGPU. Series No. 3. Humanities and Social Sciences*, 104–109. (In Russian).
- Lallukka, S. (2010). *The Komi-Permyaks and the Komi-Permyak Okrug: History, demographic, and ethnic processes*. European House. (In Russian).
- Malinova, O.Yu. (Ed.). (2012). *Symbolic politics*. Institute of Scientific Information on Social Sciences, RAS. Issue 1 (In Russian).
- Malinova, O.Yu. (2018). The politics of memory as a field of symbolic politics. In A.I. Miller & D.V. Efremenko (Eds.), *Methodological issues in the study of the politics of memory*. Nestor-Istoriya. (In Russian).

- Miller, A.I., Malinova, O.Yu., & Efremenko, D.V. (Eds.). (2023). *Memory politics in Russia — regional dimension* Institute of Scientific Information on Social Sciences, RAS. (In Russian).
- Miller, A.I. (2009). Russia: Power and history. *Pro et Contra*, (3). (In Russian).
- Miller, A.I. (2012). Historical policy in Eastern Europe at the beginning of the 21st century. In *Historical policy in the 21st century: A collection of articles*. New Literary Review. (In Russian).
- Morozova, E.V., Miroshnichenko, I.V., & Semenenko, I.S. (2020). Development of rural local communities: The potential of identity politics. *Polis. Political Studies*, (3), 56–77. (In Russian). <http://doi.org/10.17976/jpps/2020.03.05>.
- Morozova, E.V., & Nazukina, M.V. (2023). Identity politics in regional and local dimensions. In L.A. Fadeeva (Ed.), *Identity politics: Concepts, meanings, practices*. (pp. 143–159). IC “Titul”. (In Russian).
- Nazukina, M.V. (2018). *Between the Urals and the Volga region: The search for Perm identity*. Harmony Printing Salon. (In Russian).
- Nora, P. (2005). Global celebration of memory. *Neprikosnovenny Zapas*, (2–3). (In Russian).
- Rubtsova, V.Yu. (2017). Memory politics in the practice of constructing local identity. *Bulletin of Udmurt University. Sociology. Political Science. International Relations*, 1(4), 451–455. (In Russian).
- Ryazanova, S.V., & Yurganov, F.A. (2019). The myth of the Komi-Permyaks in the context of regional memory politics. *Bulletin of Archeology, Anthropology and Ethnography*, (2), 132–139. (In Russian). <http://doi.org/10.20874/2071-0437-2019-45-2-132-139>.
- Samarkina, I.V. (2017). Memory politics and historical narrative. In I.S. Semenenko (Ed.), *Identity. Personality. Society. Politics* (p. 666). Ves’ Mir. (In Russian).
- Semenenko, I.S. (2018). The past at the forefront of identity politics. *Global Economy and International Relations*, 62(11), 65–76. (In Russian). <http://doi.org/10.20542/0131-2227-2018-62-11-6>.
- Semenenko I. S. (Ed.). (2017). *Identity. Personality. Society. Politics*. Ves’ Mir. (In Russian).
- Semenenko, I.S. (2020). New perspectives on identity politics: Difficult memory in twentieth-century history museums. *World Economy and International Relations*, 64(5), 16–32. (In Russian). <http://doi.org/10.20542/0131-2227-2020-64-5-16-32>.
- Syrov, V.N., Golovashina, O.V., Ovchinnikov, A.V., Anikin, D.A., & Linchenko, A.A. (2019). *Conceptual foundations of memory politics and prospects of post-national identity*. Tomsk State University Publishing House. (In Russian).
- Titov, V.V. (2017). *Memory politics and the formation of national-state identity: Russian experience and new trends*. Vash Format Printing House. (In Russian).
- Vasiliev, A. (2012). Memory studies: Unity of paradigm — diversity of objects. *New Literary Review*, (5). (In Russian).
- Zheng, W. (2018). *Memory politics, identity and conflict: Historical memory as a variable*.
- Zubov, Yu.P. (2003). *Parma — my land: The history of the Komi-Permyak Okrug in persons* (Brief biographical data, Vol. 6). Gort. (In Russian).

Сведения об авторах:

Мартынов Михаил Юрьевич — доктор политических наук, профессор кафедры политологии и философии, Сургутский государственный университет (e-mail: martynov_myu@surgu.ru) (ORCID: 0000-0002-8245-7359)

Габеркорн Алена Игоревна — старший преподаватель кафедры политологии и философии, Сургутский государственный университет (e-mail: gaberkorn_ai@surgu.ru) (ORCID: 0000-0003-0652-8431).

Фадеева Любовь Александровна — доктор исторических наук, профессор кафедры политических наук историко-политологического факультета Пермского государственного национального исследовательского университета (e-mail: lafadeeva2007@yandex.ru); (ORCID: 0000-0002-3389-750X)

About the authors:

Mikhail Yu. Martynov — Doctor of Historical Sciences, Professor in the Department of Political Science and Philosophy, Surgut State University (e-mail: martynov_myu@surgu.ru) (ORCID: 0000-0002-8245-7359)

Alyena I. Gaberkorn — senior lecturer in the Department of Political Science and Philosophy, Surgut State University (e-mail: gaberkorn_ai@surgu.ru) (ORCID: 0000-0003-0652-8431).

Liubov A. Fadeeva — Doctor of Historical Sciences, Professor in the Department of Political Science, Faculty of History and Political Science, Perm State National Research University (e-mail: lafadeeva2007@yandex.ru) (ORCID: 0000-0002-3389-750X)

ОТ УКРАИНЫ К НОВОРОССИИ: СПЕЦИФИКА МЕМОРИАЛЬНЫХ КОНФЛИКТОВ

FROM UKRAINE TO NOVOROSSIYA: THE SPECIFICS OF MEMORIAL CONFLICTS

DOI: 10.22363/2313-1438-2026-28-2-396-411

EDN: VOJQID

Научная статья / Research article

Топонимический ландшафт Донбасса в период украинского политического кризиса и специальной военной операции в 2014–2024 гг.

В.О. Беклямишев ¹, П.А. Сперанский²

¹Государственный академический университет гуманитарных наук, Москва, Российская Федерация

²Уральский федеральный университет, Екатеринбург, Российская Федерация

✉ bekliamishev@yandex.ru

Аннотация. Изменения в топонимике стали значимым аспектом символического противостояния в период политического кризиса на Украине (2014–2022) и специальной военной операции (2022–2024). На протяжении рассматриваемого периода топонимическая политика киевского режима, выстраиваемая в логике «декоммунизации», а с 2022 г. — «дерусификации», оставалась прежде всего «наступательной», ориентированной на символическое перекодирование пространства юга-востока бывшей Украинской ССР. В свою очередь, руководство ДНР и ЛНР ограничивалось лишь критикой топонимических инициатив Киева. Вместе с тем само неприятие перспективы «декоммунизации» Донбасса сыграло важную роль в укреплении новых идентичностей обеих республик и мобилизации населения в их поддержку. Начало специальной военной операции открыло перспективу возвращения оккупированных киевским режимом территорий Донбасса, что позволило ДНР и ЛНР перейти к выстраиванию там собственной топонимической политики. В ее основе лежала идея реставрации топонимического ландшафта на момент до переворота 2014 г. Одновременно с этим топонимический ландшафт Донбасса продолжил наполняться наименованиями, связанными с именами павших героев «Русской весны» и специальной военной операции. Этот тренд, совпавший с аналогичной тенденцией на остальной территории России, в 2022–2023 гг. обеспечил органичное включение Донбасса в контур общероссийской топонимической политики.

© Беклямишев В.О., Сперанский П.А., 2026

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Ключевые слова: политика памяти, историческая политика, топонимическая политика, топонимы, топонимика, специальная военная операция, СВО, Россия, Украина

Благодарности. Статья подготовлена в рамках гранта Российского научного фонда № 25-18-00464 «Политика памяти в ДНР и ЛНР в 2014–2024 гг.: условия формирования, акторы, институциональные практики».

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Беклямишев В.О., Сперанский П.А. Топонимический ландшафт Донбасса в период украинского политического кризиса и специальной военной операции в 2014–2024 гг. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2026. Т. 28. № 2. С. 396–411. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2026-28-2-396-411> EDN: VOJQID

Toponymic Landscape in the Donbass Region Amid Ukrainian Political Crisis and Special Military Operation in 2014–2024

Vladimir O. Beklyamishev ¹, Peter A. Speransky²

¹State Academic University for the Humanities, *Moscow, Russian Federation*

²Ural Federal University, *Yekaterinburg, Russian Federation*

 bekliamishev@yandex.ru

Abstract. Changes in toponymy became a significant aspect of symbolic confrontation during the political crisis in Ukraine (2014–2022) and the special military operation (2022–2024). During the period under review, the toponymic policy of the Kiev regime, built along the ideological lines of “decommunization” and, since 2022, “de-russification,” remained primarily “offensive,” focused on the symbolic recoding of the space of the south-east of the former Ukrainian SSR. In turn, the DPR and LPR limited themselves to criticizing Kiev’s toponymic initiatives. At the same time, the very rejection of the prospect of “decommunization” of Donbass played an important role in strengthening the new identities of both republics and mobilizing the population in their support. The start of the Special military operation opened up the prospect of the return of the territories of Donbass occupied by the Kiev regime, which allowed the leadership of the DPR and LPR to switch to their own toponymic policy, which was based on the idea of returning to the names used in Ukraine before the 2014 coup. At the same time, the toponymic landscape of Donbass continued to be filled with names associated with the names of the fallen heroes of the “Russian Spring” and the Special military operation. This trend, which coincided with a similar trend in the rest of Russia, in 2022–2023 ensured the organic inclusion of Donbass in the contour of the all-Russian toponymic policy.

Keywords: politics of memory, historical politics, toponymic policy, toponyms, toponymy, special military operation, SVO, Russia, Ukraine

Acknowledgements. The article was prepared thanks to the grant of the Russian Scientific Foundation No. 25-18-00464 “Memory policy in the DPR and LPR in 2014–2024: conditions of formation, actors, institutional practices.”

Conflicts of interest. The authors declare no conflicts of interest.

For citation: Beklyamishev, V.O., & Speransky, P.A. (2026). Toponymic landscape in the Donbass region amid Ukrainian political crisis and special military operation in 2014–2024. *RUDN Journal of Political Science*, 28(2), 396–411. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2026-28-2-396-411> EDN: VOJQID

Введение

В постсоветский период историческая идентичность жителей юго-востока бывшей Украинской ССР не раз становилась предметом исследовательского внимания. Интерес к ней, как правило, пробуждали кризисные явления в украинской политике, характерной чертой которой стал выраженный регионализм. Заинтересованность олигархических групп в ослаблении центра стимулировала поддержку ими процессов социокультурного обособления на местном уровне, что порождало конфликты с символической политикой Киева [Березняков, Козлов 2021: 44]. Не последнюю роль в превращении социокультурного размежевания в политический раскол сыграли украинские партии, которым было свойственно развязывание «войн памяти» в целях мобилизации электоральной поддержки [Миллер 2008: 100].

Начало вооруженного конфликта на Донбассе, ставшее следствием антиконституционного переворота в Киеве в феврале 2014 г., кардинальным образом изменило устоявшийся символический ландшафт. С одной стороны, новый режим развернул полномасштабные боевые действия против жителей юго-востока, сопровождая физические репрессии интенсивным «мнемоническим принуждением». Вместе с тем провозглашение Донецкой и Луганской Народных Республик запустило процесс формирования новых идентичностей на контролируемых ими территориях.

После того как в феврале 2022 г. вооруженные силы России приступили к проведению специальной военной операции на территории Украины, часть территорий, ранее находившихся под оккупацией Киева, возвратились в состав ДНР и ЛНР, в том же году ставших новыми субъектами Российской Федерации. Эти события запустили очередной виток пересборки исторической идентичности Донбасса, связанный с инкорпорированием освобожденных территорий и постепенным включением обеих республик в единую рамку российской символической политики.

Затяжное противостояние на юго-востоке бывшей Украинской ССР сопровождалось неоднократными переименованиями населенных пунктов и отдельных объектов городской инфраструктуры. В этой связи нами была предпринята попытка охарактеризовать топонимические политики противоборствующих сторон, проследить их трансформацию и выявить лежащую в их основе прагматику. Географические рамки проведенного исследования охватывают всю территорию бывших Донецкой и Луганской областей Украины, включая как находившуюся под контролем ДНР и ЛНР, так и оккупированную вооруженными

силами киевского режима. Это позволило рассмотреть символическое противостояние комплексно, выявляя те случаи, когда шаги одной стороны являлись реакцией на действия другой.

Методология исследования

Проведенное исследование выполнено в русле междисциплинарного направления «memory studies». Выбранный нами подход близок к критическому направлению в изучении топонимических практик, одним из основоположников которого является израильский социальный географ М. Азарьяху [Басик 2018: 57], первым указавший на то, что «использование названий улиц в коммеморативных целях — это инструмент превращения городской среды в виртуальную политическую сцену» [Azaryahu 1996: 311–312]. Отметим, что идея о наличии у топонимических наименований символической функции, ставшая центральной для М. Азарьяху, позаимствована им у американского политолога М. Эдельмана [Edelman 1964]. К его же концепции символической политики позднее прибегла российский политолог О.Ю. Малинова, продуктивно переосмыслившая ее для применения к анализу коммеморативных практик [Малинова 2019].

Рассматриваемая с этих позиций практика переименования населенных пунктов и отдельных топонимических объектов интерпретируется нами, во-первых, как символическое «присвоение» территории, а во-вторых, как способ утверждения определенной интерпретации прошлого в качестве доминирующей. В этой связи для исследователя приобретают значение сразу четыре аспекта каждого акта топонимического наречения: его прагматика, обусловленная потребностью конкретного актора; историко-идеологический нарратив, к которому отсылает переименование; альтернативные варианты наречения и стоящие за ними акторы, а также их нарративы, которые обсуждались в публичном поле, но не получили реализации. Иными словами, в отличие от традиционного понимания топонимики мы рассматриваем ее в широком контексте символического противоборства, неразрывно связанного с интересами акторов в реальной, материально воплощенной политике.

Предыстория: формирование топонимического ландшафта Донбасса

Первоначально топонимический ландшафт Донбасса складывался стихийным образом, поэтому на рубеже XX в. порядка 40 % населенных пунктов региона носили повторяющиеся названия, образованные от личных имен — например, Александровка, Михайловка или Григорьевка¹. Как отмечает донецкий

¹ Мартыненко В.А. Немного о топонимике Донбасса или «Ленин — это Сталин» // Донецкая республиканская универсальная научная библиотека имени Н.К. Крупской. URL: <https://lib-dnr.ru/docs/reading/pages/rept/Martynenko2.pdf?ysclid=mhrp5djkgz326468157> (дата обращения: 29.11.2025).

краевед В.А. Мартыненко, впервые слово «переименование» применительно к Донбассу употребляется только в циркуляре от 30 апреля 1920 г., адресованном губернским исполнительным комитетам и революционным комитетам².

В годы Гражданской войны советская власть активно применяла топонимическую политику как «инструмент конструирования общественного сознания для формирования нового символического пространства» [Демьянов, Рыженко 2017: 154]. Именно в 1920-х гг. Донбасс захлестнула первая волна идеологически обусловленных топонимических наречений, сформировавшая новый топонимический профиль рассматриваемого региона.

Второй вехой в истории донбасской топонимики стали переименования, инициированные после победы в Великой Отечественной войне. Они привели к исчезновению с карты Донбасса всех немецкоязычных названий, связанных с прежде многочисленными поселениями иностранных колонистов. Среди них был, например, поселок Нью-Йорк (названный так в честь города Йорк в Нижней Саксонии), который с 1951 г. стал называться Новгородское. Добавим, что особенность исторического названия этого населенного пункта, напоминающего об известном городе в США, в 2021 г. побудило новое руководство Украины переименовать его обратно³. Оформленное постановлением Верховной Рады, якобы реагирующей на запрос от местных жителей, это «возвращение исторического названия» очевидным образом встраивалось в наметившийся к тому времени тренд на «вестернизацию» топонимики на подконтрольной Киеву территории [Бессонов, Гордиенко, Слышкин 2024: 56].

В свою очередь, третья волна переименований была обусловлена десталинизацией. В рамках нее 9 ноября 1961 г. указом Президиума Верховного Совета СССР Сталинская область и город Сталино были переименованы в Донецкую область и город Донецк. Аналогичная судьба постигла тогда и Луганск, с 1935 г. носивший название Ворошиловград — в честь близкого соратника И.В. Сталина маршала К.Е. Ворошилова⁴.

Наконец, четвертая волна переименований стартовала в период Перестройки и завершилась уже после распада СССР. В период с 1989-го по 1993 г. прежние названия были возвращены таким населенным пунктам, как Мариуполь, Луганск, Змиёв, Алчевск, Соледар и ряду других [Плеханов 2018: 192]. Вместе с тем даже после этого топонимический ландшафт Донбасса оставался во многом «советским».

² Мартыненко В.А. Немного о топонимике Донбасса или «Ленин — это Сталин» // Донецкая республиканская универсальная научная библиотека имени Н.К. Крупской. URL: <https://lib-dnr.ru/docs/reading/pages/rept/Martynenko2.pdf?ysclid=mhrp5djkgz326468157> (дата обращения: 29.11.2025).

³ Верховная рада переименовала поселок в Донбассе в Нью-Йорк // РБК. URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/60ddbe789a79475f3c39105f?ysclid=miljsrbkfm257002697> (дата обращения: 29.11.2025).

⁴ После того как К.Е. Ворошилов попал в опалу, г. Луганску ненадолго вернули его историческое название, однако с 1970 г. он вновь стал Ворошиловградом и сохранял это наименование вплоть до 1990 г.

После «оранжевой революции» 2004–2005 гг. пришедшим к власти президентом В.А. Ющенко была предпринята еще одна попытка «декоммунизировать» географические объекты по всей стране. Борьба с советскими топонимами осуществлялась под знаменем очищения публичного пространства от наименований, глорифицирующих лиц, причастных «к организации Голодомора 1932–1933 гг. и политических репрессий»⁵. В Донецкой области таковых было определено порядка 70⁶, хотя проблемы с реализацией этой инициативы начались еще на этапе составления списков⁷.

В конечном счете как президентский указ 2008 г. «О мероприятиях в связи с Днем памяти жертв голодоморов», так и изданный через год указ «О дополнительных мерах по чествованию памяти жертв Голодомора 1932–1933 гг. в Украине»⁸ на территории Донбасса были саботированы. Этому способствовало не только сопротивление локальных акторов, включая не только областные структуры «Партии регионов» и Коммунистической партии Украины, но и бюрократические трудности (обусловленные тем, что расходы на переименования центральная власть планировала передать на местный уровень).

По статистике, собранной украинским исследователем М.С. Кармазиной, к 2014 г. 78 названий населенных пунктов Донецкой области и 31 название населенного пункта Луганской области были по-прежнему связаны с советским прошлым [Кармазіна 2016: 124]. Это топонимическое наследие не просто подпитывало ностальгические настроения, но и выступало символическим ресурсом для укрепления региональной донбасской идентичности в периоды конфликтов с центром.

Топонимический ландшафт Донбасса в период политического кризиса на Украине (2014–2022 гг.)

После государственного переворота в феврале 2014 г. в украинском публичном поле некоторое время продолжалась борьба двух нарративов — доминирующего националистического и подавляемого советско-ностальгического. Первый приобрел черты официальной идеологии, в то время как второй был взят на вооружение Коммунистической партией Украины, а также частью оппозиционных политических сил, унаследовавших электорат Партии регионов. В 2015 г. Верховная Рада Украины поставила точку в этом противостоянии, приняв закон

⁵ Указ Президента Украины № 856/2008 «О мероприятиях в связи с Днем памяти жертв голодоморов». URL: <https://www.president.gov.ua/documents/8562008-7960> (дата обращения: 29.11.2025).

⁶ В Донецке улицы Постышева и Кирова переименоуют в честь «причастных к Голодомору». URL: <https://regnum.ru/news/907573?ysclid=mikcmkqwmw72054835> (дата обращения: 29.11.2025).

⁷ Донецкие власти не хотят менять названия улиц и площадей. URL: <https://iz.ru/news/411923> (дата обращения: 29.11.2025).

⁸ Указ Президента Украины № 432/2009 «О дополнительных мерах в память о жертвах Голодомора 1932–1933 годов в Украине». URL: <http://www.president.gov.ua/ru/documents/9448.html> (дата обращения: 29.11.2025).

«Об осуждении коммунистического и национал-социалистического (нацистского) тоталитарных режимов и запрете пропаганды их символики»⁹.

Хотя даже лояльные киевскому режиму авторы отмечали, что «навязывание единого исторического нарратива культурно разнообразной стране с ярко выраженными региональными идентичностями и коллективной памятью, не говоря уже о конфликте на Донбассе, может быть не лучшим способом продвижения национального примирения» [Zhurzhenko 2022], политика «декоммунизации» позволила новым властям Украины одновременно решать сразу три стратегические задачи. Во-первых, способствовала укреплению новой макрополитической идентичности, которая имела отчетливо антироссийский идейный фундамент. Во-вторых, исключала из легального поля наиболее активных внутривнутриполитических противников переворота. В-третьих, помогала посредством номинальных «переименований» поддерживать претензии на суверенитет над утраченными территориями Крыма и Донбасса.

На практике в большинстве случаев процесс «декоммунизации» осуществлялся административно-бюрократическими методами, зачастую лишь с формальным соблюдением процедур в виде проведения общественных слушаний. Инициировалась и контролировалась эта идеологическая кампания узкой группой идеологически мотивированных акторов — носителей идеологии радикального украинского национализма [Касьянов 2021]. С 2016 г. в рамках «декоммунизации» было переименовано 6 районов бывшей Донецкой и два района бывшей Луганской областей. На территории первой были «декоммунизированы» свыше 100, а на территории второй — свыше 60 населенных пунктов. Аналогичные переименования осуществлялись и на местном уровне.

В отличие от «наступательной» националистической топонимической политики киевского режима, топонимическая политика Донецкой и Луганской Народных Республик первое время была лишена идейной конкретности. Еще осенью 2014 г., в преддверии своих первых выборов, глава ДНР А.В. Захарченко предложил переименовать Киевский район города Донецка в Славянский, а Киевский проспект — в Московский¹⁰, однако до практического воплощения этого замысла дело не дошло.

В условиях неустойчивых границ и отсутствия четкой перспективы интеграции с Россией в руководстве народных республик одновременно отрицались как «деукраинизация», так и «ресоветизация» топонимического ландшафта. В зависимости от внутри- и внешнеполитических обстоятельств, включая перипетии Минского процесса, на первый план могли выходить либо регионально-интернационалистские, либо ирредентистские нарративы. Первые апеллировали к особой региональной идентичности Донбасса, которая

⁹ Закон України «Про засудження комуністичного та націонал-соціалістичного (нацистського) тоталітарних режимів в Україні та заборону пропаганди їхньої символіки» від 9 квітня 2015 № 317-VIII. URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/317-19#Text>. (дата обращения: 15.11.2025).

¹⁰ Александр Захарченко собирается переименовать Киевский проспект Донецка в Московский // Комсомольская правда. 30 октября 2014 г. URL: <https://www.kp.ru/online/news/1884452/?ysclid=mhp7vfb4yw100438551> (дата обращения: 15.11.2025).

предполагала мультикультурализм и не исключала советско-ностальгический компонент. В основе вторых лежал русский национализм, причем как ориентированный на вхождение в состав России (идеологемы «Русского мира»), так и допускающий создание на Донбассе отдельного государства — Новороссии — путем объединения двух республик [Ефременко 2023: 30–32].

В 2014–2022 гг. консенсусным вектором идеологического строительства оставалось лишь конструирование «негативной идентичности», конституирующей разрыв с Украиной — первоначально как с политическим режимом, а затем и как с государством [Герштейн 2020: 634]. Общим местом в дискурсах руководства ДНР и ЛНР с 2014 по 2022 г. стало противопоставление борьбы с советским наследием, ведущейся из Киева, и свойственного юго-востоку стремления сохранить историческую преемственность со своим прошлым.

Во внутривнутриполитической риторике глава ДНР А.В. Захарченко характеризовал «декоммунизаторскую» политику киевского режима как *«моральный террор»* в отношении Донбасса, тем самым указывая на экзистенциальный характер противостояния¹¹. В свою очередь, апеллируя к донбассовцам по ту сторону фронта, лидеры ДНР дополняли риторику об аморальности «декоммунизации» упоминаниями высокой стоимости самого процесса переименования для украинских налогоплательщиков¹².

Еще одним общим местом в дискурсе руководства народных республик стала увязка темы топонимики с военно-силовым удержанием территорий. «Говорят, что историю пишут победители, но в данном случае они (украинское руководство) далеко не победители», — указывал, например, глава ЛНР И.В. Плотницкий, комментируя очередную волну переименований на подконтрольной Киеву территории¹³.

По мере расширения масштабов вооруженного конфликта на юго-востоке в ДНР и ЛНР сформировался собственный пантеон героев, память которых нуждалась в увековечении. Уже в декабре 2015 г. школе в поселке Металлист указом главы Луганской Народной Республики И.В. Плотницкого присвоили имена погибших в этом районе российских журналистов Антона Волошина и Игоря Корнелюка¹⁴. В августе 2019 г. в Донецке площадь перед Домом Правительства переименовали в площадь имени А.В. Захарченко. Рядом с ней разбит сквер его имени¹⁵. Позднее в честь первого главы ДНР также была названа улица приф-

¹¹ Желание переименовать города показывает реальные намерения Киева в отношении Донбасса, — Захарченко. URL: <https://rusvesna.su/news/1454934925?ysclid=mhp7ze346a341886826> (дата обращения: 15.11.2025).

¹² Официальный комментарий Аллы Бархатновой о декоммунизации на Украине. URL: <https://dnrsovet.gov.ru/ofitsialnyj-kommentarij-ally-barhatnovoj-o-dekommunizatsii-na-ukraine/> (дата обращения: 15.11.2025).

¹³ ЛНР: переименование городов Луганской области говорит о слабости Киева. URL: <https://ria.ru/20150602/1067820430.html?ysclid=mhp8ei4trt175790448> (дата обращения: 15.11.2025).

¹⁴ Школе в ЛНР присвоили имена погибших российских журналистов. URL: <https://ria.ru/20151215/1342445570.html?ysclid=mhp8j7ujol312678497> (дата обращения: 15.11.2025).

¹⁵ В столице Республики состоялось торжественное открытие площади имени Александра Захарченко. URL: <https://dnrsovet.gov.ru/v-stolitse-respubliki-sostoyalos-torzhestvennoe-otkrytie-ploshhadi-imeni-aleksandra-zaharchenko/> (дата обращения: 15.11.2025).

ронтового Докучаевска¹⁶, а в октябре 2021 г. распоряжением главы администрации Донецка бывшему скверу имени В.В. Маяковского было присвоено имя А.С. Павлова — командира батальона «Спарта»¹⁷.

Следует отметить, что с 2020 г. обеими народными республиками начинают постепенно заимствоваться общероссийские топонимические механизмы. Первый импульс этому процессу придало широко отмечавшееся 75-летие Великой Победы. В апреле 2020 г. указом главы ДНР при проведении республиканских и городских мероприятий, приуроченных к памятным датам, связанных с историей Великой Отечественной войны, наименования город Донецк и город Сталино стали использоваться как равнозначные¹⁸. Аналогичный указ о равнозначности использования в памятные даты наименований город Луганск и город Ворошиловград в том же месяце был подписан главой ЛНР¹⁹.

Топонимический ландшафт Донбасса в начальный период специальной военной операции (2022–2024 гг.)

21 февраля 2022 г. Российская Федерация официально признала Донецкую и Луганскую Народные Республики, после чего в ночь на 24 февраля начала проведение специальной военной операции на территории Украины. Поддержка вооруженных сил России позволила ДНР и ЛНР поэтапно восстановить контроль над многими ранее утраченными территориями. Уже 12 марта 2022 г. по указу главы ДНР «О мерах по восстановлению суверенитета Донецкой Народной Республики на территориях, ранее временно находившихся под контролем Украины» к освоенным населенным пунктам начали применяться названия, действовавшие по состоянию на 11 мая 2014 года²⁰. Такой же указ «О вопросах использования наименований» был принят и главой ЛНР²¹, однако в нем речь шла не только о городах, но и о других топографических объектах (улицах, переулках, кварталах, площадях, скверах, парках и т.д.), применительно к которым надлежало использовать наименования, принятые на момент 18 мая 2014 г.

¹⁶ «Так волнительно, что улицу называют фамилией нашего сына»: Родители первого Главы ДНР Александра Захарченко поблагодарили жителей Докучаевска. URL: <https://www.donetsk.kp.ru/daily/27522/4786225/> (дата обращения: 15.11.2025).

¹⁷ «Наша задача — увековечить память о нем»: Денис Пушилин открыл в Донецке памятный знак в честь Арсена Павлова. URL: <https://glavadnr.ru/news/nasha-zadacha-uvekovechit-pamyat-o-nem-denis-pushilin-otkryl-v-donetske-pamyatnyj-znak-v-chest-arsena-pavlova/?ysclid=mhwfsirsl3589417804> (дата обращения: 15.11.2025).

¹⁸ В ДНР решили переименовать Донецк в Сталино. URL: <https://iz.ru/1004221/2020-04-24/v-dnr-reshili-pereimenovat-donetsk-v-stalino> (дата обращения: 15.11.2025).

¹⁹ Власти ЛНР переименуют Луганск на 9 Мая. URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/62767ab69a7947dfa5292fa?ysclid=mhnyar3mfg834382099> (дата обращения: 15.11.2025).

²⁰ Указ главы ДНР «О мерах по восстановлению суверенитета Донецкой Народной Республики на территориях, ранее временно находившихся под контролем Украины». URL: https://denis-pushilin.ru/doc/ukazy/Ukaz_N72_12032022.pdf (дата обращения: 15.11.2025).

²¹ Указ Главы Луганской Народной Республики от 10 марта 2022 г. № УГ-151/22 «О вопросах использования наименований» // Документы системы ГАРАНТ. URL: <https://base.garant.ru/405752193/?ysclid=mhp9lf4lgd527468308> (дата обращения: 15.11.2025).

Масштаб работ по переименованию потребовал институционализации этого процесса. 20 июня 2022 г. указом главы ДНР были утверждены Временные правила присвоения наименований, переименования географических объектов и составных частей населенных пунктов Донецкой Народной Республики, а администрации районов и городов республиканского значения наделены полномочиями по присвоению соответствующих наименований²². В тот же день распоряжением главы ДНР была создана Межведомственная комиссия по вопросам присвоения наименований, переименования географических объектов²³, которая, выполнив стоящие перед ней задачи, ликвидировалась ровно год спустя.

Возвращение прежних наименований преподносилось населению по-разному, однако общим местом стал акцент на заинтересованности в этом самих местных жителей. Например, в освобожденных селах ЛНР Старобельске и Трёхизбенке при освещении переименования улиц упоминалось, что проживающие в этих населенных пунктах сами подключились к работе и помогали крепить новые таблички на домах²⁴.

Особое внимание к топонимике было отмечено в Мариуполе, который вплоть до своего освобождения играл важную роль в пропаганде киевского режима. Намерение вернуть площадям и улицам города исторические названия было озвучено горожанам в контексте первого с 2013 г. публичного празднования 9 Мая. Выступая на торжествах, новый глава администрации города К.В. Иващенко отметил, что первой переименованной площадью стала площадь Ленинского Комсомола и что это — «заслуженная награда комсомольцам, защищавшим и освобождавшим Родину»²⁵.

29 сентября 2022 г., за день до исторического воссоединения Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской и Херсонской областей с Российской Федерацией вышло распоряжение главы администрации Мариуполя «Об утверждении Перечня наименований составных частей города Мариуполя по административным районам»²⁶, согласно которому всем городским объектам, пострадавшим от политики «декоммунизации», возвращались их исторические имена. На карте Мариуполя вновь появились проспект Ленина, улица Артема, Володарское шоссе, переулок Карла Маркса.

²² Указ Главы ДНР № 301 от 20 июня 2022 г. URL: http://doc.dnronline.su/wp-content/uploads/2022/06/Ukaz_N301_20062022.pdf (дата обращения: 15.11.2025).

²³ Распоряжение Главы Донецкой Народной Республики № 254 от 20.06.2022 г. URL: <http://npa.dnronline.su/2022-06-20/rasporyazhenie-glavy-donetskoj-narodnoj-respubliki-254-ot-20-06-2022-goda-ob-obrazovanii-mezhvedomstvennoj-komissii-po-voprosam-prisvoeniya-naimenovaniy-pereimenovaniya-geograficheskikh-obektov.html?ysclid=mikra6wsqv784007162> (дата обращения: 15.11.2025).

²⁴ Улицам ЛНР возвращают прежние названия. URL: https://news.rambler.ru/moscow-city/48632956/?utm_content=news_media&utm_medium=read_more&utm_source=copylink (дата обращения: 15.11.2025).

²⁵ Власти Мариуполя планируют вернуть улицам исторические названия. URL: <https://ria.ru/20220509/mariupol-1787684309.html?ysclid=mr8vqtauxyl38379595> (дата обращения: 15.11.2025).

²⁶ Распоряжение Главы Администрации города Мариуполя Донецкой Народной Республики от 21 ноября 2022 г. № 97 от 29.09.2022 N 262. URL: <https://base.garant.ru/407380810/> (дата обращения: 15.11.2025).

Трем районам города были возвращены прежние названия — Ильичевский, Орджоникидзевский и Жовтневый.

Последнее украиноязычное наименование, безусловно, было возвращено не случайно. Отметим, что еще в марте 2022 г. глава ЛНР Л.И. Пасечник, характеризуя планы по возвращению названий топографических объектов, переименованных в рамках «декоммунизации», подчеркивал, что этот акт — «не деукраинизация»²⁷. Свидетельством тому стало сохранение целого ряда наименований, отсылающих к украинской культурной традиции как в Луганской, так и в Донецкой Народных Республиках.

Новая топонимическая политика, построенная на возвращении советских названий, ожидаемо вызвала критику со стороны сторонников русского национализма. Например, военачальник ДНР А.С. Ходаковский в своем Telegram-канале отметил, что «идея коммунизма проиграла эгоистичной природе человека» и те, кто активно участвуют в противостоянии с киевским режимом, «гораздо чаще идут [в бой] с Христом, чем с Лениным и Марксом»²⁸. Отметим, что противники «автоматического» переименования апеллировали к президентскому дискурсу В.В. Путина, в котором Украина представала не «естественно возникшим» государством, а продуктом политики «коренизации»²⁹. В этом контексте возвращение советских топонимов действительно представлялось как минимум нелогичным.

Наиболее остро данная проблема встала в Донецкой Народной Республике, большая часть которой на момент начала СВО находилась под контролем противника. Руководству ДНР приходилось неоднократно деконструировать противопоставление «русского» и «советского» в своих публичных высказываниях относительно переименований. Например, комментируя смену названия Торецка, глава ДНР Д.В. Пушилин подчеркнул, что «теперь это, по-прежнему, настоящий русский город *Дзержинск*»³⁰, а разъясняя в интернет-дискуссии переименование Бахмута в Артемовск, сослался на возможную перспективу повторного переименования: «захотят их жители переименовать — обязательно предоставим такую возможность, но не в спешке, а обдуманно и законно, когда будут сформированы местные органы самоуправления»³¹.

²⁷ Улицам ЛНР возвращают прежние названия. URL: https://news.rambler.ru/moscow-city/48632956/?utm_content=news_media&utm_medium=read_more&utm_source=copylink (дата обращения: 15.11.2025).

²⁸ Telegram-канал «Александр Ходаковский». URL: https://t.me/aleksandr_skif/2315?ysclid=mhp9x7628m801718338 (дата обращения: 15.11.2025).

²⁹ Путин: современная Украина целиком и полностью была создана коммунистической Россией // ТАСС. 21.02.2022. URL: <https://tass.ru/politika/13791307?ysclid=mhp9zkb13c987348714> (дата обращения: 15.11.2025).

³⁰ Пушилин объявил об окончании путаницы с названием освобожденного Дзержинска // Российская газета. 08.02.2025. URL: <https://rg.ru/2025/02/08/pushilin-obiavil-ob-okonchaniiputanicys-s-nazvaniem-osvobozhdenного-dzerzhinska.html?ysclid=mhny94yihh842972246> (дата обращения: 15.11.2025).

³¹ Telegram-канал «Пушилин Д.В.». URL: <https://t.me/pushilindenis/3055?ysclid=mhp9jg94ij154599305> (дата обращения: 15.11.2025).

Новым вектором топонимической политики на территории ДНР и ЛНР стало увековечивание памяти героев специальной военной операции. Пик таких переименований пришелся на 2022–2023 гг. В 2022 г. в освобожденной Волновахе открыли улицу имени Героя России Владимира Жоги, погибшего во время эвакуации мирных жителей³². Площадь Конституции в Донецке получила имя Героя России Нурмагомеда Гаджимагомедова³³. В свою очередь, в Луганске появилась улица Героя России, участника спецоперации Владимира Зозулина. «Российский офицер погиб, очищая мир от украинского фашизма. Уверен, в ближайшее время в России также появится улица с именем героя ЛНР», — прокомментировал глава Луганской народной Республики Л.И. Пасечник³⁴. В этот период обе республики действительно начали активно включаться в единое топонимическое пространство страны, причем диффузность этого процесса подтверждается активным присвоением имен лидеров ополчения городским объектам по всей России [Разумов 2025].

В 2023 г. в Донецке появилась улица имени трагически погибшей Дарьи Дугиной³⁵, а в Луганске — Героя России Дениса Иванова³⁶. 9 сентября 2025 г. Донецкая школа № 115 была названа в честь двух героев СВО — ефрейтора Ивана Коковина и рядового Майкла Глосса. Уроженец Красноярского края и гражданин США погибли, исполняя воинский долг при штурме города Часов Яр³⁷. В свою очередь, сразу нескольким городским объектам Донецка и Мариуполя было присвоено имя дважды Героя России генерала М.Е. Гудкова³⁸. Таким образом, в рассматриваемый период топонимический ландшафт Донбасса одновременно менялся сразу по двум векторам — возвращение прежних советских наименований сопровождалось теперь появлением новых, отсылающих к событиям начального этапа СВО.

Добавим, что вступление в вооруженный конфликт с Россией повлияло и на топонимическую политику киевского режима, наметив в ней переход

³² В освобожденной Волновахе открыли улицу имени Героя России Владимира Жоги, погибшего во время эвакуации мирных жителей. URL: <https://www.donetsk.kp.ru/daily/27378.5/4560076/> (дата обращения: 15.11.2025).

³³ Площадь Конституции в Донецке получила имя Нурмагомеда Гаджимагомедова. URL: <https://ria.ru/20220511/donetsk-1787870805.html?ysclid=mhpbjv19i962368728> (дата обращения: 15.11.2025).

³⁴ Улицам ЛНР возвращают прежние названия. URL: https://news.rambler.ru/moscow-city/48632956/?utm_content=news_media&utm_medium=read_more&utm_source=copylink (дата обращения: 15.11.2025).

³⁵ В Донецке появилась улица Дарьи Дугиной. URL: <https://ria.ru/20230820/dugina-1891097529.html?ysclid=mhpalns33r189493311> (дата обращения: 15.11.2025).

³⁶ В честь Героя России Дениса Иванова переименовали одну из улиц Луганска. URL: <https://www.lugansk.kp.ru/online/news/5386267/> (дата обращения: 15.11.2025).

³⁷ В Донбассе имена героев специальной военной операции (СВО) навсегда вплетены в ткань нашей земли — в названия улиц, скверов и школ. URL: <https://dnrnews.ru/society/2025/09/29/1192202.html?ysclid=mhnyd0cya5616786176> (дата обращения: 15.11.2025).

³⁸ Имя генерала Гудкова увековечат в Донецке и Мариуполе. URL: <https://www.donetsk.kp.ru/daily/27721/5110799/> (дата обращения: 15.11.2025).

от «декоммунизации» к прямой «дерусификации». 21 апреля 2023 г. Верховной Радой Украины был принят закон «Об осуждении и запрете пропаганды российской имперской политики в Украине и деколонизации топонимии», заложивший правовую основу для последующего искоренения «глорифицирующих Россию» топонимов³⁹. Впрочем, практическое осуществление этих планов на территории Донбасса уже, очевидным образом, было невозможно. Более того, в октябре 2025 г. научный совет Российского военно-исторического общества в качестве меры противодействия украинской политике памяти призвал «использовать в общественном пространстве, СМИ, школах, книгоиздании, интернет-пространстве (включая карты) исключительно исторические географические и топонимические названия, не принимая во внимание их переименования киевским режимом»⁴⁰.

Учитывая, что в момент написания данной статьи эта инициатива уже получила поддержку на высоком политическом уровне, полагаем вероятным дальнейший переход российской стороны от прежней «консервативной» топонимической политики к «наступательной», которая будет распространяться не только на контролируемые территории Донбасса, но и территорию Украины, пока что находящуюся под контролем Киева.

Заключение

Проведенное исследование позволяет сделать ряд выводов. На протяжении рассматриваемого периода топонимическая политика киевского режима, выстраиваемая в идеологическом русле «декоммунизации», а затем прямой «дерусификации», оставалась прежде всего «наступательной», ориентированной на разрыв с прошлым и символическое перекодирование пространства юго-востока бывшей Украинской ССР. В свою очередь, руководители Донецкой и Луганской Народных Республик, первоначально придерживаясь консервативного подхода к переименованиям, ограничивались лишь критикой топонимических инициатив Киева. Сложившееся положение дел являлось следствием одновременно, неустойчивой динамики Минского процесса, отсутствия четкой перспективы интеграции двух непризнанных республик с Россией и различий в идеологических взглядах лидеров «Русской весны». Одновременно с этим само неприятие перспективы «декоммунизации» Донбасса играло важную роль в укреплении новых идентичностей обеих республик и мобилизации населения в их поддержку.

По мере формирования нового пантеона героев, павших за независимость ДНР и ЛНР, в обеих республиках начали осуществляться точечные коммеморативные топонимические наречения. При этом о топонимической политике Донецкой

³⁹ Закон України «Про засудження та заборону пропаганди російської імперської політики в Україні і деколонізацію топонімів» від 21 березня 2023 № 3005-IX. URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/3005-20 %23Text>. (дата обращения: 15.15.2025).

⁴⁰ Решение членов Научного Совета РВНО. URL: <https://rvio.ru/activities/news/reshenie-chlenov-nauchnogo-soveta-rvio> (дата обращения: 15.15.2025).

и Луганской Народных Республик справедливо говорить лишь с весны 2022 г., когда начало специальной военной операции открыло перспективу возвращения оккупированных киевским режимом территорий Донбасса. В основу этой политики, впервые получившей нормативное закрепление, была положена идея возврата к наименованиям, использовавшимся на Украине до переворота 2014 г.

В то же время топонимический ландшафт Донбасса продолжил наполняться наименованиями, связанными с именами героев «Русской весны» и специальной военной операции. Этот тренд, возникший в ДНР и ЛНР еще в 2015 г., на новом историческом витке совпал с общероссийской политикой коммеморации участников СВО, тем самым обеспечив единство топонимической политики на территории всей страны, включая воссоединившиеся с ней регионы.

Поступила в редакцию / Received: 29.12.2025

Доработана после рецензирования / Revised: 19.02.2026

Принята к публикации / Accepted: 15.03.2026

Библиографический список

- Басик С.Н. Критическая топонимика как направление географических исследований: проблемы и перспективы // Географический вестник. 2018. № 1 (44). С. 56–63. <http://doi.org/10.17072/2079-7877-2018-1-56-63> EDN: LAXWCL.
- Березняков Д.В., Козлов С.В. Региональное измерение политики памяти: случай Донбасса // Дневник Алтайской школы политических исследований. 2021. № 37. С. 39–46. EDN: ETTTWB.
- Бессонов Н.Ю., Гордиенко Е.В., Слышкин Г.Г. Урбанонимия Киева 2014–2024 гг.: от декommунизации и дерусификации к нацификации // *Studia germanica, romanica et comparatistica*. 2024. № 20 (63) С. 46–62. <http://doi.org/10.5281/zenodo.15516863> EDN: THIVJB.
- Герштейн И.З. «Негативная» идентичность как фактор современного государствообразования (на примере Беларуси, Украины, ДНР И ЛНР) // *Via in tempore*. История. Политология. 2020. № 47 (3). С. 630–639. <http://doi.org/10.18413/2687-0967-2020-47-3-630-639> EDN: TVSKHD.
- Демьянов К.В., Рыженко В.Г. Идеология, топонимика, политика памяти: о массовом переименовании городов в СССР // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2017. № 4. С. 153–160. <http://doi.org/10.25513/2312-1300.2017.4.153-160> EDN: URJITI.
- Ефременко Д.В. Обретая уверенность в собственном прошлом. Российские идентичность и политика памяти на новой исторической развилке // Политическая наука. 2023 № 2. С. 15–45. <http://doi.org/10.31249/poln/2023.02.01> EDN: RHLGHA.
- Кармазіна М.С. Політичні ідентичності в сучасній Україні: міська громада Донецька. Київ: ІПіЕНД ім. І.Ф. Кураса НАН України. 2016. 232 с.
- Касьянов Г.В. «Декоммунизация» в Украине, 2014–2021: процесс, акторы, результаты // Историческая экспертиза. 2021. № 4. С. 174–200 <http://doi.org/10.31754/2409-6105-2021-4-174-200> EDN: PDSKFQ.
- Малинова О.Ю. Политика памяти как область символической политики // МЕТОД: Московский ежегодник трудов из обществоведческих дисциплин. 2019. № 9. С. 285–312. EDN: EROTGR.

- Миллер А.И. Прошлое и историческая память как факторы формирования дуализма идентичностей в современной Украине // Политическая наука. 2008. № 1 С. 83–100. EDN: IJERRJ.
- Плеханов А.А. Разрушение пространства советского символического господства в постсоветской Украине // Политическая наука, 2018. № 3. С. 190–216. <http://doi.org/10.31249/poln/2018.03.10> EDN: YPENNR.
- Разумов Р.В. Особенности увековечивания памяти о специальной военной операции в городском онимическом пространстве // Вестник Костромского государственного университета. 2025. Т. 31, № 3. С. 183–189. <http://doi.org/10.34216/1998-0817-2025-31-3-183-189> EDN: NPQTNP.
- Azaryahu M. The Power of Commemorative Street Names // *Environment and Planning D-society & Space*. 1996. Vol. 14. P. 311–330.
- Edelman M. The symbolic uses of politics. Urbana: Univ. of Illinois press, 1964. 201 p.
- Zhurzhenko T. Legislating Historical Memory in Post-Soviet Ukraine // *Memory Laws and Historical Justice*. Palgrave Macmillan, 2022. http://doi.org/10.1007/978-3-030-94914-3_5.

References

- Azaryahu, M. (1996). The power of memorable street names. *Environment and planning, society and space*, 14, 311–330.
- Basik, S.N. (2018). Critical toponymics as a direction of geographic research: Problems and perspectives. *Geographical bulletin*, 1(44), 56–63. (In Russian). <http://doi.org/10.17072/2079-7877-2018-1-56-63> EDN: LAXWCL.
- Bereznyakov, D.V., & Kozlov, S.V. (2021). The regional dimension of memory policy: The case of Donbass. *Diary of the Altai School of Political Studies*, 37, 39–46. (In Russian). EDN: ETTTWB.
- Bessonov, N.Y., Gordienko, E.V., & Slyshkin, G.G. (2024). Urbanonymy of Kiev 2014–2024: From decommunization and de-russification to nazification. *Studio Germanica, Alps Et Comparatistica*, 20(63), 46–62. (In Russian). <http://doi.org/10.5281/zenodo.15516863> EDN: THIVJB.
- Demyanov, K.V., & Ryzhenko, V.G. (2017). Ideology, toponymy, policy of memory: About city's renaming in the USSR. *Bulletin of Omsk University. "Historical sciences"*, 4, 153–160. (In Russian). <http://doi.org/10.25513/2312-1300.2017.4.153-160> EDN: URJITI.
- Edelman, M. (1964). *The symbolic use of politics*. Urbana: University of Illinois Press.
- Efremenko, D.V. (2023). Gaining confidence in his own past. Russian identity and the politics of memory at a new historical crossroads. *Political Science (RU)*, 2, 15–45. (In Russian). <http://doi.org/10.31249/poln/2023.02.01> EDN: RHLGHA.
- Gertein, I.Z. (2020). “Negative” identity as a factor of modern state education (on the example of Belarus, Ukraine, DPR and LPR). *Via in tempore. History. Political science*, 47(3), 630–639. (In Russian). <http://doi.org/10.18413/2687-0967-2020-47-3-630-639> EDN: TVSKHD.
- Karmazina, M.S. (2016). *Political identities in Modern Ukraine: The city community of Donetsk*. Kiev (In Ukrainian).
- Kasyanov, G.V. (2021). “Decommunization” in Ukraine, 2014–2021: Process, actors, results. *Historical expertise*, 4, 174–200. (In Russian). <http://doi.org/10.31754/2409-6105-2021-4-174-200> EDN: PDSKFQ.
- Malinova, O.Yu. (2019). The politics of memory as an area of symbolic politics. *METHOD: Moscow Yearbook of works from social science disciplines*, 9, 285–312. (In Russian). EDN: EROTGR.
- Miller, A.I. (2008). The past and historical memory as factors of the formation of identity dualism in modern Ukraine. *Political Science (RU)*, 1, 83–100. (In Russian). EDN: IJERRJ.

- Plekhanov, A.A. (2018). The destruction of the space of Soviet symbolic domination in post-Soviet Ukraine. *Political Science (RU)*, 3, 190–216. (In Russian). <http://doi.org/10.31249/poln/2018.03.10> EDN: YPENNR.
- Razumov, R.V. (2025). Features of perpetuating the memory of the Special military operation in the urban space. *Bulletin of Kostroma State University*, 31(3), 183–189. (In Russian). <http://doi.org/10.34216/1998-0817-2025-31-3-183-189> EDN: NPQTNP.
- Zhurzhenko, T. (2022). *Legislative consolidation of historical memory in post-Soviet Ukraine. Laws on memory and historical justice*. Palgrave Macmillan. http://doi.org/10.1007/978-3-030-94914-3_5.

Сведения об авторах:

Беклямишев Владимир Олегович — кандидат политических наук, научный сотрудник Научно-проектного отдела Научно-инновационного управления, Государственный академический университет гуманитарных наук (e-mail: bekliamishev@yandex.ru) (ORCID: 0000-0003-0528-8704)

Сперанский Петр Андреевич — старший преподаватель кафедры истории России, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина (e-mail: pasperanskiy@mail.ru)

About the authors:

Vladimir O. Beklyamishev — PhD in Political Sciences, Researcher at the Scientific and Design Department of Scientific and Innovative Management, State Academic University for the Humanities (e-mail: bekliamishev@yandex.ru) (ORCID: 0000-0003-0528-8704)

Peter A. Speransky — Senior Lecturer at the Department of Russian History, Ural Federal University (e-mail: pasperanskiy@mail.ru)

DOI: 10.22363/2313-1438-2026-28-2-412-430

EDN: VIFWKY

Научная статья / Research article

Обретение мнемонической субъектности: Донбасс в конфликтах исторической памяти

Д.В. Ефременко

Институт научной информации по общественным наукам РАН, Москва, Российская
Федерация

✉ Efdv2015@mail.ru

Аннотация. Динамика мнемонических взаимодействий на территории Донбасса в позднесоветский период, после провозглашения независимости Украины и в период 2014–2025 гг. дает основания выделить несколько этапов содержательной трансформации политики памяти в регионе. После провозглашения независимости Украины интенсифицировались процессы формирования и консолидации региональной идентичности, во многом ставшие реакцией на подъем украинского этнонационализма. Еще до событий 2014 г. сформировались особый исторический нарратив, мнемоническая и символическая политики, в которых значимую роль играла память об исторических событиях советской эпохи, акцентирование связи с российским историко-культурным наследием. В условиях политического кризиса 2013–2014 гг. и после провозглашения независимости ДНР и ЛНР развернулись процессы дальнейшего сближения исторических нарративов народных республик и России. На примере г. Мариуполь показана динамика практик коммеморации и символической политики в условиях временного контроля города киевским режимом и после возвращения города в состав ДНР в 2022 г. Данные процессы могут быть интерпретированы как обретение мнемонической субъектности республиками Донбасса и их интеграция в смысловую и символическую систему политики памяти Российской Федерации.

Ключевые слова: политика памяти, Донбасс, ДНР, ЛНР, Мариуполь, Украина, исторические нарративы, этнонационализм, региональная идентичность, конфликты исторической памяти, мнемонические акторы, символическая политика, памятники

Благодарности. Статья отражает результаты исследования в рамках проекта Российского научного фонда № 25-18-00464, реализуемого в Институте научной информации по общественным наукам РАН.

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Ефременко Д.В. Обретение мнемонической субъектности: Донбасс в конфликтах исторической памяти // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2026. Т. 28. № 2. С. 412–430. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2026-28-2-412-430> EDN: VIFWKY

© Ефременко Д.В., 2026

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Gaining Mnemonic Agency: Donbass in Conflicts of Historical Memory

Dmitry V. Efremenko

Institute of Scientific Information on Social Sciences, *Russian Academy of Sciences, Moscow,
Russian Federation*

✉ Efdv2015@mail.ru

Abstract. The dynamics of mnemonic interactions in the Donbass region in the late Soviet period, after the declaration of Ukraine's independence, and in the period 2014–2025 provide grounds for identifying several stages of the substantive transformation of memory politics in the region. Since the beginning of independence of Ukraine, the processes of formation and consolidation of regional identity intensified, largely becoming a reaction to the rise of Ukrainian ethnonationalism. Even before the events of 2014, a specific historical narrative, mnemonic and symbolic policies were formed, in which the memory of historical events of the Soviet era played a significant role, emphasizing the connection with the Russian historical and cultural heritage. In the context of the political crisis of 2013–2014 and after the proclamation of independence of the DPR and LPR, processes of further convergence of the historical narratives of the people's republics and Russia unfolded. The example of Mariupol shows the dynamics of the practices of commemoration and symbolic policy under the temporary control of the city by the Kyiv regime and after the return of the city to the DPR in 2022. These processes can be interpreted as the acquisition of mnemonic agency by the Donbass republics and their integration into the semantic and symbolic system of the memory politics of the Russian Federation.

Keywords: memory politics, Donbass, DPR, LPR, Mariupol, Ukraine, historical narratives, ethnonationalism, regional identity, historical memory conflicts, mnemonic actors, symbolic politics, monuments

Acknowledgements. The article reflects the results of the research within the framework of the Russian Science Foundation project No. 25-18-00464, implemented at the Institute of Scientific Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences.

Conflicts of interest. The author declares no conflicts of interest.

For citation: Efremenko, D.V. (2026). Gaining mnemonic agency: Donbass in conflicts of historical memory. *RUDN Journal of Political Science*, 28(2), 412–430. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2026-28-2-412-430> EDN: VIFWKY

Введение

В известном эссе «Имеет ли Украина историю?» Марк фон Хаген начинает свои рассуждения с политической версии ответа на поставленный вопрос: если Украина имеет будущее, она будет иметь историю [Hagen 1995 : 658]. Эта версия показалась фон Хагену тривиальной, он не счел нужным обстоятельно ее комментировать. Между тем сегодня, спустя тридцать лет после публикации эссе, такой или ему подобный ответ (например: если Украина не имеет будущего, то утратит и историю) очевидными не кажутся. Сформированный за эти три десятилетия конструкт, который очень обтекаемо можно назвать продуктом

работы с историческим прошлым, скорее всего, не исчезнет даже в случае прекращения украинской государственности. И это тоже серьезная политическая проблема, имеющая поколенческое и географическое измерения.

Верно предсказав направление формирования доминирующего исторического нарратива независимой Украины — «телеологический триумф эссенциалистской, изначально существовавшей украинской нации» [Hagen 1995 : 663], фон Хаген акцентировал внимание на специфических обстоятельствах развития исторических исследований на Западе после распада СССР, когда многие советологи / русисты попутно заявили о себе и как о специалистах по украинской истории (он сам был ярким выразителем этой тенденции). Сегодня в России мы можем сказать, что это был еще не худший вариант. Когда политические обстоятельства сформировали достаточный спрос на экспертное знание по Украине, вдруг обнаружилось, что украинистом может оказаться едва ли не любой российский представитель научного знания (даже не обязательно социально-гуманитарного). Можно вполне обоснованно заявить, что сейчас в России «проседает» любая страноведческая экспертиза, и даже не совсем понятны перспективы российской русистики. Однако провал экспертизы по Украине имел особенно высокую цену. Поэтому формирование действительно профессионального экспертного сообщества, сфокусированного на украинской проблематике (в особенности на ее региональном измерении вне зависимости от будущей государственной принадлежности тех или иных территорий), является одним из важнейших вопросов национальной безопасности России.

В настоящей статье в фокусе внимания будет Донбасс — территория Донецкой и Луганской народных республик в административных границах бывших Донецкой и Луганской областей УССР / Украины. Вопрос фон Хагена применительно к Донбассу сохраняет свою актуальность. По крайней мере, надо понять, была ли / есть ли у Донбасса, сделавшего выбор в пользу интеграции в состав России, украинская история помимо воспоминаний об административно-территориальной принадлежности к УССР / Украине. И что есть сам Донбасс, какая из его многочисленных репрезентаций («сердце России», «убежище для людей с непростой судьбой», «пространство негативной свободы», «резерват патронально-клиентельных отношений», фронтирная зона и т.д.) выдерживает испытание временем?

Очевидно, что интенсивная трансформация доминирующей региональной идентичности резонирует с идентичностью российской, но остается ли при этом связь с «чистой» украинской идентичностью (любопытно, что фон Хаген без обиняков называл такую идентичность химерой)? Несомненно, что речь в данном случае идет о разворачивающемся в историческом пространстве/времени взаимодействии нескольких (как минимум трех) групповых идентичностей. Такое взаимодействие можно рассматривать в различных теоретико-методологических ракурсах, но для валидности выводов требуется подход, лишенный исходной предвзятости и методологического лукавства, когда, например, одна из идентичностей рассматривается в оптике социального конструктивизма, а другая подается в сугубо эссенциалистском ключе. Можно,

в частности, принять за основу тезис о том, что Донбасс представляет собой воображаемое сообщество (в смысле Б. Андерсона), не претендующее на статус нации, но в котором доминирующими являются региональная специфика и особенности социокультурного опыта [Коржов 2006 : 41].

В данном контексте важно учитывать, что становление Донбасса как регионального воображаемого сообщества происходит во взаимодействии с другими воображаемыми сообществами, в числе которых Украина претендует на статус нации. Строго говоря, для становления Украины в этом качестве и сам Донбасс чрезвычайно важен, причем ведущие акторы национальной консолидации Украины пошли по пути дискриминации и полного отторжения донбасской идентичности. В результате Украина, украинская национальная идея еще занимают в идентичности жителей Донбасса значимое место, но это место уже не «своего», а «чужого», чья враждебность и категорическое нежелание взаимодействовать на основе взаимного уважения максимально ускорили процесс трансформации региональной идентичности Донбасса в определенном направлении.

Идентичность и политика памяти в Донбассе от перестройки до провозглашения народных республик

Если брать за точку отсчета даже не официальное провозглашение украинской независимости, а горбачевскую перестройку, то становится понятным, что существовало несколько траекторий эволюции доминирующей идентичности населения региона. В частности, особенностью участия горняков Донбасса в шахтерских забастовках 1989 г., ставших тяжелым потрясением для всей позднесоветской политической системы, было требование передачи шахт и предприятий в юрисдикцию Украинской ССР, а в дальнейшем — поддержка экономической самостоятельности и государственной независимости Украины. Стачечное движение Донбасса, оставаясь по преимуществу движением социальной направленности [Petro 2023 : 204], шло на сотрудничество с народным Рухом Украины, в том числе по вопросу о статусе украинского языка. Для шахтеров дистанцирование от союзного центра и поддержка требований независимости Украины были обусловлены расчетами на то, что Киев будет меньше эксплуатировать Донбасс, чем Москва [Kuromiya 1998].

Однако сотрудничество стачечного шахтерского движения и Руха не было продолжительным и устойчивым. Оно сошло на нет после того, как украинские националисты (та сравнительно умеренная их часть, которая была представлена Рухом) сочли достаточным использование шахтерского движения в своих политических интересах. Львовский историк Я. Грицак вполне откровенно пишет о мимолетности сближения рабочего и националистического движений:

«На короткое время Львов и Донецк сошлись политически. Основой сближения было общее желание выйти из-под диктата всесоюзного центра. Собственно, союз национального Львова и рабочего Донецка в значительной степени позволяет объяснить, почему после провала коммунистического

переворота в августе 1991 г. Украине удалось сравнительно легко обрести свою независимость и провозгласить выход из СССР. Этот союз, однако, базировался на прагматических интересах, а не на определенных ценностях. С исчезновением общего врага этот союз распался и вчерашние соратники превратились в ярых соперников» [Грицак 2007].

У шахтеров Донбасса появлялось все больше вопросов в отношении дальнейших намерений активистов движения за независимость Украины. Региональный оппонент националистов — интердвижение Донбасса, созданное в 1989 г. при поддержке властей Донецкой области, — после 1990 г. в основном действовало автономно и поначалу не располагало значительной поддержкой населения. Ситуация начала достаточно быстро меняться в 1992–1994 гг. Наместились важные изменения в настроениях жителей Донбасса, связанные как с нарастанием социально-экономических трудностей, многократно усиленных распадом СССР и дезинтеграцией единого советского хозяйственного комплекса, так и с усилением этнонационалистической риторики, одной из особенностей которой стало фактическое деление граждан Украины на два сорта в зависимости от языковых, культурных и политических предпочтений. Интердвижение заметно сблизилось с шахтерским движением и постепенно оказало трансформирующее влияние на его политическую программу. Уже в 1992 г. требования федерализации Украины и восстановления тесных экономических и политических связей с Россией стали доминирующими в программах большинства политических сил и общественных движений Донбасса. Эволюция региональной идентичности еще не означала в тот момент полного антагонизма с доминирующими установками независимой украинской государственности, однако она пошла в направлении осознания культурных, исторических и социально-экономических особенностей региона, существенно отличавших его от большинства других территорий в составе Украины.

Не менее важное значение имело укрепление позиций региональных элит и перехват их представителями контроля над промышленным потенциалом Донбасса, что обеспечило последним стратегические преимущества в масштабах всей Украины. В сущности, региональные элиты в немалой степени поощряли формирование особой идентичности Донбасса, рассчитывая, однако, использовать ее носителей как важный ресурс в конкуренции с элитами / олигархическими группами, опирающимися на другие регионы Украины, а также в отношениях с центральной властью в Киеве. Проблематика дальнейшей внутриэлитной борьбы очень важна для понимания сути конфликта, который недостаточно рассматривать только в оптике противостояния Киев — Луганск и Киев — Донецк, а также в контексте геополитических интересов Российской Федерации. Помимо верхних слоев региональной элиты, составивших костяк олигархических групп и партийных структур общеукраинского масштаба (Партия Регионов, КПУ), необходимо принимать во внимание активность представителей элиты среднего звена и различных общественных групп, проявлявших достаточно высокий уровень самостоятельности и оказывавших значительное влияние на культурное и политическое самоопределение жителей Донбасса.

Учет этого обстоятельства дает основания интерпретировать события 2014 г. в качестве гражданской войны «внутри Русского мира» [Arel, Driscoll 2023].

Несмотря на то, что региональные элиты и олигархические группы Донбасса были ориентированы на интеграцию в политико-экономический ландшафт Украины и — насколько возможно — реформативное изменение этого ландшафта под себя, их попытки манипулировать настроениями жителей региона в конечном счете способствовали укреплению особой идентичности Донбасса. Маркером значимых изменений в Донбассе стало проведение 27 марта 1994 г. в Донецкой и Луганской областях консультативных референдумов одновременно с общеукраинским голосованием на парламентских выборах. В Донецкой области избирателям были заданы вопросы о закреплении в конституции Украины федеративно-земельного устройства, придании русскому языку статуса второго государственного языка, об участии Украины в существующих форматах межгосударственной интеграции на постсоветском пространстве (власти Луганской области не решились включить в бюллетени вопрос о переходе Украины к федеративному устройству). На все вопросы избиратели Донбасса дали положительные ответы с перевесом от 79 до 90 % голосов [Flynn 1996]¹.

Референдумы 1994 г. в Донбассе способствовали электоральному успеху Л.Д. Кучмы, который, однако, после вступления в должность президента Украины предпринял усилия в направлении значительно большей централизации политической власти при одновременном усилении позиций олигархических групп на региональном уровне. Сам режим Кучмы можно рассматривать как вариант неопатримониальной системы организации власти [Fisun, Movchan 2023], основой которой служила негласная коалиция нескольких олигархических групп (прежде всего днепропетровских и донецких), а президент Украины выступал в роли неформального арбитра. Западные регионы Украины, оказавшиеся на периферии системы доступа к ресурсам и их перераспределения, получили своеобразную «компенсацию» через фактическое признание их лидирующей роли в этноцентричной политике идентичности. То обстоятельство, что Л.Д. Кучма и глава его администрации (в 1996–2003 гг. — советник) Д.В. Табачник стремились сдерживать наиболее деструктивные проявления этнонационализма, породило своеобразный эффект, когда представители Западной Украины, задавая основной вектор образовательной и культурной политики, одновременно рассматривали себя в качестве оппозиции президентской власти, якобы идущей на слишком значительные уступки в пользу русскоязычного электората.

Хотя режим Кучмы приложил значительные усилия для ограничения инициативы общественных сил Донбасса и обеспечения лояльности Донецкой и Луганской областей Киеву, именно с середины 1990-х гг. закрепилось представление о политической и идентитарной биполярности Украины, где полюсами противостояния оказываются Донбасс и Галичина. При всей условности противопоставления «двух полюсов» (в территориальном отношении Украина

¹ См.: *Маковцев А.* Донбасс — предпосылки и предыстория народных республик // РЕГNUM, 22 марта 2017 г. URL: <https://regnum.ru/article/2252676> (дата обращения: 11.08.2025).

до 2014 г. представляла собой намного более нюансированную картину политических, языковых и культурных предпочтений), эта дивергенция на протяжении 1990 — 2000-х гг. продолжала усиливаться. Вместе с тем наблюдалась и характерная асимметрия между Донбассом и Галичиной, которую фиксировали и социологические замеры (по материалам опросов в Донецке и Львове). Если в крупнейшем центре Галичины доминировала этническая самоидентификация, проецируемая на всю страну, то для жителей Донецка важнейшую и всю более усиливающуюся роль играла территориальная принадлежность. На этом фоне прирост популярности украинской национальной идентичности в Донбассе был незначительным при одновременном, довольно быстром сокращении самоидентификации в качестве советского человека или этнического русского².

Иначе говоря, в условиях нарастающего украинизаторского давления региональная идентичность выступала временным субститутом русского этнического самосознания, а также заменой самоидентификации, связанной с СССР. Разумеется, никакого сближения с украинством в галицийской версии не происходило, систематической попытки построения украинской политической нации или — в версии А. Степана, представленной после «оранжевой революции» — государства-нации [Stepan 2005], предпринято не было. Если в качестве усилия, направленного на преодоление конфликта идентичностей, рассматривать публикацию книги Л.Д. Кучмы «Украина — не Россия» (2003), то это усилие оказалось явно запоздалым, оно было в меньшей степени ориентировано на внутреннюю аудиторию, поскольку основным адресатом был российский читатель, которого автор стремился убедить в необходимости принятия независимости Украины как исторической неизбежности. Фактически накануне «Оранжевой революции» нарастала внутренняя дивергенция, лишь усиленная нарративом о «двух Украинах» [Рябчук 2003], в котором Донбасс становился объектом стигматизации.

В критический момент событий «Оранжевой революции» обнаружилась высокая степень радикализации довольно разнородных общественных сил Донбасса, которые, однако, проявили готовность к солидарным действиям на основе неприятия идеологии и программы первого Майдана. До этого население Донбасса как электоральный ресурс активно использовалось Партией регионов и КПУ; Ринат Ахметов и другие представители донецкого олигархата могли уверенно заявлять, что их главным активом являются не только производственные мощности, но в первую очередь десятки тысяч работников контролируемых ими предприятий. Однако в ходе экстренно созванного 28 ноября 2004 г. в Северодонецке I Всеукраинского съезда народных депутатов всех уровней оказалось, что многие его участники готовы к более решительным шагам по сравнению с теми, на которые были готовы пойти лидеры Партии регионов. Политическое обособление юго-восточных регионов Украины и другие решения, которые лидерам регионалов виделись в качестве мощного

² Дворников В.Г. Региональная идентичность и её влияние на исторический выбор Донбасса // Профобразование. 16 мая 2024. URL: <https://проф-обп.рф/blog/2024-05-16-2118> (дата обращения: 11.08.2025).

средства давления на их оппонентов из «оранжевого лагеря», могли стать реальностью, имеющей необратимые геополитические последствия. В результате В.Ф. Януковичу пришлось призывать участников съезда к более компромиссной позиции, сохранявшей возможности для продолжения политического торга между Партией регионов и руководством первого Майдана.

Съезд в Северодонецке не привел к отделению Донбасса и других регионов Восточной и Южной Украины, но показал направление сопротивления подъему этнонационализма; среди участников съезда были деятели, десять лет спустя внесшие свой вклад в создание Донецкой и Луганской народных республик. Помимо политико-организационной составляющей сопротивление «Оранжевой революции» значительно усилило идейную борьбу и активность на поле исторической памяти. Особенно значимым для обретения Донбассом мнемонической субъектности было обращение к истории создания Донецко-Криворожской советской республики. Наиболее важный вклад в эту работу внесли ведущие деятели Интердвижения Донбасса братья Дмитрий (1962–2002) и Владимир Корниловы. Последний опубликовал книгу «Донецко-Криворожская республика. Расстрелянная мечта» [Корнилов 2011], выход которой снял почти столетнее табу с широкого обсуждения данной темы. Разумеется, дело не ограничилось заполнением одной из лакун в историческом знании. Фактически братья Корниловы сумели сформировать «миф основания» будущих ДНР и ЛНР. Впоследствии, 9 февраля 2015 г., Народный совет ДНР принял меморандум о правопреемственной связи ДКСР и ДНР. Но помимо историко-правовых оснований легитимности ДНР отсылка к ДКСР давала возможность выстроить и достаточно связный нарратив, в котором можно выделить следующие смысловые компоненты:

- самостоятельная государственная традиция, отдельная от тех несоветских проектов государственности Украины, которые выполняют сегодня функцию украинского мифа основания;
- историко-культурная и социально-классовая специфика, определяемая бурной индустриализацией «с нуля» во второй половине XIX в. на фоне незначительного влияния сельской (хуторской) культуры или культуры старых городских центров, опирающихся на традицию магдебургского права;
- интернационализм, предпочтение социальных и территориальных ценностей этническим;
- ориентация на Россию при одновременном отстаивании местных интересов;
- сопротивление иноземному вторжению.

В этом нарративе ликвидация ДКСР рассматривалась в качестве пагубной ошибки Москвы. В то же время в него удачно вписывались последующие события и процессы — трудовой подвиг рабочих Донбасса во время сталинской индустриализации, сопротивление немецко-фашистским захватчикам, послевоенное восстановление, глубокое укоренение советских социокультурных паттернов, стачечное движение во второй половине 1980-х гг., сопротивление этнонационалистическому давлению после обретения Украиной независимости. Одновременно происходил своеобразный апгрейд перечня героев Донбасса, открывали который лидер ДКСР Артем (Ф.А. Сергеев) и другие деятели

этой республики; список продолжали ударники-стахановцы, герои Великой Отечественной войны, молодогвардейцы, советские государственные деятели послевоенного периода (в особенности первый секретарь Донецкого обкома КПУ в 1963–1976 гг. В.И. Дегтерев), воины-интернационалисты и ликвидаторы последствий катастрофы на Чернобыльской АЭС, связанные с Донбассом деятели науки и культуры, получившие общесоюзную известность.

Следует отметить, что некоторые важные компоненты регионального исторического нарратива и символической политики начали формироваться еще ранее, во второй половине 1990-х гг. (более интенсивно — в период, когда Донецкую областную администрацию возглавил В.Ф. Янукович). Фактически это была часть дискурсивного контрнаступления, нацеленного на консолидацию электората Донбасса и всего Юго-Востока Украины. Заметно увеличилось количество публикаций историко-краеведческой направленности, посвященных различным населенным пунктам Донбасса или региону в целом. В плане сохранения топонимического и мемориального наследия предыдущих эпох Донбасс, как и весь Юго-Восток Украины, представлял прямую противоположность западным регионам, где развернулась широкая кампания отказа от типичных советских топонимов, сноса памятников В.И. Ленину и другим деятелям коммунистической эпохи, глорификации ОУН-УПА³, других сил и представителей украинского националистического пантеона.

Реконструкция и возведение новых мемориальных объектов в Донецкой и Луганской областях дополнительно выявили следующие тенденции:

- акцентирование связи с наследием православной духовной культуры, историческими событиями и традицией словесности Древней Руси (памятник Кириллу и Мефодию в Донецке (2011); памятник автору «Слова о полку Игореве» в Луганске (1994); памятник князю Игорю Святославовичу и его дружине близ Станицы Луганской (2003; восстановлен в 2022 г.), откуда по преданию начался его поход против половцев; скульптурная композиция в Донецке, посвященная князю Александру Невскому (2011); памятник Петру и Февронии в Донецке (2013));
- памятование организаторов крупных производств и основателей ряда городов Донбасса во второй половине XIX в. (памятник Д. Юзу (Хьюзу) в Донецке (2001); памятник П.Н. Горлову в Горловке (1999); бюст К. Гаскойна в Луганске (1995); памятник Ф.Е. Енакиеву в Енакиеве (2010); бюст Н.П. Холодилина в Луганске (1996); памятник А.К. Алчевскому в Алчевске (1995));
- демонстрация выдающегося вклада уроженцев Донбасса в науку и культуру имперского и советского периодов (памятник В.И. Далю в Луганске (2010); открытие мемориального музея В.И. Немировича-Данченко в селе Нескучном (1993); открытие музея С.С. Прокофьева в селе Красное (1991); присвоение имени С.С. Прокофьева аэропорту Донецка (2012); памятник М.Л. Матусовскому в Луганске (2007); памятник П.Б. Луспекаеву в образе таможенника Вереща-

³ Организация украинских националистов (ОУН) и Украинская повстанческая армия (УПА) внесены Минюстом РФ в перечень нацистских организаций. ОУН и УПА признаны в России экстремистскими организациями и запрещены.

гина в Луганске (2011); памятник А.Б. Соловьяненко в Донецке (2002); памятник И.Д. Кобзону в Донецке (2003);

- установка новых памятников солдатам и полководцам Великой Отечественной войны, почитание памяти жертв преступлений немецко-фашистских захватчиков и их пособников (памятник жертвам Холокоста в Донецке (2006); памятник Н.Ф. Ватутину в Донецке (2009); памятник жертвам ОУН-УПА⁴ в Луганске (2010));

- памятование жертв политических репрессий (памятник на месте расстрела жертв политического террора 1930—1940-х гг. в Донецке (2005);

- демонстрация уважения к заслугам советских, партийных и хозяйственных деятелей послевоенного периода (памятник В.И. Дегтереву в Донецке (2001); памятник А.З. Астраханю в Донецке (2007)).

На фоне этого далеко не полного перечня актов символической и мемориальной политики, инициированных местными властями и общественными группами, влияние установок, характерных для мнемонической и символической повестки Западной Украины было ограниченным и чаще всего сталкивалось с неприятием гражданского общества. В 2001 г. на фасаде здания филологического факультета Донецкого государственного университета была установлена мемориальная доска учившемуся здесь поэту В.С. Стусу, арестованному в 1972 г. по обвинению в антисоветской агитации и пропаганде и скончавшемуся в 1985 г. в лагере Пермь-36; в 2012 г. музей Стуса открылся в Донецкой универсальной научной библиотеке им. Н.К. Крупской. У многих жителей города памятование Стуса, далеко не относившегося к числу патриотов Донбасса, вызывало отрицательную реакцию. Однако настоящий всплеск протестов вызвала попытка назвать его именем Донецкий национальный университет, основанием для которой послужило обращение группы студентов к президенту Украины В.А. Ющенко. В феврале 2009 г. большинство студентов, а затем и конференция трудового коллектива ДНУ подавляющим большинством голосов (283 из 284) отвергли эту инициативу; Верховная Рада воздержалась от переименования университета своим постановлением⁵. Мемориальная доска была демонтирована в 2015 г., а музей закрыт. В то же время т.н. Донецкому национальному университету в изгнании (он образован с привлечением части сотрудников ДНУ, перебазировавшихся после провозглашения ДНР в Винницу) в 2016 г. все-таки было присвоено имя В. Стуса.

Ведущей тенденцией 2000-х гг. было усиление разногласий между мнемоническими акторами Донбасса и властями в Киеве, в период президентства В.А. Ющенко активно продвигавшими ряд спорных мемориальных инициатив. Установка в ряде городов Донбасса памятников жертвам Голодомора⁶ стала результатом давления со стороны президентской команды (позднее они были

⁴ ОУН и УПА признаны в России экстремистскими организациями и запрещены.

⁵ Довнар В., Колгушев Я. Имя Василя Стуса останется незамаренным // Коммерсант. 20 февраля 2009. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/1123502> (дата обращения: 11.08.2025).

⁶ Официальная позиция Российской Федерации заключается в том, что Голодомор не является геноцидом украинского народа. Согласно этой трактовке, голод 1932–1933 гг. был общей трагедией для всего многонационального населения СССР.

демонтированы на территориях, перешедших под контроль народных республик). В свою очередь главы областных администраций, напрямую подчиненные президенту, блокировали некоторые местные инициативы, как, например, планы установки в Луганске памятника Екатерине II (показательно, что представители «оранжевой» власти сами охотно участвовали в акциях, связанных с памятью о нероссийских монархах: например, спикер Верховной Рады А.П. Яценюк в 2008 г. заложил камень в основание памятника австрийскому императору Францу-Иосифу в Черновцах [Portnov 2013]). Вместе с тем региональные власти поощряли или скрытно содействовали другим инициативам, которые означали прямой вызов политике памяти Киева. На фоне присвоения президентом Ющенко званий героя Украины Степану Бандере⁷ и Роману Шухевичу явным вызовом стало открытие в Луганске памятника жертвам ОУН-УПА⁸.

При общем консервативном подходе в Донбассе к памятникам советской эпохи некоторые из них претерпели своеобразную «перекодировку». Так, памятник Т.Г. Шевченко, установленный в 1955 г., в первом десятилетии XXI в. стал символическим аттрактором для оппонентов Партии регионов, которые в 2013–2014 гг. пытались организовать вокруг этого памятника донецкий евромайдан; соответственно, памятник В.И. Ленину становился центром притяжения для сторонников КПУ, а также тех жителей города, кто активно выступал за более тесное сближение с Россией. Памятник Ленину также несколько раз становился объектом акций вандалов [Mikheeva 2025]. «Ленинопад» — важная составляющая событийного ряда националистического переворота 2013–2014 гг. — воспринимался в Донбассе особенно обостренно, поскольку указывал на неизбежность насильственной перекройки чуждыми региону силами не только привычного символического ландшафта, но и самой региональной идентичности.

В целом есть достаточно оснований для вывода о том, что еще накануне событий 2014 г., в период контроля Донбасса со стороны Партии регионов, происходила не только консолидация региональной идентичности, во многом усиленная необходимостью противостояния этнонационалистическому натиску, но также и обретение Донбассом мнемонической субъектности. Утвердившийся исторический нарратив и соответствующая ему символическая политика не были антиукраинскими, но история Украины (особенно в ее националистической версии) оказалась востребованной лишь в незначительной степени, главным образом под давлением киевских властей. Исторический нарратив Донбасса в основной своей части опирался на восприятие и приспособление исторического наследия Российской империи и особенно Советского Союза.

⁷ Официальная позиция МИД РФ состоит в том, что фигура Степана Бандеры признается нацистом и военным преступником. В частности, официальный представитель МИД России Мария Захарова прокомментировала архивный документ ЦРУ о Степане Бандере: «Украинский фашист и профессиональный агент Гитлера»: в МИД России оценили архивный документ ЦРУ о Бандере // RT на русском. 24.01.2020. URL: <https://russian.rt.com/world/article/711231-cru-arhiv-bandera-posobnik-gitler?ysclid=mqnvh40vhp123579121> (дата обращения: 11.08.2025).

⁸ ОУН и УПА признаны в России экстремистскими организациями и запрещены.

Создание народных республик в Донбассе означало как разрыв с режимом в Киеве, утвердившимся после победы Евромайдана, так и смену власти на части территорий Донецкой и Луганской областей, где прежде господствовала Партия регионов. Однако в плане политики памяти сохранилась высокая степень преемственности; скорее, можно говорить об интенсификации и радикализации политики памяти, отказе от уступок в пользу националистической версии украинского исторического нарратива. А. Воронович, сравнивая политики идентичности и исторической памяти в республиках Донбасса и Приднестровской Молдавской Республике использовал термин «интернационалистский сепаратизм», имея в виду, что эти три непризнанных государственных образования для обоснования собственной легитимности апеллировали к полиэтничности состава своего населения, который является значимой ценностью, противоположной этнонационалистическим установкам «материнских» государств [Voronovici 2020]. При этом в случае республик Донбасса этнические украинцы рассматриваются как полноправная и неотъемлемая часть многонационального народа ДНР и ЛНР, обогащающая его своими культурными традициями. Фактически же на разных этапах существования ДНР и ЛНР в качестве непризнанных государств (2014–2022) имели место неоднократные колебания от акцентированного интернационализма до апелляции к русскому ирредентизму и дискурсу о Новороссии [Бабкина 2020], обусловленные достаточно острой внутривластной борьбой в республиках Донбасса, влиянием российских политических акторов и динамикой противостояния с киевским режимом.

Случай Мариуполя

Ряд особенностей политики памяти в Донбассе целесообразно проследить на примере Мариуполя — второго по численности населения города ДНР, ключевого индустриального и портового центра. Как известно, в 2014 г. властям ДНР не удалось сохранить контроль над городом, после чего вплоть до лета 2022 г. Мариуполь находился в режиме фактической оккупации силовых структур киевского режима и военизированных формирований ультранационалистов. Соответственно, после возвращения Мариуполя в состав ДНР республиканским властям приходится преодолевать наследие действий режима, контролирующего Украину после переворота 2014 г.

Мариуполь под контролем Киева (2014–2022)

Рассмотрение мнемонического ландшафта Мариуполя в период 2014–2022 гг. представляется весьма важным для понимания того, с чем приходится иметь дело руководству ДНР и Москве в плане политики памяти. Следует, прежде всего, учитывать, что в данный период, после утраты контроля постмайданных властей над Донецком, Мариуполь был крупнейшим городским центром Донецкой области Украины, где располагались региональные органы законодательной власти и силовые структуры (Областная государственная администрация в октябре 2014 г.

была перенесена в Краматорск). Через город проходили финансовые потоки, связанные уже не только с бизнес-империей Рината Ахметова и Вадима Новинского, но и с правительством в Киеве. После Минска-2 режим Петра Порошенко предпринял ряд усилий, призванных сделать из Мариуполя своеобразную «витрину» политики украинизации Донбасса. Город, сохранявший характерный облик индустриального центра советской эпохи, но постепенно приходивший в упадок в новые времена украинской независимости, стал после 2014 г. объектом показательной активности властей разного уровня. Обновлялись фасады зданий в центре города, модернизировался городской транспорт, осваивались средства на развитие рекреационных зон. Мариуполь был сильно затронут процессами внутренней миграции, связанными с военными действиями 2014–2015 гг. Вслед за Киевом и крупными областными центрами Украины Мариуполь привлекал к себе значительное количество выходцев из Донецка и других населенных пунктов, сохранявших лояльность постмайданной власти. Это обстоятельство способствовало расширению емкости местного рынка труда, некоторому росту предпринимательской активности и развитию культурных инициатив проукраинской направленности [Balazs 2018]. Последняя тенденция подпитывалась целенаправленной поддержкой со стороны разного рода неправительственных организаций, базирующихся за пределами Донбасса, а также грантами Европейского союза, USAID и других западных структур, осуществлявших политически мотивированное финансирование.

Однако утверждение о том, что в период 2014–2022 гг. Мариуполь находился в «активном поиске своей идентичности» [Zubar, Afanasieva 2023 : 104], представляется лукавством. Если это и был поиск, то лишь в одном направлении, в условиях фактической эксклюзии городского большинства, в мае 2014 г. высказавшегося в поддержку суверенитета ДНР (более 92 % участвовавших в голосовании). По сути, только после 2014 г. началась украинизация городского пространства, остававшегося на протяжении всех предшествующих лет украинской независимости типично советским.

Одним из первых символически значимых шагов стал снос памятника В.И. Ленину в августе 2014 г., осуществленный не на основании официального решения органов власти, а как «инициатива группы неизвестных лиц», после трех неудачных попыток сбросивших памятник с пьедестала под покровом ночи с помощью металлического троса и автомобиля. Можно предположить, что снос памятника по официальному распоряжению властей мог спровоцировать протесты жителей, часть которых несколькими неделями ранее сопротивлялась захвату Мариуполя украинскими вооруженными формированиями. На постаменте снесенного памятника впоследствии появлялись надписи с осуждением действий киевского режима и предсказанием возвращения города под контроль ДНР⁹, причем происходило это на незначительном удалении от места дислокации военизированного формирования ультранационалистов — так

⁹ См.: Гусельников А. «Ленин жив, ушел в ополчение». Вождь пролетариата сделал неожиданное заявление в Мариуполе // URA.RU. 11 июня 2015. URL: <https://ura.news/news/1052211464> (дата обращения: 11.08.2025).

называемого полка «Азов»¹⁰. В свою очередь представители последнего даже без разрешения местных властей установили вместо памятника Ленину памятник князю Святославу (странным образом сохранившему некоторое внешнее сходство с вождем мирового пролетариата), который, однако, был демонтирован при реконструкции площади в 2019 г. Таким образом, «Азов»¹¹ выступил в качестве мнемонического актора, стремящегося навязать свой нарратив всем другим акторам локального пространства памяти. Данные коллизии вполне могут быть интерпретированы как столкновение коллективной памяти и контрпамяти различных групп. Однако это конфликт в острой стадии, исключающий модальность компромисса или некоего мемориального синтеза [Land 2023].

В 2016 г., была предпринята масштабная акция по устранению советского топонимического наследия, объектами которой стали 75 улиц и площадей Мариуполя. Части улиц были возвращены исторические дореволюционные названия; ряд новых названий напоминал о значительной роли греческой общины в жизни города; укрепить украинскую идентичность Мариуполя должны были переименования нескольких улиц в честь таких деятелей культуры как Иван Франко или Михаил Грушевский, которые, очевидно, не вызывали отторжения у коренных жителей города.

Некоторую полифонию в обсуждении проблематики идентичности и историко-культурного наследия Мариуполя должна была обеспечить реализация командой украинских и польских кураторов проекта «Порт культур». Не рассчитывая на успех сугубо украиноцентричного нарратива, участники проекта делали упор на европейскость, мультиэтничность и мультиконфессиональность городской идентичности, по возможности камуфлируя то обстоятельство, что такая идентичность напрямую связана с особым подходом властей Российской империи к развитию этих территорий. Вместе с тем предпринимались усилия противопоставить общепринятой версии основания города в 1780 г. (после переселения в эту местность крымских греков на основании рескрипта Екатерины II) «украиноцентричную» версию, делающую упор на предполагаемом основании в конце XVI в. запорожскими казаками сторожевого поста в устье реки Кальмиус, уничтоженного в 1769 г. в ходе набега крымских татар. В частности, был проведен специальный архитектурный конкурс, подтекстом которого было закрепление украинского исторического приоритета в соответствующей локации современного Мариуполя [Zubar, Afanasieva 2023: 110].

Наиболее значимым шагом украиноцентричной символической политики в Мариуполе стала реконструкция площади Свободы. По сути, это было целенаправленное усилие символически закрепить данное городское пространство в домене той официальной версии украинской национальной памяти [Zubar, Afanasieva 2023: 111], которая утвердилась после переворота 2014 г. В частности, скульптуры 25 голубей выступали визуальными образами не только мирной

¹⁰ Украинское военизированное националистическое объединение «Азов» (другие используемые наименования: батальон «Азов», полк «Азов») признано в России террористической организацией.

¹¹ Признан в России террористической организацией.

жизни, но и такого же количества регионов Украины (с обязательным включением в это число Крыма, Донецкой и Луганской областей). Ансамбль площади также был «дополнен» памятником жертвам Голодомора 1930-х гг. и памятным знаком в честь украинских военнослужащих, погибших в ходе так называемой Антитеррористической операции в 2014 г. Ежевечерне на площади Свободы организовывалось лазерное шоу, призванное усилить визуальный и эмоциональный эффект преобразования городского пространства.

В целом, однако, изменения периода 2014–2022 гг., носили достаточно поверхностный характер. Большинство местных жителей город воспринимался как мощный индустриальный центр, чье символическое пространство и идентичность сформированы преимущественно в советскую эпоху. Довольно тонкий налет визуальной «украинскости» рассматривался скорее как неизбежная дань политически предписанным правилам игры, в которых приходилось существовать и действовать мариупольцам, особенно с учетом постоянно усиливавшегося присутствия в городе ультранационалистических групп и вооруженных формирований.

Мариуполь в составе ДНР и России

Кровопролитные и разрушительные военные действия на территории Мариуполя весной 2022 г., завершившиеся изгнанием из города вооруженных формирований киевского режима, восстановлением контроля властей ДНР, а с 30 сентября 2022 г. — вхождением Мариуполя вместе со всей ДНР в состав России, стали рубежом и с точки зрения политики памяти. Первые изменения были связаны с новой символикой специальной военной операции: еще в начале мая 2022 г., когда в городе продолжались боевые действия в районе «Азовстали», на площади Ленинского комсомола в присутствии заместителя главы администрации Президента РФ С.В. Кириенко был установлен памятник «бабушке с красным флагом». Как известно, фактологической основой этого нового символа стал эпизод начала апреля 2022 г., когда пожилая жительница харьковского пригорода Анна Иванова вышла с флагом СССР навстречу группе военнослужащих, полагая, что это российские солдаты. На деле это были солдаты ВСУ, один из которых вырвал из рук женщины флаг и растоптал его. В ответ Анна Иванова отвергла предложение визитеров оставить ей продукты. Позднее украинские пропагандисты, пользуясь тем, что женщина находится на подконтрольной киевскому режиму территории и на нее оказывается мощное психологическое давление, отсняли с ее участием ряд материалов, призванных девальвировать символическую значимость ее поступка. Тем не менее посвященные этому событию муралы и памятники появились в ДНР, ЛНР, Крыму и ряде российских регионов, акцентируя поколенческую связь между борьбой СССР с фашизмом и миссией СВО.

В Мариуполе, как и во всех населенных пунктах, возвращающихся под контроль ДНР, были обнулены все действия периода 2014–2022 гг. по изменению топонимики. В частности, площади Свободы было возвращено имя Ленина, присвоенное в советские времена. Данный подход постулирует неправомерность решений украинских органов власти, сформированных после

переворота 2014 г., но при этом сохраняет возможность для последующих изменений топонимики. На деле реализация данного подхода зачастую выглядит как ресоветизация, дополняемая в ряде мест восстановлением памятников коммунистическим вождям. Этот эффект традиционно эксплуатируется украинской пропагандой, но он нередко порождает критические высказывания и в самих республиках Донбасса. Так, возвращение площади Свободы имени Ленина вызывало отторжение у тех сторонников интеграции в состав России, кто отрицательно относится к коммунистической идеологии и к той роли, которую сыграло большевистское руководство в распространении украинского политико-административного контроля на территорию Донбасса¹².

Эффективная интеграция Мариуполя в смысловое и символическое пространство России началась с устранения или преобразования тех политически индуцированных новаций в облике города, которые были осуществлены при режимах Порошенко и Зеленского. Уже в 2022 г. произведена реконструкция площади Ленина, в ходе которой были демонтированы памятник жертвам Голодомора, памятный знак в честь украинских военнослужащих, погибших в 2014 г., и некоторые другие архитектурно-художественные элементы. Центральное положение в реконструированном ансамбле площади занял установленный в сентябре 2022 г. памятник князю Александру Невскому, символизирующий традиции воинской славы России и отпора иноземным захватчикам. Установка памятника Александру Невскому фиксировала важную веху в процессе интеграции Мариуполя в сферу исторической памяти, значимой для всей России.

Приоритетное значение для мемориальной и символической политики в Мариуполе, как, впрочем, во всем Донбассе, Запорожской и Херсонской областях, имеет восстановление памятников героям Великой Отечественной войны. Восстановление предполагает не только устранение следов физического ущерба, связанного с боевыми действиями, но и возвращение к исходному облику соответствующих памятников, то есть устранение «поправок», внесенных в их облик после обретения Украиной независимости и особенно после переворота 2014 г. В ряде случаев это означало возвращение первоначальных версий надписей на памятниках и памятных знаках. Но иногда (по большей части в Запорожской и Херсонской областях) требовалась более основательная очистка после того, как, например, вне всякой связи с исходным проектом части памятника раскрашивались в желто-голубые цвета украинского флага. Приходилось устранять и следы еще более изощренных действий по смысловой перекодировке военных мемориалов. В частности, к таким действиям относилось размещение на советских военных памятниках символа красного мака, изобретенного украинским Институтом национальной памяти в 2014 г. [Gabowitsch, Homanuyuk 2025: 52–67] Красный мак, символизирующий в Великобритании и странах британского Содружества память о жертвах всех вооруженных конфликтов

¹² Переименование площади Свободы в Мариуполе в площадь Ленина // Мариуполь. 16 июня 2022. URL: <https://mariupol-news.ru/incident/2022/06/16/7434.html> (дата обращения: 11.08.2025).

начиная с Первой мировой войны, в украинской версии был призван вытеснить «пророссийскую» георгиевскую ленту в коммеморативных мероприятиях, подчеркнуть их «проевропейскую» направленность, а также «уравнять» всех павших во Второй мировой войне, независимо от их принадлежности к Красной армии или к бандеровским формированиям.

После возвращения в состав ДНР празднование Дня города, как и до 2014 г., было приурочено к дате освобождения Мариуполя от немецко-фашистских войск. Памятные мероприятия, связанные с чествованием героев Великой Отечественной войны, теперь закономерно распространяются на память о героях ополчения ДНР и освободительной миссии участников СВО.

Важным направлением мемориальной политики становится работа по восстановлению советских монументов, символизирующих трудовую доблесть жителей города — памятников металлургам, сталевару Макару Мазаю и др. Эта активность способствует закреплению городской идентичности, связанной с советской индустриализацией; она также служит идеационным стимулом в деле восстановления и дальнейшей модернизации промышленных предприятий Мариуполя (в частности, металлургического комбината им. Ильича).

Мариуполь стал площадкой крупнейших восстановительных работ, развернутых в условиях продолжающейся СВО. Наряду с прямым контролем федерального центра очень большую роль в восстановлении жилого фонда и памятников архитектуры играет администрация Санкт-Петербурга, который является побратимом Мариуполя. Санкт-Петербург оказывает всестороннюю поддержку в реализации инициатив, связанных с открытием новых памятников, мемориалов и музеев. В их числе — памятник Александру Невскому и установленный в 2025 г. монумент «Мариуполь — город воинской славы». Важно отметить, что монумент «Мариуполь — город воинской славы», включающий в себя стелу и четыре массивные тумбы, в художественной форме представляет актуальный канон истории города со второй половины XVIII в. вплоть до наших дней:

«Мариуполь основали православные греки-переселенцы из Крыма. Это отражает барельеф с медалью императрицы Екатерины II и фрагментом ее жалованной грамоты. Пять барельефов отражают события XIX в.: создание Азовского казачьего войска, Крымскую войну 1853–1856 гг., восстановление Мариупольского уезда Александром II, открытие железной дороги и порта, создание крупных металлургических производств. XX век запечатлен в шести барельефах, особое внимание уделено Великой Отечественной войне: антифашистскому подполью, освобождению и восстановлению города. Еще четыре барельефа — о современности. Они посвящены акциям протеста 2014-го, противостоянию 9 мая того же года, вхождению ДНР в состав РФ, а также освобождению города российскими силами»¹³.

В целом опыт изменений мнемонического ландшафта в Мариуполе показывает, что ДНР и ЛНР могут рассматриваться как своеобразный полигон политики

¹³ Гаврилюк С. Пушилин и Беглов открыли стелу в честь города воинской славы Мариуполя // ТАСС. 02 мая 2025. URL: <https://tass.ru/obschestvo/23841589> (дата обращения: 11.08.2025).

памяти, где может быть реализован широкий спектр различных инициатив. В городском и региональном нарративе о советском прошлом «проявляется» разнообразный тематический репертуар, включая темы, считавшиеся «неудобными» со времен хрущевской оттепели или горбачевской перестройки. Они оказываются вписанными в исторический макронарратив, представляющий Мариуполь и Донбасс в континууме и внутренней взаимосвязанности имперской, советской и постсоветской истории. В нем практически не остается места украинской истории, но лишь потому, что ее официальный канон строится на другом нарративе, нацеленном на отчуждение от российской / советской истории.

Заключение: политика памяти в Донбассе — история с продолжением

Украина и исторический нарратив, продвигаемый украинским этнонационализмом, внесли решающий вклад в обретение Донбассом своей мнемонической субъектности. Отказ Киева и Западной Украины от модели «государствование» не оставил Донбассу другого выбора, как форсировать консолидацию региональной идентичности, в том числе средствами символической политики и политики памяти. Внешнее (российское) влияние, не рассматриваемое в данной статье, содействовало этому процессу, но не могло быть его драйвером. В результате еще до подъема движения Антимайдана и провозглашения независимости народных республик сформировался исторический нарратив, в основном сохраняющий свое конституирующее значение для политики памяти в ДНР и ЛНР. Будучи вполне комплиментарным в отношении украинской культуры, он выступает антагонистом украинского этнонационалистического нарратива, а память о военных событиях начиная с 2014 г. определяет в нем репрезентацию украинской государственности. Однако определяющей характеристикой исторического нарратива и политики памяти в ДНР и ЛНР является связь с Россией, как историческая, так и современная, достигнутая высокой ценой воинского подвига и трагедии гражданского населения, оказавшегося в зоне военных действий. После вхождения ДНР и ЛНР в состав России на правах субъектов федерации, региональные политики памяти становятся частью общероссийской мнемонической политики, сохраняя при этом свои особенности и сравнительно высокую степень вариативности конкретных решений и акций. В определенном смысле именно в Донбассе (а также в Крыму, Запорожской и Херсонской областях) проходят обкатку новые инициативы, часть которых в дальнейшем может быть подхвачена в других российских регионах и на федеральном уровне. Продолжает формироваться новый мощный пласт исторической памяти, работа с которым будет иметь очень большое значение для российского общества и государства в ближайшем будущем и в среднесрочной перспективе.

Поступила в редакцию / Received: 14.11.2025

Доработана после рецензирования / Revised: 11.03.2026

Принята к публикации / Accepted: 15.03.2026

Библиографический список

- Бабкина Е.А. Идеология «Новороссии» в контексте исторической политики самопровозглашенных республик Донбасса // Политика памяти в современной России и странах Восточной Европы. Акторы, институты, нарративы : коллективная монография / под ред. А.И. Миллера, Д.В. Ефременко. СПб. : Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2020. С. 591–609.
- Грицак Я. *Історія двох міст: Львів і Донецьк у порівняльній перспективі* // *Ukraina Moderna*. 2007. Vol. 11. No. 1. P. 27–60. <https://doi.org/10.3138/ukrainamoderna.11.027>
- Коржов Г. Региональная идентичность Донбасса: генезис и тенденции развития в условиях общественных трансформаций // Социология: теория, методы, маркетинг. 2006. №4. С. 38–51.
- Корнилов В.В. *Донецко-Криворожская республика*. Харьков: Фолио, 2011. 603 с.
- Рябчук М. *Дві України: реальні межі, віртуальні війни*. Київ: Критика, 2003. 336 с.
- Arel D., Driscoll J. *Ukraine's Unnamed War: Before the Russian Invasion of 2022*. Cambridge: Cambridge University Press, 2023. 273 p.
- Balazs A. Conflict and Reviv: Urban Transformation in Mariupol After 2014 // *Вісник Мариупольського державного університету*. Серія: Філософія, культурологія, соціологія. 2018. Вип. 15. С. 102–106. <https://doi.org/10.3167/fcl.2023.960103>
- Fisun O., Movchan U. Regime Cycles and Neopatrimonialism in Ukraine // *Ukraine's Patronal Democracy and the Russian Invasion: The Russia-Ukraine War. Volume One* / B. Madlovics, B. Magyar (eds.). New York : Central European University Press, 2023. P. 119–140
- Flynn M.K. Political Mobilization in Eastern Ukraine: The Referendum of 1994 in the Donetsk oblast // *The European Legacy*. 1996. Vol. 1. P. 342–349. <https://doi.org/10.1080/10848779608579417>
- Gabowitsch M. Homanyuk M. *Monuments and Territory. War Memorials in Russian-Occupied Ukraine*. Budapest — Vienna — New York: Central European University Press, 2025. 224 p.
- Gritsak Ya. History of Two Cities: Lviv and Donetsk in Comparable Perspective // *Ukraina Moderna*. 2007. Vol. 11, no. 1. P. 27–60. (In Ukrainian). <https://doi.org/10.3138/ukrainamoderna.11.027>
- Hagen M. von. Does Ukraine Have a History? // *Slavic Review*. 1995. Vol. 54, no. 3. P. 658–673.
- Kuromiya H. *Freedom and Terror in the Donbas: A Ukrainian-Russian Borderland, 1870s-1990s*. Cambridge: Cambridge University Press, 1998. 357 p.
- Land J. Synthesizing Collective Memory and Counter-Memory in Urban Space // *Urban Geography*. 2023. Vol. 44, No. 5. P. 1011–1020. <https://doi.org/10.1080/02723638.2023.2205261>
- Mikheeva O. Memorial Practices in Donetsk. From the Establishment of Soviet Power to a Full-Scale Russian Invasion of Ukraine from 2022 // *Education and the Politics of Memory in Russia and Eastern Europe* / S. Rumyantsev (ed.). London : Routledge, 2025. P. 225–245.
- Petro N.N. *The Tragedy of Ukraine. What Classical Greek Tragedy Can Teach Us About Conflict Resolution*. Berlin: De Gruyter, 2023, xvii + 285pp.
- Portnov A. Memory Wars in Post-Soviet Ukraine // *Memory and Theory in Eastern Europe* / U. Blacker, A. Etkind, J. Fedor (eds.). New York-Basingstoke : Palgrave Macmillan, 2013. P. 233–254.
- Stepan A. Ukraine: Improbable Democratic “Nation-State” But Possible Democratic “State-Nation”? // *Post-Soviet Affairs*. 2005. No 4. P. 279–308. <https://doi.org/10.1080/1060586X.2005.12049783>
- Voronovici A. Internationalist Separatism and the Political Use of “Historical Statehood” in the Unrecognized Republics of Transnistria and Donbass // *Problems of Post-Communism*. 2020. Vol. 67, no. 3. P. 288–302. <https://doi.org/10.1080/10758216.2019.1594918>
- Zubar M., Afanasieva N. The Voids of Mariupol's Memory // *Text and Image: Essential Problems in Art History*. 2023. Vol. 2 (16). P. 103–120. <https://doi.org/10.17721/2519-4801.2023.2.07>

Сведения об авторе:

Ефременко Дмитрий Валерьевич — доктор политических наук, кандидат философских наук, главный научный сотрудник, Институт научной информации по общественным наукам РАН (e-mail: efdv2015@mail.ru) (ORCID: 0000-0001-6988-472X)

DOI: 10.22363/2313-1438-2026-28-2-431-446

EDN: VFNKSZ

Научная статья / Research article

Символическая политика на востоке Украины после Майдана: изменения в топонимике Мариуполя в 2014–2016 гг.

К.С. Панин¹ , А.И. Миллер^{1,2}

¹ Европейский университет в Санкт-Петербурге, *Санкт-Петербург, Российская Федерация*

² Институт научной информации по общественным наукам РАН, *Москва, Российская Федерация*

✉ Millera2006@yandex.ru

Аннотация. Представленный кейс символической политики рассматривает противостояние центральной власти и локального сообщества в сфере управления памятью в постконфликтном Мариуполе. Исходной точкой исследования служит установление контроля лояльных Киеву военных формирований над городом. Принятый Верховной Радой пакет мемориальных законов закрепил глорификацию ОУН и УПА (признаны в РФ экстремистскими организациями и запрещены) как магистральное направление государственной политики памяти и создал правовую основу для «добровольно-принудительной» декоммунизации. Исследовательский вопрос заключается в том, какими методами центральная власть обеспечивает навязывание чуждых идеологических установок локальным сообществам и какие формы сопротивления использует последнее в условиях законодательного давления. Методологическую основу работы составляет кейс-стади в сочетании с инструментарием символической политики и институционального анализа, включая изучение административных практик, низовых инициатив и актов саботажа. Показано, что местные элиты минимизировали националистическую пропаганду в процессах переименования, что вступало в противоречие с позицией киевского режима, который пытался манипулировать общественным мнением через маргинальные общественные организации и партии. В результате демонстрации и переименований (включая решения городского совета и главы областной администрации) фиксируется модель, где центральная власть использует законодательные новеллы и административное давление, а локальное сообщество — доступные формы саботажа этой политики.

© Панин К.С., Миллер А.И., 2026

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Ключевые слова: Украина, Мариуполь, декоммунизация, топонимика, политика памяти, символическая политика

Благодарности. Работа А.И. Миллера над этой статьей выполнена в рамках проекта Российского научного фонда № 25-18-00464, реализуемого в Институте научной информации по общественным наукам РАН.

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Панин К.С., Миллер А.И. Символическая политика на востоке Украины после Майдана: изменения в топонимике Мариуполя в 2014–2016 гг. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2026. Т. 28. № 2. С. 431–446. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2026-28-2-431-446> EDN: VFNKSZ

Symbolic Politics in Eastern Ukraine After Maidan: Changes in the Toponymy of Mariupol in 2014–2016

Kirill S. Panin¹ , Alexei I. Miller^{1,2}

¹ European University at Saint-Petersburg, *Saint-Petersburg, Russian Federation*

² Institute of Scientific Information on Social Sciences, *Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation*

✉ Millera2006@yandex.ru

Abstract. The presented case of symbolic politics considers the confrontation between the central government and the local community in the field of memory management in post-conflict Mariupol. The starting point of the study is the establishment of control of military units loyal to Kyiv over the city. The package of memorial laws adopted by the Verkhovna Rada enshrined the glorification of the OUN and UPA (recognized in the Russian Federation as extremist organizations and banned) as the main direction of state memory policy and created the legal basis for “voluntary-forced” decommunization. The research question is what methods the central government uses to impose alien ideological attitudes on local communities and what forms of resistance the latter uses under legislative pressure. The methodological basis of the work is the case stage, combined with a toolkit of symbolic policy and institutional analysis, including the study of administrative practices, grassroots initiatives and acts of sabotage. The work shows that local elites minimized nationalist propaganda in the renaming processes, which contradicted the position of the Kyiv regime, which tried to manipulate public opinion through marginal public organizations and parties. As a result of dismantling and renaming (including decisions of the city council and the head of the regional administration), a model is fixed where the central government uses legislative novels and administrative pressure, and the local community uses available forms of sabotage of this policy.

Keywords: Ukraine, Mariupol, decommunization, toponymy, politics of memory, symbolic politics

Acknowledgements. The research was carried out with the support of the Russian Science Foundation grant No. № 25-18-00464, implemented in INION RAS

Conflicts of interest. The authors declare no conflicts of interest.

For citation: Panin, K.S., & Miller, A.I. (2026). Symbolic politics in Eastern Ukraine after Maidan: Changes in the toponymy of Mariupol in 2014–2016. *RUDN Journal of Political Science*, 28(2), 431–446. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2026-28-2-431-446> EDN: VFNKSZ

Введение

Понятие «символической политики», впервые предложенное М. Эделманом [Edelman 1971] более полувека назад, получило широкое распространение уже в нашем веке [Alexander, Mast 2006]. В России в последние годы велась активная разработка проблематики символической политики [Малинова 2012; Поцелуев 2012; Джонсон, Малинова 2020], в том числе в том сегменте, где символическая политика накладывается на проблематику исследований политики памяти [Символические аспекты...]. Рассматриваемый в этой статье материал представляет особый интерес с точки зрения исследований сочетания символической политики и политики памяти. Мы можем наблюдать, как государственная власть создает законодательную базу и административные рычаги для навязывания локальному сообществу города Мариуполь своей политики в области топонимии и как жители Мариуполя сопротивлялись этой политике в 2015–2016 гг. Это сопротивление можно считать неудачным в том смысле, что переименования были «продавлены», но в то же время сопротивление локального сообщества не позволило вполне осуществить планы киевской власти. Рассмотрение этого процесса с точки зрения акторного подхода позволяет увидеть сопротивление местного населения в условиях фактической оккупации.

Политический кризис, развивавшийся на Украине с осени 2013 г., в феврале 2014 г. привел к вооруженным столкновениям на Майдане, кровопролитию, бегству президента страны В. Януковича. К власти в Киеве пришла оппозиция, резко усилилось влияние на власть радикальных националистов. На востоке страны требования киевского Майдана не пользовались поддержкой. В южных и восточных областях Украины происходили массовые митинги противников государственного переворота.

В Мариуполе в марте 2014 г. лояльная Киеву администрация находилась под давлением сил, выступавших против политики новых властей. В середине марта в Крыму прошел референдум, Крым и Севастополь были приняты в состав РФ. 7 апреля были провозглашены Донецкая,

Луганская и Харьковская Народные республики. В тот же день исполняющий обязанности президента Украины А.В. Турчинов объявил о начале Антитеррористической операции на территории Донецкой, Луганской и Харьковской областей. Туда были отправлены вооружённые отряды из западных и центральных регионов для подавления протестов сторонников федерализации. В Харькове сопротивление противников Киева было подавлено быстро, в Донецкой и Луганской областях началось вооруженное противостояние.

Важную роль в Мариуполе играл в это время богатейший на тот момент человек Украины Ренат Ахметов, которому принадлежали крупнейшие предприятия, расположенные в городе (Азовсталь, Комбинат им. Ильича, Азовмаш и прочие). Для холдинга Ахметова большое значение имел и порт Мариуполя. Ахметов сохранял лояльность Киеву, но старался предотвратить вооруженные столкновения.

В начале мая была предпринята первая попытка силой подавить городское сопротивление. 4 мая 2014 г. в г. Бердянск был создан батальон «Азов»¹. Сразу после формирования он активно включился в подавление мариупольских противников государственного переворота. 7 мая боевики «Азова»² провели силовую акцию в Приморском РОВД г. Мариуполя; 8 мая, совместно с батальоном «Днепр 1»³, у здания Городского совета. 9 мая добровольческие батальоны разогнали демонстрацию в честь Дня Победы и расстреляли местное ГУВД. Встретив массовое сопротивление мирных жителей г. Мариуполя, воинские формирования киевского режима были выведены из города⁴.

11 мая был проведен референдум об образовании Донецкой Народной Республики. В г. Мариуполь за государственную независимость ДНР проголосовало почти 90 %⁵ при явке 27,38 %⁶ от общего количества зарегистрированных избирателей. Такое количество пришедших на плебисцит людей частично объясняется открытием лишь 4 избирательных участков, по одному в каждом районе города. Но это была достаточно высокая явка, если учесть, что двумя неделями позже, 25 мая, на досрочных выборах

¹ Украинское военизированное националистическое объединение «Азов» (другие используемые наименования: батальон «Азов», полк «Азов») признано в России террористической организацией.

² Признан в России террористической организацией.

³ Признан в России террористической организацией.

⁴ Материалы следствия: что известно о кровавых событиях в Мариуполе 9 мая 2014 г. // ТПК «Звезда». URL: <https://tvzvezda.ru/news/2022426124-YKnLM.html> (дата обращения: 12.09.2023).

⁵ 11 мая 2014-го. Как мариупольцы на референдум ходили, и почему появилась «ДНР» // 0629.com.ua. URL: <https://www.0629.com.ua/news/2756745/11-maa-2014-go-kak-mariupolcy-na-referendum-hodili-i-pocemu-poavilas-dnr-foto> (дата обращения: 12.09.2023).

⁶ Явка на донецком референдуме превысила 71 %, заявляют в ЦИК ДНР // Интерфакс. URL: <https://www.interfax-russia.ru/south-and-north-caucasus/sobytiya-na-ukraine/yavka-na-doneckom-referendume-prevysila-71-zayavlyayut-v-cik-dnr> (дата обращения: 20.07.2023).

президента Украины, при полноценной работе избирательных комиссий явка составила 14,47 %⁷.

13 июля 2014 г. боевиками батальона «Азов»* был разгромлен Мариупольский штаб обороны ДНР и установлен контроль лояльных Киеву военных формирований над г. Мариуполь. Сразу после этого начались репрессии против сторонников ДНР⁸. В городе сложилась специфическая атмосфера прифронтовой зоны. Значительное влияние приобрели различные воинские соединения и радикальные группы, для которых Мариуполь стал базой снабжения ближайшей группировки войск, действовавшей в ходе АТО против сил ДНР. Наряду с Краматорском Мариуполь стал ключевым административным центром той части Донбасса, которая осталась под контролем Киева.

В сентябре 2014 г. в Минске было подписано соглашение, предусматривавшее прекращение огня на Донбассе. Эти соглашения фиксировали, что Донбасс остается частью Украины, а Мариуполь, входящий в Донецкую область, остается вне ДНР, под контролем Киева. В этих условиях власти стремились укрепить свой, в том числе и символический, контроль над городом, при этом не провоцируя враждебно к ним настроенное местное население слишком резкими шагами в области символической политики.

Стихийная декоммунизация и этапы нормативного закрепления

Период с лета 2014 до весны 2015 г. можно описать как время квазистихийной декоммунизации. 15 августа 2014 г. неизвестные сбросили с пьедестала самый большой памятник Ленину в Мариуполе, находившийся на пересечении проспекта Ленина и Строителей⁹. Оставшиеся четыре памятника Ленину, в связи с угрозой вандализма, решили демонтировать городские власти¹⁰. В дальнейшем были демонтированы памятники Г.К. Орджоникидзе и К.П. Апатову¹¹.

⁷ Внеочередные выборы президента Украины 25 мая 2014 г. Протокол Центральной избирательной комиссии. О результатах выборов президента Украины. Киев, 2014 [Позачергові вибори президента України 25 травня 2014 року. Протокол Центральної виборчої комісії. Про результати виборів президента України. Київ, 2014].

⁸ Произвольные задержания, пытки и жестокое обращение в контексте вооружённого конфликта на Востоке Украины 2014–2021 // Управление Верховного комиссара ООН по правам человека. URL: <https://www.ohchr.org/ru/documents/country-reports/arbitrary-detention-torture-and-ill-treatment-context-armed-conflict> (дата обращения: 18.07.2023).

⁹ В Мариуполе снесли памятник Ленину // КРУА. URL: <https://kp.ua/politics/466071-v-mariupole-snesly-pamiatnyk-lenynu> (дата обращения: 10.09.2023).

¹⁰ Горсовет Мариуполя решил снести все памятники Ленину // Взгляд. URL: <https://vz.ua/news/37716-gorsovet-mariupolya-reshil-snesti-vse-pamyatniki-leninu> (дата обращения: 10.09.2023).

¹¹ Декоммунизация Мариуполя: как это было и что достигнуто // 0629.com. 15.04.2017. URL: <https://www.0629.com.ua/news/1620375/dekommunizacia-mariupola-kak-eto-bylo-i-cto-dostignuto> (дата обращения: 17.07.2023).

В декабре 2013 г. радикальные сторонники Майдана в Киеве самовольно уничтожили памятник Ленину вопреки просьбам воздержаться от этих акций со стороны лидеров Майдана В. Кличко и А. Яценюка. Этот шаг и последовавшее 1 января факельное шествие в честь дня рождения Степана Бандеры позволили явочным порядком резко радикализировать символическую политику оппозиции. В августе 2014 г. самовольные действия активистов-вандалов уже были частью согласованного с властями плана — их действия давали властям города благопристойный предлог для снятия памятников, хотя значительная часть жителей города этого не одобряла.

В апреле 2015 г. Верховная Рада приняла пакет из четырех мемориальных законов, подготовленных командой директора Украинского Института национальной памяти (УИНП) Владимира Вятровича, тесно связанного с бандеровской частью украинской эмиграции. На принятие всех четырех законов у Рады ушло менее часа [Kasianov 2023; Myshlovska 2018]. Это — Законы Украины «О правовом статусе и увековечивании памяти борцов за независимость Украины в XX столетии» (№ 314-VIII), «Об увековечении победы над нацизмом во Второй мировой войне 1939–1945 гг.» (№ 315-VIII), «О доступе к архивам репрессивных органов коммунистического тоталитарного режима 1917–1991 годов» (№ 316-VIII), «Об осуждении коммунистического и национал-социалистического (нацистского) тоталитарных режимов в Украине и запрет пропаганды их символики» (№ 317-VIII). Непосредственно к переименованию топонимов относиться только последний.

Эти законы не только делали глорификацию Организации Украинских Националистов¹² и Украинской Повстанческой Армии¹³ магистральным направлением украинской политики памяти, но и создавали четко регламентированную правовую основу для «добровольно-принудительной» декоммунизации. Они давали местным властям строго ограниченное время для переименования населенных пунктов, улиц и других объектов топонимики. Процедура переименования была прописана в законе Украины «О географических названиях». Она подразумевает обязательный учет «мнения населения, которое проживает на территории, где расположены эти объекты, путем проведения консультаций с общественностью»¹⁴.

¹² Верховный суд РФ признал три украинские организации экстремистскими и запретил их // Интерфакс : офиц. сайт. 08.09.2022. URL: <https://www.interfax.ru/russia/861207> (дата обращения: 25.04.2026). Организация украинских националистов (ОУН) признана в России экстремистской организацией и запрещена.

¹³ Российская Федерация. Верховный Суд. Решение Верховного Суда РФ от 17 ноября 2014 г. № АКПИ14-1292С «О признании украинских организаций „Правый сектор“, „Украинская национальная ассамблея — Украинская народная самооборона“ (УНА-УНСО), „Украинская повстанческая армия“ (УПА), „Тризуб им. Степана Бандеры“, „Братство“ экстремистскими и запрете их деятельности на территории Российской Федерации» // Закон и порядок : офиц. сайт. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=414233#9umWoHVTNwecuOxS> (дата обращения: 25.04.2026). Украинская повстанческая армия (УПА) признана в России экстремистской организацией и запрещена.

¹⁴ Про географические названия: Закон України від 22.04.2005 № 2604-IV.

Если в установленные сроки вопрос не был решен, он передавался вышестоящим органам власти, и таким образом местные органы теряли контроль над установлением новых названий. «Список особ, которые попадают под закон о декоммунизации» установил и затем неоднократно расширял УИНП¹⁵.

Все эти законы были опубликованы 20 мая 2015 г. в газете Верховного совета «Голос Украины» № 87 и вступили в силу на следующий день после публикации¹⁶.

Законом 317-VIII (далее в тексте «закон») предусматривался демонтаж памятников и переименование топонимических объектов, названных в честь «имен и псевдонимов персон, которые занимали руководящие должности в коммунистической партии (должность секретаря районного комитета и выше), высших органов власти и управления СССР, УССР, прочих союзных или автономных советских республиках, работали в советских органах государственной безопасности, а также названия СССР, УССР, прочих союзных или автономных советских республиках и производные от них, названия, связанные с деятельностью коммунистической партии (включая партийные съезды), годовщинами Октябрьского переворота 25 октября (7 ноября) 1917 г., установлением советской власти на территории Украины или в отдельных административно-территориальных единицах, преследованием участников борьбы за независимость Украины в XX столетии (кроме названий, связанных с изгнанием нацистских оккупантов из Украины или с развитием украинской науки и культуры)»¹⁷.

В течение шести месяцев после вступления в силу закона органами местного самоуправления должны были быть демонтированы памятники и переименованы улицы, попадающие под эти критерии. В случае несоблюдения

¹⁵ Переименованию подлежали «названия областей, районов, населенных пунктов, районов в городах, скверов, бульваров, улиц, переулков, проездов, проспектов, площадей, майданов, набережных, мостов, иных объектов топонимики населенных пунктов, предприятий, учреждений, организаций, в которых использованы имена или псевдонимы особ, которые занимали руководящие должности в коммунистической партии (от поста секретаря районного комитета и выше), высших органах власти и управления СССР, УССР, иных союзных и автономных советских республик, работали в советских органах государственной безопасности, а также названия СССР, УССР, других союзных и автономных республик и производных от них, названия, связанные с деятельностью коммунистической партии (включая партийные съезды), годовщинами Октябрьского переворота 25 октября (7 ноября) 1917 г., установлением советской власти на территории Украины либо в отдельных административно-территориальных единицах, преследованием участников борьбы за независимость Украины в XX столетии (кроме названий, связанных с изгнанием нацистских оккупантов из Украины или с развитием украинской науки и культуры)».

¹⁶ В газете «Голос Украины» обнародованы законы о декоммунизации // Интерфакс-Украина. URL: <https://ru.interfax.com.ua/news/political/266677.html> (дата обращения: 17.07.2023).

¹⁷ Про осуждение коммунистического и национал-социалистического (нацистского) тоталитарных режимов в Украине и запрет пропаганды их символики: Закон України від 09.04.2015 № 317-VIII. ст. 1, п. 4.

сроков о переименовании полномочия передавались главам местных администраций на трехмесячный срок. По истечении данного срока эти полномочия передавались главе областной администрации¹⁸. Таким образом, был создан механизм, который позволял преодолевать сопротивление местного населения переименованиям.

Практики десоветизации в Мариуполе

Устанавливая сроки реализации закона, парламентарии или не учли, или проигнорировали факт проведения местных выборов, назначенных на 25 октября 2015 г., что ставило под сомнение техническую возможность своевременного выполнения требований закона, так как в течение этого полугодия менялись ответственные лица. В Мариуполе выборы были перенесены на 29 ноября 2015 г., то есть времени для проведения полноценной работы по переименованию было еще меньше, чем в других муниципалитетах, особенно в условиях полной смены городской власти.

В результате голосования был выбран новый городской глава. Им стал топ-менеджер «Метинвеста» В.С. Бойченко, а места в городском совете распределились следующим образом: 45 мест из 54 в горсовете заняли представители «Оппозиционного блока» (83,3 %), 5 ПП «Сила людей» (9,3 %) и 4 ПП «Наш край» (7,4 %) ¹⁹. Все силы, прошедшие в городской совет, были в той или иной степени аффилированы с Р.Л. Ахметовым и «Метинвестом», однако открыто «промэрской» силой был только «Оппозиционный блок».

В связи с предвыборным процессом и переходом властных полномочий на 22 ноября 2015 г. в Мариуполе не было переименовано ни одного топонима, хотя к ноябрю 2015 г. было выявлено 86 объектов топонимики, попадающих под закон²⁰. В.С. Бойченко объявил 11 декабря 2015 г. о создании «Комиссии по переименованию улиц, площадей, объектов культурно-социального назначения и культурно-исторического наследия Мариуполя и его окрестностей» (далее в тексте «комиссия»). Основная задача комиссии состояла в проведении процедур, связанных с переименованием топонимов города, и, по их результатам, представление на рассмотрение городского совета проекта решения²¹. Комиссия включала депутатов городского

¹⁸ Про осуждение коммунистического и национал-социалистического (нацистского) тоталитарных режимов в Украине и запрет пропаганды их символики: Закон України від 09.04.2015 № 317-VIII. ст. 7, п. 6.

¹⁹ За кого голосовал Мариуполь // 0629.com.ua. 05.12.2015. URL: <https://www.0629.com.ua/news/1051654/za-kogo-golosoval-mariupol> (дата обращения: 15.07.2023).

²⁰ Криволапов М. Декоммунизация в Украине: топонимические манипуляции и немного саботажа // 0629.com.ua 22.11.2015. URL: <https://www.0629.com.ua/news/1037441/dekommunizacia-v-ukraine-toponimiceskie-manipulacii-i-nemnogo-sabotaza> (дата обращения: 15.07.2023).

²¹ В Мариуполе создадут комиссию по переименованию улиц // 0629.com.ua. 11.12.2015. URL: <https://www.0629.com.ua/news/1058390/v-mariupole-sozdadut-komissiu-po-pereimenovaniu-ulic> (дата обращения: 15.07.2023).

совета, историков, деятелей культуры и представителей общественных и ветеранских организаций²².

Переименование проходило через многоуровневую процедуру согласования. Вначале проходили опросы жителей конкретных улиц, подпадающих под переименование по закону. Их проводили Комитеты самоорганизации населения (КСН). Далее должны были проходить общественные слушания, но их провели до выборов, 18 сентября 2015 г., по каждому из 4 районов города отдельно, но в одно и то же время²³.

По результатам слушаний комиссия готовила проект решения, который утверждал городской совет. Перед утверждением проект о переименовании улиц опубликовали местные СМИ. Первая редакция проекта была опубликована в середине января 2016 г. и по части предложенных названий было принято решение провести повторные общественные слушания²⁴.

76 объектов, новые названия которых не вызывали возражений, были приняты общим списком на сессии городского совета 28 января 2016 г., а 37 объектов были отправлены на доработку²⁵, что предполагало повторный опрос населения через КСН, голосование на интернет-площадках, повторные общественные слушания. Окончательное решение по переименованию должно было быть согласовано до 21 февраля и принято на ближайшей сессии городского совета, что и было сделано 3 марта 2016 г. на V сессии городского совета VII созыва²⁶.

Всего в рамках выполнения закона 317 — VIII были переименованы 112 топонимов, из которых 3 — это названия районов и 108 — названия улиц, проездов, переулков и прочее²⁷. Одна улица была переименована дважды, и две, улица

²² Заседание комиссии по переименованию улиц Мариуполя (07.07.2016) // Veridical. 09.07.2016. URL: <https://youtu.be/C0olXrbTXUo> (недоступно с территории РФ) (дата обращения: 15.07.2023). В состав Комиссии вошли: председатель Дудина И.В. (депутат Оппозиционный блок, телеведущий), заместитель председателя Божко Р.П. (заместитель директора по научной работе Мариупольского краеведческого музея), секретарь Демидко О.А. (аспирант кафедры культурологии и информационной деятельности МГУ, бывший кандидат в депутаты по 33 округу г. Мариуполь от ПП «Сила людей»), Пасько М.И. (начальник Юридического департамента Мариупольского горсовета), Чаин А.В. (сотрудник Драмтеатра), Птушко Е.И. (заместитель начальника Управления городского строительства и архитектуры), Буров С.Л. (краевед), Кошоненко Н.И., Романцов В.Н. (доцент, профессор истории, заведующий кафедры История МГУ), Балабан Л.В. (директор городского центра внешкольной работы), Куркчи К.С. (председатель совета ветеранов ММК им. Ильича), Харламов Ю.А., Золотарева Е.Н. (преподаватель английского языка ПГТУ, помощник депутата ПП «Сила людей»).

²³ Заседание комиссии по переименованию улиц Мариуполя // Veridical. YouTube. (07.07.2016). 09.07.2016. URL: <https://youtu.be/C0olXrbTXUo> (дата обращения: 15.07.2023).

²⁴ Декоммунизации в Мариуполе быть // 0629.com.ua 06.02.2016. URL: <https://www.0629.com.ua/news/1113673/dekommunizacii-v-mariupole-byt> (дата обращения: 17.07.2023).

²⁵ В Мариуполе переименовали улицы города (СПИСОК) // 0629.com.ua 28.01.2016. URL: <https://www.0629.com.ua/news/1104233/v-mariupole-pereimenovali-ulicy-goroda-spisok> (дата обращения: 15.07.2023).

²⁶ V сессия Мариупольского городского совета VII созыва // YouTube. 03.03.2016. URL: <https://www.youtube.com/live/3IU65PNsCSU?feature=share> (дата обращения: 07.07.2023).

²⁷ Franzheva Yu. Полный список переименованных объектов топонимики г. Мариуполя // VK.com. URL: https://vk.com/wall64106460_1055 (дата обращения: 17.07.2023).

и переулков Ткаченко-Петренко, были признаны таковыми, которые не попадают под декоммунизацию. Типология переименования топонимов Мариуполя в рассматриваемый период представлена в табл. 1.

Таким образом видно стремление большинства населения Мариуполя, членов Мариупольского городского совета и Комиссии обойти в новой топонимике города спорные исторические сюжеты, а также стремление избранной городской власти к поиску компромисса с обитателями конкретных улиц, названия которых были вынуждены изменить по настоянию киевских властей.

Таблица 1. Типология переименования топонимов Мариуполя

Тип переименования	Ключевые исторические фигуры / Примеры	Примечания
Улицы в честь местных деятелей (непосредственно связанных с Мариуполем)	Л.Д. Ярудский (краевед), В.И. Чукарин (гимнаст), А.И. Куинджи (художник), В.А. Нильсон (архитектор), И.К. Мацук (хирург), В.А. Саенко (начальник ГАИ, погиб в 2014), Н.В. Радин (директор завода, репрессирован)	7 из 108 переименованных улиц
Конфликтное переименование (с отменой решения)	Пр. Ильича → в честь В.С. Бойко (директор ММК), затем → Никопольский пр.	Семья Бойко выступила против. Новое название — от дореволюционного названия завода «Никополь Мариупольский»
Декоммунизация через смену инициалов (оставили фамилию, сменили личность)	1. Полетаева (был большевик Н.Г.) → Ф.А. Полетаева (Герой СССР, участник Сопротивления) ¹ . 2. Фурманова (был Д.А., автор «Чапаева») → А.М. Фурманова (Герой СССР). 3. Островского (был Н.А., автор «Как закалялась сталь») → А.Н. Островского (драматург)	4 объекта (улицы и переулки). Приём формальной «замены» коммунистических фигур на нейтральные или советских героев
Омонимичное переименование (смена смысла через язык)	Ул. Грачева (в честь И.П. Грачева, сов. деятель) → Грачева / Грачевая (в честь птицы грач по-украински) ¹	Аналогично: завод им. Ильича (Ленин) → им. Ильича (металлург Зот Ильич Некрасов) ¹
Непереименованные улицы (несмотря на рекомендации УИМП)	Цибулько, Дундича, Кондрашина, Шепотиленко	Декоммунизация «не была тотальной»
Сохранённые советские нарративы	Сакко и Ванцетти, Парижской Коммуны, Софьи Перовской	Не были в списках УИМП, но явно несут коммунистический смысл
Нейтральные названия (максимально аполитичные)	Австрийская, Семейная, Шекспира, Зоологическая, Веселая	Основной тренд подбора новых названий
Украинский националистический нарратив	М. Грушевского, Филиппа Орлика, Ярослава Мудрого, И. Франко, Украинская, Кобзаря, Казацкий пер., ул. и пр. Украинского казачества	Меньшинство от общего числа переименований
Особый случай (дата/символ)	Пр. 1 мая → Пр. Единства . Ул. и пер. Первомайские — сохранены	Название «Первомайские» не посчитали нужным менять, несмотря на связь с 1 мая

Источник: составлено А.И. Миллером и К.С. Паниным по результатам исследования.

От десоветизации к десакрализации Великой Отечественной войны: случай Г.К. Жукова

Такой подход встретил противодействие со стороны отдельных общественных активистов и депутатов городского совета. Это вылилось в провокацию с переименованием проспекта Маршала Жукова. 3 марта 2016 г., перед голосованием Городского совета об утверждении окончательного списка объектов городской топонимики, подпадающих под переименование, с депутатским обращением выступил глава фракции политической партии «Сила людей» М.В. Бородин, внося предложение о переименовании проспекта Маршала Жукова, который, по его словам, попадал под действие закона, в проспект Героев АТО²⁸.

В мотивирующей части своего обращения он делал упор на то, что в городе должна появиться улица, названная в честь военнослужащих, участвующих в войне на востоке Украины, которую он называл АТО. Это предложение встретило предсказуемое сопротивление со стороны городского главы и совета. Официальной причиной отказа в немедленном переименовании было то, что переименование, без соблюдения прописанных процедур, нарушает нормы закона Украины 2604-IV «О географических названиях». Неофициальной причиной было восприятие электоратом Оппозиционного блока Г.К. Жукова как воплощения победы над нацизмом, а участников АТО, в особенности добробатов как воплощения неонацизма. Организаторы провокации понимали, что Г.К. Жуков на 3 марта 2016 г. не попадал под действие закона о декоммунизации и не был внесен в список рекомендаций УИНП и что жители проспекта не поддержат данную инициативу, но продолжали настаивать на неотложном принятии решения о переименовании.

На заседание горсовета были приведены люди, которые представлялись как жители проспекта Маршала Жукова, участники и ветераны АТО и общественные активисты. На городской совет оказывалось давление и людьми, объявившими себя представителями общественности, и военными, которые прибегали к обвинениям в «бытовом сепаратизме». (В 2015–2016 гг. по Мариуполю была размещена наружная реклама с призывом сообщать на горячую линию СБУ информацию о «бытовом сепаратизме» и с угрозами уголовным преследованием за «бытовой сепаратизм» по 110 статье УК Украины.) Обсуждение переименования проспекта Маршала Жукова заняло 55 минут из общих 295 минут сессии, на принятие решения о переименовании остальных объектов ушло около минуты. Как компромисс решение о переименовании проспекта Маршала Жукова было отложено до следующей сессии.

Утверждение М.В. Бородина, что проспект Маршала Жукова попадает под закон на 3 марта 2016 г., не соответствовало действительности. При

²⁸ V сессия Мариупольского городского совета VII созыва // YouTube. 03.03.2016. URL: <https://www.youtube.com/live/3IU65PNsCSU?feature=share> (дата обращения: 07.07.2023).

этом председатель Донецкой ОБГА П.И. Жебровский на совместной пресс-конференции с мэром Мариуполя Бойченко сообщил, что направил письмо в УИНП для прояснения этого вопроса²⁹.

Ранее вопрос о «декоммунизации» Жукова уже поднимался в других регионах. Осенью 2015 г. советник директора УИНП А.Н. Зинченко в интервью на харьковском телевидении пояснил, что улицы, названные в честь Г.К. Жукова, не подпадают под действие закона, так как он принимал активное участие в борьбе с нацизмом³⁰. Первое упоминание Жукова в контексте обязательности переименования можно найти в опубликованном 24 марта 2016 г. ответе на письменный запрос ПП «Сила людей» от 9 марта 2016 г.³¹ То есть на 3 марта 2016 г., когда проходила сессия горсовета, Жукова не было в списке лиц, подлежащих декоммунизации, но кампания по включению Жукова в этот список уже шла полным ходом.

Глава ОБГА П.И. Жебровский в интервью от 16 марта 2016 г. называл Жукова «маршалом-убийцей украинцев», так как он положил 330 000 украинцев в Днепр, потому что хотел, совместно с Н.Ф. Ватутиным, к 7 ноября 1943 г. взять Киев³².

Попытки назвать улицы города в честь участников АТО в целом или отдельных персонажей предпринимались несколько раз. Но все они упирались или в сопротивление местных жителей, или недовольство военных расположением и размером предлагаемых для переименования улиц. Так, представители ПП «Сила людей» К. Вишняков и Е.Н. Золотарева на заседании V сессии заявили, что на всех улицах, которые пытались назвать в честь «героев АТО», люди, проживающие на них, возражали против этого³³.

Вероятно, неудачные попытки активистов наполнить городское пространство Мариуполя националистическими наименованиями послужили причиной для выбора для переименования именно проспекта Жукова как символа борьбы с нацизмом. Командир 23 ОМПБ (отдельная мотопехотная бригада)

²⁹ См.: Жебровский и Бойченко о декоммунизации в Мариуполе и улице героев АТО // Новости Донбасса. YouTube. 16.03.2016. URL: https://www.youtube.com/watch?v=sjT7_ay89uY (дата обращения: 12.07.2023); Жебровский о пр. Маршала Жукова // 0629.com.ua. YouTube. 16.03.2016. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=ZTAAbFXNcp4E> (дата обращения: 13.07.2023); Проспект маршала-убийцы в Мариуполе будет переименован, — Жебровский // 0629.com.ua. URL: <https://www.0629.com.ua/news/1157028/prospekt-marsala-ubijcy-v-mariupole-budet-pereimenovan-zebriivskij-video> (дата обращения: 01.07.2023).

³⁰ Якi об'єкти в Харкові будуть перейменовані. 24.09.2015. Ukrainian Institute of National Remembrance // YouTube. URL: https://www.youtube.com/watch?v=QA7jJOct_GM (дата обращения: 02.08.2023).

³¹ Область готова к переименованию пр. Жукова в Мариуполе // 0629.com.ua. URL: <https://www.0629.com.ua/news/1181849/oblast-gotova-k-pereimenovaniu-pr-zukova-v-mariupole-dokument> (дата обращения: 19.07.2023).

³² Проспект маршала-убийцы в Мариуполе будет переименован, — Жебровский // 0629.com.ua. URL: <https://www.0629.com.ua/news/1157028/prospekt-marsala-ubijcy-v-mariupole-budet-pereimenovan-zebriivskij-video> (дата обращения: 01.07.2023).

³³ V сессия Мариупольского городского совета VII созыва // YouTube. 03.03.2016. URL: <https://www.youtube.com/live/3IU65PNsCSU?feature=share> (дата обращения: 07.07.2023).

Д.Д. Герасименко³⁴ говорил, что именем «Герои АТО» нужно назвать «не какой-то тупик Бабы Яги 13, а нормальную улицу или проспект»³⁵.

Военные отказались от переименования в Героев АТО проспекта Бойко, так как он находился рядом с заводами³⁶. Рассмотрим, как проходило переименование проспекта Ильича/Бойко/Никольского. В сентябре 2015 г. на общественных слушаниях о переименовании проспекта Ильича было проголосовано за два варианта: в честь В.С. Бойко и Героев АТО. При голосовании за вариант «Герои АТО» было отдано 0 (ноль) голосов из 104 голосовавших³⁷. Исходя из этого решения 28 января 2016 г. проспект Ильича был переименован в проспект Бойко, однако семья В.С. Бойко возразила против переименования³⁸. По этой причине были повторно проведены общественные слушания, опросы жителей проспекта и голосование на интернет-ресурсах.

Сайт 0629.com.ua провел опрос с вариантами переименования проспекта имени Бойко (бывшего Ильича). Предложено было три варианта названия Европейский, Никопольский и Героев АТО. По итогу этого опроса 46% получил вариант Никольский, 46% — Героев АТО, но за Никопольский было отдано на 30 голосов больше³⁹. Результат был явно недостоверен, так как на 16 часов 28 минут 15 февраля 2016 г. в опросе проголосовали 881 человека, и голосование выглядело совершенно по-другому: 73,8% Никопольский, 15,8% Героев АТО, и 10,4% Европейский. На значительно более широкие темы в опросах на том же сайте участвовали всего около 1700 респондентов⁴⁰, что дает возможность предположить недостоверность опроса в связи с аномальной активностью⁴¹. Понимая это и опираясь на данные реальных опросов жителей проспекта, только 3 из 11 присутствующих членов Комиссии поддержали название «Герой АТО»⁴². И утверждено было переименование в Никопольский.

³⁴ Мелитополец стал самым молодым комбатом в АТО // Местные Вести. 14.04.2015. URL: https://www.mv.org.ua/news/97098-melitopolec_stal_samym_molodym_kombatom_v_ato.html (дата обращения: 19.07.2023).

³⁵ V сессия Мариупольского городского совета VII созыва // YouTube. 03.03.2016. URL: <https://www.youtube.com/live/3IU65PNsCSU?feature=share> (дата обращения: 07.07.2023).

³⁶ V сессия Мариупольского городского совета VII созыва // YouTube. 03.03.2016. URL: <https://www.youtube.com/live/3IU65PNsCSU?feature=share> (дата обращения: 07.07.2023).

³⁷ СМИ: мариупольский меткомбинат имени Ильича переименовали в честь другого Ильича // ТАСС. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/3239389?ysclid=mr8vtqav5950148954> (дата обращения: 15.6.2026).

³⁸ Родственники Владимира Бойко выступили против переименования мариупольского проспекта // 0629.com.ua. 12.02.2016. URL: <https://www.0629.com.ua/news/1120761/rodstvenniki-vladimira-bojko-vystupili-protiv-pereimenovania-mariupolskogo-prospekta> (дата обращения: 15.07.2023).

³⁹ В Мариуполе пр. Ильича рекомендовано переименовать в пр. Никопольский // 0629.com.ua. 01.03.2016. URL: <https://www.0629.com.ua/news/1140884/v-mariupole-prilica-rekomendovano-pereimenovat-v-prnikopolskij-fotovideo> (дата обращения: 19.07.2023).

⁴⁰ Мариупольский Майдан // 0629.com.ua. 20.11.2021. URL: <https://www.0629.com.ua/news/3259953/mariupolskij-majdan-foto> (дата обращения: 07.09.2023).

⁴¹ Это важно зафиксировать, так как в дальнейшем именно на проведении таких голосований будут настаивать «представители общественности» и, что особо цинично, утверждать о том, что именно они «наиболее честные и непредвзятые».

⁴² В Мариуполе пр. Ильича рекомендовано переименовать в пр. Никопольский // 0629.com.ua. 01.03.2016. URL: <https://www.0629.com.ua/news/1140884/v-mariupole-prilica-rekomendovano-pereimenovat-v-prnikopolskij-fotovideo> (дата обращения: 19.07.2023).

7 марта 2016 г. на проспекте Маршала Жукова было проведено собрание КСН, чтобы сформировать список вариантов для переименования проспекта. Жители проспекта высказались категорически против любого переименования. Видеоматериалы, опубликованные по результатам этого собрания, свидетельствуют, что подавляющее большинство жителей проспекта Маршала Жукова было против переименования⁴³.

Убедившись, что жители проспекта Маршала Жукова против переименования и готовы свою позицию отстаивать, М.В. Бородин, тем не менее, 9 марта 2016 г. передал письмо на имя главы ОГА Донецкой области П.И. Жербивского с просьбой переименовать проспект Маршала Жукова в Проспект Героев АТО, исходя из пункта 6 ст. 7 Закона Украины «Об осуждении коммунистической символики»⁴⁴. 30 марта 2016 г. М.В. Бородин получил ответ Донецкой областной комиссии: «...областная комиссия по вопросам реализации Закона Украины о декоммунизации порекомендовала губернатору Донецкой области Жебровскому своим волевым решением переименовать пр. Маршала Жукова в пр. Героев АТО». Принято это решение было 24 марта 2016 г.⁴⁵

После внесения задним числом Г.К. Жукова в список «декоммунизируемых» лиц переименование улицы стало неизбежным. Что и произошло, несмотря на массовые протесты жителей улицы, переросшие в антифашистский митинг⁴⁶.

Приказ П. Жебровского в начале июня, однако, смягчил название с «Героев АТО» на «Защитников Украины». Также получили новые названия еще три незначительные улицы, не переименованные городским советом, то ли по недосмотру, то ли, как проспект Маршала Жукова, в связи с внесением в список УИНП задним числом: улица Войкова стала Сечевых стрелцов, галицийского воинского формирования времен революционных событий 1917–1920 гг.; переулок Крупской получил имя Богдана Тищенко, матроса-пограничника, погибшего в августе 2014 г.; улица Ярославского — младшего лейтенанта Александра Мартыненко, погибшего под г. Дебальцево в феврале 2015 г.⁴⁷

⁴³ MVI 5927. Едуард Малиновский // YouTube. 07.03.2016. URL: <https://youtu.be/V3dKiL66XWU> (дата обращения: 19.07.2023). MVI 5928. 07.03.2016. Едуард Малиновский // YouTube. URL: <https://youtu.be/uiNP8Du3JP4> (дата обращения: 19.07.2023). MVI 5932. Едуард Малиновский // YouTube. 07.03.2016. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=f29nnTlqmRI> (дата обращения: 19.07.2023).

⁴⁴ Жебровский пообещал рассмотреть вопрос переименования пр. Жукова в пр. Героев АТО // 0629.com.ua. 11.03.2016. URL: <https://www.0629.com.ua/news/1150884/zebrivskij-poobesal-rassmotret-vopros-pereimenovania-pr-zukova-v-pr-geroev-ato> (дата обращения: 19.07.2023).

⁴⁵ Область готова к переименованию пр. Жукова в Мариуполе // 0629.com.ua. URL: <https://www.0629.com.ua/news/1181849/oblast-gotova-k-pereimenovaniu-pr-zukova-v-mariupole-dokument> (дата обращения: 19.07.2023).

⁴⁶ В Мариуполе разгорелся скандал вокруг декоммунизации // Радио Свобода. 29.04.2016. URL: <https://www.radiosvoboda.org/a/27707219.html> (дата обращения: 19.07.2023).

⁴⁷ Павел Жебровский волевым решением переименовал проспект Маршала Жукова в Мариуполе (Дополнено) // 0629.com.ua. 03.06.2016. URL: <https://www.0629.com.ua/news/1248784/pavel-zebrivskij-volevym-reseniem-pereimenoval-prospekt-marsala-zukova-v-mariupole-dopolneno> (дата обращения: 19.07.2023).

Заключение

На этом процесс декоммунизации в Мариуполе закончился. Было демонтировано 7 памятников, переименовано 115 объектов городской топонимики, 111 — городским советом и 4 решением главы ОБГА. Очевидна разница в идеологическом наполнении новых наименований, данных избранными органами власти и назначенным из центра управленцем. Местные элиты минимизировали националистическую пропаганду в переименованиях, что явно не устраивало киевский режим. Новая власть внешне действовала в законных рамках, пытаясь манипулировать общественным мнением при помощи маргинальных общественных организаций и партий. Обыватели Мариуполя воспринимали переименования индифферентно, пока они касались лиц, связанных исключительно с революционными событиями 1917–1920 и строительством советского государственного аппарата, но Победа в ВОВ и ассоциирующийся с ней Г.К. Жуков вызывали значительный общественный резонанс, несмотря на угрозу репрессий и общую атмосферу прифронтовой зоны. Накануне 9 мая 2015 г. президент П. Порошенко попытался определить АТО как новую Великую Отечественную войну. На телевидении появились ролики, к которых бойцы АТО звонили «ветеранам Великой Отечественной» и поздравляли с праздником Победы. Однако этот пропагандистский ход не сработал. В частности, отношение мариупольцев к АТО вынудило военно-гражданскую администрацию отказаться от его употребления в городской топонимике. Вместе с тем «участие в борьбе с нацизмом» перестает в 2016 г. защищать используемые в топонимике имена героев Великой Отечественной войны. Украинская политика памяти переходит к исключительной глорификации УПА* и ОУН*⁴⁸, а также героев АТО. Но в 2016 г. власти Украины наращивали давление в сфере символической политики в подконтрольном Киеву Донбассе, хотя еще и вынуждены были учитывать сопротивление местного населения.

Таким образом, можно подчеркнуть, что топонимические изменения в Мариуполе в 2014–2016 гг. демонстрируют тенденцию усиливающегося политического давления государственных институтов на местные органы власти и гражданские сообщества с целью продвижения политики десоветизации. Это проявилось в демонтаже памятников и переименовании большого количества городских объектов, но также создало ряд неоднозначных ситуаций, которые носили компромиссный характер. Общей тенденцией, однако, явилась постепенная десакрализация Великой Отечественной войны и тех исторических персонажей, которые были непосредственно с ней связаны, результатом чего стало их восприятие для украинских властей, в первую очередь, как представителей советского режима, а уже потом — как участников войны.

Поступила в редакцию / Received: 17.02.2026

Доработана после рецензирования / Revised: 06.03.2026

Принята к публикации / Accepted: 15.03.2026

⁴⁸ *ОУН и УПА признаны в России экстремистскими организациями и запрещены.

Библиографический список

- Джонсон Дж., Малинова О.Ю.* Символическая политика как предмет political science и Russian studies: исследования политического использования прошлого в постсоветской России // *Политическая наука*. 2020. № 2. С. 17–41. <http://doi.org/10.31249/poln/2020.02.01> EDN: GRMJPB.
- Касьянов Г.В.* Украина и соседи: историческая политика. 1987–2018. Москва : Новое литературное обозрение, 2018. 492 с.
- Малинова О.Ю.* Символическая политика: контуры проблемного поля // *Символическая политика : сб. науч. трудов. Вып. 1 : Конструирование представлений о прошлом как властный ресурс*. Москва : ИНИОН РАН, 2012. С. 5–16.
- Поцелуев С.П.* «Символическая политика»: к истории концепта // *Символическая политика. Вып. 1: Конструирование представлений о прошлом как властный ресурс*. Москва : ИНИОН РАН, 2012. С. 17–53. EDN: PJPQUJ.
- Символические аспекты политики памяти в современной России и Восточной Европе / под ред. В.В. Лапина и А.И. Миллера. СПб. : Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2021.
- Alexander J.C., Mast J.L.* Introduction: Symbolic Action in Theory and Practice // *The Cultural Pragmatics of Symbolic Action*. Cambridge, etc.: Cambridge University Press, 2006. P. 1–28.
- Edelman M.* Politics as Symbolic Action. Mass Arousal and Quiescence. Chicago : Markham Publishing Company, 1971.
- Kasianov G.* In Search of Lost Time? Decommunization in Ukraine, 2014–2020 // *Problems of Post-Communism*. 2023. Vol. 71. No. 4. P. 326–340.
- Myshlovska O.* Establishing the “Irrefutable Facts” About the OUN* and UPA*: The Role of the Working Group of Historians on OUN-UPA* Activities in Mediating Memory-based Conflict in Ukraine // *Ab Imperio*. 2018. No 1. P. 223–254. (*ОУН (OUN) и УПА (UPA) признаны в России экстремистскими организациями и запрещены.).

Сведения об авторах:

Панин Кирилл Сергеевич — независимый исследователь (e-mail: ksp0202@yandex.com) (ORCID: 0009-0001-6668-480X)

Миллер Алексей Ильич — доктор исторических наук, профессор, Европейский университет в Санкт-Петербурге; ведущий научный сотрудник ИНИОН РАН (e-mail: millera2006@yandex.ru) (ORCID: 0000-0001-8139-0976)

ПОЛИТИКА ПАМЯТИ В ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ

MEMORY POLICY IN FOREIGN COUNTRIES

DOI: 10.22363/2313-1438-2026-28-2-447-456

EDN: VDUWWP

Научная статья / Research article

Неоосманизм и трансформация политики памяти в современной Турции на примере памяти о Первой мировой войне

В.А. Аватков , А.С. Камнев

Институт научной информации по общественным наукам РАН, Москва, Российская
Федерация

 v.avatkov@gmail.com

Аннотация. Первая мировая война, а в особенности Галлиполийское сражение 1915–1916 гг. (Битва при Чанаккале в турецкой историографии) всегда занимали важную роль в историческом самосознании турецкого народа, становясь почвой для построения турецкого национального мифа и идентичности. Однако в период правления Партии справедливости и развития (ПСР) репрезентация участия Османской империи в последней для нее большой войне переживает существенные изменения по сравнению с «классическим» для Турции кемалистским видением. Идеология вносит значительные коррективы в данный образ, смещая акценты и заменяя одни сюжеты и смыслы другими, зачастую прямо или косвенно противоположными тому традиционному образу Первой мировой войны в исторической памяти, который воспринимают основные политические конкуренты Р.Т. Эрдогана «слева» — сторонники кемалистской Народно-республиканской партии (НРП). Авторами сделан вывод о том, что при сохранении общего нарратива о защите Отечества от захватчиков (стран-участниц Антанты), победах турецкой армии, особой роли Мустафы Кемаля в битве при Дарданеллах, спасшего столицу государства и т.д., неоосманистское видение истории значительно изменяет традиционный подход к конструированию коллективной памяти о тех событиях, смещая акценты и продвигая собственные нарративы и контрнарративы.

© Аватков В.А., Камнев А.С., 2026

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Ключевые слова: Турция, историческая память, политика памяти, неоосманизм, Первая мировая война, битва при Чанаккале, Османская империя

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: *Аватков В.А., Камнев А.С. Неоосманизм и трансформация политики памяти в современной Турции на примере памяти о Первой мировой войне // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2026. Т. 28. № 2. С. 447–456. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2026-28-2-447-456> EDN: VDUWWP*

Neo-Ottomanism and the Transformation of the Memory Policy in Modern Turkey on the Example of the Memory of the First World War

Vladimir A. Avatkov , Aleksandr S. Kamnev

Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation
 v.avatkov@gmail.com

Abstract. The First World War — and especially the Battle of Gallipoli (1915–1916), known in Turkish historiography as the Battle of Çanakkale — has long played a crucial role in the historical consciousness of the Turkish people, serving as a cornerstone for the construction of Turkish national myth and identity. However, under the rule of the Justice and Development Party (AKP), the representation of the Ottoman Empire’s involvement in its last major war is undergoing significant changes compared to the “classical” Kemalist vision for Turkey. The ideology of neo-Ottomanism introduces substantial adjustments to this image, shifting accents and replacing certain plots and meanings with others — often directly or indirectly opposed to the traditional memory of the First World War, as upheld by the main political rivals of R.T. Erdoğan, particularly the Kemalist Republican People’s Party (CHP), which represents the center-left opposition. The authors conclude that while the overarching narrative of defending the homeland from the invading Entente powers, celebrating the brilliant victories of the Turkish army, and emphasizing the special role of Mustafa Kemal — who saved the state’s capital during the Dardanelles campaign — remains intact, the neo-Ottoman vision of history significantly alters the traditional approach to constructing collective memory of these events. It reorients emphases and actively promotes its own narratives and counter-narratives.

Keywords: Turkey, historical memory, memory policy, neo-Ottomanism, World War I, the Battle of Canakkale, the Ottoman Empire

Conflicts of interest. The authors declare no conflicts of interest.

For citation: Avatkov, V.A., & Kamnev, A.S. (2026). Neo-Ottomanism and the transformation of the memory policy in modern Turkey on the example of the memory of the First World War. *RUDN Journal of Political Science*, 28(2), 447–456. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2026-28-2-447-456> EDN: VDUWWP

Введение

Поражение в Первой Мировой войне стало одним из ключевых событий в новейшей истории Турции, запустив процесс окончательного распада Османской империи, национально-освободительной войны и в конечном итоге создания современной Турецкой Республики. В раннереспубликанский период в Турции начинает активно складываться национальный миф с целью легитимации правящего режима, центральной фигурой в котором заняла фигура одного из ярких генералов султанской армии, лидера национально-освободительного движения и первого президента Республики Мустафы Кемаля Ататюрка. Действия будущего «Отца турок» во время обороны Галлиполийского полуострова, первой крупной победы османской армии в Первой мировой войне [Rogan 2016: 13], стали важной деталью в сконструированном в тот период образе Мустафы Кемаля как защитника нации и Отечества, по сей день оказывающим влияние на значительную часть турецкого общества. Тем самым события 1914–1918 гг. твердо заняли свое место в коллективной памяти турецкого народа, создав версию мифа о Первой мировой войне и роли Турции в ней, которую условно можно назвать «кемалистским мифом». Историческая политика (в том числе и отраженная в школьных учебниках) раннереспубликанского периода турецкой истории отличалась четким следованием принципам кемалистской идеологии и велась с целью построения «светской турецкой идентичности» [Ari 2013: 386].

Кризис кемализма и приход к власти в Турции Партии Справедливости и Развития оказали существенное влияние на трансформации исторической политики и, как следствие, коллективной памяти [Кирчанов 2023: 11]. Официально незадекларированная идеология неоосманизма провозглашает Турецкую Республику преемницей Османской империи со всеми вытекающими последствиями во внутренней и внешней политике. В рамках политики неоосманизма, в основе своей антагонистичной светскому кемализму, пересмотру подверглись не только отдельные нарративы исторической памяти, но и подход правящей элиты к восприятию собственной истории в целом. Данные искусственные трансформации коллективной памяти и исторической политики можно проследить в различных кейсах (например, в возвращении в 2020-м г. Собору Святой Софии статуса мечети, лишенному такового в 1934-м в ходе реформ Ататюрка, осознававшего культурную ценность данного памятника, переоборудованного, по его решению, в музей), однако в данной статье рассматриваются метаморфозы памяти о Первой мировой войне, как наиболее ярко и комплексно демонстрирующие «войны памяти» между кемалистами и сторонниками политики Р.Т. Эрдогана и характеризующие историческую политику последнего.

Неоосманизм и историческая политика

Важно отметить, что неоосманизм, хотя и является во многом антагонистичным кемализму, однако также сохраняет в себе и республиканские традиции. Неоосманистское идейно-политическое течение действительно

предполагает радикальную позитивную переоценку османского периода в турецкой истории, однако было бы ошибкой считать, что неоосманизм предполагает отрыв от республиканизма и реставрацию монархии. В данном случае можно говорить лишь о конструировании в исторической памяти преемственности Турецкой Республики от Османской империи с более широким включением в национальный миф и идентичность имперского и исламского наследия, с соответствующей переоценкой как внутренней политики Турции, так и ее места на постосманском пространстве и на международной арене в целом [Аватков 2023: 62]. Соответственно, фигура Ататюрка, хотя и в меньшем масштабе и рассматриваемая под несколько другим углом, занимает одно из ключевых мест в политике памяти о Первой мировой войне, трансформируясь из репрезентации образа Ататюрка — революционера и борца за Новую Турцию (используемого прокемалистскими партиями, в частности одним из основных политических конкурентов Р.Т. Эрдогана и ПСР — Народно-республиканской партией) в Ататюрка — защитника Отечества. Тем самым в отличие от Ататюрка, пытавшегося отрезать связь турецкой истории с Османской империей, неоосманистский взгляд Р.Т. Эрдогана декларирует существование консенсуса в истории (что является схожей чертой с современной российской исторической политикой), однако неоосманизм также предполагает существенную архаизацию и мифологизацию исторической памяти.

Во время правления ПСР память о Первой мировой войне постепенно теряет сформированный при М.К. Ататюрке и его последователях секуляризм и становится объектом исламизации [Аватков, Сбитнева 2024: 140]. В своих торжественных речах по случаю годовщин битвы при Чанаккале (особенно произнесенных в поздний период своего правления) Р.Т. Эрдоган все чаще употребляет те или иные религиозные термины, например «şehit»¹, (т.е. шахид, боец, в исламском понимании, павший за веру), вместо традиционного для кемалистского дискурса слова «mehmetçik» (условно данный термин можно перевести на русский язык как «солдатушка», уменьшительно-ласкательное наименование турецких военнослужащих, производное от популярного турецкого имени Мехмет), подчеркивающего важную роль простого солдата на поле битвы. Подобная архаизация памяти создает некую параллель с самовосприятием западных стран их участия в Первой мировой войне, созданным еще во время боевых действий на Ближневосточном фронте, когда правительства Антанты в пропагандистских целях использовали прямые параллели с эпохой Крестовых походов и даже Троянской войной (так, Мудросское перемирие, по которому Османская империя вышла из Первой мировой войны, было подписано 30 октября 1918 г. на борту британского линкора, носившего название

¹ Çanakkale Zaferi'nin 108. yıl dönümü... Cumhurbaşkanı Erdoğan: Çanakkale ruhuna ihtiyacımız var // Hurriyet. 18.03.2023. URL: <https://www.hurriyet.com.tr/gundem/son-dakika-cumhurbaskani-erdogandan-onemli-aciklamalar-42236339> (accessed: 27.12.2025)

«Агамемнон»). Переоценке подвергается и образ «врага», акцент в восприятии которого также подвергается исламизации, оценивая противников Османской империи не только как иностранных захватчиков, но и как «неверных», врагов ислама.

Другой отличительной чертой торжественных речей Р.Т. Эрдогана по поводу сохранения памяти об участии Османской империи в Первой мировой войне является сопровождение турецкого президента (во время их произношения) «реконструкторами», одетыми в традиционное обмундирование османских «янычар»² (а точнее соответствующих общепринятому образу янычар в массовой культуре), до комичного мало общего имеющих с периодом Первой мировой войны (и, соответственно, с тематикой речи Р.Т. Эрдогана), но символично подчеркивающих преемственность различных периодов истории Османской империи и Турецкой Республики, которая явно отвергалась в кемалистском дискурсе, напротив, декларировавшем разрыв между османской и турецкой историей, вплоть до причисления Турецкой Республики к постколониальному пространству, с целью легитимации нового государства [Камнев 2024: 41].

Также в содержании вышеупомянутых речей Р.Т. Эрдогана как явно, так и завуалированно прослеживаются нарративы, связанные с актуальными турецкими внутри- и внешнеполитическими процессами, такими как армянский вопрос³, отношение Турции к другим государствам, проблема роли армии в политическом процессе Турции и т.д.⁴, таким образом память о Первой мировой войне становится еще одним инструментом в руках правящей элиты, направленным для достижения ее текущих целей и репрезентации современной политики турецкого государства.

Еще один важный фактор, играющий роль в исторической политике современной Турции — возросшая во время правления Р.Т. Эрдогана роль Стамбула (старой имперской столицы) в политической жизни Турецкой Республики. При сохранении за Анкарой статуса столицы (полученного ею во время правления М.К. Ататюрка, перенесшего столицу из Стамбула) президент Турции довольно часто проводит важнейшие приемы, пресс-конференции и выступления именно в Стамбуле, вновь ставшем одним из крупнейших политических центров в стране.

² Cumhurbaşkanı Erdoğan: Çanakkale'de yazılan destandan alacağımız çok önemli dersler olacağına inanıyoruz // Anadolu Ajansı. 18.03.2024. URL: <https://www.aa.com.tr/tr/gundem/cumhurbaskani-erdogan-canakkalede-yazilan-destandan-alacagimiz-cok-onemli-dersler-olacagina-inanıyoruz/3167360> (accessed: 28.12.2025).

³ Erdoğan'dan 1915 çıkışı: "Mesnetsiz ve dayanaksız" // CNN Türk. 23.04.2015. URL: <https://www.cnnturk.com/turkiye/erdogandan-1915-cikisi-mesnetsiz-ve-dayanaksiz-466759> (accessed: 10.01.2026).

⁴ Erdoğan'dan '1915 olayları' açıklaması: Eyy Avrupa Birliği... // Cumhuriyet. 23.04.2015. URL: <https://www.cumhuriyet.com.tr/haber/erdogandan-1915-olaylari-aciklamasi-eyy-avrupa-birligi-261319> (accessed: 10.01.2026).

Роль «мест памяти» в неоосманистском мифе

В данном контексте использования исторической памяти о Первой мировой войне в политическом процессе и конструировании неоосманистского национального мифа Новой Турции Р.Т. Эрдогана важная роль отводится так называемым «местам памяти». В концепции французского историка Пьера Нора данный термин обозначает места, где «память кристаллизуется и находит свое убежище» [Нора 1999: 17]. На территории Турции имеется на большое количество военных мемориалов, воздвигнутых в честь османских солдат Первой мировой войны, где память, следуя терминологии Пьера Нора укореняется «в конкретном, в пространстве, жесте, образе и объекте» [Нора 1999: 20] и обладает «символической аурой» [Нора 1999: 40]. Центральное место среди них занимает «Мемориал мучеников» в Чанаккале⁵ (тема мученичества османских солдат также играет большую роль в современной турецкой политике памяти). Обширная территория данного комплекса активно используется современной правящей элитой для репрезентации неоосманистского видения событий важнейшей для Османской империи битвы той войны — обороне Галлиполийского полуострова от морского десанта сил Антанты. Как было отмечено выше, данное сражение играет ключевую роль в исторической памяти Турции и в формировании национального мифа [Köroğlu 2022: 99], как кемалистского, так и неоосманистского. С одной стороны, на территории активно проводится работа по патриотическому (в неоосманистском понимании) воспитанию молодежи. Судя по фотографиям и материалам СМИ, юные гости мемориала одеваются в элементы экипировки османских солдат того периода (при мемориале создан «Детский центр Чанаккале»⁶), посещают экскурсии, а также, как утверждает публикация в *The Conversation*, совершают под руководством взрослых коллективные молитвы⁷, что также идет в разрез с показательно секулярным кемалистским подходом к мемориализации тех событий. Помимо религиозных обрядов производятся также эксгумации павших солдат с дальнейшим перезахоронением по нормам ислама и строительством вблизи новых кладбищ мечетей⁸. Османские захоронения играют большую роль в неоосманистской исторической политике. Так, одним из аргументов Р.Т. Эрдогана за ввод, по его инициативе, изучения османского языка в школах являлось его утверждение о том, что нынешние турецкие дети «не могут прочитать надписи на могилах предков»⁹.

⁵ Çanakkale Savaşları Gelibolu Tarihi Alan Başkanlığı. URL: <https://canakkaletarihialan.gov.tr/tr> (accessed: 12.01.2026)

⁶ Çanakkale Savaşları Gelibolu Tarihi Alan Başkanlığı. URL: <https://canakkaletarihialan.gov.tr/tr> (accessed: 12.01.2026)

⁷ Gallipoli commemorations of Turkish youth tell us much about politics in Turkey // *The Conversation*. 24.04.2018. URL: <https://theconversation.com/gallipoli-commemorations-of-turkish-youth-tell-us-much-about-politics-in-turkey-90439> (accessed: 12.01.2026)

⁸ Gallipoli commemorations of Turkish youth tell us much about politics in Turkey // *The Conversation*. 24.04.2018. URL: <https://theconversation.com/gallipoli-commemorations-of-turkish-youth-tell-us-much-about-politics-in-turkey-90439> (accessed: 12.01.2026)

⁹ Erdoğan “atalarımızın mezar taşını okuyamıyoruz” demişti: Türk alfabesine bir de böyle bakın // *Oda TV*. 11.07.2024. URL: <https://www.odatv.com/guncel/erdogan-atalarimizin-mezar-tasini-okuyamiyoruz-demisti-turk-alfabesine-bir-de-boyle-bakin-120062980> (accessed: 12.01.2026)

Вместе с тем мемориал в Чанаккале стал традиционной площадкой для политически ангажированных выступлений Р.Т. Эрдогана, содержание которых направлено как самим гражданам Турции, так и за ее пределы.

Другая важная отличительная особенность подхода сторонников Р.Т. Эрдогана к исторической политике — использование общей исторической памяти Турции и истории ее бывших противников, входивших в Антанту, в современной турецкой дипломатии. Помимо вышеуказанной речи Р.Т. Эрдогана о «предательстве» национальных меньшинств и «армянских бандах»¹⁰, существуют и более «позитивные» примеры использования турецким истеблишментом исторической памяти в международных отношениях. Так, турецкая делегация участвовала в памятных мероприятиях по поводу годовщины битвы при Дарданеллах в Великобритании, в рамках которых в Вестминстерском аббатстве (в данном случае одном из главных «мест памяти» стран — противников Османской империи) даже был вывешен турецкий флаг. Р.Т. Эрдоган также лично принимал участие в церемониях в Берлине, посвященных столетию завершения Первой мировой войны, «на полях» которых он встречался с главами различных государств, в том числе и с президентом Российской Федерации В.В. Путиным¹¹. Это подчеркивает нарратив «примирения» с бывшими противниками при сохранении памяти о своих павших воинах.

Репрезентация неоосманистского мифа в турецкой культуре

Во время правления ПСР также продолжает развиваться яркая репрезентация Первой мировой войны в массовой культуре Турции. События Галлиполийской битвы часто становятся тематикой многочисленных экранизаций, только в 2012–2013 гг. на экраны вышел ряд художественных фильмов, посвященных этому сражению: «Дети Чанаккале», «Чанаккале 1915», «Чанаккале: конец пути» и т.д., отличительной характеристикой которых является преобладание драматичности и зрелищности над исторической точностью с целью привлечения в кинотеатры массового зрителя и отображения важной составляющей национального мифа среди широких слоев населения. Очевидным является популярность данного сюжета в массовой культуре, в отличие от других немаловажных эпизодов участия Османской империи в Первой мировой войне. Помимо кинематографа неоосманистский подход к политике памяти в культуре можно отследить и в современной турецкой скульптуре. Яркой демонстрацией такой культурной парадигмы является «Памятник нации» в городе Эскишехир, созданный в 2019 г. (рис.).

¹⁰ Erdoğan'dan '1915 olayları' açıklaması: Eyy Avrupa Birliği... // Cumhuriyet. 23.04.2015. URL: <https://www.cumhuriyet.com.tr/haber/erdogandan-1915-olaylari-aciklamasi-eyy-avrupa-birligi-261319> (accessed: 15.01.2026)

¹¹ Cumhurbaşkanı Erdoğan, Birinci Dünya Savaşı anma törenine katıldı // Anadolu Ajansı. 11.11.2018. URL: <https://www.aa.com.tr/tr/dunya/cumhurbaskani-erdogan-birinci-dunya-savasi-anma-torenine-katildi/1308282> (accessed: 15.01.2026)

«Памятник нации», г. Эскишехир, Турецкая Республика
Источник: фото В.А. Аватнова.

“Monument to the Nation”, Eskisehir, Republic of Turkey.
Source: photo by V.A. Avatkov.

Композиция памятника включает в себя фигуры, олицетворяющие современных ученых и деятелей культуры, турецких солдат Первой мировой и Национально-освободительных войн, султанов Мехмеда II Завоевателя и Сулеймана I Великолепного, венчает монумент фигура Мустафы Кемала Ататюрка¹². Скульптура символизирует преемственность турецкой истории и важную роль в ней османской эпохи. Создание памятника, в композиции которого соседствуют фигуры Ататюрка и османских султанов, явно не соотносится с кемалистской мемориальной традицией и отражает влияние проводимой ПСР неоосманистской политики памяти в современной турецкой культуре.

¹² Ulus Anıtı. URL: https://www.eskisehir.bel.tr/sayfalar.php?sayfalar_id=151 (accessed: 16.01.2026)

Заключение

Таким образом, сохраняя схожую «оболочку» данного мифа (героическая война турецкого народа против иностранных захватчиков, с особым выделением роли будущего основателя Турецкой Республики Мустафы Кемалю), неоосманистский подход к политике памяти конструирует совсем иные нарративы, в том числе подменяя ключевую интерпретацию взаимовосприятия «своих» и «чужих». Данный пример является ярким представлением идеологического противостояния неоосманистского и кемалистского взгляда на турецкую историю (в данном случае речь идет именно о «воображаемой» истории, истории «образов») и политику памяти в современной Турции в контексте политической конкуренции двух основных партий в стране. В таких условиях историческая память становится «полем битвы» антагонистичных друг другу политических сил и играет немаловажную роль в борьбе за поддержку избирателей.

Поступила в редакцию / Received: 16.02.2026

Доработана после рецензирования / Revised: 12.03.2026

Принята к публикации / Accepted: 15.03.2026

Библиографический список

- Аватков В.А. Россия, Турция и Постсоветский Восток в идейно-ценностной картине мировой политики. Москва : Проспект, 2023. EDN: EYIBKQ
- Аватков В.А., Сбитнева А.И. Между Западом и Незападом: Турция перед лицом геостратегического выбора // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2024. № 1 (26). С. 131–142. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2024-26-1-131-142> EDN: NBNFV.
- Ассман А. Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика. Москва : Новое литературное обозрение, 2014.
- Камнев А.С. Постколониальная перспектива в археологии Ближнего Востока // Постколониализм и современность. 2024. № 4. С. 35–45. <https://doi.org/10.31249/postcolonialism/2024.04.00> EDN: HZSNV
- Кирчанов М.В. Ревизия наследия Ататюрка в современной турецкой исторической политике // Ближний и Постсоветский Восток. 2023. № 3 (3). С. 7–34. <https://doi.org/http://doi.org/10.31249/j.2949-2408.2023.03.01> EDN: YCILAB
- Нора П. Между памятью и историей: проблематика мест памяти // Франция-память. Санкт-Петербург : Изд-во Санкт-Петербургского университета, 1999. С. 17–51.
- Ari B. Religion and Nation-Building in the Turkish Republic: Comparison of High School History Textbooks of 1931–41 and of 1942–50 // Turkish Studies. 2013. Vol. 14. P. 372–393.
- Rogan E. Rival jihads: Islam and the Great War in the Middle East, 1914–1918 // Journal of the British Academy. 2016. Vol. 4. P. 1–20.
- Köroğlu E. Unremembering Gallipoli: A Complex History of World War I Memorialization and Historical Remembrance in Turkey // Remembering the Great War in the Middle East. London, New York : I.B. Tauris, 2022. 304 p.

References

- Ari, B. (2013). Religion and nation-building in the Turkish Republic: Comparison of high school history textbooks of 1931–41 and of 1942–50. *Turkish Studies*, 14, 372–393.
- Assman, A. (2014). *The long shadow of the past: Memorial culture and historical politics*. Moscow: New Literary Review. (In Russian).
- Avatkov, V.A. (2023). *Russia, Turkey and the Post-Soviet East in the ideological and value picture of world politics*. Moscow: Prospect. (In Russian).
- Avatkov, V.A., & Sbitneva, A.I. (2024). Between West and Non-West — Turkey at a crossroad of geostrategic choice. *RUDN Journal of Political Science*, 26(1), 131–142. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2024-26-1-131-142>
- Kamnev, A.S. (2024). A postcolonial perspective in the archaeology of the Middle East. *Postcolonialism and modernity*, 4, 35–45. (In Russian). <http://doi.org/10.31249/postcolonialism/2024.04.00>.
- Kirchanov, M.V. (2023). Revision of Atatürk's legacy in modern Turkish Historical politics. *Middle and Post-Soviet East*, 3(3), 7–34. (In Russian). <http://doi.org/10.31249/j.2949-2408.2023.03.01>.
- Köroğlu, E. (2022). Unremembering Gallipoli: A Complex History of World War I Memorialization and Historical Remembrance in Turkey. In *Remembering the Great War in the Middle East* (pp. 83–99). London, New York: I.B. Tauris.
- Nora, P. (1999). Between memory and history: the problems of places of memory. In *France-memory*. (pp 17–51). St. Petersburg: St. Petersburg University Press. (In Russian).
- Rogan, E. (2016). Rival jihads: Islam and the Great War in the Middle East, 1914–1918. *Journal of the British Academy*, 4, 1–20.

Сведения об авторах:

Аватков Владимир Алексеевич — доктор политических наук, заведующий Отделом Ближнего и Постсоветского Востока, Институт научной информации по общественным наукам РАН (e-mail: v.avatkov@gmail.com) (ORCID: ID 0000-0002-6345-3782)

Камнев Александр Сергеевич — младший научный сотрудник, Институт научной информации по общественным наукам РАН (e-mail: kamnev.aleksandr.2016@mail.ru) (ORCID: ID 0009-0006-8960-2914)

About the authors:

Vladimir A. Avatkov — Doctor of Political Sciences, Head of the Department of the Near and Post-Soviet East at the Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (e-mail: v.avatkov@gmail.com) (ORCID: 0000-0002-6345-3782)

Aleksandr S. Kamnev — Junior Researcher of the Department of the Near and Post-Soviet East at the Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (e-mail: kamnev.aleksandr.2016@mail.ru) (ORCID: 0009-0006-8960-2914)

DOI: 10.22363/2313-1438-2026-28-2-457-471

EDN: VDPGTW

Научная статья / Research article

Историческая память в Азербайджане: от общества травмы к обществу победы

Е.М. Горюшина

Институт Китая и современной Азии РАН, Москва, Российская Федерация

✉ goryushina@iccaras.ru

Аннотация. Процессы трансформации политики памяти в Азербайджане в 2020–2025 гг. разворачивались как последовательный переход от травматического восприятия утраты территорий к институционально закреплённому нарративу победы. Теоретической рамкой исследования выступает концепция «оккупированной памяти», понимаемая как институционализированная форма коллективной памяти, возникающая в постконфликтный период и характеризующаяся монополизацией исторического нарратива, символическим маркированием пространства и вытеснением альтернативных интерпретаций прошлого. Методологическая стратегия работы основана на сочетании дискурс-анализа, институционального анализа, анализа мемориальных практик, топонимических изменений и визуальных репрезентаций в рамках кейс-стади. Это позволяет рассматривать трансформацию памяти не как совокупность разрозненных эпизодов, а как формирование целостного мемориального режима. В исследовании подробно рассмотрены ключевые механизмы формирования нового мемориального режима: институционализация праздничного календаря, сакрализация пространства «возвращённых территорий», «азербайджанизация» топонимики, музейное строительство и военные парады с участием союзников. Отдельное внимание уделено внешнеполитическому измерению памяти, где коммеморативные ритуалы служат инструментом демонстрации регионального лидерства и союзнических отношений. Авторами показано, что на азербайджанском материале концепт «оккупированной памяти» выступает как рабочий аналитический инструмент, позволяющий объяснить, каким образом память превращается в ресурс внутренней консолидации и внешнего позиционирования государства. Сделан вывод, что в Азербайджане сложился устойчивый мемориальный режим, обеспечивающий воспроизводство единого историко-политического нарратива государства-победителя.

Ключевые слова: историческая память, политика памяти, оккупированная память, Азербайджан, война, общество победы, коммеморативные практики, символическое пространство

© Горюшина Е.М., 2026

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Горюшина Е.М. Историческая память в Азербайджане: от общества травмы к обществу победы // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2026. Т. 28. № 2. С. 457–471. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2026-28-2-457-471> EDN: VDPGTW

Historical Memory in Azerbaijan: From a Trauma Society to a Victory Society

Evgeniya M. Goryushina

Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences, *Moscow, Russian Federation*

✉ goryushina@iccaras.ru

Abstract. The processes of transformation in Azerbaijan’s memory politics in 2020–2025 unfolded as a gradual shift from a trauma-based perception of territorial loss to an institutionally consolidated narrative of victory. The study is theoretically framed by the concept of “occupied memory”, understood as an institutionalized form of collective memory that emerges in a post-conflict context and is characterized by the monopolization of the historical narrative, the symbolic marking of space, and the marginalization of alternative interpretations of the past. The methodological strategy of the study is based on a combination of discourse analysis, institutional analysis, the analysis of memorial practices, toponymic changes, and visual representations within a case study framework. This approach makes it possible to examine the transformation of memory not as a set of isolated episodes, but as the formation of an integrated memorial regime. The article examines in detail the key mechanisms through which the new memorial regime has been constructed: the institutionalisation of the commemorative calendar, the sacralisation of the space of the “returned territories”, the “Azerbaijanisation” of toponymy, museum-building, and military parades involving allied states. Particular attention is paid to the foreign-policy dimension of memory, where commemorative rituals serve as instruments for demonstrating regional leadership and alliance ties. The study demonstrates that, in the Azerbaijani case, the concept of “occupied memory” functions as a productive analytical tool for explaining how memory is transformed into a resource for both domestic consolidation and the state’s external positioning. It concludes that a stable memorial regime has emerged in Azerbaijan, ensuring the reproduction of a unified historical and political narrative of the victorious state.

Keywords: historical memory, memory politics, occupied memory, Azerbaijan, war, victory society, commemorative practices, symbolic space

Conflicts of interest. The author declares no conflicts of interest.

For citation: Goryushina, E.M. (2026). Historical memory in Azerbaijan: From a trauma society to a victory society. *RUDN Journal of Political Science*, 28(2), 457–471. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2026-28-2-457-471> EDN: VDPGTW

Введение

В современной научной литературе, посвященной политике памяти, устойчивое внимание уделяется ситуациям, когда коллективная память формируется в условиях вооруженных конфликтов, территориальных споров и длительных режимов внешнего контроля. В таких контекстах память утрачивает статус исключительно культурного феномена и приобретает выраженную политическую функцию: она становится ресурсом конструирования идентичности, легитимации власти и символического упорядочивания пространства.

Для описания подобных процессов в статье используется категория «оккупированной памяти». Под ней понимается институционализированная форма коллективной памяти, возникающая в условиях оккупации либо в постоккупационный период, когда логика контроля над прошлым сохраняется в символическом, дискурсивном и институциональном измерениях. В отличие от более широких понятий колониальной или травматической памяти данный концепт позволяет сосредоточиться на связи политической власти, нормативного исторического нарратива и пространственного закрепления памяти.

В зарубежных исследованиях памяти «под оккупацией» значимый вклад внесли И. Паппе, Н. Масалха, Р. Лентин и Э. Траверсо. В их работах память рассматривается как поле институционального воздействия, где закрепляется нормативная версия прошлого, вытесняются альтернативные нарративы и формируется политически значимый режим исторической репрезентации [Pappe 2006: 14; Masalha 1992: 37; Lentin 2018: 22; Traverso 2016: 9]. Так, Л. Верачини дополняет эту оптику, показывая, что в условиях колониальности память тесно связана с вопросами пространства, принадлежности и политического самоутверждения [Veracini 2015: 102]. В русскоязычной литературе близкая логика прослеживается в исследованиях, посвященных государственному контролю над коллективным запоминанием [Arnold 2018: 58], его институциональным носителям и нормативным механизмам воспроизводства. [Кринко 2023; Федорова, Романова 2024].

В рамках данного исследования «оккупированная память» понимается как институционализированная форма коллективной памяти, возникающая как в период оккупации, так и после нее при сохранении логики контроля в символическом, дискурсивном и институциональном измерениях. В отличие от более общих конструкторов колониальной или травматической памяти данное понятие фокусирует внимание на связке политической власти, интерпретации прошлого и пространственного измерения мемориальной политики. Аналитически значимы не только сами события коммеморации, но и механизмы закрепления памяти в институтах, ритуалах и публичном пространстве [Traverso 2016: 14; Veracini 2015: 117].

Для целей данной статьи важно уточнить и два рабочих понятия — «общество травмы» и «общество победы». Под «обществом травмы» понимается состояние коллективного самовосприятия, в котором центральное место занимают мотивы утраты, оккупации, несправедливости и ожидания восстановления нарушенного порядка. Под «обществом победы» понимается состояние

символической самоорганизации, при котором память о конфликте выстраивается уже не вокруг дефицита и потери [Arnold 2018: 61; Lentin 2018: 53], а вокруг нарратива преодоления, военного триумфа, возвращения территории и морально-политической правоты государства. В данной статье эти понятия используются как аналитические конструкции, позволяющие описать смену доминирующего мемориального режима в Азербайджане после 2020 г.

Для эмпирической идентификации «оккупированной памяти» выделяются следующие признаки: монополизация интерпретации прошлого и нормативное закрепление единственной версии исторического нарратива; воспроизводство памяти через образовательные, культурные и мемориальные практики; символическое маркирование пространства; вытеснение или редукция альтернативных форм коллективного запоминания. Следовательно, «оккупированная память» рассматривается как совокупность устойчивых практик и институтов, поддерживающих единый исторический код.

Методологически статья сочетает дискурс-анализ, институциональный анализ, анализ мемориальных практик, визуальных репрезентаций и топонимических изменений. Такой набор методов позволяет проследить, каким образом в Азербайджане в 2020–2025 гг. произошел переход от общества травмы к обществу победы.

Методология исследования

Осмысление трансформаций коллективной памяти в постконфликтном Азербайджане требует инструментария, способного зафиксировать не только содержание официального нарратива, но и механизмы его укоренения в социальных практиках, институтах и публичном пространстве. Поскольку объектом исследования выступает переход от «общества травмы» к «обществу победы», методологическая стратегия должна быть чувствительна как к дискурсивным изменениям, так и к их материальному воплощению — ритуалам, памятникам, топонимике и городской среде.

Теоретико-методологической основой исследования выступает социальный конструкционизм. В логике П. Бергера и Т. Лукмана память рассматривается не как нейтральное отражение прошлого, а как результат социального производства и институционального закрепления значений. Такая оптика позволяет анализировать мемориальную политику Азербайджана как целенаправленную стратегию формирования нормативной версии прошлого, легитимирующей актуальный политический порядок.

Для операционализации концепта «оккупированной памяти» используются четыре аналитических признака: монополизация исторического нарратива, формализация памяти в институтах, символическое маркирование пространства и регулярное воспроизводство памяти через ритуалы и праздничный календарь. Именно этим признакам подчинен выбор методов исследования.

Центральное место в исследовании занимает дискурс-анализ, ориентированный на выявление ключевых смысловых структур официальной риторики.

Следуя традиции Т. ван Дейка и Р. Водак, анализ фокусируется на лексических маркерах («Отечественная война», «великое возвращение», «победоносный главнокомандующий»), нарративных сюжетах (оппозиция «оккупация — освобождение», мотив восстановления исторической справедливости) и стратегиях легитимации (апелляция к прецедентам периода АДР, сакрализация разрушенного культурного наследия). Эмпирическую базу для дискурс-анализа составили выступления президента Ильхама Алиева, тексты официальных указов, публикации государственных информационных агентств (в том числе госинформационное Агентство Азербайджана «AZERTAC», информационное агентство «Report», официальный сайт президента Азербайджанской Республики), а также материалы правящей партии «Новый Азербайджан». Такой корпус источников позволяет реконструировать смысловое ядро официального нарратива и проследить его эволюцию на протяжении 2020–2025 гг.

Дискурсивный анализ дополняется институциональным подходом, фокусирующимся на механизмах формализации памяти. В центре внимания здесь находятся процессы создания новых мемориальных институций (Мемориальный комплекс Отечественной войны и Музей Победы в Баку, Парк военных трофеев, проектируемые музеи в Агдаме), трансформация праздничного календаря (учреждение Дня Победы 8 ноября, переосмысление Дня независимости), а также разработка государственных программ, таких как «Первая государственная программа по великому возвращению территорий, освобожденных от оккупации Азербайджанской Республики»¹. Институциональный анализ позволяет проследить, как политические решения и идеологические установки конвертируются в устойчивые, долговременные форматы коммеморации, обретая законодательную и бюрократическую плотность.

Особое значение имеет анализ мемориальных практик и визуальных репрезентаций памяти. Военные парады, церемонии открытия восстановленных объектов и ритуалы с участием иностранных лидеров рассматриваются как перформативные акты, в которых официальный нарратив получает наглядную и эмоционально насыщенную форму. Визуальный анализ фиксирует символику флагов, демонстрацию трофейной и современной военной техники, пространственную организацию торжеств и присутствие союзников как элемент международной легитимации.

Отдельное измерение исследования составляет анализ топонимических изменений как индикатора символического переструктурирования пространства. Переименование улиц, возвращение азербайджанских названий и закрепление победной символики в урбанонимике рассматриваются как практика символического присвоения территории и повседневного воспроизводства нового мемориального режима.

¹ Распоряжение Президента Азербайджанской Республики об утверждении «I Государственной программы по Великому возвращению на освобожденные от оккупации территории Азербайджанской Республики» от 16 ноября 2022 г. № 3587 // Официальный сайт Президента Азербайджанской Республики. URL: <https://president.az/en/articles/view/57883> (дата обращения: 28.02.2026).

Общую исследовательскую рамку задает кейс-стади. Азербайджан рассматривается как показательный постконфликтный случай, позволяющий проследить механизмы перехода от травматического дискурса к триумфальному. Хронологические рамки охватывают период с 2020 по 2025 г. Триангуляция азербайджанских, российских и англоязычных источников позволяет снизить риск односторонней интерпретации и сделать выводы более устойчивыми.

Общество травмы

События Второй карабахской войны 2020 г. в Азербайджане привели к институциональному закреплению в официальном дискурсе наименования «Отечественная война» (азерб. *Vətən müharibəsi*) и самоописанию как «нации/народа/государства-победителя» (азерб. *qalib xalq/millət/dövlət*), возглавляемого «победоносным главнокомандующим» и «лидером-спасителем» (азерб. *müzəffər ali baş komandan, xilaskar lider*) Ильхамом Алиевым. Эти формулы последовательно фиксируются в президентских разделах о войне и поствоенной повестке (*Vətən müharibəsi*)², а также в материалах госинформ агентства «AZERTAC», ИА «Report», официального сайта президента Азербайджанской Республики.

Символизм войны 2020 г. был закреплён и в мемориальном календаре Азербайджанской Республики. 8 ноября, день установления контроля над городом Шуша, объявлен новым общенациональным праздником — Днём Победы³. Выбор этой даты не случаен. Шуша выступает не только стратегически значимым пунктом, но и культурной столицей страны, что было закреплено отдельным указом в 2021 г.⁴ При этом дата подписания соглашения о прекращении войны — 10 ноября — целенаправленно не была избрана как национальный праздник, поскольку совпадает с Днём памяти Мустафы Кемаля Ататюрка в Турции⁵.

В июне 2021 г. президенты Азербайджана и Турции подписали в Шуше Шушинскую декларацию, ставшую ключевым документом, зафиксировавшим стратегический и союзнический характер двустороннего сотрудничества и институционализировавшим «общую победу» как рамку отношений⁶. В 2022 г. по решению Международной организации тюркской культуры (TÜRKSOY)

² Patriotic War (*Vətən müharibəsi*) – тематическая страница-хаб с официальными формулировками, хронологией, речами и материалами о 44-дневной войне и поствоенной повестке на сайте «Президент Азербайджана»

³ *Zəfər Gününün təsis edilməsi* // President.az. 03.12.2020. URL: <https://president.az/az/articles/view/48455> (accessed: 10.11.2025).

⁴ *Şuşa şəhərinin Azərbaycanın mədəniyyət paytaxtı elan edilməsi* // President.az. 07.05.2021. URL: <https://president.az/az/articles/view/51394> (accessed: 10.11.2025).

⁵ Azerbaijan marks 1st anniversary of victory in Patriotic War // Anadolu Agency (AA). URL: <https://www.aa.com.tr/en/azerbaijan-front-line/azerbaijan-marks-1st-anniversary-of-victory-in-patriotic-war/2414996> (accessed: 10.11.2025).

⁶ *Azərbaycan Respublikası ilə Türkiyə Respublikası arasında müttəfiqlik münasibətləri haqqında Şuşa Bəyannaməsi* // President.az. 15.06.2021. URL: <https://president.az/az/articles/view/52122> (accessed: 28.02.2026).

Шуша была объявлена культурной столицей тюркского мира 2023 г.⁷, а в 2024 г. — культурной столицей исламского мира в формате ИСЕСКО. Тем самым Азербайджан закрепил Шушу не только в символическом пространстве национальной территории, но и в более широком религиозно-культурном поле тюркского и исламского мира⁸.

Проведенные в Шуше культурные мероприятия подтвердили стремление Баку придать городу статус главного символа «возвращенных территорий». Все они носили подчеркнуто символический характер, формируя образ Шуши как центра новой азербайджанской памяти. Важнейшим из них стал VI Международный фольклорный фестиваль «Хары-бюльбюль»⁹, само название которого отсылает к национальному символу — цветку, связанному с памятью о погибших во Второй карабахской войне, а после 2020 г. получившему дополнительную коннотацию воинской победы.

Шуша фактически превратилась в главную «витрину» карабахского региона в составе Азербайджана и стала одной из основных площадок туристического и дипломатического присутствия. С целью укрепления международного признания нового положения дел официальный Баку организовывал многочисленные поездки иностранных делегаций. Показательной стала поездка аккредитованных в Азербайджане послов в июле 2021 г.¹⁰ Хотя в той группе отсутствовали представители США, Франции и России, сам формат подобных визитов работал как инструмент символического подтверждения нового статус-кво. В этом же ряду был воспринят и визит российского посла в Шушу в июле 2022 г.¹¹

Символический центр азербайджанской политики памяти сместился из Баку к «возвращенным территориям», прежде всего к Шуше, которая стала ключевой точкой нарратива о победе и восстановлении исторической справедливости.

Символом окончательного закрепления результатов войны стал военный парад с участием Ильхама Алиева, прошедший 8 ноября 2023 г. в Ханкенди и приуроченный к третьей годовщине победы во Второй карабахской войне¹². В ходе парада демонстрировалась часть захваченной осе-

⁷ Şuşa şəhərinin 2023-cü il üçün “Türk dünyasının mədəniyyət paytaxtı” elan edilməsi ilə bağlı tədbirlər haqqında // President.az. 06.12.2022. URL: <https://president.az/az/articles/view/58115> (accessed: 28.02.2026).

⁸ Şuşada VII “Xarıbülbül” Beynəlxalq Musiqi Festivalının və “Şuşa — İslam dünyasının mədəniyyət paytaxtı 2024” ilinin açılış mərasimi keçirilib // President.az. 11.05.2024. URL: <https://president.az/az/articles/view/65812> (accessed: 28.02.2026).

⁹ Azad Şuşada ilk Xarıbülbül Musiqi Festivalı (o VI «Xarıbülbül» Beynəlxalq Musiqi Festivalı, 9–11.05.2023) // Preslib.az. URL: <https://www.preslib.az/az/historical/page/VrwG9DE> (accessed: 28.02.2026).

¹⁰ Hansı ölkələrin səfirləri Şuşaya gedib? ... // Bizim.Media. 11.07.2021. URL: <https://bizim.media/az/cemiyet/28188/hansi-lkelerin-sefirleri-susaya-gedib-azerbaycanin-dostlarinin-siyahisi/> (accessed: 28.02.2026).

¹¹ Посол России посетил Шушу, кто следующий? // Report.az. 16.07.2022. URL: <https://report.az/ru/analitika/posol-rossii-posetil-shushu-kto-sleduyushij> (дата обращения: 28.02.2026).

¹² Xankəndi şəhərində Vətən müharibəsində əldə edilən Zəfərin üçüncü ildönümünə həsr olunan hərbi parad keçirilib // President.az. 08.11.2023. URL: <https://president.az/az/articles/view/62139> (accessed: 28.02.2026).

нию 2023 г. армянской техники. Однако первым этапом институционализации нового мемориального режима стал Парад Победы в Баку 10 декабря 2020 г., в котором участвовали военнослужащие турецкой армии и лично президент Турции Реджеп Тайип Эрдоган. Этот парад имел не только национальное, но и союзническое значение, поскольку победа была представлена как событие, подтверждающее особую роль турецко-азербайджанского партнерства¹³.

После Второй карабахской войны азербайджанский общественный дискурс приобрел выраженную протурецкую направленность. Уже в ходе боевых действий 2020 г. на улицах азербайджанских городов наряду с национальными флагами широко использовалась турецкая символика, а позднее президент Турции стал регулярным участником крупных официальных мероприятий, связанных с постконфликтным восстановлением¹⁴.

Институционализация турецкого нарратива в политике памяти проявилась и в переименовании одной из центральных улиц Шуши в честь Мустафы Кемала Ататюрка¹⁵. В это же время усилилось публичное освещение азербайджано-турецкого партнерства. Особенно показательны в этом контексте совместные тактические учения «Мустафа Кемаль Ататюрк-2023», проведенные в Карабахе и Нахичевани с участием подразделений вооруженных сил Турции и Азербайджана. Тем самым мемориальная политика соединялась с военной кооперацией и внешнеполитическим сигналом союзнической связанности¹⁶.

Важным этапом в трансформации политики памяти стало переименование в 2021 г. национального праздника. Ежегодно отмечавшийся 18 октября День национальной независимости (или День государственного суверенитета) был преобразован в День восстановления независимости. Иначе говоря, «возвращение» карабахских территорий подается как символическое завершение долгого цикла восстановления суверенитета: 1918 и 1991 гг. выступают основаниями, 2020 — их подтверждением в актуальных границах¹⁷.

Победа 2020 г. стала отправной точкой для формирования нового государственного нарратива развития. В 2022 г. президент Ильхам Алиев утвердил «Первую государственную программу по великому возвращению территорий,

¹³ В Баку начался парад в честь победы в Карабахе с участием Эрдогана // Ведомости. 10.12.2020. URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/news/2020/12/10/850411-v-baku-nachalsya-parad-s-uchastiem-erdogana-v-chest-pobedi-v-voine-za-nagornii-karabah> (дата обращения: 28.02.2026).

¹⁴ На площади Азадлыг в Баку прошел парад, посвященный Победе в Отечественной войне // President.az. 10.12.2020. URL: <https://president.az/ru/articles/view/48788> (accessed: 28.02.2026).

¹⁵ One of Shusha's main streets now named after Ataturk // Report.az. 22.05.2022. URL: <https://report.az/en/domestic-politics/one-of-shusha-s-main-streets-now-named-after-ataturk> (дата обращения: 28.02.2026).

¹⁶ “Mustafa Kamal Atatürk — 2023” birgə taktiki təliminin növbəti mərhələsi icra edilib // AZERTAC. 23.10.2023. URL: https://azertag.az/xeber/mustafa_kamal_ataturk_2023_birge_taktiki_teliminin_novbeti_merhelesi_icra_edilib_video-2798302 (accessed: 28.02.2026).

¹⁷ Закон “Müstəqillik Günü haqqında” Azərbaycan Respublikasının Qanunu (№ 385-VIQ) // e-qanun.az. URL: <https://e-qanun.az/framework/48396> (дата обращения: 28.02.2026).

освобожденных от оккупации Азербайджанской Республики»¹⁸, определившую задачи восстановления Карабаха и репопуляции освобожденных зон¹⁹. В публикациях, связанных с правящей партией «Новый Азербайджан», подчеркивается, что «Азербайджан, ведущее государство региона, свободное от оккупации, в кратчайшие сроки возродит жизнь на освобожденных землях»²⁰.

Данный нарратив усиливает мотив виктимности — длительной оккупации, разрушения и культурных потерь, а также формирует представление о моральном долге государства восстановить Карабах и включить его прошлое в новое национальное будущее. В официальных заявлениях утверждается, что «Армения совершила урбицид, культуроцид и экоцид», а также что «65 мечетей из 67 на ранее оккупированных территориях были разрушены, а оставшиеся использовались как стойла для скота»²¹, — тезисы, закрепляющие представление о сакральном характере восстановления.

Реализация этих установок проявляется в масштабных проектах реставрации объектов культурного наследия. В их числе — восстановление трех мечетей в Шуше (Нижней²² и Верхней²³ мечетей Гевхар-аги и мечети Саатлы²⁴, начатое в 2021 г.), открытие Дома-музея Бюльбюля (август 2021 г.)²⁵, а также реставрация дворцового комплекса Панах Али-хана в Агдаме (октябрь 2022 г.)²⁶.

При этом образ Панах Али-хана имеет особое значение для современной политики памяти. В его правление к Карабаху были присоединены Зангезур,

¹⁸ Распоряжение Президента Азербайджанской Республики об утверждении «Государственной программы по Великому возвращению на освобожденные от оккупации территории Азербайджанской Республики» от 16 ноября 2022 г. № 3587 // Официальный сайт Президента Азербайджанской Республики. URL: <https://president.az/en/articles/view/57883> (дата обращения: 28.02.2026).

¹⁹ Böyük Qayıdış Dövlət Proqramı // ereforms.gov.az. 17.11.2022. URL: <https://ereforms.gov.az/az/media/xeberler/b%C3%B6y%C3%BCk-qay%C4%B1d%C4%B1%C5%9F-dovlet-proqram%C4%B1-499> (accessed: 28.02.2026).

²⁰ Qalib Azərbaycanın müasir inkişaf modeli // Yeni Azərbaycan Partiyası. URL: <https://www.yap.org.az/az/view/news/101309/qalib-azerbaycanin-muasir-inkishaf-modeli> (accessed: 28.02.2026).

²¹ Səmərqənddə Türk Dövlətləri Təşkilatının IX Zirvə Görüşü... // President.az. 11.11.2022. URL: <https://president.az/az/articles/view/57856> (accessed: 28.02.2026).

²² İlham Əliyev Şuşada Aşağı Gövhər Ağa məscidinin bərpadan sonra açılışında iştirak edib // President.az. 05.07.2024. URL: <https://president.az/az/articles/view/66405> (accessed: 28.02.2026).

²³ Yukhari Govhar Agha Mosque opened after reconstruction works carried out by Heydar Aliyev Foundation // President.az. 10.05.2023. URL: <https://president.az/en/articles/view/59691> (accessed: 28.02.2026).

²⁴ Saatli Mosque opened in Shusha after restoration work carried out by Heydar Aliyev Foundation // President.az. 10.05.2023. URL: <https://president.az/en/articles/view/59692> (accessed: 28.02.2026).

²⁵ İlham Aliyev and President Aleksandr Lukashenko visited Shusha // President.az 17.05.2024. (в тексте прямо указано, что музей вновь открылся 29.08.2021). URL: <https://president.az/en/articles/view/65873> (accessed: 28.02.2026).

²⁶ İlham Aliyev and First Lady Mehriban Aliyeva got acquainted with works to be done in the Palace of Panahali Khan and Imarat Complex // President.az. 04.10.2022. URL: <https://president.az/en/articles/view/57476> (accessed: 28.02.2026).

Гянджа, Нахичевань, Эривань и Ардебиль, а власть армянских меликов Нагорного Карабаха была упразднена. В современных интерпретациях прослеживается аллюзия между его политикой централизации и современной политической «воссоединения» территорий, проводимой Ильхамом Алиевым²⁷.

После деокупации национально значимых территорий Азербайджан предпринимает шаги к формированию режима «оккупации памяти», конструируя мемориальное пространство, объединяющее мотивы оккупации и победы. В 2020 г. был издан указ президента о создании в Баку Мемориального комплекса Отечественной войны и Музея Победы²⁸. В апреле 2021 г. в столице открылся Парк военных трофеев²⁹, где экспонируется захваченная армянская техника, а также представлена хронологическая ретроспектива конфликта. Отдельный символизм приобрел стенд из армянских автомобильных номеров, снятых с машин, оставленных на территориях и перешедших под контроль Азербайджана, — жест, представленный как ответ на аналогичную «стену номеров» в Кельбаджаре 1990-х гг.³⁰ В планируемых Музеях оккупации и победы в Агдаме предусмотрено использование камня разрушенных зданий для создания символического арочного ограждения, «наглядно демонстрирующего восстановление жизни на освобожденной земле» и служащего «напоминанием для будущих поколений»³¹.

Наконец, важнейшим направлением государственной политики памяти становится «азербайджанизация» карабахского пространства. Этот процесс включает возвращение азербайджанских топонимов и замену табличек (Шуши — Шуша³², Акн — Агдам и др.), а также активное использование в урбанонимике наименований, связанных с Гейдаром Алиевым как «общенациональным лидером азербайджанского народа», со словами «Победа» (азерб. *qələbə, zəfər*) и с ключевыми датами мемориального календаря, прежде всего 8 ноября. В публичных церемониях и медийных мероприятиях подчеркивается персональная роль Ильхама Алиева в «возвращении» территорий, а также заметно участие

²⁷ İlham Aliyev attended inauguration of İmarat Complex in Ağdam following its restoration // President.az. 19.09.2024. URL: <https://president.az/en/articles/view/66866> (дата обращения: 28.02.2026).

²⁸ Bakı şəhərində Vətən müharibəsi memorial kompleksinin və Zəfər muzeyinin yaradılması haqqında // President.az. URL: <https://president.az/az/articles/view/48457> (accessed: 28.02.2026).

²⁹ «İlham Əliyev Bakıda Hərbi Qənimətlər Parkının açılışında iştirak edib» // President.az. URL: <https://president.az/az/articles/view/51067> (accessed: 28.02.2026).

³⁰ Как выглядит азербайджанский Парк военных трофеев. Фоторепортаж // РБК. 12.04.2021. URL: <https://www.rbc.ru/photoreport/12/04/2021/60743d399a79471636eff14e> (accessed: 28.02.2026).

³¹ V Ağdam will have Victory Museum and open-air Occupation Museum — UPDATED (video) / В Агдаме будут созданы Музей Победы и Музей оккупации под открытым небом (обновлено, видео) // AZERTAC. 28.05.2021. URL: https://azertag.az/ru/xeber/v_agdame_budut_sozdany_muzei_pobedy_i_muzei_okkupacii_pod_otkrytyy_nebom_obnovleno_video-1792603 (accessed: 28.02.2026).

³² Qarabağ iqtisadi rayonu (внутри хроники: «Şuşada Heydər Əliyev və 8 Noyabr küçələrinin kəsişməsində lövhələrin açılışı olub» и др.) // Preslib.az (PDF). URL: <https://files.preslib.az/projects/regions/r4/c4.pdf> (accessed: 28.02.2026).

членов его семьи, что придает мемориальной политике персонифицированный и династический характер³³.

Исторический контекст этого нарратива дополнительно укореняется через апелляции к периоду АДР как «первому опыту европейской модели национального государства на Востоке» и к событиям 1920 г. как к «советской оккупации», что активно обсуждается в академическом и общественном поле [Balayev 2022].

Общество победы

Празднование пятой годовщины Дня Победы 8 ноября 2025 г. в Баку³⁴ стало кульминацией политики памяти Азербайджанской Республики, в рамках которой официальная интерпретация событий Второй карабахской войны 2020 г. закреплена как устойчивый символ национальной идентичности, государственного суверенитета и цивилизационного самоопределения. Если в первые послевоенные годы в официальной риторике еще сохранялись мотивы утраты, разрушения и восстановления, то к пятилетнему рубежу на первый план окончательно вышел нарратив победы, суверенитета и исторической правоты государства. Тем самым переход от общества травмы к обществу победы получил завершенную ритуально-институциональную форму.

Парад на площади Азадлыг в Баку выступил не только как государственный ритуал, но одновременно как инструмент репрезентации структурированной мемориальной повестки. В нем приняли участие все основные компоненты силового аппарата³⁵. Демонстрация новых систем вооружений, включая беспилотные барражирующие боеприпасы SkyStriker Block 4, надводный дрон-камикадзе «Кайра», мобильные комплексы противодействия воздушным целям Viking, высокоточный ракетный комплекс Predator Hawk, крылатый ракетный комплекс I se Breaker, а также обновленные образцы бронетехники и авиации, превратила парад в медиальный формат политики памяти, где технологическая модернизация соотнесена с нарративом исторической справедливости, военного превосходства и постконфликтного укрепления суверенитета³⁶.

Присутствие на трибуне президента Турции Реджепа Тайипа Эрдогана и премьер-министра Пакистана Шахбаза Шарифа, а также участие в параде пакистанских многоцелевых истребителей JF-17 Thunder³⁷ и турецких подраз-

³³ İlham Əliyev Bakıda Zəfər parkının açılışında iştirak edib // President.az. 08.11.2024. URL: <https://president.az/az/articles/view/67241> (accessed: 28.02.2026).

³⁴ Aliyev commemorates 5th anniversary of Karabakh victory with military parade in Baku // Anadolu Agency. URL: <https://www.aa.com.tr/en/asia-pacific/aliyev-commemorates-5th-anniversary-of-karabakh-victory-with-military-parade-in-baku/3738520> (accessed: 28.02.2026).

³⁵ Military Parade dedicated to the fifth anniversary of Victory in Patriotic War was held in Baku // President.az. 08.11.2025. URL: <https://president.az/en/articles/view/70546> (accessed: 28.02.2026).

³⁶ Baku hosted military parade marking 5th anniversary of victory in Patriotic War // AzerNews. az. 08.11.2025. URL: <https://www.azernews.az/nation/249955.html> (accessed: 28.02.2026).

³⁷ Pakistani troops, JF-17 jets to participate in Azerbaijan's Victory Day parade: Tarar // The Express Tribune. 08.11.2025. URL: <https://tribune.com.pk/story/2576485/pakistani-troops-jf-17-jets-to-participate-in-azerbajans-victory-day-parade-tarar> (accessed: 28.02.2026).

делений придали мероприятию наднациональное измерение. Триадная конфигурация «Азербайджан — Турция — Пакистан» была визуализирована как символическое подтверждение многоуровневой солидарности, в которой победа Азербайджана представляется не только национальным, но и коллективным достижением союзных государств³⁸. В этой логике коммеморативная практика непосредственно интегрируется во внешнеполитическое позиционирование, а мемориальный ритуал становится платформой артикуляции регионального военно-политического блока.

В ходе торжеств была подчеркнута необратимость сложившегося статус-кво. В публичных выступлениях Ильхама Алиева была зафиксирована формула постоянного присутствия азербайджанского флага на «освобожденных территориях», что утверждает интерпретацию Карабаха как окончательно интегрированного пространства и норму памяти, исключающую возможность пересмотра территориального результата войны³⁹.

Празднование пятой годовщины Победы выступает апогеем концепции «деокупации памяти», когда символические коды войны и победы институционализируются в серии ритуалов: военные парады, участие союзных лидеров, демонстрация современных вооружений, сакрализация конкретных дат и пространств (Шуша, Ханкенди, площадь Азадлыг) формируют целостное мемориальное поле.

Внешнеполитическое измерение юбилея также было встроено в логику политики памяти. Переговоры Алиева с Эрдоганом и Шарифом на полях торжеств демонстрировали, что коммеморативные практики используются как ресурс для артикуляции расширенной региональной архитектуры безопасности и сотрудничества. Присутствие руководителей и высокопоставленных представителей оборонных ведомств ряда стран закрепляло восприятие азербайджанской победы как символа более широкой политической и военно-стратегической конфигурации⁴⁰.

Подъем государственного флага Азербайджана на площади Bowling Green в Нью-Йорке в контексте памятных дат, связанных с независимостью и государственностью, дополнял общую стратегию вынесения азербайджанских мемориальных символов в глобальное публичное пространство⁴¹. Такой жест можно рассматривать как элемент дипломатической визуализации памяти, в котором

³⁸ Cumhurbaşkanı Erdoğan Azerbaycan'da: Karabağ Zaferi Türk dünyası için gurur // Yeni Şafak. 08.11.2025. URL: <https://www.yenisafak.com/gundem/cumhurbaskani-erdogan-azerbaycanda-karabag-zaferi-turk-dunyasi-icin-gurur-4766693> (accessed: 28.02.2026).

³⁹ Aliyev commemorates 5th anniversary of Karabakh victory with military parade in Baku // Anadolu Agency. 08.11.2025. URL: <https://www.aa.com.tr/en/asia-pacific/aliyev-commemorates-5th-anniversary-of-karabakh-victory-with-military-parade-in-baku/3738520> (accessed: 28.02.2026).

⁴⁰ Top defense officials of several countries attend military parade in Baku // Report.az. 08.11.2025. URL: <https://report.az/en/military/top-defense-officials-of-several-countries-attend-military-parade-in-baku> (accessed: 28.02.2026).

⁴¹ Azərbaycan bayrağı Nyu-Yorkun məşhur küçəsində ucaldılıb // Azərbaycan24. 19.10.2022. URL: <https://www.azerbaycan24.com/azerbaycan-bayragi-nyu-yorkun-meshur-kucesinde-ucaldilib/> (accessed: 28.02.2026).

национальный нарратив получает дополнительную символическую видимость за пределами страны.

Таким образом, к 2025 г. память о войне была окончательно переведена из регистра пережитой травмы в регистр нормативной победы. Если в первые послевоенные годы государство конструировало образ утраченного и возвращаемого пространства, то к пятилетию Победы оно уже закрепляло образ окончательно восстановленного и политически нормализованного порядка.

Выводы

Проведенный анализ позволяет утверждать, что в 2020–2025 гг. в Азербайджане сложился новый мемориальный режим, в рамках которого память о карабахском конфликте была последовательно переведена из регистра травмы в регистр победы. Дискурс-анализ официальной риторики, институциональный анализ, исследование топонимических изменений и визуальных репрезентаций показали, что речь идет не о наборе отдельных символических акций, а о системно организованной политике памяти.

Применение концепции «оккупированной памяти» в качестве аналитической рамки показало ее продуктивность применительно к азербайджанскому кейсу. На эмпирическом материале подтвердились основные признаки такого режима: монополизация нарратива, формализация памяти в институтах, символическое маркирование пространства и регулярное воспроизводство памяти через ритуалы. В совокупности они обеспечивают устойчивость единой версии прошлого и сужают пространство для альтернативных интерпретаций.

Ключевым механизмом этого режима выступает соединение символического и силового измерений. Военные парады, музейные комплексы, новая топонимика, сакрализация Шуши и участие союзных лидеров формируют общий визуально-политический код, в котором победа представляется как окончательная, исторически оправданная и не подлежащая пересмотру.

Не менее важно и внешнеполитическое измерение памяти. Коммеморативные практики в Азербайджане не только выполняют внутреннюю консолидирующую функцию, но и служат инструментом международного позиционирования государства-победителя. В этом смысле память становится ресурсом дипломатической визуализации и символической легитимации.

Таким образом, на примере Азербайджана концепт «оккупированной памяти» раскрывается не как метафорическое обозначение постконфликтного состояния, а как рабочая категория для анализа устойчивого мемориального режима, который соединяет внутреннюю мобилизацию, политическую легитимацию и внешнюю проекцию государственной субъектности.

Поступила в редакцию / Received: 27.11.2025

Доработана после рецензирования / Revised: 12.02.2026

Принята к публикации / Accepted: 15.03.2026

Библиографический список

- Кринко Е.Ф. Советское прошлое в мемориальной культуре Азербайджана: от отрицания к использованию // Новое прошлое / The New Past. 2023. №3. С. 173–187. <https://doi.org/10.18522/2500-3224-2023-3-173-187>
- Федорова М.М., Романова А.П. Особенности политики памяти в Каспийском регионе: азербайджанский кейс // *Galactica Media: Journal of Media Studies*. 2024. Vol. 6, No. 4. С. 454–477. <https://doi.org/10.46539/gmd.v6i4.595>
- Arnold S. *Occupied Memory: State Power and Collective Remembrance in Post-Conflict Societies*. Berlin: De Gruyter, 2018. 136 p.
- Balayev A.H. *Azərbaycan Cümhuriyyətinin doğuşu: 1917-1918-ci illər milli mücadiləsi* / A.H. Balayev.- Bakı: JekoPrint, 2022. 368 s.
- Lentin R. *Traces of Racial Exception: Racializing Israeli Settler Colonialism*. London: Bloomsbury Academic, 2018. 236 p.
- Masalha N. *Expulsion of the Palestinians: The Concept of “Transfer” in Zionist Political Thought, 1882–1948*. Washington, DC: Institute for Palestine Studies, 1992. 272 p.
- Masalha N. *The Palestine Nakba: Decolonising History, Narrating the Subaltern, Reclaiming Memory*. London: Zed Books, 2012. 288 p.
- Pappe I. *The Ethnic Cleansing of Palestine*. London: Oneworld, 2006. 320 p.
- Pappe I. *The Idea of Israel: A History of Power and Knowledge*. London: Verso, 2014. 336 p.
- Traverso E. *Left-Wing Melancholia: Marxism, History, and Memory*. New York: Columbia University Press, 2016. 296 p.
- van Dijk T.A. Principles of Critical Discourse Analysis // *Discourse & Society*. 1993. Vol. 4 (2). P. 249–283. <https://doi.org/10.1177/0957926593004002006> EDN: JRJXUB.
- Veracini L. *The Settler Colonial Present*. – Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2015. 224 p.

References

- Arnold, S. (2018). *Occupied memory: state power and collective remembrance in post-conflict societies*. De Gruyter.
- Balayev, A.H. (2022). *Azərbaycan Cümhuriyyətinin doğuşu: 1917–1918-ci illər milli mücadiləsi*. JekoPrint.
- Fedorova, M.M., & Romanova, A.P. (2024). Features of memory politics in the Caspian region: The Azerbaijani case. *Galactica Media: Journal of Media Studies*, 6(4), 454–477. <https://doi.org/10.46539/gmd.v6i4.595>
- Krinko, E.F. (2023). Soviet past in the memorial culture of Azerbaijan: From denial to instrumentalization. *Novoe Proshloe / The New Past*, (3), 173–187. <https://doi.org/10.18522/2500-3224-2023-3-173-187>
- Lentin, R. (2018). *Traces of racial exception: racializing Israeli settler colonialism*. Bloomsbury Academic.
- Masalha, N. (1992). *Expulsion of the Palestinians: The concept of “transfer” in Zionist political thought, 1882–1948*. Institute for Palestine Studies.
- Masalha, N. (2012). *The Palestine nakba: Decolonising history, narrating the subaltern, reclaiming memory*. Zed Books.
- Pappe, I. (2006). *The ethnic cleansing of Palestine*. Oneworld.
- Pappe, I. (2014). *The idea of Israel: A history of power and knowledge*. Verso.
- Traverso, E. (2016). *Left-wing melancholia: Marxism, history, and memory*. Columbia University Press.
- van Dijk, T.A. (1993). Principles of critical discourse analysis. *Discourse & Society*, 4(2), 249–283. <https://doi.org/10.1177/0957926593004002006> EDN: JRJXUB.
- Veracini, L. (2015). *The settler colonial present*. Palgrave Macmillan.

Сведения об авторе:

Горюшина Евгения Михайловна — кандидат политических наук, ведущий научный сотрудник, руководитель сектора кавказских исследований, Институт Китая и современной Азии РАН, Москва, Российская Федерация (e-mail: goryushina@iccaras.ru); (ORCID: 0000-0003-1800-9890)

About the author:

Evgeniya M. Goryushina — PhD in Political Science, Lead Researcher, Head of the Caucasus Studies Sector, Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation (e-mail: goryushina@iccaras.ru); (ORCID: 0000-0003-1800-9890)

DOI: 10.22363/2313-1438-2026-28-2-472-483

EDN: VDAYIE

Research article / Научная статья

The Serbian State and Church: Competing Narratives of Memory on the NATO Aggression Against Yugoslavia

Nemanja Stepanov

National Research University “Higher School of Economics”, Moscow, Russian Federation

✉ n.stepanov@hse.ru

Abstract. The 1999 NATO aggression on Yugoslavia represents a major trauma in modern Serbian society. This article examines the public narratives and commemorative practices surrounding this event employed by the Serbian state governments and the Serbian Orthodox Church (SOC), tracing their evolution from the conflict’s end until 2024, with a focus on the years between 2015 and 2024. In the early 2000s, a clear divergence emerged. Post-2000 governments, focused on integration into Western-dominated institutions, like the European Union, downplayed and sidelined the remembrance of the NATO aggression. Conversely, the SOC consistently upheld a narrative of injustice and victimhood. After 2015, the Serbian government began adopting a more assertive commemorative policy. The state narrative became increasingly complex, oscillating between calls for reconciliation and outright defiance. Throughout this period, the SOC’s discourse remained steadfast, emphasizing victimhood and heroic sacrifice. Ultimately, the state’s narrative has converged with the Church’s, forming a symbiotic relationship. This partnership combines the state’s organizational power with the public trust enjoyed by the Church, particularly among younger generations, skeptical of government officials. This relationship has made the narrative of victimhood increasingly prominent within Serbian public consciousness.

Keywords: Serbia, Yugoslavia, Serbian Orthodox Church, NATO, narratives of memory

Acknowledgements. The author utilized AI tools for linguistic refinement and increasing the readability of the text.

Conflicts of interest. The author declares no conflicts of interest.

For citation: Stepanov, N. (2026). The Serbian State and Church: Competing narratives of memory on the NATO aggression against Yugoslavia. *RUDN Journal of Political Science*, 28(2), 472–483. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2026-28-2-472-483> EDN: VDAYIE

© Stepanov N., 2026

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Сербское государство и церковь: конкурирующие нарративы памяти об агрессии НАТО против Югославии

Н. Степанов

Национальный исследовательский университет “Высшая школа экономики”, Москва,
Российская Федерация

✉ n.stepanov@hse.ru

Аннотация. Агрессия НАТО против Югославии в 1999 г. стала серьезной травмой для современного сербского общества. В работе рассматриваются публичные заявления и практики коммеморации, связанные с этим событием, используемые сербскими государственными органами и Сербской православной церковью (СПЦ), прослеживается их эволюция с момента окончания конфликта до 2024 г., с акцентом на период с 2015 по 2024 г. В начале 2000-х гг. наметилось явное расхождение дискурсов. После 2000 г. правительства, сосредоточившиеся на интеграции в институты, в которых доминировали западные страны, такие как Европейский союз, преуменьшили значение агрессии НАТО и отодвинули ее на второй план. И наоборот, Сербская православная церковь последовательно отстаивала идею несправедливости и жертвенности. После 2015 г. сербское правительство начало проводить более жесткую политику в отношении памятных дат. Государственная политика становилась все более сложной, колеблясь между призывами к примирению и открытым неповиновением. На протяжении всего этого периода дискурс СПЦ оставался неизменным, подчеркивая роль героического самопожертвования. В конечном счете позиция государства совпала с позицией Церкви, сформировав симбиотические отношения. Это партнерство сочетает в себе организационную мощь государства с общественным доверием, которым пользуется Церковь, особенно среди молодого поколения, скептически относящегося к государственной бюрократии. Благодаря этим отношениям в сербском общественном сознании все более отчетливо проявился образ жертвы.

Ключевые слова: Сербия, Югославия, Сербская православная церковь, НАТО, нарративы памяти

Благодарности. Автор использовал инструменты ИИ для лингвистической правки и повышения читаемости текста.

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: *Stepanov N. The Serbian State and Church: Competing narratives of memory on the NATO aggression against Yugoslavia // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2026. Т. 28. № 2. С. 472–483. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2026-28-2-472-483> EDN: VDAYIE*

Introduction

The narratives of the Serbian Orthodox Church (SOC) and the Serbian government have not always been aligned. Following the political change in 2000, a clear divergence emerged. The new governments were focused on integration into Western-dominated institutions like the European Union. Consequently, they

downplayed the memory of the 1999 NATO aggression,¹ frequently attempted to sideline public reminders of the event, and sometimes attempted to shift the blame onto the former socialist government of Yugoslavia. However, such a significant event is not easily ignored. Throughout this period, the Serbian Orthodox Church consistently found ways to remind the population, upholding a narrative of injustice and victimhood.

After 2015, the Serbian government began to change its narrative, crafting a more assertive commemorative policy. This article demonstrates how the state's narrative has since evolved, oscillating between calls for forgiveness and reconciliation and short, but clear, outbursts of defiance. In contrast, the discourse of the SOC remained more consistent, continually emphasizing victimhood and heroic sacrifice.

In conclusion, the state's narrative has converged with that of the Church. The result is a symbiotic relationship that combines the state's organizational power with the high level of public trust enjoyed by the Church, particularly among younger generations who are the least likely to trust government officials.

The Serbian Orthodox Church (SOC) is a religious organization that is well known as a protector of Serbian identity and spirituality [Tsibizova 2024]. Yet in many works by foreign authors, it is portrayed as a tool of either the Russian Federation, or the Serbian government. In his 2020 study, Mitic analysed 20 analytical centres and noted that the SOC is frequently characterized as “an agent of Russia” [Mitić 2020: 158]. This perspective can be exemplified in texts published a year earlier, such as those from the Carnegie Endowment for International Peace² [Stronski, Himes 2019] and the German Marshall Fund of the United States³ [Metodieva 2019]. The actions of the Serbian Orthodox Church can be more readily explained by the fact that its narrative, which is critical of NATO, aligns with that of other entities, such as the Russian government and the Russian Orthodox Church, with which the SOC has maintained traditionally strong relations for centuries. The author does not believe this proves the SOC is a “foreign agent”, but rather that its views simply coincide with those of certain organizations beyond Serbia's borders.

On the other hand, while the ideal of a church-state “symphony”, as discussed by authors like Morozova [Morozova et al. 2022: 680], does influence the SOC, the Church does not always act in accordance with the Serbian government's interests. This was also the case more recently in the case of Serbia. For example, in the last

¹ NATO operation “Allied Force” against Yugoslavia is classified as an aggression in accordance with UN definition of the term, written in article 1 of resolution 3314 (XXIX). The resolution can be accessed on the website of the electronic library of UN in several languages. Retrieved May 20, 2025, from https://digitallibrary.un.org/record/190983/files/A_%20RES_3314%28XXIX%29-RU.pdf?ln=ru

² The Ministry of Justice of the Russian Federation has added the Carnegie Endowment for International Peace (foreign agent) to the register of undesirable organizations (Министерство юстиции РФ внесло «Фонд Карнеги за международный мир» (иноагент) в реестр нежелательных организаций).

³ The Ministry of Justice of the Russian Federation has added German Marshall Fund of the United States to the register of undesirable organizations (Министерство юстиции РФ внесло Германский фонд Маршалла Соединенных Штатов (иноагент) в реестр нежелательных организаций).

decade of the 20th century, the SOC has not always supported the government.⁴ In fact, during the first several years of the 21st century, the Church's narrative of the NATO aggression often outright contradicted the state's actions. And, unlike most state institutions and the political officials, the SOC has been among the top two institutions most trusted by the citizens of Serbia.⁵ These trends continued after 2015. And, what is even more interesting, Serbians under the age of 30, who are a demographic traditionally distrustful of government officials and institutions, consistently place more trust (or the least mistrust) in the SOC than in all government institutions, excluding the army. According to the research conducted by a youth organization KOMS (National Youth Council of Serbia), one of the few organizations in Serbia to have conducted these polls annually since 2017, the SOC has consistently maintained this position since 2020 [Stojanović, Ivković 2021: 114], which can also be seen in their reports in 2022⁶ and 2024.⁷ Another interesting finding is that, since he was included in the poll in 2021 as an individual, the Patriarch of the Serbian Orthodox Church has consistently been the most trusted figure (or the least mistrusted figure), ranking higher than any high-ranking Serbian state official on the list⁸.

This article analyses the narrative of senior Serbian government officials and Serbian Orthodox Church representatives, alongside their commemorative actions of the NATO aggression against Yugoslavia. Focus of the article will be on the period between 2015 and 2024, as the research of the previous period is already available. Our study will draw upon relevant works and public speeches delivered by these officials during commemorative events, prioritizing sources from official state and Serbian Orthodox Church channels. However, media reports will also be used when official sources are unavailable, or when the media provides a more detailed information. As our goal is to show evolution of the narrative of the SOC and the governments of Republic of Serbia, we will mention the period between 2000 and 2014, but focus will be on key changes in narrative and commemorations from 2015 to 2024. We will conclude that the Serbian Orthodox Church, while at first the only major organization with the narrative of victimhood and injustice inflicted by NATO, mostly kept promoting this view. The state, however, slowly changed it's narrative, especially

⁴ Watson, Paul. Serbian Orthodox Church Issues Formal Call for Milosevic to Quit, *Los Angeles Times*, 12. 08. 1999. Retrieved May 20, 2025, from <https://www.latimes.com/archives/la-xpm-1999-aug-12-mn-65100-story.html>

⁵ Srbi veruju u vojsku i crkvu. *VestiOnline*. 23.11.2010. Retrieved May 20, 2025, from <https://arhiva.vesti-online.com/Vesti/Srbija/98859/Srbi-veruju-u-vojsku-i-crkvu>

⁶ Stojanović, B., & Ivković, A. (2022). Alternativni izveštaj o položaju i potrebama mladih u Republici Srbiji — 2022. *Krovna organizacija mladih Srbije (KOMS)*. Beograd: Krovna organizacija mladih Srbije — KOMS. Retrieved May, 20, 2025, from <https://koms.rs/wpcontent/uploads/2022/08/Alternativniizves%CC%8Ctajopoloz%CC%8Caju-i-potrebama-mladih-za-2022.-godinu.pdf>

⁷ Stojanović, B., Ivković, A., & Kalićanin, B. (2024). Alternativni izveštaj o položaju i potrebama mladih u Republici Srbiji — 2024. *Krovna organizacija mladih Srbije (KOMS)*. Beograd: Krovna organizacija mladih Srbije — KOMS. Retrieved May, 20, 2025, from https://koms.rs/wp-content/uploads/2024/08/Alternativni_izvestaj_2024.pdf

⁸ Ibid. p. 121.

in the years after 2015. In the end, this lead the two narratives to being at the very least complementary. This, in turn, lead to a previously mentioned symphonic relationship between the Church and State, at least when it comes to remembering this event.

State and Church Narratives on NATO Aggression (2000–2014): Diverging Paths

Right after the NATO aggression in 1999, the government of Serbia lead by the socialists has started commemorating the victims. The state organized a one-year anniversary and constructed memorials across the country. However, after the radical change of government in late 2000, this practice waned due to the new administration's pro-Western policy. Except for the 2005–2008 period, when Prime Minister Vojislav Kostunica was in office, there were no major state-led efforts to commemorate the NATO aggression. Kostunica was one of the few prominent leaders critical of the collective West, which is also cited as a key reason why the government lead by him collapsed in 2008. [Vučković, Petrović 2022: 65] After his term, the subsequent government made few attempts to continue serious commemoration. The only major event was a ten-year anniversary, during which state officials, such as Prime Minister Mirko Cvetkovic, gave speeches that carefully avoided blaming NATO. This trend continued until 2013, with commemorations being carried out primarily by citizen groups, the army, police, and the Serbian Orthodox Church. This was the case despite the presidency of Tomislav Nikolic, which began in 2012. His Serbian Progressive Party (SNS) had joined the government that same year, with its new leader (and next president of Serbia), Aleksandar Vucic, holding the position of First Deputy Prime Minister. Notably, the fifteenth anniversary in 2014 saw no central state ceremony either. Instead, Serbian officials laid flowers at various memorials with only moderate media coverage. During this period, as in years prior, the primary commemorative acts were performed by institutions like the Serbian Orthodox Church, which held religious services and documented the events through its official channels. Despite the lack of a central event, the 2014 commemorations revealed a more deliberate strategy compared to previous years. Unlike earlier practices, state officials travelled to various localities across Serbia that had been directly affected by NATO bombs [Mandić 2016: 463–476].⁹ The same year, a memorial fountain dedicated to Milica Rakic, a three-year-old girl killed by a NATO cluster munition, has been unveiled.¹⁰ This will establish a potent symbol that the Serbian president and other officials would frequently invoke in subsequent state-led commemorations.

During this period, the Serbian Orthodox Church was a principal major actor in commemorating the NATO bombing, consistently organizing memorial services

⁹ Дан сећања на страдале у НАТО агресији. *Official website of the Ministry of defense of Republic of Serbia*, 24.03.2014, Retrieved May 20, 2025, from <https://www.mod.gov.rs/cir/6349/dan-secanja-na-stradale-u-nato-agresiji-6349>

¹⁰ Чалија, Јелена. Спомен-чесма за вечно сећање на Милицу Ракић. *Политика*, 05.09.2014. Retrieved April, 19, 2026, from <https://www.politika.rs/scc/clanak/304319/spomen-cesma-za-vecno-secanje-na-milicu-rakic>

for the victims and documenting these events through its official channels.¹¹ The state's inconsistent commemorative practices reflected a strategic avoidance of narratives critical of NATO, aligning with its pro-EU stance. This created a space for the Serbian Orthodox Church to establish itself as a primary major organization that was reminding the population of what happened, and guarding the narrative of victimhood and Serbian (traditional) heroism. The SOC advanced a consistent counter-narrative that explicitly condemned the collective West's actions as unjust and illegal, while simultaneously glorifying the bravery, heroism and sacrifices made by the Serbian people.

State and Church (2015–2024): Converging Narratives

Beginning in 2015, Serbian governments demonstrated more deliberate attempts to commemorate the NATO aggression and promote a narrative that aligned more closely in tone with that of the Serbian Orthodox Church. This period is marked by a noticeable shift in the rhetoric of government officials, contrasting with the SOC's stable and long-established discourse, which had been critical and opposed to NATO for over fifteen years. This change was formalized when, according to media reports, the Serbian government officially declared March 24th the “Day of Remembrance for the Victims of the NATO Aggression.”¹² The official adoption of the term “aggression” itself signalled the government's shifting intent, as state officials had previously mostly used more neutral terms like “bombing”. This shift was further emphasized by the erection of a monument dedicated to Milica Rakic, and all children killed by the NATO bombs.

Notably, a similar monument had been erected by the socialist government in the year 2000 on the same site, but was removed under unclear circumstances after the fall of the government, and never replaced by subsequent governments, making the new-old monument a powerful act of symbolic restitution.¹³ This move represented a major step by the government, signalling a shift in its commemorative policy. The symbolism was particularly potent, as the narrative of victimhood had long been cultivated by the SOC. Years earlier, a fresco depicting the before mentioned Milica Rakic as a saint had appeared in a monastery of the Serbian Orthodox Church

¹¹ Practically every year, the SOC has reported on the memorial service it held for the victims of NATO, which can be seen in the archives of the official website of SOC: Retrieved May 20, 2025, from <http://arhiva.spc.rs/sr/arhiva.html>

¹² The author has not found any official government document in the electronic databases confirming this. However, since 2015, media, as well as state officials and institutions, are reporting on it as an official commemoration day. Searching for “day of remembrance” and similar phrases in the Serbian language on the official websites of government institutions, the author was able to find an announcements of the commemoration event on the website of the president of Serbia, officially calling it “day of remembrance of victims of NATO aggression” dating back to 2019. Retrieved May 20, 2025, from <https://www.predsednik.rs/pres-centar/najave-obavestenja/najava-za-medije-za-24032019-obelevavanje-dana-secanja-na-stradale-u-nato-agresiji>

¹³ По трећи пут откривен споменик Милици Ракић. *PTC*, 24.09.2015. Retrieved April 19, 2026, from <https://www.rts.rs/vesti/drustvo/2048392/po-treci-put-otkriven-spomениk-milici-rakic.html>

in Bosnia and Herzegovina, and calls for her official canonization had been voiced within the Church as early as 2004.¹⁴ One year later, state representatives have been present on the central Church ceremony, dedicated to the victims of NATO.¹⁵

This, however, was not without precedent. Previous prime ministers, such as Vojislav Kostunica in 2008¹⁶ and Mirko Cvetkovic in 2009,¹⁷ had also attended Serbian Orthodox Church ceremonies while in office. That same year, the government also announced plans to fund a film about the Battle of Kosare, a famous conflict from 1999 hailed for preventing a NATO land invasion. The Ministry of Labour, Employment, Veteran and Social Affairs also stated its intention to fund a monument for the soldiers who died in that battle.¹⁸ In a symbolic move during the following year, the government chose to hold the central commemoration in Leskovac, specifically at the bridge where a civilian train had been struck by two NATO bombs.¹⁹ Prime Minister Aleksandar Vucic used the event to deliver a stark historical comparison, stating that the NATO aggression had been more destructive for Serbia than the Second World War, and calling it “the most brutal aggression in the history of human civilization.” The ceremony included poignant symbolism, such as children holding balloons marked with bullseyes. It was also attended by the Patriarch of the Serbian Orthodox Church and other religious leaders, underscoring the event’s national significance.²⁰

The bullseye symbol itself was deeply resonant, having been used throughout Serbia during the 1999 aggression as an act of defiance, with citizens gathering and displaying it on bridges and town squares. Earlier that same day, President Tomislav Nikolic had inaugurated a memorial dedicated to the mothers and women who contributed to the nation’s defence throughout Serbian history, further framing the commemoration within a long narrative of national resilience.²¹ Prime minister Vucic, together with a mother of a fallen soldier, unveiled a monument dedicated

¹⁴ SPC: *Žrtvu bombardovanja za sveca*. B92. 01.12.2004. Retrieved May 20, 2025, from https://www.b92.net/o/info/vesti/index?nav_id=156970

¹⁵ Грачаница: Парастос жртвама НАТО агресије. *Official archive of the website of the Serbian Orthodox Church*, 25.03.2016, Retrieved May 20, 2025, from http://arhiva.spc.rs/sr/grachanica_parastos_zhrtvama_nato_agresije.html

¹⁶ Обележена осмогодишњица од НАТО бомбардовања CPJ 1999. *Official archive of the website of the Serbian Orthodox Church*, 26.03.2007. Retrieved May 20, 2025, from <http://arhiva.spc.rs/old/Vesti-2007/03/26-03-07-c.html>

¹⁷ Агенције, Србија неће заборавити. *Политика*. 24.03.2009. Retrieved May 20, 2025, from <https://www.politika.rs/scc/clanak/80340/vesti-dana/scsbija-nece-zaboraviti>

¹⁸ Споменик и филм за хероје са Кошара. *Спутник*. 15.06.2016. Retrieved May 20, 2025, from <https://sputnikportal.rs/20160615/Kosare-VojskaSrbije-Spomenik-Film-Kosovo-1106497226.html>

¹⁹ Дан сећања на stradale у НАТО агресији obeležen у Grdelici. *Juzne Vesti*, 24.03.2017. Retrieved May 20, 2025, from <https://www.juznevesti.com/drustvo/dan-secanja-na-stradale-u-nato-agresiji-obeleden-u-grdelici/>

²⁰ Обележавање Дана сећања на жртве НАТО агресије. *Official website of the Ministry of defense of Republic of Serbia*. 24.03.2017. Retrieved May 20, 2025, from <https://www.mod.gov.rs/cir/10810/obelezavanje-dana-secanja-na-zrtve-nato-agresije-10810>

²¹ Откривено спомен-обележје српским мајкама. *Official website of the Ministry of defense of Republic of Serbia*, 24.03.2017. Retrieved May 20, 2025, from <https://www.mod.gov.rs/cir/10813/otkriveno-spomen-obelezje-srpskim-majkama-10813>

to her son, stating that the people of Serbia are obliged to remember the fallen hero and his fellow soldiers who defended the country side by side with him.²² By 2018, the official messaging had shifted. In contrast to the defiant symbolism of previous years, the Serbian president struck a more measured tone. While he described the NATO bombing as a deliberate campaign against both military and civilian targets — a crime that “cannot and should not be forgotten” — he simultaneously emphasized that Serbia’s primary goal was now to preserve the lives and secure the future of its citizens.²³ The 2018 commemoration marked a clear shift in focus, centring on the victims with a notable reduction in the defiant symbolism of previous years. Despite this softer public tone, the state continued to advance its historical narrative through other means; that same year, filming reportedly began on the state-funded film about the Battle of Kosare.²⁴

Government ceremonies, which often included church representatives conducting religious services, maintained their focus on civilian casualties (particularly children), as well as the soldiers and police who defended the country. Next year, in 2019, the rhetoric had softened further. At the central commemoration event, the Patriarch framed the 1999 bombing as a profound tragedy made worse by the fact it was perpetrated by “former allies and friends.” Echoing this conciliatory tone, the Serbian president stated that while Serbia would not forget the victims, it was now “ready for reconciliation.”²⁵ The Serbian Orthodox Church’s commemorative approach, rooted in Christian teachings, has consistently emphasized the victims and heroic defenders while outlining the injustice of the NATO aggression. This focus appears to have influenced the state’s strategy following the highly symbolic defiance of the 2017 commemoration. The government’s subsequent shift toward a victim-centered narrative can be seen as a strategic move to avoid directly provoking NATO member states, which is pragmatic given Serbia’s unchanged formal goal of joining the European Union, an organization whose membership overwhelmingly overlaps with NATO.

In 2020, the COVID-19 pandemic led to restrictive measures, resulting in shorter, smaller-scale commemorations. This primarily involved government

²² Откривен споменик Тибору Церни хероју са Кошара. *Политика*. 14.06.2017. Retrieved May 20, 2025, from <https://www.politika.rs/scc/clanak/382877/otkriven-spomenik-tiboru-cerni-heroju-sa-kosara>

²³ Вучић на церемонији у Алексинцу: Хоћемо од непријатеља да postanemo пријатељи, само нас не терајте да заборавимо; Додик: Српски народ никада неће опростити НАТО бомбардовање. НСПМ. 24.03.2018. Retrieved May 20, 2025, from <http://www.nspm.rs/hronika/vucic-na-ceremoniji-u-aleksincu-povodom-godisnjice-nato-bombardovanja-hocemo-od-neprijatelja-da-postanemo-prijatelji-samo-nas-ne-terajte-da-zaboravimo-dodik-nato-je-smatrao-vrhuncem-dostignuca-da-nam-nanese-gubitke.html?alphabet=c#yvComment193962>

²⁴ Снима се филм о биткама на Кошарама и Паштрику. *РТВ*. 06.07.2018. Retrieved May 20, 2025, from https://www.rtv.rs/sr_ci/drustvo/snima-se-film-o-bitkama-na-kosarama-i-pastriku_932681.html

²⁵ Сирене и мрак — centralna manifestacija Dana сећања на stradale у НАТО бомбардовању: Spremni на жртву, али и на помirenje. *Insajder*. 24.03.2019. Retrieved April 19, 2026, from <https://www.insajder.net/najvaznije-vesti/sirene-i-mrak-centralna-manifestacija-dana-secanja-na-stradale-u-nato-bombardovanju-spremni-na-zrtvu-ali-i-na-pomirenje>

officials laying wreaths at memorials across Serbia. Despite the scaled-back events, President Vucic still addressed the nation. In his speech, he reiterated that NATO had committed a crime, but notably added that the Serbian people have also “learned from their own mistakes,” continuing the more conciliatory yet resilient tone of recent years.²⁶ Simultaneously, the state signalled its enduring commitment to the previous narrative, by unveiling a major monument to the “Heroes of Kosare” in a prominent Belgrade park, etching the names of all 108 fallen soldiers into the capital’s memory.²⁷

The Serbian Orthodox Church continued its annual religious ceremonies, with the Patriarch’s anniversary speech consistently promoting messages of peace. However, in 2021, he introduced a significant new element by proposing that soldiers killed while defending Serbia in 1999 be included in the Church’s calendar. He specifically singled out for veneration those who perished in the prolonged Battle of Kosare.²⁸ This development made the state of “symphony” between the Serbian government and the Serbian Orthodox Church, at least concerning the narrative of the NATO aggression in 1999, particularly evident in 2021. The government’s commemorations continued the pattern established in 2015, with President Vucic’s central ceremony speech focusing on child victims. However, his rhetoric intensified again; rather than invoking only the symbolic figure of Milica Rakic, he now listed the names of several slain children, personalizing the loss and amplifying the emotional weight of the narrative.²⁹

The following years largely continued the established pattern, with the president’s rhetoric remaining closely aligned with that of the Serbian Orthodox Church. In 2022, President Vucic explicitly recommitted to this path, vowing that Serbia would “support a policy of remembering the NATO aggression” and reiterating that the nation’s duty was “to forgive, but never to forget.” The ceremony itself physically embodied this consensus, being attended by the Patriarch and other high-ranking church officials alongside the Serbian government’s leadership.³⁰ This year, the title of the commemoration was: “We

²⁶ Председник Вучић обратио се нацији поводом 21 године од почетка НАТО агресије. *Official website of the president of Serbia*, 24.03.2020. Retrieved May 20, 2025, from <https://www.predsednik.rs/pres-centar/vesti/predsednik-vucic-obratio-se-naciji-povodom-21-godine-od-pocetka-nato-agresije>

²⁷ Три скулптуре српских војника на савском венцу: Споменик херојима са Кошара, један од новијих симбола Београда. *Official website of the mayor of city of Belgrade*. 21.10.2024. Retrieved April 19, 2026, from <https://www.beograd.rs/cir/zivot-u-beogradu/beogradska-riznica/a87354/Spomenik-herojima-sa-Kosara-jedan-od-novijih-simbola-Beograda.html>

²⁸ Govor Његове Светости Патријарха српског г. Порфирија на академији поводом годишњице НАТО бомбардовања. *Official archive of the website of the Serbian Orthodox Church*. Retrieved May 20, 2025, from http://arhiva.spc.rs/sr/govor_njegove_svetosti_patrijarha_srpskog_g_porfirija_na_akademiji_povodom_godishnjice_nato_bombardo.html

²⁹ Обележавање Дана сећања на страдале у НАТО агресији. *Official website of the president of Republic of Serbia*. 24.03.2021. Retrieved May 20, 2025, from <https://www.predsednik.rs/pres-centar/vesti/obelezavanje-dana-secanja-na-stradale-u-nato-agresiji>

³⁰ Обележавање Дана сећања на страдале у НАТО агресији. *Official website of the president of Republic of Serbia*. 24.03.2022. Retrieved May 20, 2025, from <https://www.predsednik.rs/pres-centar/vesti/obelezavanje-dana-secanja-na-stradale-u-nato-agresiji-30912>

will forgive, if we can. We will forget, only if we are no more.”³¹ It should be noted that this directly contradicted the President’s message of a “duty to forgive.” The Patriarch of the Serbian Orthodox Church, as in previous years, condemned the NATO aggression as an unfair use of force, yet simultaneously called for peace.³² This consolidated trend continued into 2024. At the central memorial ceremony, again attended by the Patriarch of SOC and senior state officials, President Vucic’s rhetoric fused the themes of victimhood and defiance. He explicitly referred to the “villains who killed a child”, which was a clear allusion to NATO, and solemnly declared it Serbia’s duty never to forget its “murdered children and heroes” tying this memory to the Serbian national identity.³³ Notably, the Patriarch was even more restrained than usual, not even mentioning the word “aggression”, but still referring to it as a “Cainian crime.”³⁴

Conclusion

The Serbian Orthodox Church has consistently worked to preserve its narrative of the 1999 NATO aggression against Yugoslavia, regardless of government support. It has done so, at a minimum, by organizing religious services for the victims every year.

Initially, the Serbian government made little effort to commemorate the aggression. This was likely because the new administration, which came to power in 2000, had an official policy of seeking membership in the European Union, as most of the members were overwhelmingly either in NATO or aspired to join. Still, some government figures, such as Prime Minister Vojislav Kostunica, demonstrated symbolic support for the Church’s efforts by increasing publicity through their own attendance and that of their cabinet members. Following the shifts in 2015, this issue gradually returned to the state’s agenda. Official commemorations expanded beyond the mere laying of flowers and wreaths. The government’s rhetoric however often appeared cautious, as if seeking to establish a narrative of NATO aggression without alienating its member states. The state’s “new” approach primarily emphasizes the victims of the airstrikes, particularly children and the members of security forces who died defending the country.

³¹ The author did not find the full speech of the Serbian President on the official websites, nor in online media. Instead, there was only an announcement about the event and an article with photos of the event. Retrieved May 20, 2025, from <https://www.predsednik.rs/pres-centar/galerija/obelezavanje-dana-secanja-na-stradale-u-nato-agresiji-1999-godine-31818>

³² Дан сећања на страдале у НАТО агресији 1999. године. *Official website of the Serbian Orthodox Church*. 24.03.2023. Retrieved May 20, 2025, from <https://spc.rs/sr/news/patrijarh//9084.dan-secanja-na-stradale-u-nato-agresiji-1999-godine.html>

³³ Обележавање Дана сећања на страдале у НАТО агресији 1999 године. *Official website of the president of Republic of Serbia*. 24.03.2024. Retrieved May 20, 2025, from <https://www.predsednik.rs/pres-centar/vesti/obelezavanje-dana-secanja-na-stradale-u-nato-agresiji-1999-godine-32547>

³⁴ Патријарх Порфирије: Сећање на наше страдање јесте настојање да се пројави пуноћа живота у сваком добру и у свакој врлини. *Official website of the Serbian Orthodox Church*. 24.03.2024. Retrieved May 20, 2025, from <https://spc.rs/sr/news/patrijarh//10829.patrijarh-porfirije-secanje-na-nase-stradanje-jeste-nastojanje-da-se-projavi-punoca-zivota-u-svacom-dobru-i-u-svakoј-vrlini.html>

In contrast, the Serbian Orthodox Church has maintained a consistent discourse: It focused on the victims, the injustice suffered, and the heroes who defended Serbia and its people. As the state has gradually introduced and took a leading role in organizing central commemorative events, the SOC has become integrated into them. This reflects a relationship that is much closer to the ideal of a “symphonic” partnership between church and state, than in the years prior to 2015.

Leveraging its superior financial and organizational capacity, the state can promote these commemorations more effectively. Meanwhile, public opinion polls indicate that the Church commands greater trust than the government, especially among younger generations who are sceptical of politicians but express significant confidence in the Patriarch(s) of the Serbian Orthodox Church. Our work suggests that, at least until 2024, this trust has not been significantly diminished by the Church’s participation in state-led events that commemorate NATO aggression. By combining the state’s resources with the trust the population has in the SOC, this narrative of victimhood and injustice gains greater reach and influence, more effectively embedding itself within Serbian public consciousness.

Received / Поступила в редакцию: 24.05.2025

Revised / Доработана после рецензирования: 12.10.2025

Accepted / Принята к публикации: 15.03.2026

References

- Mandić, M. (2016). Official commemoration of the NATO bombing of Serbia: A case study of the fifteenth anniversary. *Südosteuropa: Journal of Politics and Society*, 64(4), 460–481. <https://doi.org/10.1515/soeu-2016-0042>
- Metodieva, A. (2019). Russian narrative proxies in the Western Balkans. German Marshall Fund of the United States. *Policy paper*, (16). Retrieved May, 20, 2025, from <https://www.gmfus.org/sites/default/files/Russian%2520Narrative%2520Proxies%2520in%2520Balkans.pdf>.
- Mitić, A. (2020). Framing Russo-Serbian cooperation as a “Hybrid threat”: A NATO/EU strategic narrative. In B. Stojanović & E.G. Ponomareva (Eds.), *Russia and Serbia in the contemporary world: Bilateral relations, challenges and opportunities*, Institute of International Politics (pp. 149–166). Novi Sad: NS Mala Knjiga+. https://doi.org/10.18485/iipe_ru_sr.2020.ch10
- Morozova, N.M., Kolobova, S.A., Korshunov, D.S., Mitrović, M., & Zhiganova, A.V. (2022). Serbian Orthodox Church and Serbian national identity. In I. Savchenko (Ed.), *Freedom and responsibility in pivotal times* (vol. 125, pp. 675–683). European Publisher. <https://doi.org/10.15405/epsbs.2022.03.81>; EDN: EBXZOD.
- Stojanović, B., & Ivković, A. (2021). *Alternativni izveštaj o položaju i potrebama mladih u Republici Srbiji — 2021*. Krovna organizacija mladih Srbije (KOMS). Beograd: Krovna organizacija mladih Srbije — KOMS. Retrieved May, 20, 2025, from <https://koms.rs/wp-content/uploads/2021/08/Alternativni-izvestaj-o-polozaju-mladih-2021-4.pdf> (*In Serbian*).
- Stronski, P., & Himes, A. (2019). *Russia’s toolkit in the Balkans*. In *Russia’s game in the Balkans*. Carnegie Endowment for International Peace, 5–16. Retrieved May, 20, 2025, from <http://www.jstor.org/stable/resrep20988.6>.
- Tsibizova, I.M. (2024). Serbian Orthodoxy as a Party, Factor and Object of Cultural Wars. *The Bulletin of Irkutsk State University. Series Political Science and Religion Studies*, 48, 94–112. <https://doi.org/10.26516/20733380.2024.48.94> (*In Russian*); EDN: FWBUVN.

Vučković, V., & Petrović, M. (2022). Colliding Western Balkan neighbors: Serbia and Montenegro in post-Yugoslav context — Identity and interest representation. *Contemporary Southeastern Europe*, 9(2), 54–80. <https://doi.org/10.25364/02.9:2022.2.5>

About the author:

Nemanja Stepanov — Analyst of the Center for Mediterranean studies, National Research University Higher School of Economics, Faculty of World Economy and International Affairs, Moscow; Second year PhD student, National Research University Higher School of Economics, Faculty of World Economy and International Affairs, Doctoral School of International Relations and Regional Studies (e-mail: n.stepanov@hse.ru) (ORCID: 0009-0003-3099-0930)

Сведения об авторе:

Степанов Немања — аналитик Центра средиземноморских исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», факультет мировой экономики и международных отношений, Москва; аспирант второго курса Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», факультет мировой экономики и мировой политики, Аспирантская школа по международным отношениям и зарубежным региональным исследованиям (e-mail: stepanov@hse.ru) (ORCID: 0009-0003-3099-0930)

РЕЦЕНЗИИ BOOK REVIEW

DOI: 10.22363/2313-1438-2026-28-2-484-489
EDN: USOMKY

Рецензия / Book review

Историческая память народов Африки: в диалоге с книгой The Politics of Historical Memory and Commemoration in Africa / C. Mark-Thiesen, M. Mihatsch, M. Sikes (eds.). Berlin, Boston : De Gruyter Oldenbourg, 2023. 230 p.

Н.А. Медушевский

Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Российская Федерация

Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

✉ Lucky5659@yandex.ru

Аннотация. Автор ведет диалог с авторами книги *The Politics of Historical Memory and Commemoration in Africa* о том, что значит для молодых африканских обществ обретение собственной исторической памяти вне контекста колониального детерминизма. Диалог построен через обзор данной работы с акцентом на ее ключевых структурных элементах. Так, ключевыми вопросами становятся вопросы деколонизации культуры и истории африканских обществ, поиск интегрированных синтетических форм национального самосознания, оспаривание колониального детерминизма в истории и культуре, конфликт официального подхода к трактовке истории и ее общественного восприятия, потенциальный раскол обществ на основе противоречий в исторической памяти, а также вопрос ностальгии по колониальному прошлому.

Ключевые слова: историческая память, нация, Африка, модернизация, ностальгия, сепаратизм

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Медушевский Н.А. Историческая память народов Африки: в диалоге с книгой *The Politics of Historical Memory and Commemoration in Africa* / C. Mark-Thiesen, M. Mihatsch, M. Sikes (eds.). Berlin, Boston: De Gruyter Oldenbourg, 2023. 230 p. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2026. Т. 28. № 2. С. 484–489. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2026-28-2-484-489> EDN: USOMKY

© Медушевский Н.А., 2026

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

**Historical Memory of African Nations: In Dialogue with book
by Mark-Thiesen, C., Mihatsch, M., & Sikes, M. (Eds.). (2023).
The Politics of Historical Memory and Commemoration in Africa.
Berlin, Boston: De Gruyter Oldenbourg, 230 p.**

Nikolaj Medushevsky

Russian State University for the Humanities, *Moscow, Russian Federation*

RUDN University, Moscow, Russian Federation

✉ Lucky5659@yandex.ru

Abstract. The author engages in a dialogue with the authors of “The Politics of Historical Memory and Commemoration in Africa” about what it means for young African societies to develop their own historical memory outside the context of colonial determinism. The dialogue is structured through a review of this work, emphasizing its key structural elements. Key issues include the decolonization of the culture and history of African societies, the search for integrated, synthetic forms of national identity, challenging colonial determinism in history and culture, the conflict between official approaches to interpreting history and its public perception, the potential for societal division based on contradictions in historical memory, and the question of nostalgia for the colonial past.

Keywords: historical memory, nation, Africa, modernization, nostalgia, separatism

Conflicts of interest. The author declares no conflicts of interest.

For citation: Medushevsky, N.A. (2026). Historical Memory of African Nations: In Dialogue with book by Mark-Thiesen, C., Mihatsch, M., & Sikes, M. (Eds.). (2023). The Politics of Historical Memory and Commemoration in Africa. Berlin, Boston: De Gruyter Oldenbourg, 230 p. *RUDN Journal of Political Science*, 28(2), 484–489. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2026-28-2-484-489> EDN: USOMKY

В первые два десятилетия XXI в. в мире сформировалась выраженная тенденция к утверждению новой глобальной многополярной системы отношений. Хотя ее двигателями выступают, прежде всего, наиболее мощные глобальные игроки, в числе которых Россия, Китай, Индия, Бразилия, ЮАР и Индонезия, Иран, сама тенденция опирается на желание широкого круга развивающихся государств Глобального Юга занять достойное место в системе международных отношений, сохранив при этом собственную культурно-историческую идентичность и обретя возможность влиять на удовлетворяющий их интересы региональный порядок.

Основной проблемой, с которой сталкиваются развивающиеся государства на данном пути, является ограниченный уровень интеграции их национальной идентичности, в XIX–XX вв. находившейся под выраженным влиянием колониального и неоколониального детерминизма. Последний нашел свое выражение в том, что в бывших колониях часто утверждались

европейские языки, христианская религия, правовые, образовательные и политические модели бывших метрополий, что в итоге привело к «размыванию» национальной культурной традиции и ее подмене формами европейской культуры. Кроме того, пострадало и историческое национальное наследие, так как многие объекты культуры присваивались метрополиями как физически (например, экспроприация культурных ценностей), так и духовно (создание доминирующих трактовок форм культурного наследия бывших колоний). В итоге на сегодняшний день многие постколониальные общества «Глобального Юга» столкнулись с вызовом деколонизации собственной истории и концептуализации национальной исторической памяти. Особенно остро данная проблема стоит для государств Африки южнее Сахары. Их общества, в большинстве случаев, подверглись колонизации, не имея собственной комплексной исторической государственности, письменной истории или догматической религии. В итоге европейское колониальное влияние смоделировало их историческую память и в качестве ее основы внедрило принцип колониального детерминизма, что фактически означало невозможность интерпретации национальной культуры и истории без учета их европейской трактовки. Также, уже на современном этапе, оказалось невозможным безусловное возвращение к истокам культуры доколониального периода, так как данный процесс потребовал бы игнорирования европейской культурой детерминации, неразрывно связанной с модернизацией африканских обществ.

Представленный «культурный парадокс» не имеет формализованного решения, и в современной практике все больше политизируется, становясь объектом научных дискуссий. Одна из дискуссий, объединяющая комплекс взглядов современных исследователей, представлена на страницах монографии *The Politics of Historical Memory and Commemoration in Africa* [The Politics... 2023]. В этой коллективной монографии авторы анализируют аспекты исторической памяти и национального, а также этнического самосознания африканских сообществ от Кейптауна до Шарлоттсвилля с опорой на принципы, которыми руководствовался профессор Ян-Георг Дойч в своих исследованиях. В числе таких принципов связь политики и исторической памяти (конструктивистский и инструменталистский подходы), изучение общественного мнения и культурных стереотипов населения с помощью полевых исследований и интервью, а также анализ практик социальной и культурной политики в различных африканских странах.

Авторы констатируют, что практически все африканские общества сегодня пытаются формализовать историческую память и максимально ее деколонизировать. На многочисленных саммитах, площадках ЮНЕСКО и Африканского союза, а также в университетах идут дискуссии о том, как и почему общества помнят и забывают, что должно служить символами коллективной памяти и есть ли место для множественности культур исторической памяти в рамках одной страны, либо требуется создание их сплава в рамках единой национальной идентичности. Опосредованно данные

дискуссии связаны с вопросами нациестроительства в полиэтнических обществах. Эти дискуссии не только служат поиску истины, но и влияют на выработку политических решений в вопросах достижения социальной справедливости, преодоления исторических конфликтов, конструирования национального самосознания, преподавания истории и обучения молодых поколений, трансформации политических систем и включения в них институтов традиционной власти, а также трансформации сотрудничества с бывшими метрополиями.

В книге *The Politics of Historical Memory and Commemoration in Africa* авторы не ставят перед собой задачи поиска универсальных решений, так как, и это очевидно, таких решений не может быть из-за глубоких различий развития различных африканских обществ, для каждого из которых должно быть выработано собственное решение. Скорее, их целью является изучение контекста, так как выработка практических решений даже на уровне отдельных государств должна обеспечиваться глубоким знанием условий обретения исторической памяти и факторов, препятствующих ее интеграции. Кроме того, и в этом, безусловно, новизна данной работы, авторы соотносят уникальные африканские практики с европейскими, а Африка и африканская история рассматриваются с точки зрения исследований памяти как в рамках национальных парадигм, так и в локальных интерпретациях. Основная идея книги заключается в том, что уроки, которые можно извлечь из политики исторической памяти в Африке, будут актуальны для современного мира в целом, так как неразрывно связаны с глобальным процессом переосмысления прошлого. Кроме того, авторы акцентируют внимание именно на политическом потенциале исторической памяти, способной как интегрировать общества, усилив их национальную сплоченность, так и расколоть, породив этнический сепаратизм и сецессию, а также межгосударственные конфликты.

В данном контексте крайне показательна проблематизированная структура книги. Так, первая часть называется «Борьба с наследием и историчностью». Подобный подход к проблеме сверхактуален именно для африканских обществ, где официальная история во многих случаях до сих пор детерминирована колониализмом или, как в случае с ЮАР, апартеидом. В то же время у общества существуют альтернативные, но не интегрированные представления о своем прошлом. Данная дихотомия неизбежно порождает конфликт, в котором может сформироваться новый общий подход к восприятию национального прошлого. Вместе с тем данный конфликт способен расколоть общества по принципу множественности взглядов на корни его происхождения и специфику его развития. Хотя в большинстве случаев данные дискуссии проходят конструктивно, в том числе на полях ЮНЕСКО, многие примеры являются «сложными», что особенно характерно для расколотых обществ. Данный вопрос рассматривается во второй части книги «Политическое поминовение и память» на примерах Кении, Сомали, стран Западной Африки и Алжира. Пример Сомали

представляется как наиболее кризисный, так как в нем историческая память уже превратилась в инструмент легитимации сецессии.

Несмотря на то, что авторы монографии исходят из идеи о том, что африканским обществам следует переосмыслить историческую память, и это важное условие их современного этапа развития, они в то же время отчетливо осознают, что переосмысление не может быть безусловным. Здесь показателен не только вопрос исторической связанности разных этапов развития обществ, включая колониальный, но и вопрос ностальгии, которому посвящен третий раздел монографии «Ностальгия — между социальной связью и социальным порядком». В данном разделе авторы констатируют существование во многих африканских обществах не только негативного, но и позитивного образа колониального прошлого, особенно у городского населения, на котором влияние культуры метрополий отразилось сильнее и продолжает сказываться. Оно, в частности, представлено европейскими программами обучения, европейскими компаниями, товарами престижного потребления и т.д. и часто связано с социальными лифтами, позволяющими африканцам включиться в политические и бизнес-процессы, а также выступать активными участниками информационного пространства, пользуясь, например, западными социальными сетями.

В итоге мы можем констатировать, что книга *The Politics of Historical Memory and Commemoration in Africa* отражает крайне важный современный тренд модернизации африканских обществ и, как и многие другие современные исследования, ставит вопросы о его форме и содержании, а именно: «Каким должно быть национальное африканское государство?»; «В чем суть национальной идеи для конкретных африканских обществ?»; «Как история и знание о ней (или ее незнание) влияет на обретение объективного самосознания?».

Все эти вопросы, безусловно, являются риторическими и могут получить ответ только в практике развития самих африканских обществ. Тем не менее, размышляя и дискутируя об этом сегодня, мы приближаем достижение справедливого «истинно постколониального» порядка, в котором африканская нация это не искусственный конструкт и результат западного инжиниринга, а результат осознанного социального компромисса, учитывающего множественность мнений граждан.

Поступила в редакцию / Received: 10.06.2025

Доработана после рецензирования / Revised: 07.08.2025

Принята к публикации / Accepted: 15.08.2025

Библиографический список

The Politics of Historical Memory and Commemoration in Africa / C. Mark-Thiesen, M. Mihatsch, M. Sikes (eds.). Berlin, Boston : De Gruyter Oldenbourg, 2023. 230 p.

References

Mark-Thiesen, C., Mihatsch, M., & Sikes, M. (Eds.). (2023). *The Politics of Historical Memory and Commemoration in Africa*. Berlin, Boston: De Gruyter Oldenbourg, 230 p.

Сведения об авторе:

Медушевский Николай Андреевич — доктор политических наук, профессор кафедры современного Востока и Африки РГГУ, главный научный сотрудник УМУНЦ прикладной африканистики РГГУ, профессор кафедры сравнительной политологии РУДН (e-mail: Lucky5659@yandex.ru) (ORCID: 0000-0003-0475-6713)

About the author:

Nikolaj A. Medushevsky — Doctor of Political Sciences, Professor of the Department of Modern East and Africa at the Russian State University for the Humanities, Chief Researcher of the UMUNC of Applied African Studies at the Russian State University for the Humanities, Professor of the Department of Comparative Political Science at the RUDN University (e-mail: Lucky5659@yandex.ru) (ORCID: 0000-0003-0475-6713)

ДЛЯ ЗАМЕТОК
